

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 6 том - «Анжелика и ее любовь»

Перевод с фр. К. Северовой
Кн. палата (Москва), 1991г.

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ.](#)

- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  -
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)

- [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ**

Глава 1

Чувство, что за ней исподтишка наблюдают, вывело Анжелику из забытья.

Она рывком приподнялась в поисках Рескатора, того пирата, который вчера велел перенести ее сюда, на полуют, в эти богатые, убранные в восточном стиле апартаменты. Она чувствовала, что он здесь, но никого не видела.

Она находилась в том же самом салоне, где прошлой ночью ее принял Рескатор, когда она прибежала просить его о помощи. После бурных, драматических событий последних дней покойная обстановка этой необычной каюты показалась ей на мгновение удивительным сном. Не будь рядом с нею Онорины, она подумала бы, что все это ей снится, но девочка была тут, она начинала просыпаться и потягивалась, словно котенок.

В полумраке поблескивали золотом едва различимые мебель и безделушки на ней. В воздухе витал какой-то запах, и Анжелика не без волнения узнала аромат, исходивший от Рескатора. Верно, он сохранил эту утонченную привычку с той поры, когда жил на Средиземном море, как сохранил пристрастие к кофе, коврам, шелковым подушкам.

Порыв холодного ветра ворвался в огромное окно, принеся с собой туманную влагу. Анжелике стало зябко. Она заметила, что шнуровка корсажа у нее распушена и обнажает грудь. Это смутило ее. Чья рука расшнуровывала его? Кто склонялся над нею в те минуты, когда она лежала в забытьи? Чьи глаза, возможно даже с тревогой, вглядывались в ее бледное лицо, в ее застывшие черты, в помертвевшие от усталости веки?

Потом, верно, он убедился, что она просто выбилась из сил и уснула, и ушел, распустив корсаж, чтобы ей легче было дышать.

Скорее всего, это был просто знак внимания, но он выдавал человека, привыкшего обращаться с женщинами — со всеми женщинами, каковы бы они ни были, — с любезной непринужденностью, а эта мысль неожиданно вогнала Анжелику в краску. Она с негодованием вскочила и быстро привела себя в порядок.

Зачем он приказал принести ее сюда, почему не оставил с протестантами? Он что, считает ее своей пленницей, предназначенной для его утех, несмотря на презрение, которое выказал ей при встрече?..

— Есть здесь кто-нибудь? — громко спросила она. — Вы здесь,

монсеньор?

Ответом ей были лишь шум моря и всплески волн. Но Онорина тут же проснулась и села, покачиваясь со сна. Анжелика склонилась к дочери и ревнивым движением, порывисто, как всегда, когда ей казалось, что этой хрупкой жизни грозят опасность, взяла ее на руки.

— Иди ко мне, сердечко мое, — прошептала она, — и ничего не бойся. Мы уже в море!

Она подошла к застекленной двери и была очень удивлена, когда дверь без труда отворилась. Выходит, она не пленница...

На палубе было еще светло, но матросы уже зажигали первые фонари. По морю бежала легкая зыбь, и каким-то умиротворенным покоем дышал одинокий в пустынном океане пиратский корабль, словно совсем не он всего несколько часов назад подвергался смертельной опасности. Поистине, прелесть жизни ощущаешь тогда, когда близкая и почти неминуемая смерть пощадила тебя.

Сидевший на корточках около двери человек поднялся, и Анжелика увидела рядом с собой великана-мавра, который прошлой ночью приготовил для нее кофе. На нем был белый шерстяной марокканский бурнус, в руке он держал мушкет с прикладом, отделанным чеканным серебром, — такие она видела некогда у стражи Мулея Исмаила.

— А где мои спутники? — спросила она.

— Идем, — ответил он, — господин приказал мне проводить тебя, когда ты проснешься.

***

Как все корабли, предназначенные для фрахта или морского разбоя, «Голдсборо» не был приспособлен для перевозки пассажиров. Помещения под полубаком, отведенные для команды, были вполне достаточны для этой цели, но не больше. А потому эмигрантов разместили в одном из отсеков нижней, пушечной, палубы, где стояли замаскированные орудия корабля-пирата. Спустившись по небольшому трапу, Анжелика оказалась в кругу своих друзей, которые уже начинали, кто как мог, располагаться среди покрытых полотном пушек. В конце концов, на их бронзовых лафетах вполне можно было пристроить нехитрый скарб.

День еще не совсем угас, но здесь, внизу, уже становилось томно, розоватый свет с трудом пробивался через открытый порт ^[1].

— Сударыня Анжелика! А мы уже и не чаяли увидеть вас...

И сразу посыпались жалобы:

— Здесь совсем темно... Нас заперли, словно пленников... Дети хотят

нить...

В полумраке Анжелика различала их только по голосам. Громче всех звучал голос Абигаель:

— Надо позаботиться о мэтре Берне. Он тяжело ранен.

— Где он? — спросила Анжелика, в душе упрекая себя за то, что совсем забыла о нем.

Ее провели к тому месту, где под открытым портом лежал мэтр Берн.

— Мы открыли порт, ведь раненому нужен свежий воздух, но он все равно до него почти не доходит.

Анжелика опустилась на колени перед раненым. В розоватом свете закатного солнца, которое еще немного освещало темное помещение, она смогла разглядеть лицо Берна и была поражена его бледностью и печатью страдания на нем, хотя Берн был без сознания. Дыхание у него было редкое и тяжелое.

«Он пострадал, защищая меня», — подумала она.

Сейчас в этом крупном мужчине, торговце из Ла-Рошели, который, утратив всю слою респектабельность, обессиленный лежал перед нею с обнаженными крепкими плечами и заросшей темными волосами широкой, словно у грузчика, грудью, было что-то трогательное. Расслабленный сном и болезнью мужчина.

Его спутники, совсем растерявшись, разрезали его запятнанный кровью черный сюртук, а рубашку порвали на бинты. В таком необычном виде он был просто неузнаваем. Между мирным торговцем-гугенотом, сидящим за конторкой над расчетными книгами в своей заваленной товаром лавке, и этим полуобнаженным мужчиной, казалось ей, пролегла глубокая пропасть. У нее вдруг мелькнула мысль, которая удивила ее, настолько она не подобала минуте: «А ведь он мог бы быть моим возлюбленным...»

Неожиданно он показался ей очень близким, уже словно принадлежащим ей, ее беспокойство удвоилось, и она нежно положила свою руку ему на запястье.

— Он так все время и лежит молча, не двигаясь?

— Да. Но его раны не кажутся нам тяжелыми. Ему саблей рассекли кожу на плече и с левой стороны груди. Раны немного кровоточат.

— Надо что-то делать...

— А что делать? — послышался злой голос доктора Альбера Парри.
— У меня нет ни слабительного, ни клистира, и аптекаря поблизости нет, чтобы послать к нему за травами.

— Но вы могли бы захватить в дорогу свою врачебную сумку, мэтр

Парри! — воскликнула Анжелика с неожиданной для всех пылкостью. — Это было бы не так уж обременительно!

— Ка... как... — буквально задохнулся от возмущения доктор, — до сумки ли мне было, когда меня без всяких объяснений буквально вытащили из постели и втокнули на этот корабль чуть ли не в ночной рубашке и колпаке, я даже глаз не успел протереть. И потом, в случае с Берном я не большой помощник. Я ведь не хирург.

Лорье, цепляясь за Анжелику, умоляюще спрашивал:

— Мой папа не умрет?

Чьи-то дрожащие руки теребили ее, она даже не понимала, чьи — Онорины, Марциала или руки матерей.

— Дети умирают от жажды! — не переставая, твердила госпожа Карер.

К счастью, их хотя бы не очень мучил голод, так как булочник щедро поделился со всеми своими бриошами; вот он-то, в отличие от доктора, не потерял в панике голову, и гонка через ланды не заставила его бросить свои припасы.

— Если эти пираты не принесут нам фонарь, я вышибу дверь! — откуда-то из темноты вдруг крикнул судовладелец мэтр Маниголь.

И словно они только и ждали раскатов этого громового голоса, появились два матроса с тремя большими фонарями. Укрепив их на переборках и на бимсах посередине помещения, они вернулись к двери и принесли чан, из которого исходил аппетитный запах, и ведро с молоком.

Оба матроса были мальтийцы. Несмотря на диковатый вид, который придавали им оливковая кожа и жгучие черные глаза, они были славными людьми... если подобное можно было сказать хотя бы об одном члене команды этого пиратского корабля. Матросы поощряющим жестом указали пассажирам на чан с ужином.

— И как, по-вашему, мы должны это есть?.. — пронзительным голосом крикнула госпожа Маниголь. — Вы принимаете нас за свиней, которые жрут из одной лохани?.. У нас нет даже тарелок!..

И вспомнив о своей прекрасной фаянсовой посуде, разбившейся в песчаных дюнах, она разразилась истерическими рыданиями.

— А-а, пустяки, — сказала госпожа Карер, женщина очень покладистая, — как-нибудь управимся!

Но и сама она смогла предложить лишь одну-единственную чашку, чудом сунутую в последнюю минуту в ее жалкий узелок. Анжелика на средиземноморском жаргоне, жалкие крохи которого всплыли в ее памяти, с грехом пополам объяснила матросам суть дела. Они в задумчивости

поскребли затылки. Вопрос о мисках и ложках грозил перерасти в щекотливую проблему взаимоотношений пассажиров с командой. Матросы ушли, пообещав все уладить.

Сгрудившись вокруг чана, пассажиры долго обсуждали его содержимое.

— Это рагу с овощами...

— Во всяком случае, свежая пища...

— Выходит, нам будут давать не только галеты и солонину, как обычно в море...

— Видно, порядком нагребали на берегу... Я слышал, как в трюме под нами хрюкали свиньи и блеяли козы.

— Нет, они их купили у нас и заплатили звонкой монетой. Мы сладили с ними добрую сделку.

— Кто еще там голос подает? — спросил Маниголь, — когда это замечание, сказанное на шарантском диалекте, дошло до его сознания.

Обернувшись, он в свете фонарей увидел незнакомцев: двух тощих крестьян и их жен, за юбки которых цеплялось с полдюжины оборванных отпрысков.

— А вы откуда тут взялись?

— Мы из деревни Сен-Морис, крестьяне-гугеноты...

— Вас-то как сюда занесло?

— Ну как же! Когда все побежали на берег, мы тоже побежали. А потом подумали: если все садятся на корабль, мы тоже сядем. Вы думаете, нам очень хотелось попасть в лапы королевских драгун? Ведь они могли выместить зло на нас. Особенно если б узнали, что мы вступили в сделку с пиратами. Да и по правде говоря, что у нас там осталось? Почти ничего, ведь мы продали им своих последних коз и свиней... А раз так...

— Нас и без того много, — зло сказал Маниголь. — Еще кормить бесполезные рты!

— Хочу заметить вам, сударь, — вмешалась Анжелика, — что вас это не должно заботить, и мало того, ведь именно благодаря этим крестьянам у вас сегодня такой ужин, поскольку он наверняка приготовлен из мяса их свиней.

— Но когда мы прибудем на Американские острова...

В разговор вмешался пастор Бокер:

— Крестьяне, умеющие обрабатывать землю и ухаживать за скотом, никогда не будут в тягость колонии эмигрантов. Братья мои, будьте же благожелательны друг к другу!

Спор прекратился, эмигранты приняли этих бедолаг в свой круг.

Для каждого из эмигрантов этот первый вечер на корабле, увозившем их к новой жизни, был чем-то почти нереальным. Еще вчера они спокойно легли спать в своих домах, богатых у одних, бедных у других. Страх перед грядущей судьбой немного утих, потому что мысль о предстоящем отъезде успокоила: их. Решившись на отъезд, они приготовились пожертвовать всем, лишь бы плавание прошло безопасно и с удобствами. Но... гонка через ланды, и вот они качаются в ночном океане, вырванные из привычной жизни, почти безымянные, словно души умерших на плоту Харона. Именно это сравнение приходило на ум мужчинам, в большинстве своем людям образованным, и поэтому они с таким скорбным видом смотрели на ужин, который от бортовой качки тихо плескался в чане.

А женщин одолевали иные, более земные заботы, им было не до Данте. За неимением кружек, они по очереди поили детей молоком из единственной чашки госпожи Карер. Дело это было непростое, потому что с приближением ночи качка усилилась. Обливаясь молоком, дети смеялись, а матери ворчали. Ведь у них не было почти никакой одежды, чтобы переодеть детей, а постирать — ну где же это можно сделать на корабле? Каждая минута приносила новые трудности. Сердца хозяек кровью обливались при мысли о запасах вола и мыла в их покинутых кухнях, о больших и маленьких щетках — разве можно стирать без щетки? — а булочница вдруг повеселела, вспомнив, что она-то щетку захватила, и победным взглядом окинула своих подавленных спутниц.

***

Анжелика снова подошла к мэтру Берну и опустилась рядом с ним на колени. Онорина уже исхитрилась в числе первых выпить свою чашку молока и теперь тайком вылавливала из супа кусочки мяса. За нее Анжелика была спокойна, девочка всегда умела постоять за себя!..

Теперь все свое внимание Анжелика обратила на торговца. К ее беспокойству прибавлялись и угрызения совести, и чувство признательности.

«Если б не он, сабля настигла бы меня или Онорину...»

Застывшее лицо Габриеля Берна, его долгое беспмятство тревожили ее. Сейчас, при неярком свете фонарей, она ясно увидела восковую бледность его лица.

Снова появились два матроса, они принесли дюжину мисок и раздали их пассажирам. Анжелика подошла к одному из них и, потянув за рукав, подвела к раненому, давая понять, что ему требуется помощь. Матрос с довольно равнодушным видом пожал плечами и, закатив глаза, произнес: «О мадонна! Среди матросов тоже много раненых, и, как на любом

пиратском корабле, для них есть только два чудодейственных лекарства: ром и ружейный порох, чтобы промыть и прижечь раны. И еще молитвы Святой Деве». Последнее он, кажется, и советовал им.

Анжелика вздохнула. Чем она может помочь Берну? Она вспоминала все домашние средства, которым научила ее жизнь хозяйки и матери, и даже рецепты колдуньи, по которым она готовила снадобья и прикладывала их к ранам, когда со своим отрядом во время восстания в Пуату скиталась по лесам. Но сейчас у нее не было ничего, абсолютно ничего. Маленькие пакетики с травами лежали на дне сундука в Ла-Рошели, она даже не вспомнила о них в час бегства.

«И все же я должна была подумать об этом, — ругала она себя. — Ведь можно было просто сунуть их в карман».

Неуловимая дрожь искажала черты Берна, и Анжелика со вниманием склонилась над ним. Он шелохнулся, приоткрыл стиснутые губы, пытаясь глотнуть немного воздуха. Она видела, как он страдает, но ничем не могла помочь ему.

«А если он умрет? — подумала она, и внутри у нее все похолодело.

Неужели их плавание начнется под знаком несчастья?

По ее вине дети Берна, которых она так любит, лишатся своей единственной опоры. А сама она? Она привыкла, что мэтр Берн всегда рядом с ней, привыкла к его поддержке. И теперь, когда снова рвутся все привычные связи, ей было страшно потерять его. Только не его! Ведь он верный друг и — она знает это — любит ее.

Анжелика приложила ладонь к его широкой груди, покрытой липким потом. Ей казалось, что тепло ее руки вернет его к жизни, передаст ему частицу ее силы, которую самой ей придавало сознание, что она в море и опасности позади.

Берн вздрогнул. Нежное прикосновение мягкой женской руки, должно быть, пробилось сквозь его беспмятство.

Он шевельнулся, и глаза его приоткрылись. Анжелика с тревогой ждала его первого взгляда. Что в нем — агония или знак того, что жизнь возвращается?

Его взгляд успокоил ее. С открытыми глазами мэтр Габриель уже не выглядел таким слабым, и беспокойство, охватившее ее при виде этого крепкого мужчины поверженным, улетучилось. Хотя глаза его еще были затуманены долгим беспмятством, взгляд сохранил глубину и осмысленность. Сначала он обошел низкие своды скудно освещенного помещения, потом остановился на склоненном к нему лице Анжелики.

И в то же время она видела, что это не прежний мэтр Берн, потому что

не помнила, чтобы он когда-либо смотрел на нее таким восторженным, пожирающим взглядом.

Всем своим видом он сейчас признавался ей в том, в чем, возможно, еще ни разу не признался даже самому себе. Он жаждал ее! Закованный в жесткий панцирь морали, рассудительности, сомнения, неистовый источник его любви мог вырваться наружу лишь в такой день, хотя Берн был очень слаб и, казалось, безразличен к окружающему.

— Сударыня Анжелика! — выдохнул он.

— Я здесь, с вами.

«Счастье, — подумала она, — что все заняты своими делами. Никто ничего не заметил».

Никто, разве только Абигаель, которая, стоя неподалеку на коленях, молилась.

Габриель Берн рванулся к Анжелике. И тут же застонал от боли, веки его снова сомкнулись.

— Он пошевелинулся, — прошептала Абигаель. — Он даже открывал глаза.

— Да, я видела.

Торговец, с трудом шевеля губами, прошептал:

— Сударыня Анжелика... Где... мы?

— В море... Вы ранены...

Когда он закрывал глаза, ее робость перед ним исчезала. Она чувствовала, что должна заботиться о нем, как и в Ла-Рошели, когда он допоздна засиживался над счетами в лавке, а она приносила ему чашку бульона или глинтвейна, напоминая, что бессонные ночи вредны для здоровья.

Она погладила его широкий лоб. Ей и раньше, еще в Ла-Рошели, часто хотелось сделать это, когда она видела его озабоченным, удрученным тревожными мыслями, хотя он всегда старался скрыть свои чувства под суровым видом. Жест дружеский, материнский. Сегодня она могла позволить его себе.

— Я здесь, дорогой друг... Лежите спокойно...

Ее пальцы коснулись его слипшихся волос, и она быстро отдернула руку, увидев на ней кровь. О, так он ранен еще и в голову! Тогда эта рана и, главное, удар по голове и стали причиной его долгого беспомощства. Теперь ему нужен хороший уход, надо согреть его, перевязать, и он наверняка выкарабкается. На своем веку она повидала столько раненых, что могла оценить его состояние.

Она подняла голову и только тут уловила, что вокруг воцарилась

какая-то напряженная тишина. Споры вокруг чана с ужином стихли, и даже дети замолчали. Она огляделась и с бьющимся сердцем увидела, что в ногах больного стоит Рескатор. Как давно он тут? Всюду, где появлялся Рескатор, сразу же воцарялась тишина. Тишина враждебная или просто настороженная, ее вызывала его плотная черная маска.

И снова Анжелика подумала, что он и впрямь какое-то необычное существо. Иначе чем объяснить то смятение и даже страх, которые она испытала, увидев его сейчас. Она не ожидала его прихода, другие, разумеется, тем более, и они в оцепенении смотрели на хозяина корабля так, словно это был сам дьявол. Особенно смущало то, что Рескатора сопровождала какая-то странная личность — высокий худой человек, одетый в белое платье, которое выглядывало из-под длинного обшитого каймой бурнуса. Его угловатое лицо было словно вырезано ножом резчика и обтянуто морщинистой темной кожей, на крупном носу поблескивали стекла огромных очков в роговой оправе.

После полного волнений дня его вид поверг протестантов в ужас. Да и сам Рескатор выглядел в полумраке не менее зловеще.

— Я привел вам своего врача-араба, — сказал Рескатор глухим голосом.

Скорее всего, он обращался к Маниголю, который стоял ближе всех к нему, но Анжелике казалось, что он обращается только к ней.

— Благодарю вас, монсеньор, — ответила она.

Альбер Парри проворчал:

— Арабский врач! Только его нам не хватало!

— Вы можете ему доверять, — возразила возмущенная Анжелика. — Медицинская наука арабов — самая древняя и совершенная в мире.

— Благодарю вас, сударыня, — ответил старик, не без явной иронии бросив взгляд в сторону своего коллеги из Ла-Рошели. По-французски он говорил очень чисто.

Он подошел к раненому и, быстро и легко манипулируя самшитовыми палочками, которые, казалось, едва касались тела, обследовал его. Мэтр Берн заворочался. И вдруг, когда этого меньше всего ожидали, сел на своем ложе и сердито выпалил:

— Оставьте меня в покое! Я всегда был здоров и сейчас тоже болеть не собираюсь.

— Вы не больны, а ранены, — терпеливо сказала Анжелика.

Она осторожно обвила рукой его плечи, чтобы ему легче было сидеть.

Врач по-арабски обратился к Рескатору. Раны, сказал он, хотя и, глубокие, но не опасные. Единственное, что вызывает тревогу, это

сабельный удар по голове. Но поскольку раненый уже пришел в себя, последствия удара, возможно, выразятся лишь в упадке сил в течение нескольких дней.

Анжелика, наклонившись к мэтру Берну, перевела ему добрую весть.

— Он сказал, что если вы будете благоразумно вести себя, то скоро поправитесь.

Торговец приоткрыл один глаз.

— Вы понимаете по-арабски, сударыня Анжелика?

В его тоне сквозило сомнение.

— Естественно, сударыня Анжелика понимает по-арабски, — ответил за нее Рескатору — Разве вы не знаете, сударь, что в свое время она была одной из самых знаменитых пленниц на всем Средиземноморье?

Это бесцеремонное вмешательство показалось Анжелике подлым ударом из-за угла. И она смолчала сейчас только потому, что усомнилась, верно ли расслышала, настолько это было гнусно.

Чтобы прикрыть раненого, она накинула ему на плечи свой плащ, ничего другого у нее не было.

— Врач пришлет лекарства, они облегчат ваши страдания. Вы сможете уснуть.

Она говорила спокойно, но внутри у нее все кипело от ярости.

Рескатор был высокого роста. Немного выше протестантов, которые в ватной тишине теснились за его спиной. Когда он повернул к ним свое лицо в черной кожаной маске, они шарахнулись вспять. Но его взгляд с Пренебрежением миновал мужчин и остановился там, где белели чепчики женщин.

Сняв шляпу с перьями, которую он носил поверх черного атласного платка, Рескатор любезно поклонился им.

— Сударыни, я пользуюсь случаем, чтобы сказать вам «Добро пожаловать!». Я сожалею, что не могу предоставить больше удобств на своем корабле. Увы, мы не ожидали вас. И все же я надеюсь, что наше путешествие не будет для вас слишком неприятным. А сейчас я желаю вам доброй ночи, сударыни.

Даже Сара Маниголь, привыкшая принимать гостей в своей роскошной гостиной в Ла-Рошели, не нашлась, что ответить на эти светские слова. Необычная внешность того, кто произнес их, странный тембр его голоса, в котором им слышались — они и сами не могли понять — то ли насмешка, то ли угроза, лишили всех женщин дара адова. Они смотрели на него почти с ужасом. И когда Рескатор, произнеся еще несколько любезных фраз, в сопровождении старого арабского врача

прошел между ними и направился к двери, кто-то из детей вдруг завопил от страха и бросился к матери.

И тогда робкая Абигаель, собрав все свое мужество, осмелилась заговорить. Срывающимся голосом она сказала:

— Спасибо вам за добрые пожелания, монсеньор, мы очень благодарны вам за то, что вы спасли нам жизнь, отныне мы будем ежегодно благословлять этот день.

Рескатор обернулся. Из тьмы, которая уже почти пометила их, снова всплыла его странная фигура. Он подошел к побледневшей от волнения Абигаель, пристально глядя на нее, коснулся рукой ее щеки и мягким, но непреклонным движением повернул ее лицо к свету.

Он улыбался. В резком свете ближнего к ним фонаря он какое-то время изучал это чистое лицо фламандской мадонны, ее большие светлые умные глаза, в которых читалось удивление и растерянность, и наконец сказал:

— Жители Американских островов будут в восторге, когда к ним привезут таких красивых девушек. Но сумеет ли Новый Свет оценить то богатство чувств, которое вы принесете им, моя крошка? Я надеюсь на это. А пока — спите спокойно и перестаньте терзать свое сердце из-за раненого...

Несколько презрительным жестом он указал на мэтра Берна.

— ...Я заверяю вас, что он вне опасности, и вас не постигнет горе потерять его.

И не успели свидетели этой сцены прийти в себя, как дверь, подгоняемая сквозняком, захлопнулась за ним.

— По-моему, — мрачно произнес один из гугенотов, — этот пират — сам Сатана.

— И как у вас хватило духу заговорить с ним, Абигаель, — задыхаясь от волнения, сказал пастор Бокер — Обратить на себя внимание человека такого толка весьма опасно, дочь моя!

— А этот его намек на жителей Островов, которые воспользуются... просто непристойно! — возмущенно сказал владелец писчебумажной фабрики мэтр Мерсело, глядя на свою дочь Бертиль с надеждой, что та ничего не поняла.

Абигаель спрятала в ладони пылающие щеки. За всю ее добродетельную жизнь — а она к тому же считала себя некрасивой — ни один мужчина не вел себя с ней с такой дерзостью.

— Мне... Мне подумалось, что мы должны поблагодарить его, — пробормотала она. — Каков бы он ни был, он все-таки рисковал своим

судном, своей жизнью, своими людьми... ради нас...

Она перевела блуждающий взгляд от двери, за которой исчез Рескатор, к распростертому Берну.

— Но почему он так сказал? — вскричала она. — Почему он так сказал?..

Закрыв лицо руками, она истерически разрыдалась. Ничего не видя, дрожа всем телом, она оттолкнула от себя всех, кто пытался утешить ее, и убежала в дальний угол, на лафет пушки, где в отчаянии продолжала безудержно рыдать.

Этот взрыв спокойной Абигаель послужил сигналом для женщин. Все, что они с трудом сдерживали в себе, вырвалось вдруг наружу. Ужас, пережитый ими в часы бегства, посадка на корабль глубоко потрясли их. Так часто случается в подобных ситуациях: когда опасность минует, женщины находят успокоение в криках и слезах. Женни, которая была на сносях, билась головой о переборку, повторяя:

— Я хочу вернуться в Ла-Рошель... Мой ребенок умрет.

Муж не знал, как ее успокоить. Маниголь вмешался решительно и в то же время добродушно:

— Ну, ну, женщины, возьмите себя в руки... Сатана он или нет, но он прав: мы устали и нам пора спать... Успокойтесь. Я вас предупреждаю: той, кто будет еще кричать, придется плеснуть в лицо ковш морской воды.

Все разом умолкли.

— А теперь помолимся, — сказал пастор Бокер, — ибо, ничтожные смертные, мы до сих пор только стонали, а нам надо возблагодарить Бога за то, что он даровал нам спасение.

Глава 2

Воспользовавшись всеобщей сумятицей, Анжелика выскользнула наружу. Одолев трап, она остановилась на палубе, вцепившись в фальшборт. Насыщенный соленой влагой ночной воздух пронизывал ее, но это ее не заботило. Ее достаточно согревали негодование и ярость.

Фонари, укрепленные на мачтах и леерах, прорезали глубокую темень. Но за грот-мачтой она различила на полуюте красный свет в апартаментах Рескатора. Уверенным шагом — к ней невольно вернулось обретенное на Средиземном море умение ходить по качающейся палубе корабля — она направилась в ту сторону.

В темноте она столкнулась с каким-то человеком и чуть было не закричала от испуга, почувствовав, как что-то крепко стиснуло ее запястье. Она осознала, что это ладонь мужчины, и, когда изо всех сил попыталась высвободить свою руку, оцарапала ее о перстень, который был у него на пальце.

— Куда вы спешите, сударыня Анжелика? — спросил голос Рескатора. — И зачем отбиваетесь от своей судьбы?

О, эта приводящая в отчаяние необходимость всегда разговаривать с маской! Он играл своим кожаным лицом, как демон. Она почти не видела его в этой тьме, и, когда подняла глаза на его голос, у нее было ощущение, что она обращается к ночи.

— Куда же вы направляетесь? Я могу надеяться, что вы спешили на полуют, чтобы найти там меня?

— Разумеется! — воскликнула она. — Потому что я хотела предупредить вас, что не потерплю ваших намеков на мое прошлое, тем более в присутствии моих спутников. Я вам запрещаю, вы слышите, я вам запрещаю говорить им, что я была рабыней на Средиземном море, и что вы выкупили меня в Кандии^[2], что я была в гареме Мулея Исмаила, и вообще все, что касается меня. Как вы посмели сказать им об этом? Какое неуважение к женщине!

— Одни женщины внушают уважение, другие — нет.

— И я запрещаю вам оскорблять меня. Вы грубиян, в вас нет ни капли галантности... Заурядный пират...

Эти последние оскорбительные слова она бросила, вложив в них как можно больше презрения. Она уже не пыталась высвободиться, потому что теперь Рескатор держал ее обеими руками. Руки у него были горячие, как у

человека здорового, привычного и к непогоде, и к жаре, и к холоду, и это тепло передавалось ей, дрожащей от тревоги и ожесточения.

Постепенно прикосновение его рук подействовало на нее благотворно. Но она была еще не в состоянии осознать это, настолько Рескатор казался ей омерзительным, и ей хотелось изничтожить его.

— Вы не потерпите... вы мне запрещаете... — повторил он. — Честное слово, вы теряете голову, маленькая мегера! Вы забываете, что я — единственный хозяин на борту и могу приказать вздернуть вас на рее, бросить в море или отдать на потеху моим матросам, если мне того захочется. Таким же тоном вы, разумеется, разговаривали с моим добрым другом маркизом д'Эскренвилем? Разве он не излечил вас от желания спорить с пиратами?

Упоминание о д'Эскренвиле всколыхнуло память Анжелики. И без того до вчерашнего дня ее мучили воспоминания о ее полном самых невероятных приключений прошлом. А теперь, на этом корабле, где властвовал Рескатор, она могла вновь оказаться в водовороте давних событий.

«О, пусть он меня отпустит, — молила она в душе, — пусть отпустит, иначе что меня ждет, я стану его рабыней, его игрушкой?.. Он лишает меня силы. Зачем?»

— Вы еще вспоминаете о дворе Короля-Солнце, госпожа дю Плесси-Белльер? — спросил Рескатор тихо. — И потому так высокомерны? Берегитесь, ваш августейший любовник теперь не сможет защитить вас...

Она вдруг сложила оружие и мягко, но не без кокетства и даже, пожалуй, искренности, которые не раз усмиряли направленную на нее самую опасную ярость, сказала:

— Простите мне мои необдуманные слова, монсеньор Рескатор. Я просто обезумела. Но поймите, у меня нет ничего, кроме уважения моих друзей. Ну что вы выиграете от того, что разлучите меня с ними?

— Ваше прошлое вызывает у вас такой стыд, что вы дрожите при мысли, что они узнают о нем?

Она ответила, и слова слетали с ее губ прежде, чем она успевала обдумать их:

— Когда мы переваливаем на вторую половину жизни, когда так много пережито, какой человек, достойный этого звания, не найдет в своих воспоминаниях что-нибудь такое, что он не хотел бы сделать достоянием других?

— Ну вот, от гнева вы перешли к философии.

А она подумала: «Каким-то странным образом судьба снова свела

меня с этим человеком. Почему?»

— Вы должны понять, — доверительно сказала она, словно разговаривала с другом, — что образ мыслей гугенотов очень отличен от нашего. Они совсем не такие люди, как вы или ваши пираты. Вы ужасно шокировали эту бедняжку Абигаель, когда говорили с ней так фамильярно, и если бы они узнали, что я, пусть даже помимо своей воли, пребывала в таком скандальном положении...

***

И вдруг случилось то, чего она подспудно какое-то время уже желала. Он притянул ее к себе и с силой стиснул в своих объятиях. Не отпуская, он заставил ее сделать несколько шагов, и она оказалась прижатой к фальшборту. Волна ударила о борт корабля, плеснув водой в лицо Анжелики. На ее гребне она увидела светлую пенистую шапку. Тусклый свет луны, временами проглядывавшей из-за плотной гряды облаков, бросал на море неяркий серебристый отблеск.

— Неужели? — спросил Рескатор. — Неужели так уж велика разница между этими гугенотами и людьми моего экипажа? Между достойным, убеленным сединами пастором, которого я мельком видел, и мною, жестоким пиратом всех морей мира?.. Между благонравной и стыдливой Абигаель и какой-нибудь мерзкой грешницей, вроде вас?.. Есть разница? Какая же, дорогая моя?.. Посмотрите вокруг...

Новая волна, ударившись о борт, снова обрызгала лицо Анжелики, и она, напуганная темной бездной, над которой он заставил ее склониться, дрожащей рукой вцепилась в его бархатный камзол.

— Нет, — сказал он, — мы ничем не отличаемся друг от друга. Отныне мы просто кучка людей, оказавшихся на одном корабле посреди океана... со своими страстями, сожалениями... и надеждами...

Он говорил, и его губы находились в опасной близости от ее губ. Когда он не касался ее, она еще могла спорить с ним. Но теперь, почувствовав себя в его власти, словно обезумела. Она и сама не знала, чем объяснить охватившее ее странное смятение. Она так давно не испытывала ничего подобного: это были страх и... желание. Мысль, что он пользуется своей магической властью, чтобы закабалить ее, втянуть в немислимую авантюру, сковала ее. «Если мы уже сегодня дошли до такого, — подумала она, — то к концу пути мы все спятим и поубиваем друг друга».

Анжелика так резко отвернулась, что губы Рескатора слегка коснулись ее виска. Она почувствовала прикосновение жесткой кожаной маски и, вырвавшись из его крепких объятий, отпрянула, на ощупь ища опору.

И тут же услышала его ироничный голос:

— Почему вы убегаете? Я хотел лишь пригласить вас поужинать. Если вы гурманка, то получите удовольствие, ведь у меня превосходный кулинар.

— Как только вы смеете предлагать мне такое? — возмутилась она. — Послушать вас, то можно подумать, что мы находимся в парке королевского дворца. Я должна разделять судьбу своих друзей. К тому же, мэтр Берн нездоров.

— Мэтр Берн? Это тот раненый, над которым вы склонялись с таким нежным беспокойством?

— Он мой лучший друг. То, что он сделал для меня и для моей дочери...

— О, прекрасно, не стану настаивать! Я согласен на отсрочку ваших долгов, но вы совершаете ошибку, предпочитая вашу сырую нижнюю палубу моим апартаментам, ведь, по-моему, вы мерзлячка. Кстати, что вы сделали с плащом, который я дал вам прошлой ночью?

— Не помню, — сказала Анжелика, понимая, что уличена.

Она провела рукой по лбу, как бы пытаясь вспомнить. О, она просто забыла про него и накинула на плечи другой, который дала ей Абигаель...

— Я... кажется, забыла его дома, — сказала она.

***

И вдруг в ее памяти всплыл дом в Ла-Рошели с его погасшим очагом.

Она словно наяву снова увидела прекрасную мебель, блестящие медью кастрюли на кухне, затененные портьерами комнаты с неусыпными глазами ясных круглых венецианских зеркал, ковровые дорожки на лестнице, внимательно взирающие с портретов корсары и торговцы Ла-Рошели.

Тоска по этому прибежищу, где она хозяйничала всего лишь в роли служанки, — вот все, что уносила она из Старого Света! За этой мирной картиной постепенно затуманились сверкающий огнями Версаль, ее непримиримая борьба, горечь воспоминаний о замке дю Плесси, что затерялся в самом сердце Пуату, о его черных руинах, о разоренной, навсегда проклятой провинции. Монтелу перешло к ее брату Дени, там родились его дети. Теперь они подстерегают в коридорах замка старую колдунью с протянутыми руками и закаляют в знатной нищете свое зачарованное детство.

Уже давно Анжелика утратила связь и с Монтелу, и с Пуату. И когда она спускалась на нижнюю палубу, ее преследовало лишь одно воспоминание: Габриель Берн, прежде чем взять за руку Лорье и бежать, разбивает последние головешки в очаге своего дома...

В этот вечер перед мысленным взором изгнанников-протестантов стояли их прекрасные покинутые жилища в Ла-Рошели, покинутые, несмотря на ясный свет неба Ониса^[3], который озаряет их фасады. Закрытые ставнями окна — как мертвые глаза, но дома ждут, и только шелест пальм во дворе и испанской сирени у стен напоминают там о жизни.

***

На нижней палубе было темно и сыро. Два фонаря наконец погасили, чтобы сморенные усталостью дети могли уснуть. По углам шептались, шушукались. Кто-то из мужчин успокаивал жену: «Вот увидишь... увидишь... когда мы приплывем на Американские острова, все образуется».

Госпожа Карер донимала мужа:

— Но на Островах вы хотя бы будете вести себя более благоразумно, чем в Ла-Рошели? Иначе чего ради мы должны были все потерять?

Анжелика подошла к светлому кругу, в котором подле раненого бодрствовали Маниголь и пастор. Габриель Берн лежал расслабленно, спокойно. Он спал. Мужчины коротко сказали Анжелике, что приходил арабский врач с помощником. Они перевязали мэтра Берна и заставили его проглотить какую-то микстуру, которая ему очень помогла.

Она не настаивала на том, чтобы сменить их сейчас. Она чувствовала потребность в отдыхе, и не потому, что так уж устала, просто в голове у нее был полный сумбур. Она вдруг утратила свою обычную уверенность, впрочем темень и бортовая качка, возможно, сыграли здесь не последнюю роль.

«Утром будет светло. И я во всем разберусь».

Онорину она нашла почти случайно. Просто, когда она проходила, девочка вцепилась ручкой в ее юбку.

Северина показала ей на своих спящих братишек.

— Я уложила их спать, — гордо сказала она.

Она прикрыла мальчиков их плащами и обложила ножки невесть откуда взявшейся соломой. Северина была настоящей маленькой женщиной. Обычно такая ранимая, она оказалась стойкой в часы испытаний. Анжелика дружески обняла ее.

— Дорогая моя, — сказала она, — мы даже не смогла с тобой спокойно повидаться, побеседовать в эти дни.

— О, все взрослые такие взбудораженные, — вздохнула девочка, — а ведь именно сейчас мы должны бы успокоиться, сударыня Анжелика. Я

все время помню, и Марциал тоже, что теперь мы избавились и от монастыря, и от иезуитов.

И она быстро добавила, словно упрекая себя в легкомыслии:

— Правда, отец ранен, но, мне кажется, это все же меньшее несчастье, чем если бы его упрятали в тюрьму и навсегда разлучили с нами... И потом врач в длинном одеянии пообещал, что завтра отец уже начнет поправляться... Сударыня Анжелика, я хотела уложить Онорину, но она сказала, что не ляжет, пока не получит свою коробочку с сокровищами.

Логика любой матери непостижима. Из всех несчастий, обрушившихся на них за эти несколько последних часов, потеря коробочки с сокровищами дочери показалась Анжелике самым тяжким и непоправимым. Она расстроилась. Онорина спряталась за пушкой и стояла там насупившаяся, словно лесная сова.

— Я хочу свою коробочку с драгоценностями.

Анжелика колебалась, не зная, как повести себя с дочерью — постараться уговорить ее или потребовать беспрекословного подчинения, — как вдруг увидела, что Онорина не одна, она прильнула к чьей-то сжавшейся и комок фигуре.

— Абигаель?.. Это вы?.. Но почему вы здесь?..

Удрученный вид Абигаель, которая обычно держалась с достоинством, обеспокоил ее.

— Что с вами? Вы заболели?

— О, мне так стыдно, — ответила Абигаель глухим голосом.

— Отчего?

Абигаель не была ханжой. И все же ее не оставляла тревога из-за того, что Рескатор так фамильярно погладил ее по щеке.

Анжелика заставила ее выпрямиться и посмотреть ей в глаза.

— Что такое?.. Я не понимаю.

— Но его слова, это же ужасно!

— Какие слова?

Анжелика постаралась припомнить эту, сцену. Если манера Рескатора вести себя с Абигаель ей тоже показалась и оскорбительной, и неуместной, хотя это была его обычная манера вести себя, то слова его не покоробили ее.

— Вы не поняли? — пробормотала Абигаель. — Правда?

Волнение сделало ее моложе, щеки у нее горели, взгляд был обиженный, и сейчас особенно бросалось в глаза, как она красива. Но нужно было быть этим проклятым Рескатором, чтобы мгновенно отметить ее красоту. Анжелика подумала, что вот только сейчас он обнимал ее, и

ведь у нее не было желания вырваться из его рук. Так, верно, он обращается со всеми, кто окружает его, и особенно с женщинами, словно он имеет на них право первой ночи.

Она невольно вознегодовала на него.

— Не обращайтесь внимания на поведение хозяина корабля, Абигаель. Просто вы не привыкли к такого рода мужчинам, даже среди всех авантюристов, с которыми мне приходилось встречаться, он самый... самый...

Она не находила подходящего слова.

— ...Самый невозможный, — заключила она. — Но благодаря ему мы избежали неминуемой гибели. Я не знала никого, кроме этого находящегося вне закона человека, кто бы мог спасти нас от ужасной Судьбы. Теперь мы в его власти. Придется нам смириться и с ним, и с его командой, но надо быть настороже, постараться не озлобить их. Во время своих скитаний по Средиземноморью — к чему теперь отрицать это, раз уж он так негалантно поставил вас об этом в известность, — я встретила с ним всего один раз, но слава о нем шла великая. Для этого пирата не существует ни веры, ни закона, но, мне кажется, он не лишен чести.

— О, он совсем не кажется мне страшным! — пробормотала Абигаель, мотая головой.

Она уже немного успокоилась, подняла на Анжелику взгляд, и теперь в нем снова сквозила мудрость.

— Мы ежедневно сталкиваемся со многими людьми, и сколько тайн в каждом из них! — мечтательно произнесла она. — Вот вы, Анжелика, ревниво охраняли свое прошлое, а сейчас, когда занавес над ним приподнялся, стали мне еще ближе и в то же время — немного дальше. Сможем ли мы когда-нибудь вновь, как прежде, понимать друг друга?

— Я думаю да, дорогая, дорогая моя Абигаель. Если вы хотите этого, мы будем друзьями.

— Я жажду этою всей душой. Если там, куда мы плывем, ненависть и мелочность окажутся в нас сильнее, чем любовь, мы разобьемся, как стекло, мы не сможем выжить.

А ведь она высказала ту же самую мысль, что сейчас — Рескатор, подумала Анжелика. «Отныне мы просто кучка людей, оказавшихся на одном корабле... со своими страстями, сожалениями... и надеждами».

— Это так странно, Анжелика, — почти шепотом продолжала Абигаель, — вдруг открыть иные измерения жизни. Словно внезапно отдернули театральный занавес, который обнаружил новую декорацию, до бесконечности расширил то, что мы считали уже познанным,

незыблемым... И то, что так неожиданно открылось мне сегодня... Я буду помнить этот день до самого своего смертного часа... Не из-за того, что мы избежали смертельной опасности, а из-за сегодняшнего откровения... Наверное, это так и должно быть, мне надо подготовиться к той жизни, которая ждет нас за морем... Нам всем надо отрешиться от старого... Я глубоко убеждена, что сесть на этот корабль... именно на этот заставил нас чей-то указующий перст.

Глаза ее блестели, и Анжелика уже не узнавала в этой страстной натуре ту неприметную девушку, почти смиренницу, какой она выглядела в Ла-Рошели.

— Этот Рескатор, которого вы называли человеком вне закона, Анжелика, я уверена, умеет читать по глазам самые глубокие тайны души. У него есть дар.

— На Средиземноморье его называли магом, — прошептала Анжелика.

Доверительный разговор с Абигаель совершенно непонятно почему — да она и не пыталась понять это — пришлось Анжелике по душе. Ей показалось, что впереди ее ждет что-то прекрасное. Она слушала, как плескались о борт волны. Покачивание корабля дурманило ее, и она с удовольствием провела бы всю ночь с Абигаель, рассказала бы ей о своем прошлом, о Рескаторе, если б долг матери не призвал ее вернуться к заботам об Онорине.

— А Онорина не желает ложиться спать без коробочки со своими сокровищами! — вздохнула она, кивнув в сторону дочери, которая все еще насупившись с непримиримым видом стояла рядом с ними.

— О, как же я могла забыть! — вскричала Абигаель, вскакивая.

Теперь она уже совсем овладела собой. Быстрым шагом подойдя к тому месту, где лежали ее пожитки, она вернулась с маленькой деревянной коробочкой, которую Марциал когда-то смастерил для Онорины.

— Господи, Абигаель! — всплеснула руками Анжелика. — Вы подумали и об этом! Вы просто ангел! Просто прелесть!.. Онорина, вот твои ракушки!..

***

А потом все стало просто. Умиротворение, охватившее сердечко Онорины, передалось и ее матери. Анжелика разложила на палубе кое-какую одежду, которую она захватила с собой, а ее юбка и кофта прекрасно заменили малютке одеяло.

Растянувшись рядом с Онориной, Анжелика подумала, что теперь у девочки есть все, что ей надо. А самой ей доводилось спать и в тюрьме, где

было гораздо неудобнее. Однако ей было зябко, и сон не шел к ней. Она прислонилась головой к переборке и попыталась собраться с мыслями.

Что-то будет завтра?

Она еще ощущала на запястьях крепкие руки Рескатора. Когда она подумала об этом, ее охватила какая-то слабость. И оттого, что ее пробирал холод, воспоминание о той минуте было и приятно, и пугающе. Ведь под бархатным камзолом ее рука почувствовала не тепло тела, а что-то твердое. Латы, стальной нагрудник?.. Человек риска, которого на каждом шагу поджидает смерть. Его сердце заковано в латы. Впрочем, есть ли у него сердце?

Может ли она совершить глупость и влюбиться в этого человека?.. Нет! Теперь она вообще уже неспособна влюбиться ни в кого. Так что же? Он обольщает и завораживает ее каким-то колдовством, как... тот, кто некогда внушал ей похожие чувства, которые приносили ей радость и пугали одновременно? И тогда тоже поговаривали, будто тот человек обладает колдовской силой и привораживает к себе женщин...

Свет лампы осветил ее лицо, она сощурилась.

— А, вот вы где.

Мохнатая голова склонилась к ней. Это был Никола Перро в своей меховой шапке.

— Хозяин приказал мне принести вот это и еще гамак для вас и вашего ребенка.

«Вот это» оказалось теплой тканью, не то покрывалом, не то одеялом, тяжелым, мягким, обшитым каймой, — такую ткань ткнут погонщики верблюдов в Аравийской пустыне. Она даже сохранила восточный аромат.

— Так будет потеплее и не сыро. К сожалению, мы не можем предоставить это всем. У нас на борту нет одеял на такую ораву. Мы не ожидали такого груза. Ну ничего, когда войдем в зону льдов, вам принесут горшки с углями.

Никола ловко укрепил на нижних бимсах гамак. Анжелика переложила Онорину так тихо, что девочка даже не проснулась.

— Поблагодарите от моего имени монсеньора Рескатора.

Канадец согласно кивнул и вразвалку удалился в своих огромных сапогах из тюленьей шкуры.

В тесном отсеке нижней палубы стоял храп. Потушили и второй фонарь, оставив свет лишь около раненого. Не и там, кажется, все было спокойно. Анжелика завернулась в свое роскошное одеяло.

Утром спутники не преминут обратить внимание на особый почет, которым удостоили ее. Неужели Рескатор не мог прислать ей что-нибудь

поскромнее, не слишком бросающееся в глаза? Нет, он сделал это нарочно. Ему нравилось выводить людей из себя, возбуждать их любопытство, их зависть, их низменные, необузданные инстинкты.

Это одеяло — тоже оскорбление нищеты других.

Но, возможно, он просто и не принимает других в расчет? Рескатор окружил себя дорогими вещами. Он не умеет делать обычные подарки. Это недостойно его. Похоже, что в его жилах течет благородная кровь, как у... «У него нет шпаги, он носит саблю, но, я поклялась бы, он настоящий сеньор... приветствие, которое он вечером адресовал дамам, не было ни игрой, ни позерством. Он просто не умеет приветствовать иначе, как с истинным благородством. И я никогда не встречала мужчину, который бы умел носить свой плащ так изящно, как он... кроме...»

Ее мысль неизбежно приводила ее к сравнению, которое каждый раз упорно ускользало от нее. Где-то в ее памяти жил человек, которого напоминал Рескатор...

«Он похож на кого-то, кого я хорошо знала. Может быть, именно потому, что иногда мне кажется, будто мы давно знакомы, я веду себя с ним так, словно он мой старый друг... Нет, просто тот был человек такого же склада, ведь «похож» — это прости метафора, я же никогда не видела лица Рескатора... Но непринужденность, естественность, с которой он подчиняет себе других, посмеивается над ними, да, все это мне знакомо... И впрочем... тот тоже носил маску...»

Сердце ее трепетно билось. Ее вдруг бросило в жар, потом — в холод. Она села и поднесла руку к горлу, словно пыталась отвести необъяснимый страх, который овладевал ею.

«Тот тоже носил маску... Но когда он снимал ее...»

Она удержала готовый вырваться из ее груди крик. В мозгу ее словно что-то щелкнуло.

Она вспомнила...

И тут же нервно рассмеялась.

«Ну ладно, пусть так... Теперь я знаю, на кого он похож... Он похож на Жоффрея де Пейрака, моего первого мужа... Именно это сравнение все время ускользало от меня».

Ее продолжало трясти, словно в лихорадке. В голове одна за другой, будто сигнальные огни в ночи Кандии, вспыхивали разноцветные молнии.

«Он похож на него!.. Он прячет свое лицо под маской..., как и Жоффрей де Пейрак, он властвовал на Средиземном море... И если это... он!»

Удушающая волна залила ее грудь. Ей казалось, что ее сердце сейчас

разорвется от радости.

«ОН... И я его не узнала!..»

Потом она перевела дыхание... И почувствовала облегчение и — разочарование!

«Как я глупа!.. Что за безумная мысль! Просто смешно!»

Перед ее мысленным взором снова возникла восхитительная Тулуза и знатный сеньор, который подошел к своей юной супруге. Почти забытое воспоминание. И если она не могла четко вспомнить черты его лица, немного стершиеся в ее памяти, то ясно увидела роскошные черные волосы, которые особенно удивили ее, когда она узнала, что он без парика, и потом, главное, его прихрамывающую походку, что так пугала ее тогда, походку, из-за которой его звали Великим лангедокским хромым.

***

«Какая я глупая! Как я могла хотя бы на секунду допустить подобную мысль?..»

Поразмыслив, она признала, что в Рескаторе есть что-то такое, что могло привести ее к этой нелепой мысли, и у нее просто разыгралось воображение. Язвительность, непринужденность — да. Но у него странная голова — как у хищной птицы, она кажется маленькой на большом гофрированном испанском воротнике. У него уверенная походка, крепкие плечи...

«Мой муж был хромым... Но он приспособился к этой напасти настолько, что о ней забывали... Его блестящий ум восхищал, но в нем не было злости, как у этого морского авантюриста...»

Она заметила, что вся покрыта потом, словно после приступа лихорадки. Натянув на себя мягкое одеяло, она погладила его пальцем.

«Злости?.. То ли это слово?.. Возможно, у Жоффрея де Пейрака были похожие жесты, та же галантность... Но как посмела я сравнивать! Жоффрей де Пейрак был самым знатным тулузцем, знатным сеньором, почти королем. Рескатор же, хотя он самонадеянно и заставляет называть себя монсеньором, в конце концов всего лишь пират, живущий грабежами и незаконной торговлей. Такие люди один день сказочно богаты, назавтра — беднее нищего, их постоянно преследуют, словно висельников. Эти корсары воображают, будто могут уберечь свое богатство. Но нет ничего незыблемого, особенно для них... Легко нажитое богатство легко теряется...»

Она вспомнила маркиза д'Эскренвиля перед его объатым пламенем кораблем.

«Все они — игроки, и игроки опасные, ведь их сила изначально

зидается на том, что они приносят в жертву человеческие жизни. А Жоффрей де Пейрак, напротив, был эпикурейцем. Он ненавидел насилие. Да, жизнь Рескатора зидается на трупах. Ею руки обагрены кровью...»

Она вспомнила о Канторе, о галерах, затонувших под пушками этого пирата. Ведь она собственными глазами видела галеру королевской эскадры, поглощенную морской пучиной вместе с каторжниками-гребцами, видела и легкий трехмачтовый парусник Рескатора, который, словно стервятник, кружил около них.

«И однако именно этот человек притягивает меня... ведь он действительно притягивает меня, я не могу не признаться себе в этом. Надо смотреть правде в глаза».

Анжелика не в силах была сомкнуть глаз. Ведь именно к Рескатору она прибежала за помощью. Именно в его руки отдалась с доверием, совсем утратив благоразумие.

Что имел он в виду, сказав ей, что «согласен на отсрочку долгов»? Каким образом рассчитывает заставить ее оплатить услугу, которую согласился оказать, несмотря на злую шутку, которую она сыграла с ним?

«Вот чем он решительно отличается от моего бывшего мужа. Он не может оказать услугу бескорыстно, сделать что-то просто так, а ведь как раз в этом-то и проявляется истинное благородство. Жоффрей де Пейрак был истинным рыцарем».

Ей пришлось приложить усилие, чтобы произнести это имя, которое она так долго таила в своем сердце.

Жоффрей де Пейрак!

Как давно запретила она себе воскрешать его в своей памяти? Как давно она потеряла надежду найти его в этом мире живым?

Ей показалось, что она уже смирилась с этим. Но охватившее ее волнение заставило вдруг осознать, что надежда, несмотря ни на что, продолжает жить в ней.

Жизни не удалось вычеркнуть из ее памяти те восхитительные годы безмерного счастья. Впрочем, разве сама она сейчас похожа на ту, что некогда была графиней де Пейрак?

«Тогда я ничего не умела. Но была абсолютно убеждена, что умею все. И считала вполне естественным, что он любит меня». Образ супружеской пары, которую являли она и граф де Пейрак, заставил ее улыбнуться. Это поистине стало образом, картинкой, и теперь она могла разглядывать ее без особой грусти, словно портреты двух чужих людей.

Их богатый, пышный дворец, вышколенные слуги, место, которое занимал в королевстве сеньор из Аквитании, все это, казалось ей, не имеет

ни малейшего отношения к заполненному эмигрантами и пиратами таинственному кораблю, плывущему к неведомой земле.

И потом — прошло пятнадцать лет!

Королевство далеко, король никогда не найдет Анжелику дю Плесси-Белльер, бывшую графиню де Пейрак. Но король, по крайней мере, живет в свое удовольствие в окружении своих марионеток, в обрамлении огромного блистательного Версаля. А она...

Да, когда-то и она была одетой в золотую парчу дамой высшего света, фавориткой властителя страны-завоевательницы, которая заставляла трепетать чуть ли не полмира.

Но чем дальше влекло челн ее жизни, тем больше терял свою притягательность Версаль. Он как бы застывал, принимая вид фальшивой и напыщенной театральной декорации.

«Сейчас я вижу, — говорила она себе, — да, ясно вижу, что и правда снова стала самой собой... или, во всяком случае, на пороге того. Потому что всегда, даже при дворе, я страдала, чувствуя неполноту жизни, чувствуя, что я не на своем месте».

Она встала, чтобы взглянуть на опоясывающую корабль пушечную палубу, где спали сраженные невзгодами и усталостью люди.

Охватившее ее вдруг волнение, предвестник нового чувства, почти напугало Анжелику. Разве можно вот так просто отринуть свое прошлое, все то, что тебя формировало, наложило на тебя свой отпечаток, всех тех, кого любила... и кого ненавидела. Это чудовищно!..

И однако это было так. Бедняжка, она чувствовала, что лишилась всего, даже своего прошлого. Она приближалась к той поре своей жизни, когда единственным богатством, которым владеешь и которое никто не сможет у тебя отнять, являешься ты сама. Все те обличья женщины, которые жили в ней и так долго боролись друг с другом, — женщины верной и женщины ветреной, честолубивой и великодушной, мятежной и покорной — помимо ее воли покинули ее и принесли душе мир.

«Неужели я пережила все это только ради того, чтобы в конце концов в один прекрасный день оказаться среди чужих людей на чужом корабле, плывущем в чужие края!»

Но должна ли она забыть также и Жоффрея де Пейрака? Оставить его там, в прошлом?

Острая боль при мысли о том, чем могла бы стать их любовь, пронизала ее, словно удар кинжала. Впрочем, как и многие супружеские пары, с которыми она встречалась, не убили бы они свою любовь за эти годы? Или им все же удалось бы избежать тех ловушек, которые

подстраивает жизнь?

«Трудно сказать. Я знала его так мало...»

Впервые она признавалась себе, что Жоффрей де Пейрак, хотя она и была его женой, всегда оставался для нее загадкой. В недолгие годы их совместной жизни любовь и то наслаждение, которое она приносит, во что так искусно посвящал ее знатный тулузский сеньор старше ее на двенадцать лет, занимали в их жизни гораздо большее место, чем поиски глубокого взаимопонимания, и у нее просто не хватило времени оценить как свои моральные качества, так и реальные и неизменные черты характера Жоффрея де Пейрака, безудержного фантазера, так любившего приводить в замешательство других.

Она и себя научилась понимать только в жестокой борьбе, на которую вызвала ее жизнь и которую она вынуждена была вести в одиночестве.

В одиночестве, всегда в одиночестве.

Хотя она два раза была замужем, была матерью, судьба так распорядилась, что она всегда была одинока.

Одна решала, как ей жить, одна выбирала, повернуть ли ей направо или налево, одна — идти или не идти по той или иной дороге. И не было рядом человека, на плечо которого можно было бы, закрыв глаза, преклонить голову: «Что за важность — куда! Веди меня! Ведь я твоя жена и все, чего хочешь ты, хочу я».

Одиночество приучило ее к тому, что она всегда поступала только согласно своим желанием. И уже начинала замечать, что устала от такой жизни, ведь это так несвойственно женской натуре!

***

И тут Анжелика вдруг возмутилась. Что это она сегодня сетует на одиночество? До сих пор ничто не свидетельствовало о ее склонности к послушанию!

Согласилась бы она теперь на то, чтобы кто-то направлял ее? В конце концов, она лучше, чем большинство мужчин, знает, как должна поступать. И ярмо зависимости только ожесточило бы ее.

Мэтр Берн теперь не замедлит сделать ей предложение. Сейчас он ранен. Это дает некоторую отсрочку. Но он ее любит, он попросит ее руки, и что она ему ответит? И «да» и «нет» казались ей равно невозможными, потому что она и боялась связать себя с ним, и в то же время нуждалась в нем. Ей необходимо было чувствовать себя любимой.

«Вот путы, обретая которые, я вздыхаю с облегчением, — подумала она. — Путы любви. Но может ли любовь, быть без оков?»

Последняя мысль заставила ее вздрогнуть.

«Но это неправда! Я ненавижу любовь! Я не хочу любви!»

***

Ей показалось, что все в ее жизни уже позади. Она навсегда останется одинокой. Останется вдовой. Такова ее судьба: вдова, связанная утраченной любовью, которую она сохранит в сердце до своего смертного часа, связанная тоской по прошлому. Она будет жить достойно. Она вырастит счастливой и красивой Онорину, свое дорогое дитя. На Островах у нее не останется времени скучать, там придется создавать новую жизнь. Она станет другом всем, особенно детям, и не предаст свою женскую судьбу, которая предназначила ее к тому, что бы отдавать себя людям.

Что же касается Рескатора... Она не может не принимать его в расчет. На какое-то время она сумела отодвинуть от себя его образ, но он возвращался, неотступно возвращался к ней. Он был слишком близко.

Его присутствие было слишком живым, осязаемым, и этого оказалось достаточно, чтобы Анжелика растерялась, не зная, как ей избежать ловушек, самая опасная из которых, казалось, находится в ней самой. К счастью, она теперь знает, почему пылает ее сердце, почему так разыгралось воображение. Какое-то неуловимое сходство в поведении, в манерах с тем, кого она когда-то так любила, постепенно заморозило ее. Но она не позволит хозяину «Голдсборо» сделать ее своей игрушкой.

Сон уже одолевал ее... «Да и нет никакого сходства, — твердила она себе, засыпая, — кроме... чего? Надо при первой же возможности внимательно приглядеться к Рескатору...»

Нет, она ни в чем не виновата, просто из-за этого сходства, из-за воспоминаний, которые нахлынули на нее, она, несмотря ни на что, немного... влюблена.

Глава 3

На следующий день мэтр Габриель Берн сделал ей предложение.

Он уже совсем пришел в себя и казался почти здоровым. Он сидел, опираясь на большую подушку, набитую соломой, которую Абигаель и Северина надергали из подстилки для коз и коров в трюме, и хотя левая рука его была на перевязи, снова обрел свой привычный вид: исчезла бледность, глаза смотрели спокойно. Он признался, что умирает от голода. К середине утра мавр, страж апартаментов Рескатора, от имени своего господина принес для раненого маленький серебряный котелок с превосходным рагу, тонко приправленным пряностями, а также бутылку старого вина и два небольших кунжутных хлеба.

Появление огромного мавра вызвало сенсацию. Он выглядел добрым ребенком, и его тут же окружила любопытная детвора, а он смеялся, скаля свои крепкие белые зубы.

— Всякий раз, кто бы из его молодцов ни пришел к нам на нижнюю палубу, он оказывается иной расы, — заметил мэтр Габриель, провожая отнюдь не приветливым взглядом уходящего мавра, — этот экипаж представляется мне более пестрым, чем костюм Арлекина.

— Мы еще не видели азиата, но зато я уже встретил индейца, — взволнованно заметил Марциал, — да, да, я уверен, это индеец, самый настоящий. Он одет, как и все остальные матросы, но у него черные косички и красная, как кирпич, кожа.

Анжелика поставила принесенную еду около мэтра Берна.

— К вам относятся как к почетному гостю.

Торговец что-то неразборчиво пробормотал и, поскольку Анжелика приготовилась его кормить, вдруг почти с гневом воскликнул:

— За кого вы: меня принимаете? Я не новорожденный.

— Но вы еще слабы.

— Слаб? — переспросил он и расправил плечи, но тут же на лице его появилась гримаса боли.

Анжелика рассмеялась. Ей всегда нравилась его спокойная сила. Он словно излучал покой, создавал чувство защищенности. Дородность еще больше придавала ему вид, внушающий доверие. Это не была тучность любителей вкусно поесть, которые напоминают подушку или раздувшегося моллюска. Она как бы выражала его сангвинический темперамент, и в молодости он, должно быть, полнел, не теряя силы. Он выглядел старше

своих лет и потому с первых шагов в своем деле пользовался уважением со стороны клиентов и компаньонов. Отсюда и то непритворное почтение, которое выказывают ему по сей день. Анжелика снисходительно смотрела, как он, поставив около себя котелок и действуя одной рукой, с аппетитом поглощает рагу.

— Вы могли бы стать тонким гурманом, мэтр Берн, если б не были гугенотом.

— Я вполне мог бы стать еще кем-то, — ответил он, бросая на нее загадочный взгляд. — У каждого человека, как у ткани, есть лицо и изнанка. — И добавил, нерешительно поднося ко рту очередную ложку: — Я понимаю, что вы хотите сказать, но, признаюсь, сегодня я голоден, как волк, и...

— Так ешьте же. Я вас просто поддразнила, — нежно сказала она. — Вспомнила, сколько раз вы ворчали на меня в Ла-Рошели за то, что я слишком забочусь о вашем столе и склоняю ваших детей к греху обжорства.

— Но это была приятная война, — признался он с улыбкой. — Увы, как далеки мы сегодня от этого...

Пастор Бокер собирал свою паству. Боцман Эриксон только что сказал им, что все пассажиры должны подняться на верхнюю палубу на короткую прогулку. Погода хорошая, у матросов в такое время дел немного, и пассажиры на палубе не помешают им.

Анжелика осталась одна с мэтром Берном. Она хотела воспользоваться случаем, чтобы выразить ему свою признательность....

— Я еще не имела возможности поблагодарить вас, мэтр Берн, но я снова ваша должница. Вы получили раны, спасая мне жизнь.

Он поднял взгляд и долго смотрел на нее. Она опустила веки. Его взгляд, обычно бесстрашный и холодный, был в ту минуту столь же красноречив, как и вчера вечером, когда он, очнувшись, видел только ее.

— Как же я мог не спасти вас, — сказал он наконец. — Вы дороги мне, как моя собственная жизнь.

Она сделала едва заметный протестующий жест.

— Сударыня Анжелика, вы хотите стать моей женой?

Анжелика растерялась. Решающая минута наступила. Нет, она не впала в панику. И даже, надо признаться, почувствовала нежность к нему. Он любит ее, хочет видеть ее своей подругой перед Богом, и это несмотря на то, что он знает... нет, не знает о ее прошлом... Для мужчины с такими твердыми моральными устоями это было свидетельством его глубокой любви..

Но она чувствовала, что не в силах дать ему ясный ответ, и в смятении сжала скрещенные на груди руки.

Габриель Берн не отрывал взгляда от ее красивого лица с четким профилем, вид которого раздирал ему душу, вызывал почти физическую боль. С тех пор как он уступил искушению и решил жениться на ней, каждый взгляд, брошенный на нее, открывал ему все новые ее совершенства. Ему нравилась даже бледность, которая от усталости легла на ее лицо, — следствие того драматического дня, когда она, словно за руку, повела их всех за собой, вырвала из лап безжалостной судьбы. Он снова видел ее горящий взгляд, слышал, как она повелительным тоном кричала им, чтобы они поторопились.

С развевающимися волосами она бежала через ланды с детьми на руках, спасая их от опасности, движимая той неожиданной силой, которая появляется у женщины в минуту, когда на карту поставлена жизнь. Он никогда не забудет этой картины.

Сейчас около него, преклонив колени, стояла та же женщина, но она казалась ему слабой. Она в растерянности кусала себе губы, и он догадывался, как сильно колотится ее сердце. Грудь ее судорожно вздымалась.

Наконец она ответила:

— Я очень польщена предложением, которое вы сделали мне, мэтр Берн... но я недостойна вас.

Он нахмурился. Стиснул зубы, чтобы не вспылить. Ему потребовалось время, чтобы взять себя в руки, и когда она, удивленная его молчанием, осмелилась взглянуть на него, то увидела, как побледнел он от ярости.

— Меня приводит в бешенство ваше лицемерие, — сказал он без обиняков. — Это я недостойн вас. Не думайте, что меня так легко одурачить. Не такой уж я простак. Конечно, я знаю... я убежден, да, убежден, что вы принадлежите к иному миру, чем я. Да, сударыня. Я знаю, в ваших глазах я всего лишь простой торговец, сударыня.

Захваченная врасплох, испугавшись, не разгадал ли он ее тайные мысли, она смотрела на него с таким ужасом, что он взял ее руку.

— Сударыня Анжелика, я ваш друг. Я не знаю, какая драма разлучила вас с вашей семьей и привела к нищете, в которой я нашел вас... Но знаю, что вы были гонимы и отвергнуты, как волк, изгнанный из стаи, потому что он не хотел выть в унисон со всеми. Вы нашли прибежище в моем доме и были счастливы с нами...

— Конечно, я была счастлива, — ответила она совсем тихо.

Он все еще держал ее руку, и она, приподняв ее, прижалась щекой к

его ладони так смиренно и нежно, что он вздрогнул.

— В Ла-Рошели я не осмеливался говорить с вами об этом, — сказал он глухо, — я чувствовал, нас разделяет какая-то пропасть. Но теперь, мне кажется, теперь мы все стали настолько... равны... после всех событий... Мы плывем к Новому Свету. И вы нуждаетесь в защите, разве не так?

Она несколько раз кивнула головой. Было бы так просто ответить: «Да, я согласна», — и броситься в скромную судьбу, вкус которой она уже знала.

— Я люблю ваших детей, — сказала она, — мне нравилось служить у вас, мэтр Берн, но...

— Но...

— Но роль супруги налагает некоторые обязанности! Он внимательно посмотрел на нее, все еще не отпуская ее руки, и она чувствовала, как дрожат его пальцы.

— Разве вы из тех женщин, кто их страшится?.. — спросил он мягко. В его голосе она уловила удивление. — Но я хотя бы не слишком неприятен вам?

— Дело не в том... — искренне запротестовала она.

И вдруг сбивчиво начала рассказывать ему свою одиссею: об объёме пламенем замке, о детях на пиках, о королевских драгунах, надругавшихся над ней в ту самую минуту, когда убивали ее сына. Она рассказывала и чувствовала, как с ее души словно спадает тяжесть. Эти картины уже утратили свою остроту, и она заметила, что может вспоминать о них более или менее спокойно. Единственная рана, которой она не могла коснуться без боли, — это мертвый Шарль-Анри у нее на руках. Слезы катились по ее щекам.

Мэтр Берн слушал ее очень внимательно, не выказывая ни ужаса, ни жалости.

Потом он долго молчал; думал.

Его ум безжалостно отбрасывал страшные картины надругательства над ее телом, потому что он решил никогда не думать о прошлом той, кого называли сударыней Анжеликой, поскольку никто не знал ее фамилии. Он хотел обращаться только к этой женщине, что была сейчас перед ним, женщине, которую он любил, а не к той незнакомке, отблески бурной жизни которой иногда проскальзывали в ее переменчивых глазах цвета морской волны. Если бы он попытался разгадать ее, узнать о ней все, то сошел бы с ума, мысли о ее прошлом неотступно преследовали бы его.

Он сказал решительно:

— Я думаю, вы несколько преувеличиваете, считая, что эта давняя

драма мешает вам снова жить жизнью здоровой женщины в объятиях супруга, с которым вы будете соединены «для доли лучшей и худшей»^[4]. Если бы все случилось, когда вы были невинной девушкой, конечно, это могло бы жестоко отразиться на вас. Но вы уже били женщиной, и, если я правильно понял вчерашний намек этого вероломного Рескатора, хозяина корабля, женщиной, которая не всегда была робка с мужчинами. Время прошло. Уже давным-давно и ваше сердце, и ваше тело совсем иные, чем в пору тех несчастий. Женщина, как луна, как природа, умеет обновляться. Теперь вы другая. Зачем вам, красота которой, кажется, создана только вчера, отягощать свое сердце воспоминаниями, терзать себя упреками.

Анжелика слушала его с удивлением: этот простолюдин, не лишенный, однако, утонченности чувств, утешает ее? И в самом деле, почему же ее собственный разум не может воспользоваться той жизненной силой, которая, она чувствовала это, возрождается в ее теле? Почему бы ей не отмыться от грязных воспоминаний? Начать все сначала, все, даже вечно таинственный опыт любви?

— Наверное, вы правы, — сказала она, — я должна была бы забыть все это, но, возможно, я не могу отрешиться от прошлого еще и потому, что в нем — гибель моего сына. Ее я не могу вычеркнуть из своей памяти.

— Никто от вас этого и не требует. И все-таки вы должны снова научиться жить. А чтобы развеять ваши сомнения, я даже пойду дальше. Я утверждаю, что вы жаждете мужской любви, жаждете вновь изведать ее. Не обвиняя вас в кокетстве, сударыня Анжелика, скажу, что в вас таится какая-то сила, которая порождает любовь... от вас исходит зов любви.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я когда-нибудь пыталась обольстить вас? — спросила она, с трудом выговаривая слова.

— Вы заставили меня пережить тяжелые минуты, — глухо сказал он.

Под его упорным взглядом она снова опустила глаза. И хотя она защищалась, ей, пожалуй, было даже приятно обнаружить слабость непреклонного протестанта.

— В Ла-Рошели вы еще как бы принадлежали мне, жили под моей крышей, — снова заговорил он. — А здесь мне кажется, что взгляды всех мужчин обращены к вам, что все они страстно желают вас.

— Вы приписываете мне слишком большую власть над мужскими сердцами...

— Власть, силу которой у меня была возможность оценить. Скажите, кем был для вас Рескатор? Вашим любовником, не правда ли? Это просто бросается в глаза...

Он неожиданно так резко стиснул ее руку, что Анжелика сразу оценила его незаурядную силу, хотя он не был привычен к физическому труду. Она упрямо проговорила:

— Он никогда не был моим любовником.

— Вы лжете. Между ним и вами существует какая-то связь, которую даже менее посвященные не могут не заметить, когда вы вместе.

— Клянусь вам, он никогда не был моим любовником!

— В таком случае кто же он вам?

— Все гораздо хуже. Он хозяин, который купил меня за очень большую цену и из рук которого я ускользнула прежде, чем он сумел воспользоваться мною. И сейчас мое положение при нем... двусмысленно, я узнала его и, не скрою, немного побаиваюсь.

— Однако он вас обольщает, это же яснее ясного!

Неожиданно улыбка озарила лицо Анжелики.

— Вот видите, мэтр Берн, так мы, пожалуй, обнаружим новое препятствие для нашей женитьбы.

— Какое же?

— Наши характеры. У нас обоих было время хорошо узнать друг друга. Вы человек властный, мэтр Берн.

Я старалась повиноваться вам, ведь я была вашей служанкой, но не знаю, хватило бы у меня на это терпения, будь я вашей супругой. Я привыкла сама распоряжаться своей жизнью.

— Ну что ж, откровенность за откровенность. Вы тоже женщина с характером; сударыня Анжелика, и вы имеете надо мною власть. Я долго боролся, прежде чем осознал это, и я испугался, догадавшись, до какой степени вы можете поработить меня. К тому же, вы смотрите на жизнь свободно, а это непривычно нам, гугенотам. Мы боимся греха. Мы чувствуем под своими ногами его капканы, его расщелины. Женщина вызывает у нас страх. Возможно, потому что мы считаем ее виновницей грехопадения человека. Я поделился этой мыслью с пастором Бокером...

— И что же он вам ответил?

— Он сказал мне: «Будьте терпимы по отношению к самому себе. Возблагодарите свои желания, ведь они вполне естественны, освятите их таинством брака, и пусть они возвышают вас, а не губят». Я решил последовать его совету. В вашей власти позволить мне исполнить его. Мы оба должны отбросить гордыню, которая мешает нам слышать друг друга.

Он приподнялся, обнял ее за талию, привлек к себе.

— Мэтр Берн, вы же ранены!

— Ваша красота способна воскресить мертвого, вы это прекрасно

знаете.

Вчера вечером другие руки обнимали ее с той же ревнивой страстью. Может быть, мэтр Берн прав, сказав, что она жаждет мужской ласки, чтобы вновь ощутить себя женщиной? Однако когда он захотел прильнуть к ее губам, она неосознанным движением оттолкнула его.

— Не надо, — прошептала она, — о, прошу вас, дайте мне еще немного подумать.

На скулах Берна заиграли желваки. С трудом, но он все же сумел сдержать себя, только побледнел. Отстранившись от Анжелики, он откинулся на соломенную подушку. Он больше не смотрел на Анжелику, а с каким-то странным выражением лица внимательно разглядывал маленький серебряный котелок, недавно принесенный ему мавром Рескатора.

Неожиданно он схватил его и с силой швырнул в переборку, которая темнела у него перед глазами.

Глава 4

Вот уже миновала почти неделя, как «Голдсборо» покинул Ла-Рошель, взяв курс на запад. Анжелика только сейчас подсчитала это на пальцах. Почти неделя пробежала. А она еще так и не дала ответа мэтру Берну.

И ничего не случилось.

Впрочем, что могло случиться? У нее было ощущение, будто она с нетерпением ожидает чего-то, что изменит ее жизнь.

Неужели недостаточно того, что они должны заново начинать жизнь, когда вокруг все так шатко! Однако они шли к этому с готовностью... «Стенания госпожи Маниголь, в конце концов, идут в счет не больше, чем мертвы папистов» — непочтительно заметил мэтр Мерсело. Детей же интересовало только море, а неудобства жизни их не трогали. Пастор регулярно проводил чтения Библии, и теперь на несколько часов эмигранты собирались все вместе.

Если позволяла погода, вечернее чтение проходило на верхней палубе, на виду у странной команды корабля.

— Мы должны продемонстрировать этим не признающим ни веры, ни закона людям тот идеал, который живет в нас и который мы не должны утратить, — говорил пастор Бокер.

Умеющий постичь человеческую душу старик чувствовал, хотя и не говорил об этом вслух, что его немногочисленной пастве угрожает какая-то опасность изнутри, и она, возможно, более серьезна, чем опасность попасть в тюрьму или умереть от рук папистов, которой этим буржуа и ремесленникам, в основном богатым, прочно обосновавшимся в стенах своего города, удалось избежать, покинув Ла-Рошель.

Жестокая судьба, оторвав рошельцев от дома, обнажила их сердца. Даже взгляд у людей стал иным.

Когда вечерняя молитва закончилась, Анжелика с Онориной на руках присела в сторонке. Слова из Священного Писания пришли ей на ум:

«Всеу свое время, и время всякой вещи под небом... Время убивать, и время врачевать... Время любить, и время ненавидеть...»

Когда же придет оно — время любить?

Дни проходили один за другим, и ничего не случалось. А Анжелика чего-то ждала. С того первого вечера на корабле, когда она так долго размышляла иод властью тех противоречивых чувств, которые вызвал у нее Рескатор, она больше не видела его.

Поскольку она пришла к мысли, что должна с осторожностью относиться и к его словам и поступкам, и к своим собственным, его исчезновение, казалось бы, должно было обрадовать ее. А она, напротив, чувствовала, что это ее тревожит. Да и никто больше не видел его. Когда пассажиры выбирались на палубу, чтобы немного размяться, они, случалось, замечали на корме силуэт хозяина — он стоял хам, кутаясь в трепещущий на ветру темный плащ.

Но он больше не вмешивался в их дела и, как казалось, почти не вмешивался в управление судном.

Этим занимался, с мостика выкрикивая в медный рупор приказы, помощник капитана, или, как его все называли, капитан Ясон. Прекрасный моряк, но молчаливый, необщительный, он не проявлял к гугенотам ни малейшего интереса и наверняка не одобрял их появления на корабле. Лицо его всегда было сурово и холодно, что отбивало всякую охоту обращаться к нему. Но Анжелике, когда нужно было что-то выяснить, изредка приходилось по просьбе своих спутников вступать с ним в переговоры. Можно ли постирать? Какой водой?.. Запасы пресной воды предназначены для питья? Значит, придется довольствоваться морской? Первая непредвиденная драма для хозяек... потому что белье оставалось серым, да и пятна смолы не отстирывались. В какое время они могут выходить на палубу, не мешая матросам работать?

А вот к Никола Перро, человеку в меховой шапке, она, напротив, обращалась часто. Похоже было, что у него на корабле нет определенных обязанностей. Чаще всего его видели бродящим по палубе с трубкой в зубах. А потом он подолгу пропадал у Рескатора. Если Анжелике нужно было обратиться к кому-нибудь с просьбой, она передавала ее через Никола Перро, он же брал на себя труд сообщить ответ, смягчая при передаче то, что могло огорчить или задеть ее, потому что сам был человек мягкий и добродушный.

Так случилось и на пятый день пути, когда повара вместе с солониной принесли какое-то странное месиво с тошнотворным запахом, заявив, что все обязательно должны его съесть. Это вызвало возмущение пассажиров. Маниголь счел блюдо подозрительным и отказался наотрез. До сих пор пища, сказал он, которую им приносили, была вполне сносной и в достаточном количестве. Но если сейчас их будут заставлять есть тухлятину, дети заболеют и их путешествие, едва начавшись, кончится всеобщим трауром. Лучше уж ограничиться солониной и жалким куском галеты, которые им давали до сих пор, — обычной пищей моряков.

Во время спора пришел боцман Эрикссон и закричал, что они должны

есть все, что им дают, иначе им впихнут силой, держа за руки и за ноги.

Малорослый, похожий на гнома, непонятной национальности, боцман, должно быть, прошел жестокую моряцкую школу где-нибудь на севере Европы: в Шотландии, в Голландии или на Балтике. Он говорил на смеси английского, французского и голландского, и, хотя торговцы из Ла-Рошели владели этими языками, объясниться с ним было почти невозможно.

Анжелика снова поведала о своих затруднениях Никола Перро, пожалуй, единственному существу на «Голдсборо», к которому можно было подступить. Тот успокоил ее, но сказал, что приказы боцмана надо выполнить. Ведь это приказы самого Рескатора.

— Нас на корабле слишком много для того запаса продуктов, которые мы взяли на борт. Теперь надо строго рассчитывать рацион. На борту еще остались две свиньи, коза и корова. Но их берегут на случай болезней, всякое ведь может случиться. И капитан распорядился открыть бочки с квашеной капустой, он всегда возит ее с собой. Он уверяет, что капуста — превосходное средство от цинги, и это, черт побери, верно, ведь я уже дважды пересекал с ним океан, и у нас в команде не было ни одного тяжелого случая болезни. Надо убедить ваших друзей, что все они должны есть ее каждый день понемногу. Таков приказ по кораблю. Те, кто бунтует, будут посажены за решетку в трюм. И там наверняка им впихнут их порции капусты силой, как гусям.

***

На следующий день, когда боцман пришел посмотреть своими голубыми глазками с ледяным блеском, которые странно бегали на его лице цвета вареного окорока, как они едят капусту, ему был оказан наилучший прием.

— Я все больше начинаю думать, что брошен судьбою в реку подземного царства, — заметил Мерсело, который относился ко всему с юмором образованного человека. — Взгляните-ка на это существо, извергнутое из преисподней... Конечно, в портах мы видели всяких типов, но чтобы такое подозрительное сборище оказалось на одном корабле... В любопытнейшее общество вы ввели нас, сударыня Анжелика...

Анжелика, сидя на пушечном лафете, пыталась заставить проглотить немного кислой капусты Онорину и других малышей, которые собрались около нее.

— Вы — птенчики в своем гнездышке. Ну-ка, откройте клювики! — уговаривала их она.

Когда ее спутники начинали возмущаться «Голдсборо», его хозяином и командой, она чувствовала себя и немного виноватой, и ответственной за

все. Но видит Бог, выбора у нее не было.

Она ответила:

— О! Вы думаете, Ноев ковчег представлял собою менее любопытное зрелище, чем наш корабль? Однако так было угодно Господу...

— И правда — сюжет для размышления, — сокрушенно заметил пастор Бокер, обхватив рукой подбородок. — Если бы нас всех, вместе с ними, унес океан, сумели ли бы мы возродить человечество?

— С живностью подобного рода, мне кажется, это было бы весьма сомнительно, — проворчал Маниголь. — Вы только приглядитесь к ним повнимательней, и сразу заметите, что у каждого из них на ногах рубцы от кандалов.

Анжелика не стала возражать, потому что в глубине души была согласна с ним. Не приходилось сомневаться, что бывший средиземноморский пират набрал своих самых верных людей из бежавших с галер каторжников. Это просто читалось по глазам матросов различных рас, смех и непонятные песни которых доносились до них по вечерам из кубрика, по их, пожалуй, лишь ей понятному возбуждению. Возбуждению людей, которые еще недавно, закованные в цепи, влачили жалкое существование, а теперь вдруг мир стал для них недостаточно велик, а море — недостаточно, просторно. Возбуждению людей, которые окунулись в этот так долго бывший для них недостижимым мир с подспудной мыслью, что они не имеют на это права, со страхом снова потерять свое завоеванное сокровище: свободу.

— Скажите, боцман, зачем вы пичкаете нас этой немецкой капустой? — спросил Ле Галь. — Мы должны сейчас находиться где-то на широте Азорских островов, а там можно будет запастись апельсинами и другой свежей пищей!

Боцман искоса взглянул на него и молча пожал плечами.

— Он не понял, — сказал Маниголь.

— Он прекрасно понял, но не хочет отвечать, — уточнил Ле Галь, провожая взглядом приземистую фигуру боцмана, который выходил вслед за матросами, уносившими котлы.

***

Через несколько дней Анжелика, прогуливаясь по верхней палубе, заметила, что Ле Галь поглощен какими-то таинственными расчетами с помощью часов и буссоли. При ее появлении он вздрогнул и спрятал их под своей рыбацкой накидкой из промасленной ткани.

— Вы не доверяете мне? — спросила она. — Но ведь я абсолютно неспособна понять, что вы вычисляете здесь в одиночестве с вашими

часами и буссолью.

— Нет, сударыня Анжелика, вам я доверяю. Но я подумал, что это подходит кто-нибудь из команды. У вас такая же бесшумная походка, как у них. И не подозреваешь, что вы подходите, а вы уже тут как тут. Даже немножко страшно. Ну, а раз это вы, то все в порядке.

Он понизил голос.

— Там, на стенге, матрос, он наблюдает за мной с высоты, но это ничего. С мачты он не разберет, что я делаю. А все остальные ужинают, кроме рулевого. Сегодня вечером море спокойно, и, будем надеяться, это надолго, но, насколько видит глаз, наш корабль в море совсем один. И я воспользовался этим, чтобы попытаться определить наше местоположение.

— Разве мы так далеко от Азорских островов?

Он бросил на нее насмешливый взгляд.

— Вот именно!.. Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что боцман уклонился от ответа, когда я спросил его об Азорских островах? Ведь если мы идем к Американским островам, это как раз по пути. Меня не удивило бы даже, если б нос корабля указывал прямо на юг. Но идти, как идем мы, держа курс строго на запад, — это весьма странный путь на Антилы или другие острова тропических морей!..

Анжелика спросила его, как ему удалось определить это без таблиц долготы и поясного времени, без секстана, да и без точных часов.

— Я проверяю свои, когда в полдень на борту бьют склянки смены вахты. Значит, это точно астрономический полдень, потому что, проходя по корме, я мимоходом бросил взгляд на приборную доску. У капитана этого корабля отличные приборы! Все как надо! Если уж звонят, то звонят минута в минуту, я убежден... И в курсе его люди тоже не ошибутся! Я сверяю время со своими часами, на которых еще рошельское время. Так вот, часы, буссоль, положение солнца в зените и яри заходе — этого мне хватило, чтобы с уверенностью определить, что мы идем «северным путем», путем ловцов трески и китобоев. Я никогда не ходил по нему, но знаю о нем. Вы только взгляните на море, оно уже совсем иное.

Анжелику его доводы не убедили. Эмпирические рассуждения этого бравого моряка не показались ей доказательными. Но вот, пожалуй, море и впрямь было непохоже на Средиземное, хотя, с другой стороны, ведь это — океан, а она не раз слышала от матросов об ураганах, которые обрушивались на них вдали от Гасконского залива, и слышала, что в некоторые времена года в океане бывает очень холодно, даже на широте Азорских островов...

— Взгляните-ка вокруг, сударыня Анжелика, все словно в молоке, —

настаивал на своем бретонец. — А вы заметили утром, что небо совсем перламутровое: это северное небо? Тут уж никаких сомнений, поверьте мне! Да еще туман! Он тяжелый, словно снег. Весьма опасный путь в дни равноденствия, ведь это время ураганов. Рыбаки никогда не ходят сюда на ловлю трески в такую пору. А вот мы — здесь! Храни нас Господь!..

Голос Ле Галя прозвучал совсем мрачно. Напрасно Анжелика таращила глаза, она не видела никакого тумана; только на северо-западе небо почти сливалось с морем, его отделяла от моря лишь узенькая розоватая полоска на горизонте.

— Ночью будет буря и туман... или завтра, — угрюмо добавил Ле Галь.

Право, он все хочет видеть в мрачных тонах! Он старый морской волк, но и на него произвело впечатление это пустынное водное пространство, где за все время пути они не встретили ни одного корабля. Насколько видит глаз — ни единого паруса! Пассажирам этот однообразный пейзаж казался унылым. Л Анжелика радовалась. Наученная горьким опытом, она знала, что встреч на море лучше избегать.

Вид океана с его высокими и мощными, словно идущими из самой глубины волнами не надоедал ей. К тому же, она не страдала от морской болезни, как, вначале, большинство ее спутников.

Теперь из-за холода они все теснились на нижней палубе. Уже два дня матросы приносили им расписанные рисунками варваров глиняные горшочки с отверстиями сверху и сбоку, наполненные горячими углями. Эти своеобразные жаровни, или, скорее, примитивные печки, давали им достаточно тепла и уменьшали сырость. К тому же по вечерам к горшочкам добавлялись два фонаря с большими сальными свечами. Они не были бы рошельцами, если бы не поинтересовались странной системой обогрева на борту корабля, и каждый из мужчин высказал по этому поводу свое мнение.

— В конце концов, это куда менее опасно, чем открытая жаровня. Но откуда у них такие забавные глиняные горшочки? — поинтересовался кто-то.

Анжелика вдруг вспомнила слова Никола Перро:

«Когда мы войдем в зону льдов, вам принесут горшки с углями, чтобы было тепло».

— Но постойте, — вскричала она, — разве льды могут быть на широте Азорских островов?

Чей-то голос за ее спиной спросил насмешливо:

— А где вы видите здесь льды, сударыня Анжелика?

Маниголь в сопровождении Габриеля Берна и владелец бумажной фабрики Мерсело подошли к ней. Все три гугенота плотно закутались в плащи, надвинули на глаза шляпы. В таком виде их трудно было отличить друг от друга.

— Прохладно, я с вами согласен, но ведь и зима не за горами, к тому же бури равноденствия приносят холод и в эти края.

Ле Галь пробурчал:

— И тем не менее «эти края», как вы изволили выразиться, господин Маниголь, имеют странный вид.

— Ты боишься бури?

— Я боюсь всего!

И он добавил со страхом:

— Посмотрите... Посмотрите же... Разве все вокруг не напоминает вам конец света?..

И действительно, вся внешне спокойная поверхность океана была покрыта мелкими пузырьками, словно закипающая вода в котле. Дневное светило, неожиданно просветлив совсем белое небо, разлило по нему отблеск света потемневшей меди. Красное солнце стало вдруг огромным. Оно нависло над океаном. Потом почти тотчас же исчезло, и все вокруг стало зеленым, а еще минуту спустя — черным.

— Море Тьмы, — вздохнул Ле Галь. — Море древних викингов...

— Просто сейчас мы видели великолепный заход солнца, — сказал Мерсело. — Что в этом особенного?

Но Анжелика догадалась, что он тоже понял необычность явления. Темень, которая поначалу была настолько плотной, что они уже не видели друг друга, начала рассеиваться и уступила место сумеркам. Все вдруг снова стало различимым, даже горизонт, и все-таки они были погружены в безжизненный мир, где не могли возродиться ни цвета, ни тепло.

— Вот это и называется полярной ночью, — сказал Ле Галь.

— Полярной! Ты шутишь! — воскликнул Маниголь.

Он расхохотался, и его громкий смех прозвучал в тишине как святотатство. Он почувствовал это и резко оборвал его. Чтобы обрести самообладание, он отвернулся и посмотрел на вдруг поникшие паруса.

— Ну и каналы же матросы на этом корабле-призраке!

И словно они только и ждала этого возгласа, из всех щелей вдруг повылезали матросы.

Марсовые быстро вскарабкались по вантам и распластались на реях. Как всегда, они делали все бесшумно, и их движущиеся темные фигуры создавали атмосферу какой-то таинственности.

«Сегодня вечером, сегодня ночью что-то произойдет», — подумала Анжелика.

И она приложила руку к сердцу, словно ей не хватало воздуха.

Мэтр Берн стоял рядом с нею. Однако у нее не было уверенности, что он сможет прийти ей на помощь.

С мостика капитан Ясон по-английски выкрикивал команды.

Маниголь облегченно фыркнул.

— Кстати, вы сейчас толковали об Азорских островах. Ты, Ле Галь, плавал больше, чем я, так вот можешь ты сказать, когда мы придем туда? Мне не терпится поскорее узнать, получили ли мои португальские представители посланные мною поручения относительно фондовых бумаг Берега пряностей?

Он похлопал по карманам своего сюртука.

— Когда я буду уверен, что мои денежки при мне, я смогу наконец дать отпор этому заносчивому пирату. А сейчас он обращается с нами как с несчастными горемыками. Мы должны чуть ли не целовать ему руки! Но ничего, скоро мы придем в Карибское море. Не думаю, что там он будет самым сильным.

— В Карибском море хозяева — флибустьеры, — тихо сказал Берн.

— Нет, мой дорогой. Работоторговцы! И лично я уже занимаю среди них прочное положение. Как только я по-настоящему войду в дело, я рассчитываю получить там монопольное право на рабов. Чего стоит судно, которое везет из Африки в Европу только табак и сахар и не наполнило свои трюмы рабами? Нет, корабль, на котором мы плывем, не невольничье судно. Он бы выглядел совсем иначе. И потом, посмотрите, что я нашел, когда, сделав вид, что заплутал, спустился в трюмы.

Он раскрыл ладонь и показал две золотые монеты с изображением Солнца.

— Это следы сокровищ инков! Такие же монеты иногда привозят испанцы. И главное, я заметил, что другие трюмы забиты любопытными приборами для измерения глубины, специальными абордажными крючьями, лесенками и еще Бог знает чем. Напротив, место, предназначенное для фрахтового груза, слишком невелико для такого приличного по размерам торгового судна.

— И к какому же выводу вы пришли?

— Ни к какому, и пока могу сказать лишь одно: этот пират живет разбоем. Как он это делает? Это уж его забота. Но по мне, для нас лучше он, чем какой-нибудь другой пират. О-хо-хо! Пираты, конечно, люди смелые, но они почти ничего не смыслят в коммерции. И они не могут

всерьез господствовать на морях. Мы, торговцы, понемногу идем им на смену. Вот поэтому мне было бы весьма приятно побеседовать с ним. Во всяком случае, он мог бы пригласить меня на ужин.

— Говорят, его апартаменты на полуюте роскошны, там много дорогих вещей, — добавил Мерсело.

Они ждали, что скажет Анжелика, но она, как каждый раз, когда речь заходила о Рескаторе, чувствовала какую-то тревогу и потому не проронила ни слова. Мэтр Берн смотрел на нее, ища ее взгляда.

***

Почему темнота, вместо того, чтобы сгущаться, напротив, рассеивается? Словно приближается новая заря. Цвет моря снова начал меняться. Иссиня-черное, оно вдали казалось разрезанным надвое какой-то бело-зеленой, как полынная водка, полосой. Когда «Голдсборо» оказался в этой полосе, его борта задрожали, словно бока лошади, почуявшей опасность.

С капитанского мостика одна за другой летели команды.

Берн вдруг понял, что прокричал сверху, с марса, по-английски матрос-наблюдатель.

— Айсберг по правому борту, — повторил он.

Они все как по команде повернулись. Огромная глыба льда, словно призрак, надвигалась на корабль. Матросы с баграми и связками канатов, быстро распределившись вдоль леерного ограждения со стороны айсберга, приготовились отразить смертельное столкновение с этой горой, от которой исходило ледяное дыхание.

К счастью, ведомое опытной рукой хозяина, судно уверенно миновало опасное препятствие. Сзади айсберга небо было еще светлое, но теперь серый туман казался розовым.

Онемевшие от страха пассажиры, боясь верить своим глазам, отчетливо различили на айсберге три темные точки, которые вдруг тяжело отделились от него, стали большими и, по мере того как они приближались к судну, превращались в какие-то странные белые создания в перьях.

— Ангелы! — выдохнул Ле Галь. — Это смерть.

Габриель Берн хранил невозмутимое спокойствие.

Обняв Анжелику за плечи, чего она даже не заметила, он сухо поправил:

— Альбатросы, Ле Галь... просто полярные альбатросы.

Три огромные птицы продолжали приближаться к судну, то описывая огромные круги, то опускаясь на темную воду.

— Это знак беды, — сказал Ле Галь. — Неминуема буря, и мы все

погибнем.

Внезапно Маниголь разразился проклятиями.

— Я что, схожу с ума? Брежу? Сейчас день? Или ночь? Кто сказал, что мы на широте Азорских островов? Проклятие! Братья мои, теперь мы знаем, что идем вовсе не на Острова...

— Именно это я и говорю, господин Маниголь.

— А ты не мог сказать этого раньше, болван!

Ле Галь вскипел.

— А что бы это изменило? Ведь хозяин на корабле не вы, господин Маниголь.

— Это мы еще посмотрим!

Они все замолчали, потому что вновь неожиданно наступила темень и они уже не видели друг друга. Странная заря растаяла.

И тотчас же на палубе засветились фонари. Один из них приблизился к Анжелике и четверем мужчинам. В круге света вырисовывалось худощавое лицо старого арабского врача Абд-эль-Мешрата. От холода оно совсем пожелтело, хотя было укутано по самые очки.

Он несколько раз поклонился Анжелике.

— Хозяин корабля просит вас пожаловать к нему. Он желает, чтобы ночь вы провели у него.

Произнесенные самым любезным тоном по-французски, эти слова были вполне ясны. Ошеломленная Анжелика вскипела. Она уже хотела отклонить предложение, которое сочла оскорбительным, но ее опередил Габриель.

— Вонючий клоп! — вскричал он дрожащим от ярости голосом. — Как посмели вы передать даме такое оскорбительное предложение, уж не думаете ли вы, что находитесь на алжирском рынке?

Он поднял кулак. От резкого движения его снова пронзила боль, и он, с трудом сдерживаясь, чтобы не застонать, вынужден был опустить руку. Анжелика стала между ними.

— Вы сошли с ума! Так не говорят с эфенди.

— Эфенди или нет, но он вас оскорбляет. Подумайте только, сударыня Анжелика, он принимает вас за женщину... за женщину, которая...

— Этот бандит считает, что имеет права на всех нас, на наших жен и дочерей, — вмешался Мерсело. — Это неслыханно.

— Успокойтесь, — взмолилась Анжелика. — В конце концов, не из-за чего ломать копья, дело касается только меня. Его превосходительство великий врач Абд-эль-Мешрат всего лишь передал мне... приглашение, которое под иными небесами, ну, к примеру, на Средиземном море, можно

было бы почитать за честь.

— Опасную честь, — сказал Маниголь, затравленно оглядываясь. — И правда, мы попали в руки берберов, ни больше ни меньше. Половина команды состоит из этого сброда, и я побился бы об заклад, что в жилах самого хозяина тоже есть басурманская кровь, хотя он и выглядит испанцем, он или андалузский мавр или незаконный сын мавра, вот кто он такой...

— Нет, нет, — горячо запротестовала Анжелика, — и абсолютно убеждена, что он исповедует не ислам. Мы на христианском корабле.

— Христианском!

— Ха-ха! Вот уж сказали! Христианский корабль! Сударыня Анжелика, вы теряете разум. Впрочем, есть из-за чего.

Арабский врач с бесстрастным и презрительным видом ждал, кутаясь в свой бурнус. Его исполненная достоинства осанка и удивительно умный взгляд напоминали Анжелике Османа Ферраджи, и она испытывала сострадание, видя, как он дрожит в этой холодной ночи.

— Эфенди, простите мне, что я позволила себе заколебаться, и примите мою искреннюю благодарность за то, что вы взяли на себя труд прийти сюда. Я отвергаю требование, которое вы передали мне, оно неприемлемо для женщины моей религии, но готова последовать за вами, чтобы самой дать ответ вашему господину.

— Хозяин этого корабля не господин мне, — мягко ответил старик, — он мой друг. Я спас его от смерти, он спас меня от смерти, и мы заключили с ним союз двух разумов.

— Я надеюсь, вы не собираетесь принять предложение этого пирата? — вмешался Габриель Берн.

Анжелика нежно положила руку на плечо торговца.

— Предоставьте мне право самой объясниться с ним. Уж коли он выбрал такой час, пусть будет так. По правде сказать, я не знаю ни его желаний, ни его намерений.

— Зато я слишком хорошо знаю это, — отозвался Берн.

— Не уверена. Он настолько необычный человек...

— Вы говорите о нем с такой снисходительной фамильярностью, будто знакомы с ним уже невесть сколько времени...

— Я и правда знаю его достаточно давно для того, чтобы не бояться с его стороны... того, чего боитесь вы.

И с едва заметной улыбкой, немного провоцируя его, она добавила:

— Поверьте мне, мэтр Берн, я умею защитить себя. Я сумела противостоять большим опасностям, чем он.

— Но ведь я опасаясь не насилия, — сказал Берн вполголоса, — а слабости вашего сердца.

Анжелика не ответила. Они говорили, почти не видя друг друга, потому что матрос с фонарем уже удалялся, за ним следовал арабский врач, а чуть поодаль — Маниголь и Мерсело. Все они уже были у трапа, ведущего на нижнюю палубу.

Габриель Берн наконец решился.

— Если вы отправитесь к нему, я пойду с вами, — громко сказал он.

— Это было бы величайшей ошибкой, — сказала Анжелика нервно. — Вы только напрасно вызовете его гнев.

— Сударыня Анжелика права, — вмешался издали Маниголь. — Она уже не раз доказала, что умеет постоять за себя. Я вполне согласен с нею, она должна объясняться с этим типом. Он взял нас на свое судно, прекрасно. Но сам вдруг куда-то исчез, а мы оказались в полярных водах. Что все это означает?

— Слова, которыми арабский врач передал просьбу монсеньора Рескатора, дают основания предполагать, что он желает разговаривать с сударыней Анжеликой не о широтах и долготах, — пробурчал Берн.

— Она может принудить его поговорить и об этом, — доверительно сказал Маниголь. — Какого черта, Берн! Ты что, боишься этого величественного верзилы, которому нечем обольщать, кроме как кожаной маской? Я не думаю, что это так уж волнующе для дам, разве я заблуждаюсь?

— Я боюсь того, что у него под маской, — еле слышно прошептал Берн.

Он готов был на все, лишь бы помешать Анжелике повиноваться Рескатору. Его глубоко задело ее согласие принять предложение, сформулированное так оскорбительно. Но вспомнив, как она ответила ему, когда он просил ее руки, что боится не выдержать принуждения, боится потерять свободу поступать по своему усмотрению, счел за благо проявить лояльность и заставил себя смириться.

— Ну ладно, идите! Но если через час вы не вернетесь, тут уж вмешаясь я.

***

Когда Анжелика поднималась по ступенькам трапа на полуют, мысли ее были так же беспокойны, как и море. Как неистово и беспорядочно вздыбились вдруг волны, так и всколыхнувшиеся в ней чувства, которые она неспособна была даже определить, что это — гнев, тревога, радость или надежда, сменились вдруг страхом, и он свинцовой тяжестью

опустился на ее плечи.

Да, сейчас что-то произойдет! Что-то ужасное, сокрушающее, от чего она не оправится.

Она подумала, что ее впустили в апартаменты Рескатора, но, когда дверь за нею закрылась, увидела, что находится в тесной каюте, освещенной свисающим с потолка фонарем в двойной раме, чтобы он не раскачивался.

В каюте никого не было. Оглядев ее повнимательней, Анжелика решила, что эта узкая и низкая каюта, наверное, соединена с апартаментами Рескатора, потому что в глубине ее находилось такое же высокое окно, как на полуяте. За портьерой, закрывавшей стену, Анжелика обнаружила дверь. Это подтвердило ее предположение о том, что каюта соединена с салоном, в котором она однажды уже была. Она повернула дверную ручку, чтобы убедиться в своей догадке, но дверь не поддавалась. Она была заперта на ключ.

Со смешанным чувством раздражения и покорности судьбе Анжелика села на тахту, которая занимала почти всю каюту. После раздумий она пришла к выводу, что эта каюта скорее всего служит Рескатору для отдыха. Наверное, здесь он и находился в вечер их отплытия. Когда она, придя в себя на персидской тахте, почувствовала, что за ней исподтишка наблюдают.

Привести ее в тот вечер в свои апартаменты — уже одно это было с его стороны дерзостью.

Но она все поставит на свои места! Она ждала, по степенно начиная терять терпение. Наконец решив, что это становится невыносимым и он просто издевается на нею, поднялась, чтобы уйти.

И была неприятно удивлена, обнаружив, что дверь через которую ее впустили сюда, тоже заперта на ключ. Она с криком начала колотить по ней. Но ее голос тонул в свисте ветра и шуме моря. И в этот вечер с наступлением ночи волны сильно разбушевались.

Неужели началась буря, которую предсказывал Ле Галь?

Она подумала о том, что они могут столкнуться с айсбергами, и ей вдруг стало страшно. Держась за переборки, она добралась до окна, которое снаружи слабо освещал задний сигнальный фонарь. Волны то и дело заливали толстое стекло потоками воды, оставляя на нем похожую на снег пену, которая медленно сползала вниз.

И все же в просвете Анжелика увидела за стеклом на гребне волны, совсем близко, белую птицу, которая злобно смотрела на нее.

Она в ужасе отпрянула назад.

«Может быть, это душа какого-нибудь утопленника? Должно быть, в этих краях потонуло немало кораблей... Но почему меня держат здесь взаперти, одну?»

Судно резко накренилось, она отлетела от переборки и после тщетных усилий удержаться на ногах снова невольно оказалась на тахте.

Тахта была покрыта белым мехом, очень густым и, наверное, дорогим. Анжелика машинально погрузила в него заледеневшие руки. Она слышала, что на севере бывают медведи такие же белые, как снег. Верно, покрывало сделано из меха такого медведя.

«Куда нас везут?»

Ее раздражало, что над головой у нее раскачивается странное устройство, в которое был заключен фонарь, отчего находящийся в центре его сосуд с маслом, где плавал фитиль, непостижимым образом оставался неподвижным. Сам же фонарь, сделанный из золота, был весьма забавен. Никогда — ни во Франции, ни в странах ислама — Анжелика не видела ничего подобного: резной шар или чаша с переплетающимся орнаментом, через который просачивался желтоватый свет.

К счастью, буря, кажется, не становилась сильнее. В секунды тишины до Анжелики доносились голоса. Ей никак не удавалось определить, откуда они идут. Один голос был глухой, другой громкий и низкий, временами можно было уловить отдельные слова команды:

— Отдать паруса... Поднять фок и бизань... штурвал до отказа!

Это был голос капитана Ясона, наверное, он передавал приказы Рескатора.

Решив, что они в салоне, Анжелика снова забарабанила в дверь. И вдруг поняла, что они находятся над ней, на капитанском мостике.

Непогода потребовала там присутствия двух капитанов. Должно быть, объявили аврал, вся команда поднята. Но зачем тогда Рескатор заставил ее прийти сюда для — галантного или нет — свидания с ним? Ведь не мог же он не знать, когда посылал за нею, что потребует его присутствие на капитанском мостике.

«Надеюсь, Абигаель или Северина позаботятся об Онорине... Впрочем, мэтр Габриель сказал, что придет и устроит скандал, если через час я не вернусь к ним», — успокаивала она себя.

Однако прошло уже куда больше часа. Время идет, и никто не появляется, чтобы освободить ее. Выбившись из сил, она наконец прилегла на тахту, потом свернулась калачиком на белом меху и в его тепле задремала. Сон был тревожный, она то и дело внезапно просыпалась, и волны, бьющие в окно, создавали ощущение, будто она поглощена морем и

находится в каком-то подводном замке, где неясные звуки голосов двух мужчин, борющихся с бурей, смешивались в ее сознании с мыслями о печальных фантомах, блуждающих между льдами в краю, напоминающем чистилище.

Когда она проснулась, свет фонаря показался ей еще более тусклым. Наступал день. Она села на своем ложе. «Что я здесь делаю? Это недопустимо!»

Никто так и не появился.

У нее болела голова. Волосы растрепались. Она отыскала свой чепчик, который сняла, перед тем как лечь. Ни за что на свете она не хотела бы предстать перед Рескатором в таком виде — небрежно одетой, растерянной. А может, именно этого он и хотел добиться? Его коварство непредсказуемо, его ловушки, а также и его цели, в особенности в отношении нее, трудно разгадать.

Анжелика поспешно встала, чтобы привести себя в порядок, и по женской привычке поискала глазами зеркало.

Оно было прикреплено к переборке. Это бесценное сокровище в массивной золотой оправе сияло каким-то дьявольским светом. Она с облегчением подумала, что, слава Богу, не заметила его ночью.

В ее тогдашнем состоянии оно привело бы ее в ужас. Этот круглый, неизмеримо глубокий глаз, уставившись на нее, сразил бы ее наповал. Оправа представляла собой гирлянду солнц, переплетенных с радугами.

Вглядевшись в свое отражение в зеркале, Анжелика увидела существо с зелеными глазами, с бледными губами и светлыми волосами, возраст которого невозможно определить — ни дать ни взять сирена, которые, впрочем, сохраняют вечную молодость.

Она попыталась разрушить этот образ, заплела распущенные волосы в косы и плотно спрятала их под чепчик. Потом покусала себе губы, чтобы хоть немного вернуть им краску, и постаралась принять как можно более непринужденный вид. И все же она продолжала недоверчиво рассматривать себя. Это зеркало было какое-то диковинное.

Необыкновенно прозрачное, с красно-коричневым золотистым отливом, оно создавало вокруг лица мягкие тени, таинственный ореол. Даже в своем скромном чепчике прислуги из Ла-Рошели Анжелика выглядела каким-то загадочным идолом.

«Неужели я такая и есть, или это волшебное, магическое зеркало?»

Когда дверь открылась, она еще держала зеркало в руке.

Она спрятала его в складках юбки, сокрушаясь в душе, что непринужденным жестом не повесила на место. В конце концов, неужели

женщина не имеет права посмотретья в зеркало!

Глава 5

Дверь в смежную каюту открылась. Держа рукой край откинутой портьеры, на пороге стоял Рескатор. Анжелика напряглась всем телом и холодно посмотрела на него.

— Могу я спросить вас, сударь, почему вы заперли меня...

Он прервал ее, сделав ей знак приблизиться.

— Пройдите сюда.

Голос его звучал еще глуше, чем обычно, и он два раза закашлялся. Она нашла, что у него усталый вид. В нем что-то изменилось, сделало его меньше... меньше андалузцем, сказал бы мэтр Маниголь. Сейчас, пожалуй, он и вовсе не походил на испанца. Теперь она не сомневалась, что он француз. Впрочем, это не делало его более доступным. На маске поблескивали крошечные капельки воды, но сам он уже успел переодеться в сухое.

Пройдя в салон, Анжелика увидела валяющиеся в беспорядке плащ с широкими рукавами, короткие штаны, сапоги — все, в чем он находился на капитанском мостике во время бури.

— Вы испортите свои прекрасные ковры, — сказала она.

— Пустяки.

Он зевнул, потягиваясь.

— О, вот уж, верно, тоска для мужчины — иметь рядом с собой хозяйку. И как это люди женятся?

Он буквально рухнул в кресло около столика, ножки которого были надежно прикреплены к палубе. От сильной качки многие предметы попадали. Анжелика едва удержалась, чтобы не поднять их. Замечание Рескатора дало ясно осознать, что от этого человека не приходится ждать любезностей и каждый ее жест послужит для него поводом унижить ее.

Он даже не предложил ей сесть. Вытянув свои длинные ноги, он, казалось, размышлял.

— Хороша была битва! — наконец сказал он. — Море, льды и наша скорлупка среди них. Слава Богу, буря не разыгралась вовсе.

— Не разыгралась, — повторила Анжелика, — но все же море показалось мне очень бурным.

— Да нет, это еще не бурное. Но терять бдительность было нельзя.

— Где мы находимся?

Вместо ответа он протянул к ней руку:

— Дайте-ка мне зеркальце, которое вы там спрятали. Я уверен, оно вам нравится.

Он повертел его в руке.

— Еще одно доказательство того, что сокровища инков существовали... Иногда я думаю, неужели сказки о них — не сказки? Огромный индейский город с хрустальными башенками, стены, покрытые листами золота и инкрустированные драгоценными камнями...

Он разговаривал сам с собой.

— Инки не знали стекла: это зеркало сделано из золотой амальгамы. Вот почему, когда в него смотрят, оно придает лицам роскошь золота и мимолетность ртути. Женщина видит себя в нем именно такой, какова она есть на самом деле: прекрасной и мимолетной мечтой. Это зеркало — редчайшая вещь. Оно нравится вам? Вам бы хотелось иметь его?

— Нет, благодарю вас, — холодно ответила она.

— Вы любите драгоценности?

Придвинув к себе стоящий на столе железный ларец, он снял тяжелую крышку.

— Взгляните.

Он поднял жемчужное ожерелье с застежкой из позолоченного серебра — восхитительные жемчужины молочного цвета, отливающие всеми цветами радуги. Продемонстрировав ей это сокровище, он положил его на стол и взял другое — длинное ожерелье, в котором жемчужины были с золотистым отливом, все одинаковой величины, одинаковой яркости, и казалось чудом, что их так много собрано вместе. Это ожерелье можно было десять раз обернуть вокруг шеи, и все равно оно спускалось бы до колен.

Анжелика бросила на эти чудеса недоумевающий взгляд. Они оскорбляли ее убогое платье из бумазеи, ее черный суконный корсаж, надетый поверх блузы из грубой ткани. В своем плебейском наряде она вдруг почувствовала себя неловко.

«Жемчуга?.. Я носила такие же прекрасные, когда была придворной дамой, — подумала она и тотчас же поправила себя: — Ну, пожалуй, не совсем такие же...»

Потом у нее мелькнула другая мысль:

«Конечно, всегда приятно иметь такие прекрасные вещи, но вместе с тем это было и тяжким бременем. Зато теперь я свободна».

— Хотите, я подарю вам одно из этих ожерелий? — спросил Рескатор.

Анжелика посмотрела на него почти с ужасом.

— Мне? Но что, по-вашему, я буду делать с ним там, куда мы плывем?

— Вы сможете продать его вместо того, чтобы продавать себя.

Она вздрогнула и почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Нет, право, никогда еще она не встречала мужчину, который бы при каждой встрече оскорблял ее с такой невыносимой заносчивостью и в то же время относился к ней с таким деликатным вниманием.

Он с любопытством наблюдал за ней. Потом неожиданно вздохнул.

— Нет, — сказал он с разочарованным видом, — ни вождения в ваших глазах, ни жадного огня, который зажигается в глазах женщин при виде драгоценностей...

Это даже начинает раздражать.

— Если я так раздражаю вас, — ответила Анжелика, — зачем вы держите меня здесь? Вы даже не проявили простой любезности, предложив мне сесть. Поверьте, такое отношение не доставляет мне удовольствия. И почему вы продержали меня пленницей всю ночь?

— Этой ночью, — сказал Рескатор, — мы находились в смертельной опасности, Я никогда не видел, чтобы льды пришли в эти широты, где бури, которые случаются в дни равноденствия, очень злы. Я сам был удивлен, почувствовав их приближение, и мне пришлось одновременно противостоять двум опасностям, от объединения которых не жди пощады: буре и льдам, и я еще добавлю — ночи.

К счастью, как я вам уже сказал, каким-то чудом внезапно изменился ветер, и море немного утихло. Мы смогли бросить все силы на то, чтобы избежать столкновения со льдами, и к рассвету нам это удалось. Но вчера вечером мы были на грани катастрофы. Вот я и послал за вами...

— Но почему? — повторила Анжелика в недоумении.

— Потому, что корабль имел все шансы получить течь, и я хотел, чтобы в минуту смертельной опасности вы были со мною рядом.

Ничего не понимая, Анжелика уставилась на него. Неужели он говорит серьезно? Невероятно! Это опять его мрачные шутки!

Прежде всего, всю эту непостижимую грозную ночь она проспала, не подозревая, что опасность совсем рядом.

И потом, как может он говорить, что хотел в час смертельной опасности видеть ее рядом с собой, когда сам с откровенным презрением оскорбляет ее.

— Вы смеетесь надо мной, монсеньор? Зачем вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь над вами и сейчас скажу вам, почему.

Анжелика уже овладела собой.

— Во всяком случае, если опасность была так велика, как вы утверждаете, то лично я, к вашему сведению желала бы в такую минуту

быть рядом с дочерью и своими друзьями.

— Особенно рядом с мэтром Габриелем Берном?

— Да, — подтвердила она, — рядом с Габриелем Берном и его детьми, я всех их люблю, словно это моя семья. Перестаньте считать меня собственностью и распоряжаться мною, как вам заблагорассудится.

— Однако нам надо обговорить кое-какие долги, я предупреждал вас об этом.

— Возможно, — ответила Анжелика, все более повышая тон, — но прошу вас на будущее, когда вы надумаете пригласить меня для беседы, делайте это в менее оскорбительной форме.

— Что вы имеете в виду?

Она повторила то, что сказал ей арабский врач: монсеньор Рескатор хотел бы, чтобы она провела ночь в его апартаментах.

— Но ведь так оно и есть. В моих апартаментах вы находились в двух шагах от капитанского мостика, и в случае опасности...

Он сардонически рассмеялся:

— А вы надеялись на нечто иное?

— Нет, не надеялась, — жестко сказала Анжелика, платя ему той же монетой. — Боялась — да, ибо ни за что на свете не хотела принимать знаки внимания со стороны человека, столь мало галантного, человека, который...

— Не бойтесь. Я ведь не скрыл от вас, что ваш нынешний облик вызывает у меня глубокое разочарование.

— Слава Богу!

— Лично я готов поклясться — здесь даже дьяволу уже нечего добавить! Какой крах! Я хранил в памяти волнующую одалиску с солнечными волосами, а нашел женщину в чепце, благонравную мать семейства, нечто вроде монахини... Поверьте мне, есть отчего изумиться даже такому закаленному пирату, как я, который на своем веку повидал много женщин...

— Сожалею, что с товаром произошла неувязка, монсеньор. Надо было бы как-то постараться сохранить его, когда он был в надлежащем виде...

— И ваше высокомерие вместе с ним!.. Экая заносчивость! Когда там, на невольничьем рынке Кандии, вы стояли, униженно опустив голову...

Анжелика снова пережила час своего позора. Час, когда ее, обнаженную, выставили напоказ под вождеденные взгляды мужчин.

«Я готова была и на худшее, лишь бы выжить...» Его странный голос вдруг зазвучал серьезно:

— О, вы были так прекрасны, госпожа дю Плесси, когда ваше тело прикрывали только волосы, ваши глаза напоминали глаза загнанной пантеры, а на спине виднелись следы весьма нелюбезного обращения с вами моего друга маркиза д'Эскренвиля. В общем, вы были прекрасней, неизмеримо прекрасней, чем сейчас в своей буржуазной надменности... А если к этому добавить, что вы имели честь быть любовницей короля Франции, а это, естественно, окружало вас ореолом, то стоили вы дорого... Уж поверьте мне!

Это было уже чересчур. Он бросает ей в лицо клевету, которую она слышала только от придворных, а главное, возвращается к ее прошлому, давая понять, что раньше она была куда красивее. Ну и грубиян! Ее охватила ярость.

— Ах вот как! Вам мало моей спины в рубцах? Так смотрите же! Смотрите, что люди короля сделали с той, которую считали любовницей его величества!

Она принялась яростно рвать шнуровку своего корсажа, распуская его, оттянула ворот кофты, обнажила плечо.

— Смотрите, — повторила она. — Они клеймили меня цветком лилии!

***

Рескатор поднялся и подошел к ней. Он осмотрел след от раскаленного железа со вниманием ученого, изучающего редкий экспонат. Ничто не отражало тех чувств, которые вызвало у него это признание.

— И правда! — сказал он наконец. — А гугеноты знают, что среди них находится особа, заслуживающая виселицы?

Анжелика уже сожалела о своем необдуманном поступке. Палец Рескатора словно бы невзначай ласково гладил маленький загрубевший шрам, и это прикосновение привело ее в дрожь. Ей хотелось снова натянуть на себя корсаж. Рескатор привлек ее к себе, положил свою твердую крепкую ладонь ей на запястье.

— Они знают об этом?

— Один из них знает.

— Так во Французском королевстве клеймят проституток и каторжников...

Она могла бы добавить, что так же клеймят женщин-протестанток и ее приняли за одну из них. Но ее охватила паника. Та самая паника, которую она уже не раз переживала, которая парализовывала ее в руках мужчины, когда тот пытался внушить ей, что желает ее.

— О, что за важность! — сказала она, вырываясь. — Думайте обо мне

все, что вам угодно, но только оставьте меня в покое.

Рескатор с силой, совсем как в тот первый вечер, прижимал ее к себе, и она не могла ни поднять голову к жесткой маске, которая маячила над нею, ни оттолкнуть ее. Его рука была крепче, чем железный ошейник.

Другую руку он поднес к шее Анжелики, и его пальцы осторожно скользнули к груди, которую прикрывала только полурасстегнутая кофта.

— Вы надежно прячете свои сокровища, — пробормотал он.

Уже давно ни один мужчина не позволял себе по отношению к ней такой дерзости. Она напряглась под уверенной рукой.

Рескатор был настойчив: он знал свою власть.

Анжелика не могла шелохнуться, она с трудом дышала. С ней происходило что-то странное. Ее бросило в жар, ей показалось, что сейчас она умрет.

Однако чувство самосохранения оказалось сильнее. Она с трудом проговорила:

— Оставьте меня! Отпустите!

Его лицо под маской сморщилось, словно от боли.

— Я внушаю вам такой ужас? — спросил он.

Он уже не удерживал ее больше.

Она отодвинулась к переборке, и ей пришлось опереться на нее.

Он изучающе смотрел на Анжелику, и она поняла, что ее реакция озадачила его.

Она совсем потеряла чувство меры, а это было так несвойственно ей.

«Ты никогда больше не будешь настоящей женщиной», — твердил ей какой-то внутренний голос, наполняя ее горечью. Потом она постаралась взять себя в руки: «В объятиях этого пирата?.. О, нет, никогда! Он достаточно засвидетельствовал мне свое презрение. Кнут и пряник — вот, по-видимому, с помощью чего он добивался успеха у восточных женщин. Но со много так не получится. Если я попаду в его сети, он превратит меня в несчастнейшее создание, порочное создание... А я и без него уже достаточно настрадалась из-за своих ошибок».

Но странно, в глубине души она чувствовала разочарование. «Иногда мне кажется, что он единственный, кто мог бы...»

Что с ней? Приятное беспокойство под вкрадчивыми пальцами — она снова познала это — вновь пробудило ее чувства, породило искушение уйти от одиночества? С ним она не знала бы страха, она уверена в этом, однако в ее глазах застыл ужас, и он, должно быть, читает его в них. Но он не знает, что не он тому причиной.

И сейчас еще она не осмеливалась смотреть на него. Как человек

умный, Рескатор, казалось, принял свою неудачу философски.

— Честное слово, вы защищаетесь более яростно, чем какая-нибудь девственница. Кто бы мог подумать!

Скрестив руки на груди, он облокотился о стол.

— Ну ладно. Ваш отказ — дело серьезное. А как вы относитесь к нашей сделке?

— Какой сделке?

— Мне кажется, я правильно понял, когда вы пришли ко мне в Ла-Рошели, что в обмен на то, что я возьму на судно ваших друзей, вы вернете мне рабыню, которой я не сумел воспользоваться согласно моим желаниям и моим правам.

Анжелика почувствовала себя виноватой, как торговец, уличенный в том, что он пытается нарушить условия договора.

Когда она под проливным дождем бежала по ландам, одержимая единственной мыслью вырвать своих гонимых королем друзей из этой проклятой страны, она знала, что, обратившись за помощью к Рескатору, принесла в жертву себя. Но тогда все это показалось ей пустяком. Важным было одно — помочь им бежать.

Теперь он напоминал ей, что пришло время платить долг.

— Но... разве вы не сказали сейчас, что я не нравлюсь вам? — спросила она с надеждой.

У нее был просто дар веселить Рескатора.

— Женские плутни и недобросовестность в выполнении своих обязательств всегда лишены доводов, даже самых нелепых, — проговорил он наконец сквозь хриплый смех, в котором ей послышалась угроза. — Дорогая моя, здесь я хозяин! Я могу позволить себе изменить свое мнение даже в том, что касается вас. Вы не лишены обаяния. В гневе вы весьма обольстительны, и в вашей порывистости есть свое очарование. Признаюсь вам, уже не первый день я мечтаю избавить вас от ваших чепчиков и монашеских одеяний и больше обнажить то, что сейчас вы соизволили лишь приоткрыть мне.

— Нет, — сказала Анжелика, теснее кутаясь в свои одежды.

— Нет?

Он подошел к ней с показным небрежением. Она сочла, что у него тяжелая, напористая походка. Несмотря на внешнюю развязность, что все же отличало его от строгого идальго, он изображал из себя сурового испанского гранда. Иногда он выходил из этого образа. Забавлялся, развлекался. А потом вновь проявлял свою безжалостную властность, и тогда ей становилось страшно.

В эту минуту Анжелика знала, что если даже она соберет все свои силы — и физические, и моральные — это ее не спасет.

— Не надо, — сказала она торопливо, — это невозможно! Ведь вы уважаете законы ислама, вспомните, они гласят, что нельзя силой брать чужую жену. Я связана обещанием с одним из моих друзей. Мы должны пожениться... через несколько дней... прямо здесь, на корабле.

Она несла невесть что. Но ей нужно было срочно возвести между ними стену. Вопреки ожиданиям, ее слова произвели впечатление.

Рескатор резко остановился.

— Один из ваших друзей, вы говорите? Раненый?

— Д... да.

— И он-то и знает?

— Что знает?

— Что вы клеймены цветком лилии?

— Да, он.

— Ого! Для гугенота это мужественный шаг! Плениться такой потаскухой!

Его возглас поразил ее. Она приготовилась к тому, что он встретит эту новость каким-нибудь циничным замечанием. А он казался задетым.

«Это потому, что я напомнила ему о законах ислама, он относится к ним с уважением», — подумала она. Словно прочтя ее мысли, он яростно бросил ей:

— Законам ислама я придаю не больше значения, чем вере тех христианских стран, откуда вы плывете.

— Вы нечестивец, — сказала испуганно Анжелика. — Не говорите таких слов сейчас, когда благодаря Богу мы спаслись во время бури.

— Бог, которому я воздаю благодарность, даже отдаленно не имеет ничего общего с Богом, сообщником несправедливостей и жестокости вашего мира... Старый мир прогнил, — заключил он с горечью.

Эта диатриба была так неожиданна для него. «Я его задела», — снова подумала Анжелика. Она была обескуражена этим, как Давид, победивший Голиафа с помощью обыкновенной пращи. Она увидела, как Рескатор снова тяжело опустился в кресло около стола и, взяв из ларца тяжелое жемчужное ожерелье, стал рассеянно пропускать жемчужины между пальцами.

— Вы давно его знаете?

— Кого?

— Вашего будущего супруга.

Она ответила не без сарказма:

- Да... давно.
- Несколько лет?
- Несколько лет, — подтвердила она.
- Он отец вашей дочери?
- Нет.
- Даже так!

Рескатор снова презрительно усмехнулся.

— Вы знаете его несколько лет, но это не помещало вам разрешить сделать себе ребенка красивому любовнику с рыжими волосами?

Сначала она даже не поняла его. «Какой любовник с рыжими волосами?»

Потом кровь бросилась ей в лицо.

— Кто дал вам право разговаривать со мною таким тоном! Вы не знаете моей жизни. Не знаете, при каких обстоятельствах я встретила с мэтром Берном. При каких обстоятельствах у меня появилась дочь. По какому праву вы оскорбляете меня? По какому праву вы допрашиваете меня, как... как полицейский?

— Я имею на вас все права.

Он произнес эти слова бесстрастно, мрачным тоном, но тон этот показался ей более опасным, чем его угрозы. «Я имею на вас все права...»

Это прозвучало как нечто неотвратимое. Она уже не пыталась принять его слова за шутку, поняв, что находится в его власти.

«Я все равно убегу от него... Мэтр Берн защитит меня!»

Она растерянно огляделась, у нее было ощущение, будто все это происходит не наяву, будто она пребывает где-то вне мира, вне времени.

Глава 6

Занимающемся дню еще не удалось как следует проникнуть сквозь огромные окна. Каюта была окутана полутьмой, и это придавало их разговору таинственный или даже зловещий оттенок.

Теперь, когда Рескатор стоял вдали от Анжелики, ей казалось, что он похож на какой-то мрачный призрак, и единственным светлым пятном были его руки, перебирающие жемчужины ожерелья.

И тут она поняла, почему сегодня он вдруг показался ей каким-то другим, не похожим на самого себя.

Он сбрил бороду. Это был он, и это был словно совсем другой человек.

Ее сердце щемила тоска. Она чувствовала, как ее безотчетно охватывает страх при мысли, что она снова здесь, с этим человеком, которого не понимает и который в то же время словно околдовывает ее чем-то.

«Этот человек принесет мне невыразимые страдания».

Она с загнанным видом взглянула на дверь.

— А теперь позвольте мне уйти, — произнесла она почти шепотом.

Он словно не услышал ее, потом поднял голову.

— Анжелика...

В его приглушенном голосе ей послышались отзвуки чьего-то другого голоса.

— Как вы далеки!.. Никогда больше мне не удастся добиться вас...

Широко раскрыв глаза, она замерла. Почему он говорит с ней таким тихим и печальным голосом? Она почувствовала, как внутри у нее вдруг все оборвалось. Ноги словно приросли к ковру. Ей хотелось бежать к двери, чтобы избавиться от этого колдовства, которым она намеревалась сломить ее, но она не смогла сделать ни шагу.

— Прошу вас, позвольте мне уйти, — умоляющим голосом снова сказала она.

— Нет, все-таки надо покончить с этим нелепым положением. Я пришел сегодня утром с намерением поговорить с вами, но разговор у нас потек по иному руслу. А сейчас все стало еще более абсурдным.

— Я не понимаю вас... Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Считается, что женщины обладают интуицией, что у них говорит голос сердца. Что же вам сказать?.. Самое меньшее, что можно отметить,

— вы начисто лишены этого дара... Ну ладно, перейдем к делу. Госпожа дю Плесси, когда вы приехали в Кандию, одни утверждали, что вы отправились туда ради каких-то дел, другие уверяли, что вы приехали, чтобы воссоединиться со своим любовником. Но были и такие, кто говорил, будто вы разыскиваете одного из своих мужей. Какая же версия верна?

— Почему вас это интересует?

— О, отвечайте, — нетерпеливо сказал он. — Вы и впрямь решили сражаться до конца. Вы умираете от страха, но не сдаетесь. Отчего вы боитесь ответить на мои вопросы?

— Не знаю...

— Ответ, я бы сказал, слишком робок для вас с вашим обычным хладнокровием, но он свидетельствует о том, что вы начинаете догадываться, к чему я клоню... госпожа дю Плесси, вы нашли мужа, которого искали?

Она покачала головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Нет?.. И тем не менее я, Рескатор, который знает на Средиземноморье всех и вся, могу с уверенностью сказать вам, что он находился совсем рядом с вами.

Анжелика почувствовала, как у нее подкосились ноги, тело стало безвольным.

Она крикнула, почти теряя сознание:

— Нет, нет, это неправда... Это невозможно! Если бы он хоть на мгновение оказался рядом, я узнала бы его из тысячи!..

— Вот как! Выходит, вас вводит в заблуждение это! Так смотрите же!

Глава 7

Рескатор поднес руку к затылку.

И прежде чем Анжелика поняла, что он собирается сделать, кожаная маска оказалась у него на коленях и он повернул к ней открытое лицо.

Она в ужасе закричала, закрыв руками глаза. Она помнила, как на Средиземноморье ей рассказывали, будто у пирата в маске обрубленный нос... Страх увидеть обезображенное лицо вызвал такую реакцию.

— Что с вами?

Она услышала, как он встал, подошел к ней.

— Не очень красив Рескатор без своей маски? Согласен. И тем не менее неужели истина настолько непереносима для вас, что вы не осмелитесь даже взглянуть на меня?

Пальцы Анжелики тихо скользнули по щекам вниз. В двух шагах от нее стоял мужчина, который был незнаком ей, и в то же время она его знала.

Она облегченно вздохнула: по крайней мере нос у него не обрублен.

Его жгучие черные глаза под густыми бровями блестели так же, как и в прорезях маски. Лицо было худощавое, жесткое, левую щеку пересекали рубцы от старых ран. Эти отметины, которые несколько деформировали его, производили впечатление, но пугающего в нем не было ничего.

Когда этот незнакомец заговорил, он снова стал для нее Рескатором.

— Не смотрите на меня с таким ужасом... Я не призрак... Подойдите сюда, к свету... Помилуйте, ну не может же быть, чтобы вы меня не узнали...

Он нетерпеливо повел ее к окну, и она подчинилась ему все с тем же застывшим непонимающим взглядом.

— Посмотрите на меня внимательно... Неужели эти шрамы не будят в вас никаких воспоминаний? Ваша память истощилась так же, как ваше сердце?

— Почему, — прошептала она, — почему вы мне сказали сейчас, что в Кандии... он был совсем рядом со мною...

В его черных глазах, наблюдавших за нею, проскользнуло беспокойство. Он резко встряхнул ее.

— Да очнитесь же! Не прикидывайтесь, что вы не понимаете. В Кандии рядом с вами был я. В маске, да. Вы не узнали меня, а я не успел сказать вам, кто я. Но сегодня?.. Вы слепая... или безумная?

«Да, безумная...» — подумала Анжелика. Перед нею стоял мужчина, который по дьявольскому наущению осмеливался предстать перед нею с лицом Жоффрея де Пейрака.

Это столь любимое лицо, жгучее воспоминание о котором долгое время жило в ней, постепенно выскользнуло из ее сердца, и черты его стерлись, ведь у нее не остаюсь даже маленького портрета, который мог бы питать ее память.

Но сейчас все было наоборот: его точный портрет предстал перед нею, словно в галлюцинации. Тонкий благородный профиль, твердые насмешливые губы, резко очерченные линии скул и подбородка, четко выступающие под матовой, как у всех жителей Аквитании, кожей, и такие знакомые ей шрамы, делающие лицо чуть асимметричным, по которым она в те давние времена иногда ласково проводила пальцем.

— Вы не имеете права поступать так, — сказала она еле слышно. — Вы не имеете права принимать его облик, чтобы обмануть меня.

— Перестаньте бредить... Почему вы не хотите признать меня?

Она попыталась противостоять этому опасному видению.

— Нет, нет, вы не... он. У него были роскошные черные волосы, они обрамляли его лицо...

— Мои волосы? Я уже давным-давно приказал остричь эти лохмы, они мешают мне. Плавать по морям без них сподручнее.

— Но он... он был хромым, — крикнула она. — Можно остричь волосы, можно закрыть маской лицо, но нельзя сделать длиннее ногу.

— И тем не менее я встретил хирурга, который совершил со мной это чудо. Хирург в пунцовой мантии... вы ведь тоже имели счастье тогда видеть его!

И так как она в полном смятении молчала, он бросил ей:

— Палач!

И вдруг начал рассказывать словно самому себе:

— Мэтр Обен, палач, заплочных дел мастер в городе Париже. О, вот уж умелый человек, по приказу нашего короля он разорвет вам нервы и мускулы и приведет вас в надлежащий вид. Моя хромота была из-за стяжения сухожилия под коленом. После трех сеансов дыбы там осталась лишь зияющая рана, а больная нога сравнялась по длине со здоровой... Какой же у нас прекрасный палач и какой добрый король! Было бы ложью сказать, что преображение произошло быстро. Главным я обязан своему другу Абд-эль-Мешрату, который блестяще завершил так превосходно начатое палачом дело. И теперь я знаю, что с небольшим вкладышем, вложенным внутрь сапога, походка моя почти не отличается от походки

здорового человека. Ощущать это после тридцати лет хромоты, чувствовать, что твердо стоишь на ногах, весьма приятно. Вот уж никогда не думал, что такое может когда-нибудь случиться со мной. Нормальная походка, то, что для многих людей так естественно, была для меня событием, каждодневной радостью... я готов был прыгать, скакать, как клоун. Я мог предаваться тому, чего был лишен мальчик-инвалид, а потом — мужчина, вид которого отталкивал... И это тем более важно здесь, на море...

Он говорил словно сам с собою, но взгляд его был неотрывно обращен к бледному, почти восковому лицу молодой женщины. Она продолжала держаться так, словно ничего не слышит, не понимает. Безусловно, он ожидал, что она будет потрясена, но чтобы настолько.

Наконец губы Анжелики дрогнули.

— Но голос!.. Как можете вы утверждать... У него был несравненной красоты голос! Уж его-то я помню очень хорошо!

Она слышала сейчас его голос, с какой-то необычайной ясностью всплывший из прошлого.

Вот он в красном бархатном камзоле стоит против нее на другом конце банкетного стола, озаренное улыбкой лицо обрамлено роскошной черной шевелюрой, и его прекрасное *bel canto* наполняет звуками своды старинного дворца в Тулузе.

Ах, как она его слушала тогда! Она горестно затрясла головой. Воспоминание об этом волшебном пении и мучительное сожаление о том, что некогда было... было... и о том, что могло бы быть...

— А его голос? Золотой голос королевства?..

— Умер!

Горечь, с которой он бросил это слово, еще больше подчеркнула, как его голос отличается от того, волшебного... Нет, она никогда не сможет соединить это лицо и этот голос, что прозвучал сейчас.

Рескатор остановился перед нею и сказал почти с нежностью:

— Вы помните, в Кандии я сказал вам, что некогда сорвал голос, когда звал кого-то очень далекого... звал Бога... Но в обмен на голос он согласился дать мне то, что я просил у него: жизнь... Это произошло на паперти Собора Парижской Богоматери. Тогда я подумал, что на сей раз пришел мой смертный час... и я позвал Бога. Позвал слишком громко, хотя у меня уже почти не было сил... И мой голос исчез навсегда... Бог дал, Бог взял. За все надо платить...

Сомнения вдруг оставили ее.

Он сейчас воскресил в ее памяти ту ужасную картину, которая

принадлежала только им двоим: его, приговоренного к казни, в выпрошенной рубахе, с веревкой на шее везут на паперть Собора Парижской Богоматери для публичного покаяния. Это было пятнадцать лет назад.

И этот доведенный до последней стадии изнеможения несчастный, которого поддерживали палач и священник, — одно из звеньев невероятной цепи, связавшей блестящего тулузского сеньора со стоящим сейчас перед нею пиратом.

— Но в таком случае, — сказала она с несказанным удивлением, — вы... мой муж?

— Я был вашим мужем... Но что осталось от этого сейчас? Слишком мало, мне кажется...

Он едва заметно усмехнулся, и она вдруг узнала его.

Вопль, который она так часто мысленно издавала: «Он жив!», готов был разорвать ее сердце, но сейчас во всем этом было что-то зловещее, почти разочарование. И — ни капли той ослепляющей радости, о которой она мечтала столько лет.

«Он жив... И в то же время он мертв: человек, который любил меня... который пел для меня. И эту любовь... и этот голос, нет, ничто не вернет их... Никогда».

У нее тяжело сдавило грудь, словно и впрямь ее сердце готово было разорваться. Она хотела набрать в грудь воздух, но не смогла. Ее поглотила черная пропасть, куда она провалилась, унося в свое беспмятство ощущение, что с нею случилось нечто ужасное и вместе с тем — восхитительное.

Глава 8

Когда она пришла в себя, в ней жила только эта мысль. Ощущение непоправимой катастрофы и какого-то невыразимого счастья охватило все ее существо, повергая ее то в холод, то в приятный жар, погружая то во мрак, то в лучезарное сияние.

Она открыла глаза.

Счастье было здесь, в облике стоящего у ее изголовья человека с чертами лица, которые она уже не отвергала.

Загрубевшее, худощавое и не такое асимметричное, как прежде, потому что его шрамы, казалось, немного сгладились, — мужественное лицо мужчины зрелого возраста, лицо Жоффрея де Пейрака.

Самым тягостным было то, что на нем не было и тени улыбки.

Он смотрел на нее так бесстрастно и отчужденно, словно не узнавал больше.

И все же в затуманенном мозгу Анжелики билась мысль, что чудо, о котором она столько лет мечтала, свершилось, и она потянулась к мужу.

— Прощу вас, сударыня. Не считайте себя обязанной раздувать страсть, которая, я не отрицаю, некогда связывала нас, но за долгие годы угасла в наших сердцах.

Анжелика застыла, словно ее неожиданно ударили. Прошло несколько секунд. В тишине она вдруг как-то обостренно услышала похожее на раздражающий душу стон завывание ветра, который рвал ванты и паруса, и оно эхом отозвалось в ее сердце.

Он произнес слова с отчужденным и надменным видом знатного тулузского сеньора, каким он некогда был. И даже под этой новой личиной пирата она узнала его. Это он!

Должно быть, она смертельно побледнела.

Он пошел к шкафчику в глубине салона, что-то достал оттуда. Если смотреть со спины, это, конечно, Рескатор, подумала она, и у нее на мгновение мелькнула надежда, что все происходящее — дурной сон. Но он вернулся, и в полумраке полярного утра неумолимая судьба вновь представила ей забытое лицо.

Он протянул ей бокал.

— Выпейте вина.

Она помотала головой.

— Выпейте, — настаивая, сказал он своим хриплым голосом.

Только для того, чтобы не слышать больше этого голоса, она залпом осушила бокал.

— Вам лучше? Что с вами?

От алкоголя Анжелика задохнулась, закашлялась я с трудом смогла снова дышать. Вопрос вернул ее к прежним мыслям.

— Как — что? Узнать, что человек, которого я оплакиваю столько лет, жив, предо мною... И вы еще хотите, чтобы я...

На этот раз ее остановила его улыбка. Улыбка, открывшая его по-прежнему восхитительные зубы. Улыбка последнего из трубадуров, сейчас окрашенная то ли грустью, то ли разочарованием.

— Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте сами! Пытаться обмануть себя — недостойная и глупая комедия. Теперь у нас обоих иные воспоминания... иные увлечения...

Правда, которой она отказывалась взглянуть в лицо, пронзила ее словно ударом холодного острого кинжала. Она нашла его, но он не любит ее больше. Столько долгих лет она в своих мечтах представляла себе, как он протягивает к ней руки. Ее мечты — теперь она убедилась в этом — были всего лишь, глупыми грезами, как и большинство женских грез. Жизнь столкнула ее с твердым камнем, а не с мягким воском ее воздушных замков. Эти две жестокие фразы отталкивали, причиняли боль. «Пятнадцать лет, сударыня! Подумайте сами!» Он любил других женщин!

Может быть, он даже женился? На женщине, которую любит страстно, гораздо сильнее, чем когда-то любил ее? Холодный пот выступил на ее висках, ей казалось, что ржа сейчас снова грохнется без чувств. — Почему вы открылись мне сегодня? Он глухо засмеялся.

— Вот именно, почему сегодня, а не вчера и не завтра? Я уже сказал вам: чтобы прекратить эту глупую комедию. Я надеялся, что вы узнаете меня сами, но пришлось увериться, что вы тихо и окончательно похоронили меня в своем сердце, ибо в вашу душу не закралось даже малейшего подозрения. Вы расточали свои заботы вашему дорогому раненому и его детям, и, черт побери, хотя, наверное, ни у одного мужа никогда не было такой блестящей возможности инкогнито наблюдать, как ведет себя его ветреная супруга, комедия показалась мне сомнительной и я решил положить ей конец. Иначе как бы не пришлось мне ожидать, когда вы придете ко мне как и капитану корабля, единственному хозяину на борту и, по сути дела, единственному представителю закона, просить соединить вас узами брака с этим торговцем. Такая шутка могла бы завести слишком далеко, вы не думаете... госпожа де Пейрак?

Он рассмеялся своим дребезжащим смехом, который она не могла

больше выносить.

— Замолчите! — крикнула она, затыкая руками уши. — Все это ужасно.

— Нет, это не ответ на мои слова. Это крик души, если только она у вас есть.

Он продолжал иронизировать. Он с легкостью переносил то, что ее сокрушало, словно ураган. У него было время подготовиться к этому разговору, он еще в Кандии знал, кто она. И потом, все это не так уж волнует его. Так спокойно можно рассуждать только тогда, когда человек не любит.

Их положение сейчас настолько драматично и двусмысленно, а он, должно быть, в душе забавляется!..

И это тоже так свойственно ему! Разве не насмешничал он над всеми в зале суда, хотя знал, что ему грозит сожжение на костре?..

— Я, кажется, сойду с ума! — простонала она, ломая себе руки.

— О, нет!

И равнодушным и уверенным тоном он добавил:

— Вы не сойдете с ума из-за такой малости. Помилуйте, вы достаточно знали мужчин! Женщина, которая осмелилась противостоять Мулею Исмаилу... Единственная христианская рабыня, которой когда-либо удалось бежать из гарема и вообще из Марокко... Правда, у вас был храбрый сообщник... этот легендарный вождь рабов... как там его звали? Ах, да: Колен Патюрель.

Он повторил, задумчиво глядя на нее:

— Колен Патюрель...

Имя и тон, которым он произнес его, дошли до сознания Анжелики сквозь туман, в котором блуждали ее мысли.

— Почему вы вдруг вспомнили о Колене Патюреле?

— Чтобы освежить вашу память...

Горящий взгляд черных глаз скрестился с ее взглядом. В нем была непреодолимая притягательная сила, и через несколько мгновений Анжелика, словно птичка, замороженная взглядом змеи, была уже неспособна освободиться от него. И под этим взглядом у нее как озарение мелькнула догадка:

«Он знает, что Колен Патюрель любил меня... и что я любила его...»

Ей стало страшно, больно. Вся ее жизнь представилась ей как цепь неисправимых ошибок, за которые ей придется теперь расплачиваться слишком дорогой ценой. «Да, я тоже любила других... Но ведь это ничего не значит», — хотела крикнуть она, охваченная неосознанной женской

гордыней.

Как объяснить ему все это? Нет таких слов! Ее плечи поникли. Жизнь легла на них каменной тяжестью.

Подавленная, она уронила лицо в ладони.

— Вы же видите, дорогая, что возражения не помогают, — пробормотал он глухим голосом, который по-прежнему, казалось ей, принадлежит не ему, — и я еще раз повторяю вам, что не приму участия в этой лицемерной комедии, которую вы, женщины, прекрасно умеете разыгрывать. Я сам не испытываю угрызений совести и предпочитаю видеть вас такой же... И чтобы окончательно успокоить вас, даже скажу, что понимаю ваше потрясение. Еще бы, готовишься вступить в брак с новым избранником сердца, а тут вдруг объявляется давно и прочно забытый супруг, который, к тому же, кажется, требует от тебя отчета! Успокойтесь, все в порядке. Разве я сказал, что буду препятствовать вашим матримониальным планам... если они так дороги вам?

Эта демонстративная индальгенция была для нее самым тяжким оскорблением, которое он мог нанести. Неужели он допускает мысль, что теперь она соединит себя узами брака с другим? Нет, это просто знак того, что он не нуждается в ней больше, что он с легким сердцем принимает то, что ей кажется полной ересью. Он стал грубым, бесчувственным греховодником. Все это просто непостижимо! Кто-то из них потерял разум — или он, или она!

Он хотел унижить ее, а это, напротив, придало ей силы. Она выпрямилась и бросила на него высокомерный взгляд, машинально сжимая палец, на котором некогда носила обручальное кольцо.

— Вы говорите вздор, сударь. Да, прошло пятнадцать лет, но, поскольку вы живы, я по-прежнему ваша жена, если не перед людьми, то перед Богом.

Судорога на мгновение исказила лицо Рескатора.

В этой женщине, которую он отказывается признать своей женой, он вдруг вновь увидел непреклонную молодую девушку знатного происхождения, которую много лет назад ввел в свой тулузский дворец.

Мало того, в каком-то мимолетном видении она предстала перед ним в облике светской дамы, какой она была... в Версале. «Самая прекрасная из придворных дам, — как рассказывали ему, — больше королева, чем сама королева».

В одно мгновение он мысленно сорвал с нее грубые тяжелые одежды и представил ее себе во всей красе, в свете люстр, с обнаженной белой спиной и безукоризненными плечами, с дорогим колье на шее, представил

себе ее гордую осанку...

Вынести это было выше его сил.

Он встал, потому что, хотя и пытался выглядеть бесстрастным, нервы его были на пределе.

Но когда после долгого молчания он снова обернулся к Анжелике, его лицо было по-прежнему непроницаемо.

— Все так, — согласился он. — Вы действительно единственная женщина, на которой я был когда-либо женат. Но вы, однако, не последовали моему примеру и, если верить моим расследованиям, очень быстро нашли мне замену.

— Я считала, что вы умерли.

— Плесси-Белльер, — проговорил он медленно, словно роясь в своей памяти. — Я никогда не жаловался на память и вспоминаю, что вы рассказывали мне об этом своем кузене, писаном красавце, в которого вы даже были немножко влюблены. Какая необыкновенная удача — освободившись от мужа, навязанного вам отцом, к тому же хромого неудачника, воплотить мечту, столь долго лелеемую в душе.

Анжелика поднесла сложенные ладони ко рту и сокрушенно покачала головой.

— Неужели это все, во что вы поверили после той любви, которую я отдала вам, — горестно сказала она.

— Вы были очень молоды... Какое-то время я вас развлекал. И я считал, что более очаровательной супруги мне бы не сыскать. Но я никогда не думал, даже в те времена, что вы созданы для верности... Оставим это... Копание в прошлом мне представляется занятием бесплодным. Тщетно пытаться вернуть к жизни то, что сгинуло навсегда. Однако, поскольку вы сейчас заявили, что продолжаете считать себя моей женой, я вынужден задать вам в этом качестве некоторые вопросы, которые касаются скорее других, чем нас, но важность их превосходит наши собственные интересы...

Его черные брови сдвинулись, отчего глаза, которые иногда, в минуты веселья, пусть даже показного, казались почти золотистыми, потемнели. Гнев или подозрение сделали его взгляд мрачным, пронизывающим. Анжелика миг за мигом вновь узнавала игру его лица, которая некогда так завораживала ее. «О, это он! Конечно же, это он!» — говорила она себе, изнемогая от этого открытия и сама не понимая, отчаяние это или радость.

— Куда вы дели моих сыновей? Где мои сыновья?

Она, словно очнувшись, переспросила:

— Ваши сыновья?

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Да, мои сыновья. И ваши тоже! Ваши сыновья, отцом которых, по-видимому, являюсь я. Старший, Флоримон, который родился в Тулузе, в Отеле Веселой Науки. И второй, которого я не видел, но знаю, что он родился: Кантор. Где они? Где вы их бросили? В глубине души я надеялся, что найду их среди беженцев, которых вы попросили меня взять на корабль. Мать, спасающая своих сыновей от несправедливости судьбы, — вот роль, за которую я наверняка был бы благодарен вам. Но ни один из подростков, оказавшихся на судне, не подходит им по возрасту. И как я вижу, вы заботитесь только о своей дочери. А где же они? Почему вы не взяли их с собой? На чье попечение оставили? Кто заботится о них?

Глава 9

Ответить для нее означало все равно что распять себя. Еще раз подтвердить самой себе, что два веселых мальчика навсегда сгнули. Это было ее мукой, ее страданием. Она хотела спасти их от нужды, дать им положение в обществе. Она мечтала увидеть их высокими, красивыми, уверенными в себе блестящими юношами. Она никогда не увидит их взрослыми. Они тоже покинули ее.

Она с трудом проговорила:

— Флоримон уехал... давно... Ему тогда было тринадцать лет. Я так и не узнала, что с ним случилось. А Кантор... умер, когда ему было девять лет.

Ее ровный голос мог показаться безразличным.

— Я ждал такого ответа. Догадывался. Вот чего я не прощу вам никогда, — сказал Жоффрей де Пейрак, и от гнева на его скулах заходили желваки, — так это безразличия к моим сыновьям. Понимаю, они напоминали вам то время, о котором вам хотелось бы забыть. Вы их устранили. Вы предавались радостям жизни, любви. И даже о том из них, который, возможно, жив, вы без всякого волнения говорите, что ничего не знаете о его судьбе? Я многое мог бы вам простить, но это — нет, никогда!

Если до этого Анжелика была словно во сне, теперь она вдруг подскочила к нему, бледная как смерть.

Из всех обвинений, которые он бросил ей, это было самое ужасное и самое несправедливое. Он упрекал ее в том, что она забыла его, и это была неправда. В том, что она его предала, и это была — увы! — отчасти правда. В том, что она никогда не любила его, — это было чудовищно.

Но считать ее дурной матерью, ее, которая готова была отдать за сыновей каплю за каплей всю свою кровь! Возможно, она не была слишком ласкова с детьми, редко бывала с ними, но все равно Флоримон и Кантор всегда занимали главное место в ее сердце... Рядом с ним... И он осмеливается бросать ей в лицо упреки! Сам все годы скитался по морям, не заботясь ни о ней, ни о сыновьях, а теперь вдруг затосковал о них. Разве он вытащил их из нужды, в которую повергло невинных малюток его крушение? Сейчас она спросит его, по чьей вине гордый малыш Флоримон оказался без имени, без титулов, как какой-нибудь внебрачный ребенок или еще того хуже? Она расскажет ему, как погиб Кантор. По его, Жоффрея де Пейрака, вине. Да, по его вине. Потому что его пиратский корабль потопил французскую галеру, на которой находился юный паж

герцога Вивонна.

Она задыхалась от возмущения и невыносимой боли. Она уж открыла было рот, чтобы высказать ему все это, но тут судно подняло на огромной волне, и если бы она не ухватилась за стол, то наверняка упала бы. Увы, она держалась на ногах не так прочно, как Жоффрей де Пейрак, который был словно привинчен к палубе.

Но этого короткого мгновения ей хватило, чтобы опомниться и удержать те непоправимые слова, которые она собиралась бросить ему в лицо. Может ли она сказать отцу, что он повинен в смерти сына? Разве судьба и без того не жестоко обошлась с Жоффреем де Пейраком? Он чудом избежал смерти, его лишили состояния, изгнали с родины, вынудили стать скитальцем, он потерял все свои права, кроме тех, которые смог завоевать шпагой.

Он стал совсем другим человеком, закаленным беспощадным законом, диктующим, что человек должен убивать, чтобы не быть убитым самому, так что же теперь возмущаться им? Это она, Анжелика, была настолько наивна, что проливала слезы над своей несбывшейся мечтой. Жестокая жизнь требует иного. За эти годы он перенес столько горя, зачем она будет добавлять ему еще, говорить, что он погубил их сына?

Нет, она не скажет ему этого. Никогда! Но как бы невзначай расскажет то, что он, похоже, не хочет знать. Сколько слез пролила, какой ужас пережила юная, не знающая жизни жена, повергнутая в нищету и забвение. Она не расскажет ему, как погиб Кантор, но расскажет, как он родился в тот самый вечер, когда пылал костер на Гревской площади, и как несчастна она была, как шла холодными улицами Парижа, толкая впереди себя тачку, откуда выглядывали посиневшие от холода круглые личики сыновей.

Тогда, возможно, он поймет. Он осуждает ее потому, что не знает ее жизни.

Но когда он все узнает, неужели он останется таким же бесчувственным? Неужели ее слова не смогут разжечь искру, которая, возможно, еще теплится под пеплом в сердце, оплакавшем столько потерь? Сердце таком же разбитом, как и ее.

Но в ней хотя бы жива способность любить. Сейчас она упадет перед ним на колени, будет умолять его. Она выскажет ему все, что уже готово сорваться с ее губ. Как она всегда, всегда любила его... Как, когда их разлучили, продолжала ждать его, как ей его недоставало... Разве не она, нарушив волю короля, безрассудно бросилась на его поиски, ввергнув себя в неисчислимыя беды?..

Но тут она увидела, что внимание Жоффрея де Пейрака чем-то

отвлечено. Он с интересом смотрел на дверь салона, которая тихонько, тихонько приоткрывалась... Это было нечто необычное. Мавр, охраняющий дверь, хорошо знает свое дело. Кто мог позволить себе без приглашения войти в апартаменты величественного хозяина?

Порыв ледяного ветра ворвался, внеся с собой клубы тумана, который рассеялся в теплом воздухе салона. И в этом туманном занавесе появилась маленькая фигурка: зеленый атласный чепчик, огненно-рыжие волосы. Эти две яркие краски с особой силой выделялись на фоне сереющего за дверью дня. За спиной Онорины виднелось укутанное, пожелтевшее от холода лицо караульного мавра.

— Почему ты разрешил ей войти? — спросил его Жоффрей де Пейрак.

— Девочка искала мать.

Онорина подбежала к Анжелике.

— Мама, где ты была? Мама, пойдём!

Анжелика плохо видела ее. Она смотрела на обращенное к ней растерянное личико, на чуть раскосые пронизательные глазки Онорины. Дочь появилась так некстати и так неожиданно, что на какое-то мгновение Анжелика вновь испытала однажды уже пережитые чувства: отвращение к этому созданию, которое она родила против своей воли, отказ признать его своим ребенком, отказ от собственной крови, смешанной в этой девочке с грязным источником, яростное неприятие того, что произошло в тот страшный день, жгучий стыд.

— Мама, мама, где ты была целую ночь? Мама!

Девочка настойчиво повторяла это слово. Защитный инстинкт, так сильно развитый у детей, диктовал ей это необыкновенное слово, единственное слово, которое могло вернуть ей мать, вырвать ее из рук этого Черного человека, который позвал ее и запер в своей красивой, словно во дворце, комнате, полной сокровищ.

— Мама, мама!

Онорина здесь. Она — знак того, что ей, Анжелике, нет прощения, печать, опечатавшая закрытую дверь потерянного рая, — так некогда королевские печати на дверях Отеля Веселой Науки навсегда обозначили конец света, конец целой эпохи ее жизни, счастья.

Образы былого мелькали перед глазами Анжелики, смешиваясь с реальностью.

Она взяла Онорину на руки.

***

Жоффрей де Пейрак смотрел на девочку. Он прикидывал в уме ее возраст: три года? четыре?.. Следовательно, она не дочь маршала дю

Плесси. Тогда — чья? По его слегка иронической и презрительной улыбке Анжелика догадывалась, о чем он думает. Случайный любовник. «Красавец с рыжими волосами!» Сколько их приписывали ей, прекрасной маркизе дю Плесси, любовнице короля Франции, вдове графа де Пейрака. И даже сейчас еще она не смогла бы рассказать ему всей правды об Онорине. При одной мысли об этом все ее существо восставало от стыда. Признаться в такой мерзости — все равно что показать ему постыдную, отталкивающую рану. Нет, пусть это останется с ней, пусть навсегда останется тайной, незаживающими рубцами на ее теле и в ее сердце, как любовь Колена Патюреля, как смерть маленького Шарля-Анри...

Онорина, дитя насилия, — расплата за все те объятия, которых она, Анжелика, не отвергла или даже желала.

Филипп дю Плесси, домогательства короля, грубая и восторженная страсть бедного нормандца, предводителя рабов Колена Патюреля, утонченные ласки герцога Вивонна... и других...

За столько пробежавших... прожитых лет. Им, ею. Нельзя требовать, чтобы они стерлись из памяти.

Он задумчиво гладил свой подбородок. Ему явно не хватало недавно сбритой бороды.

— Признайтесь, дорогая, ситуация весьма щекотливая!

Как может он иронизировать, когда она едва держится на ногах, так у нее колотится сердце.

— Чтобы прояснить ее, должен сказать вам, что девочка — не самое печальное... что нас разделяет...

— Идем, мама! Ну идем же, мама, — ныла Онорина, дергая мать за юбку.

— Вам, конечно, уже невольно от этой встречи, ведь она на несколько часов оторвала вас от ваших мыслей, целиком поглощенных другим...

— Идем, мама!

— О, замолчи же! — в сердцах прикрикнула на нее Анжелика.

— Что касается меня...

Жоффрей де Пейрак обвел растерянным взглядом свои апартаменты, где он со вкусом собрал дорогую мебель, великолепные приборы — убранство, созданное разнообразной жизнью, трудной и страстной, в которой не было места Анжелике.

— ...Я старый морской волк и привык к одиночеству. Если не считать нескольких лет короткого супружества, которые я проживал в вашей очаровательной компании, женщины всегда играли в моей жизни лишь

эпизодическую роль. Возможно, вам льстит это. Но такая жизнь породила привычки, которые едва ли располагают к тому, чтобы вновь влезть в шкуру примерного супруга. Корабль у меня небольшой, мои апартаменты тоже невелики... поэтому вот что я предлагаю вам... Давайте на время путешествия вернемся к исходным рубежам и будем считать, что партия закончилась вничью.

— Вничью...

— Останемся каждый на своем месте. Вы — сударыней Анжеликой среди своих друзей... а я здесь... у себя.

Итак, он отвергает ее, отказывается от нее. Он, видно, просто не знает, что с ней делать. И отправляет ее к тем, кто в эти последние месяцы стал для нее как бы семьей.

— Но, надеюсь, вы не потребуете от меня еще и забыть все, что вы открыли мне сейчас? — саркастически спросила она.

— Забыть? Нет. Но — не разглашать.

— Идем, мама, — повторяла Онорина.

— Чем больше я над этим думаю, тем больше прихожу к выводу, что было бы ошибкой сказать сейчас вашим друзьям, что когда-то — пусть очень давно — вы были моей женой. Они вообразят, будто вы — моя сообщница.

— Ваша сообщница? В чем?

Он не ответил. Он о чем-то размышлял, его лоб прорезала жесткая складка.

— Возвращайтесь к ним, — бросил он непререкаемым тоном. — Не рассказывайте им ничего. Это бесполезно.

Впрочем, они просто сочтут вас безумной. История со сгинувшим и вновь обретенным мужем, на судне которого, сами того не подозревая, вы вдруг оказались, согласитесь, выглядит подозрительно.

Он повернулся к столу, чтобы взять свою кожаную маску, которая защищала его от соленых укусов тумана и взглядов шпионов.

— Не говорите им ничего. Не вселяйте в них подозрения. Тем более что эти люди не очень внушают мне доверие.

Анжелика была уже около двери.

— Поверьте, это взаимно, — процедила она сквозь зубы.

Держа за руку Онорину, она остановилась в проеме двери и повернулась, жадно глядя на него. Он уже надел маску. Это помогло ему скрыть свои чувства. Это был он и в то же время это был уже совсем другой человек. Жоффрей де Пейрак и Рескатор. Знатный сеньор-изгнанник и морской пират, которого жизнь заставила отречься от своих

прежних привязанностей, выбрать горькое одиночество.

Странно, но сейчас он казался ей ближе, чем несколько минут назад. Она почувствовала облегчение, что теперь может обращаться только к Рескатору.

— Мои друзья обеспокоены, — сказала она, — да, они обеспокоены, монсеньор Рескатор, они хотели бы знать, куда вы везете нас. Согласитесь, несколько странно встретить льды на широте Африки, где мы должны были бы находиться.

Он подошел к черному мраморному глобусу, испещренному странными знаками. Положив на него руку — руку патриция, но темную от загара, словно у араба, — он пальцем провел по инкрустированной золотом линии. После долгого молчания он, словно вспомнив о ней, как-то безразлично ответил:

— Скажите им, что дорога на Север тоже ведет к Островам.

Глава 10

Граф Жоффрей де Пейрак, иначе — Рескатор, проскользнул в люк и быстро спустился по отвесному трапу в трюм. Следуя за несущим фонарь мавром в белом бурнусе, он углубился в узкие лабиринты коридоров.

Мерное покачивание корабля, которое он ощущал под ногами, подтверждало его уверенность: опасность миновала. Хотя судно еще шло в густом, холодном тумане, который покрыл все реп и мостики налетом инея, что могло бы тревожить, он знал — все будет хорошо. «Голдсборо» скользил по воде с легкостью судна, которому ничто не угрожает.

Он, Рескатор, знал все опасности, он угадывал их по тому, как и когда дребезжит и скрежещет все, от корпуса до мачт, что составляет огромное тело его корабля, построенного для полярных морей по его собственным чертежам на главной судовой верфи Северной Америки в Бостоне.

Он шел, касаясь рукой влажного дерева, но скорее не для того, чтобы опереться, а чтобы ощутить контакт с остовом мужественного непобедимого корабля.

Он вдыхал его запахи, запах секвойи, привезенной с гор Кламат из далекого Орегона, запах белой сосны с верховьев Кеннебека и с горы Катанден в Мэне — в «его» Мэне! — запахи, которые не могла забить пропитавшая их морская соль.

«В Европе не сыщешь такого прекрасного леса, как в Новом Свете», — подумал он.

Высота, мощь деревьев, великолепная зеленеющая листва — все это было для него просто откровением, когда он в первый раз ступил на эту землю, хотя он-то немало повидал на своем веку.

«Открытие мира бесконечно, — продолжал он размышлять. — Каждый день приходится признавать, что мы, по существу, пребываем в невежестве в своих познаниях о нем... Всегда все можно начать сначала... Природа и все, что она создала, существуют для того, чтобы поддерживать нас и побуждать идти вперед».

Однако долгая ночная борьба против разбушевавшегося моря и льдов не принесла его сердцу обычного умиротворения; да, он не чувствовал ни радости от одержанной победы, ни нового заряда внутренней энергии, как бывало всегда.

А умиротворение должно было бы придать ему сил для другой бури, которая, хотя он выдержал ее напор, опустошила его душу.

Мог ли он представить себе фарс — он пока еще не решался произнести слово «драма», — где бы гнусность соперничала с бестактностью?

Он всегда пытался проникнуть в суть каждого явления. В жизни женщин, пожалуй, всегда больше фарса, чем драмы. Даже когда речь шла о его собственной жене, женщине, которую он, к своему великому сожалению, конечно, ценил выше других, он не мог подавить в себе желания саркастически расхохотаться, вновь воспроизводя эпизоды драмы: объявляется уже пятнадцать лет как забытая супруга, не узнает его и, мало того, собирается просить у него благословения, чтобы соединиться узами брака с новым возлюбленным. Его величество случай, как известно, не скупится на забавные проделки. Но здесь перейдены все границы. Должен ли он, Жоффрей де Пейрак, благословлять его? Благодарить его, быть может? Довериться этому забавному гримасничающему случаю, который только сейчас представил его глазам угасший призрак прекрасной любви, далекой молодости? Ни ему, ни Анжелике не нужно такое возвращение в Прошлое. Тогда к чему был сегодняшний разговор? И если она даже не хотела признать его, не проще ли отпустить свою бывшую жену к дорогому ее сердцу протестанту?

***

Дневной свет, пробившийся через порт, ослепил его с той же ранящей ясностью, как и эта очевидная мысль, мелькнувшая в его мозгу.

«Глупец! Чего ради ты пережил сто жизней, столько раз избежал смерти, если все еще скрываешь свою собственную правду от самого себя! Признайся, ты просто не мог отдать все на волю случая, потому что не перенес бы этого».

Охваченный гневом, он огляделся. Несколько измученных матросов спали в гамаках или на грубо сколоченных топчанах, расположенных под лафетами пушек, но порты были открыты, потому что на этой второй батарее, спрятанной в тесном трюме, не хватало воздуха. В этом рейсе ему пришлось разместить там часть команды, чтобы нижнюю палубу под полубаком предоставить пассажирам.

Время от времени в трюм через порты вплескивалась морская вода и кто-нибудь из спящих бормотал сквозь сон ругательства.

Как раз примерно на уровне этого трюма проходила ватерлиния. Слышно было, как шумели и бились о борт волны. Через порты их можно было бы тронуть рукой, словно больших прирученных зверей.

Он подошел к одному из портов. Из-за близости моря день казался серо-зеленым.

Всегда такой внимательный по отношению к людям своего экипажа, Жоффрей де Пейрак сейчас словно не видел их. Длинные бледно-зеленые волны, перекатывающиеся в темноте, в которых то и дело проскальзывали льдины, неотвратимо вызывали в его памяти зеленые глаза, близость с которыми он пожелал отвергнуть.

«Нет, я не перенес бы этого! — повторил он. — Для этого нужно, чтобы она стала совсем безразлична мне... Значит, она мне не безразлична!..»

Признание, сделанное, наконец, самому себе, вряд ли поможет упростить ситуацию. Увидеть ясно не всегда означает найти наиболее легкий выход. Он мог сказать себе, что уже достиг возраста, когда мужчина вступает во вторую половину жизни и умеет достаточно твердо побороть свои внутренние противоречия. Дорога ненависти, отчаяния, зависти всегда казалась ему слишком бесплодной, чтобы идти по ней. Ему удавалось миновать и дорогу ревности — но только до того дня, когда он получил сообщение о том, что «вдова» графиня де Пейрак с радостью вступила в брак с беспутным красавцем маркизом дю Плесси-Белльером. Тогда он еще смог пережить разочарование! По крайней мере, он так думал.

Рана, конечно, была более глубокой, из тех нехороших ран, которые быстро закрываются, но ткань под ними или гноится, или отмирает.

Про раны ему все объяснил его друг арабский врач Абд-эль-Мешрат, когда лечил его ногу; он заставлял зияющую рану держать открытой до тех пор, пока все — нервы, мускулы, сухожилия — не вернется в норму и не начнет выполнять свои определенные природой функции.

Как бы там ни было, но он страдает из-за женщины, которая больше не существует, которая не может возродиться.

И тут, глядя на море, он вновь подумал о бездонных зеленых глазах и в сердцах захлопнул деревянную крышку порта.

Мавр Абдулла в ожидании стоял за его спиной, готовый потушить фонарь.

— Нет, пойдем дальше, — сказал он ему.

И подняв крышку сходного люка на полу батареи, он спустился вслед за мавром в следующий колодезь темноты. Но все это было настолько привычно ему, что не отвлекало от его мыслей.

Как ни старался, он все-таки не смог в это утро уйти от наваждения — Анжелики. Впрочем, отчасти из-за нее он спускался сейчас в самую глубину трюма.

Раздражение, злость, растерянность — он и сам не знал, какое чувство

преобладало сейчас в нем. Но — увы! — только не безразличие! Словно в тех чувствах, которые пробудила в нем женщина, пятнадцать лет назад переставшая быть его женой и предавшая его за эти годы всеми возможными способами, не было ничего сложного, словно это было просто желание!

Почему она так странно, так неожиданно для него рванула свой корсаж и показала ему плечо, клейменное цветком лилии.

Но его заворожил не столько вид этого позорного клейма, сколько величественная красота ее спины. Он, утонченный эстет, знающий толк в женской красоте, был ослеплен ею.

Тогда, прежде, ее спина не была так прекрасна, Анжелика еще только-только избавлялась от девичьей хрупкости. Когда он женился на ней, ей было всего семнадцать лет. Теперь он вспоминал, как, лаская ее юное невинное тело, он думал иногда о той красоте Анжелики, которая придет с годами, с материнством и с почитанием, от которых она бы расцвела.

И вот не он, а другие привели ее к этому расцвету, к этому совершенству. Во всей своей красе она предстала перед ним в минуту, когда он меньше всего ожидал этого. Освобожденное от мрачных, плохо сшитых одежд, ее открывшееся его взгляду тело неумолимо вызывало в памяти статуи богини плодородия, какие часто можно увидеть на островах Средиземного моря. Сколько раз он любовался ими, говоря себе, что — увы! — как редко приходилось ему встречать подобное совершенство в жизни.

Сегодня, в сумраке салона, он был поражен еще больше, чем тогда в Кандии. Молочная белизна ее тела, вдруг возникшая в предрассветном, тоже молочном свете северного утра, движение плеч, сильных но в то же время мягких и четких очертаний, ее крепкие гладкие руки, затылок под зачесанными вверх волосами, едва заметная впадина на котором свидетельствовала о своего рода невинности, — все это пленило его с первого взгляда, и он подошел к ней, пронизанный ошеломляющим чувством, что она стала еще прекраснее, чем тогда, когда принадлежала ему.

Как она взбунтовалась! Как она защищалась! Можно было подумать, что она забьется в припадке падучей, если он попытается настаивать. Так что же так испугало ее в нем? Его маска? Та таинственность, которая окружает его? Или мысль, что она сейчас столкнется с чем-то неприятным ей?

Выходит, он не привлекает ее, это самое меньшее, что можно сказать. Ее взоры явно устремлены не к нему.

***

— Идем, идем, — с нетерпением сказал он мавру. — Я же сказал тебе, мы спустимся в нижний трюм, в отсек для пленников.

«Они клеймили ее цветком лилии, — подумал он. — За какое преступление? За проституцию? Неужели она докатилась до этого? Почему?.. Что привело ее к этим странным гугенотам, почему она подпала под их влияние? Раскаившаяся грешница?.. Да, это похоже. У женщин такой слабый ум...»

Он и сам не знал, смог ли бы с легкостью ответить на эти вопросы, которые все больше будоражили его душу.

«Клейменная цветком лилии... Я познал застенки палача, холодный ужас тех мест, где творят гнусности... Страх, который может внушить жаровня с лежащими в ней докрасна раскаленными непонятными инструментами... Для женщины это большое испытание!.. Как она перенесла все? За что? Следовательно, король, ее любовник, не защищал ее больше?»

Они спускались вниз. Там, в темном трюме, не было слышно даже шума моря. Можно было только чувствовать его, тяжелое и волнующееся, за таким тонким для его громады мокрым деревом борта. Даже изнутри борт был покрыт влагой.

Жоффрей де Пейрак вспомнил сырые своды комнат пыток в Бастилии и Шатле. Зловещие места, и все же они никогда не преследовали его в сновидениях в годы, пробежавшие после его ареста и суда в Париже. Он вышел из этих испытаний едва живой, но живой, и этого было достаточно.

Но женщина? Особенно Анжелика! Он не мог представить себе ее в этих ужасных застенках.

Они ставили ее на колени? Срывали с нее рубашку? Она громко кричала? Вопила от боли? Он прислонился к липкой переборке, и мавр, думая, что его господин хочет осмотреть трюм, у входа в который они стояли, высоко поднял фонарь.

В тусклом свете стали видны окованные железом сундуки и множество каких-то блестящих предметов, хорошо укрепленных, чтобы они не упали при качке, формы которых поначалу трудно было разглядеть.

Потом стали различимы кресла, столы с резьбой и валютами, и еще множество ваз и самых разных предметов из чистого золота, а иногда даже из «малого серебра», иначе говоря, из платины. Пламя плясало, пробуждая волшебное тепло благородных металлов, которые не могли попортить ни морская вода, ни морская соль.

— Ты любишь своими сокровищами, мой господин? — спросил

мавр гортанным голосом.

— Да, — ответил Жоффрей де Пейрак, на самом деле ничего не видя.

Он двинулся дальше и вдруг, когда в глубине узкого прохода чуть не налетел на тяжелую, обитую медью дверь, взорвался:

— На черта нам теперь все это золото!

Его покупатели в Испании тщетно будут ждать их прихода. Из-за этих гугенотов он вынужден был отправиться в обратный путь, не закончив своего, как он предполагал, последнего «золотого» рейса, конечной целью которого было соглашение с негодьями; с теми, с кем он в дальнейшем намеревался вести дела. И все это ради женщины, которую он даже не рассчитывал удержать. Да, никогда еще ему не доводилось совершать в делах подобные промахи. Но ведь гугеноты ему заплатят? И заплатят немало! Так что в конце концов все обернется к лучшему.

Глава 11

Пальцем он бесшумно отодвинул заслонку, скрывающую зарешеченное окошечко, и приник к нему, чтобы взглянуть на пленника.

Тот сидел прямо на полу около большого фонаря, который давал ему свет и тепло разом, правда и то и другое — весьма скудно. Его скованные цепью руки лежали на коленях, и вид у него был покорный. Жоффрей де Пейрак не верил этому смирению. Он слишком много повидал на своем веку людей, чтобы не суметь распознать человека с первого взгляда. То, что Анжелика, такая утонченная некогда, смогла полюбить этого толстого и холодного гугенота, повергало его в черную ярость.

Гугеноты, конечно, ведут свои дела почти во всех частях света. Они мало приспособлены к физическому труду, очень редко занимаются сельским хозяйством, но и мужчины и женщины у них твердого закала. Он восхищался их коммерческой честностью, которая гарантировалась всем сообществом, их глубокой культурой, их знаниями языков, в то время как многие из тех, кто окружал его раньше, из его единомышленников, знатных французских дворян, проявляли в этом прискорбное невежество и даже не представляли себе, что думающие существа могут существовать вне их узкого круга.

Особенно он ценил силу единения гугенотов, которую породила их религия, суровая и к тому же гонимая. Гонимое меньшинство, которое считало себя «солью земли». Но какого дьявола женщина знатного происхождения, католичка, какой была Анжелика, путается с этими ригористичными и угрюмыми коммерсантами? Чудом избежав опасности в странах ислама, куда она бросилась Бог знает почему, не ищет ли она и теперь возможности продолжить свои «подвиги», которые совершала при дворе короля Франции? Думая о ней, он всегда видел ее блистательной дамой в сияющем огнями Версале, и часто случалось, что вынужден был признаваться себе, что именно для этого она и создана. Маленькая гордячка, которая начинала осознавать свою власть, не обдумывала ли она мечту возвыситься до трона короля Франции еще тогда, когда он привез ее на свадьбу Людовика XIV в Сен-Жан-де-Люз? Уже в то время она была самая красивая, на ней были самые роскошные драгоценности, но мог ли он тогда похвастаться, что навсегда покорило это юное сердце? Кто знает, какими мечтами женщины куют свое счастье?.. Для одной вершиной счастья будет жемчужное кольцо, для другой — взгляд короля, для третьей

— любовь какого-нибудь единственного существа, а для кого-то — маленькие радости домашнего хозяйства, ну, к примеру, удавшееся варенье...

Но Анжелика?.. Он никогда наверняка не знал, что таится под гладким лбом этой женщины-ребенка, которая спала рядом с ним, усталая и удовлетворенная после первых утех любви.

А позже, много позже, когда он узнал, чего она достигла в Версале, он подумал: «Это справедливо. В сущности, она для того и создана». И разве не она была признана — сразу же! — самой красивой рабыней на Средиземноморье?

Даже в своей наготе она была величественна. Но когда он неожиданно увидел ее в простой юбке служанки, связанной какими-то узлами с торговцем водкой и соленьями, большим почитателем Библии, — тут было от чего потерять рассудок! Никогда не забудет он, как она прибежала к нему вся в слезах, растерянная... Она так разочаровала его своим видом, что он даже не почувствовал жалости к ней.

Мальтиец, охранявший карцер, подошел к нему со связкой ключей в руке.

По знаку хозяина он открыл окованную медью дверь. Жоффрей де Пейрак вошел. Габриель Берн вскинул голову. Несмотря на бледность, взгляд у него был ясный.

Они молча посмотрели друг на друга. Рошелец не торопился потребовать объяснения, почему его подвергли такому нечеловеческому обращению. Дело было не в том. Если этот господин Рескатор в черной маске спустился, чтобы нанести ему визит, то, ясное дело, не ради того, чтобы в чем-то упрекать его или угрожать. Между ними стоит другое — женщина.

Габриель Берн с подчеркнутым вниманием изучал одежду своего тюремщика. Он мог бы буквально с точностью до луидора оценить ее стоимость. Все в ней было изысканно: кожа, бархат, дорогое сукно. Сапоги и пояс из Кордовы и, судя по всему, выполнены по заказу. Камзол из итальянского бархата, из Мессины, он готов держать пари, что так. Господину Кольберу во Франции, как он ни старается, пока еще не удалось изготовить бархат такого качества. Да, все изысканно, вплоть до комканой маски, она тоже изделие искусного ремесленника: твердая и в то же время очень тонкая. Каким бы ни было лицо, которое скрывается под маской, что-то и в неброской роскоши его одежды и в том, как он носит ее, выдает в нем женского обольстителя. «Все женщины легкомысленны, — с горечью заключил мэтр Берн, — даже самые разумные».

Что произошло этой ночью между сударыней Анжеликой, бедной обездоленной изгнанницей, и пиратом-краснобаем, привыкшим одаривать себя женщинами так же, как он украшает себя драгоценностями и перьями?

При этой мысли Берн стиснул кулаки и его обескровленное лицо слегка покраснело.

Рескатор склонился к нему, положил руку на заскорузлый от крови плащ торговца:

— Ваши раны снова открылись, мэтр Берн, а вы вот в трюме. Элементарное благоразумие должно было бы подсказать вам, что хотя бы этой ночью на борту корабля требовалось соблюдать дисциплину. Ведь ясно, что, когда судно в опасности, первейший долг пассажиров — не породить никаких инцидентов и ни при каких обстоятельствах не совершать действий, которые могут угрожать жизни всех.

Берн не дал себя запугать:

— Вы знаете, почему я вел себя так. Вы незаконно задержали одну из наших женщин, которую имели дерзость призвать к себе, словно... словно рабыню. По какому праву?

— Я мог бы вам ответить: по праву владельца. — И Рескатор продемонстрировал свою самую сардоническую улыбку: — По праву хозяина добычи!

— Но мы доверились вам, — сказал Берн, — и...

— Нет!

Рескатор откинул скамеечку и сел в нескольких шагах от пленника. В красноватом свете фонаря можно было четко увидеть разницу между ними: один тучный, словно какая-то глыба, другой подтянутый, к тому же защищенный латами своей иронии. Когда Рескатор сел, Берн отметил про себя, с каким изяществом и естественностью откинул он полу своего плаща, как бы случайно положив руку на рукоятку своего длинного серебряного пистолета.

«Дворянин... — сказал он себе. — Разбойник, но разбойник знатного рода, в этом можно не сомневаться. Что я перед ним?»

— Нет! — повторил Рескатор. — Вы не доверились мне. Вы не знали меня, вы не заключали со мною никакого контракта. Вы прибежали ко мне на судно, чтобы спасти свои жизни. И я вас принял на борт, вот и все. Однако не думайте, что я отказываюсь исполнить долг гостеприимства. Вы лучше размещены, вас лучше кормят, чем моих матросов, ни одна из ваших женщин или девушек не может пожаловаться, что кто-нибудь обошелся с ней грубо или просто докучал ей.

— Сударыня Анжелика...

— Сударыня Анжелика даже не гугенотка... Я знал ее задолго до того, как она увлеклась чтением Библии. Я не причисляю ее к вашим женщинам...

— Но она скоро станет моей женой! — бросил Берн. — И поэтому я обязан защищать ее. Вчера вечером я обещал вырвать ее из ваших лап, если она не вернется к нам через час.

Он подался всем телом вперед, и цепи, сковывающие его руки и ноги, звякнули.

— Почему была закрыта на засов дверь пушечной палубы?

— Чтобы доставить вам удовольствие высадить ее плечом, как вы это и сделали, мэтр Берн.

Терпение начинало покидать рошельца. Он очень страдал от своих ран, но душевные и сердечные муки терзали его куда ужаснее. Он провел эти последние часы в полузабытье, и ему временами чудилось, будто он снова в Ла-Рошели, в своей лавке, с гусиным пером в руке, склонился над расходной книгой. Ему уже не верилось, что была та праведная размеренная жизнь, которую он вел доселе. Все его беды начались на этом проклятом судне с той жестокой ревности, что жгла его, путала его мысли. Он даже не знал, как назвать это чувство, ибо раньше никогда не испытывал ничего подобного. Он хотел бы освободиться от него, словно от одежды, пропитанной отравленной кровью Несса. Он испытал почти физическую боль — как если бы его ударили кулаком, — когда этот человек сказал ему, что Анжелика не принадлежит к их числу. Потому что это была правда. Она пришла к ним, она приняла самое горячее участие в их бунте и их борьбе, она спасла их, когда им угрожала опасность, но все же она оставалась вне их сообщества, была иной породы.

Ее тайна, такая близкая и вместе с тем непостижимая, делала ее еще более обольстительной.

— Я женюсь на ней, — сказал он решительно, — причем тут то, что она не нашей веры? Мы не так нетерпимы, как вы, католики. Я знаю ее, она заслуживает уважения, она преданная, мужественная... Не знаю, монсеньор, кем она была для вас, при каких обстоятельствах вы встретились с ней, но знаю, кем она стала в нашем доме, для моей семьи, и этого мне достаточно!

Его терзала тоска по минувшим дням, когда в его доме проворно хлопотала скромная служанка, которая мало-помалу как-то незаметно осветила его жизнь.

Он был бы очень удивлен, обнаружив, что его собеседника терзают те

же чувства, что и его: ревность, сожаление.

А Жоффрей де Пейрак думал: «Выходит, торговец знает о ней нечто такое, чего не знаю я. Он здесь для того, чтобы напомнить мне, что она жила и для других, и что я уже давным-давно потерял ее».

— Как давно вы знаете ее? — громко спросил он.

— По правде сказать — не больше года.

Жоффрей де Пейрак отметил про себя, что Анжелика солгала ему. С какой целью?

— Откуда вы узнали ее? Как она попала к вам в дом служанкой?

— Это мое дело, — раздраженно ответил Берн и, почувствовав, что его слова задели Рескатора, добавил: — Вас оно не касается.

— Вы ее любите?

Гугенот промолчал. Для него это была запретная тема. Вопрос оскорбил его, словно какое-то бесстыдство. Насмешливая ухмылка противника явно показывала, что тот нащупал его слабое место.

— О, как же тяжело для кальвиниста произнести слово «любовь». Оно содрало бы кожу на ваших губах.

— Сударь, мы должны любить одного только Бога. Вот почему я не произнесу этого слова. Наши земные привязанности недостойны его. В глубине наших сердец — только Бог.

— Но женщина — в глубине всего нашего существа, — резко сказал Рескатор. — Мы все носим ее в наших жилах. И тут мы ничего не можем поделать, ни я, ни вы, мэтр Берн... ни кальвинист, ни католик.

Он встал, нетерпеливым движением отбросил к стене скамеечку, склонился к гугеноту и с гневом произнес:

— Нет, вы ее не любите. Такие мужчины, как вы, не любят женщин. Они их терпят. Они пользуются ими и желают их, но это не одно и то же. Вы желаете эту женщину и хотите жениться на ней, чтобы жить в согласии с вашей совестью.

Габриель Берн стал пунцовым. Он попытался приподняться, и это ему удалось.

— Такие мужчины, как я, не должны принимать уроков, которые преподает пират, разбойник, грабитель судов.

— Что вы об этом знаете? Каким бы пиратом я ни был, мои советы оказались бы не лишними человеку, решившемуся взять себе в жены женщину, из-за которой вам позавидовали бы короли. Разве только вы обратили на нее свой взор, мэтр Берн?

Торговцу удалось наконец стать на колени. Он прислонился к переборке. Потом повернулся к Рескатору, и его взгляд из-за лихорадки

казался взглядом безумного. Он был в полном смятении.

— Я долго пытался забыть, — сказал он, — забыть тот вечер, когда впервые увидел ее с распущенными до плеч волосами... на лестнице... Я не хотел оскорблять ее в своем доме, я постился, молился... Часто я вскакивал по ночам, гонимый искушением, зная, что она рядом, под моей крышей, не мог спать...

Он стоял согнувшись, но задыхался не столько от физической боли, сколько от унижения, от мысли, что его вынудили признаться в самом сокровенном, и Рескатор с удивлением наблюдал за ним.

«Ах, торговец, торговец, не такая уж между нами большая разница, — думал он, — и я тоже вскакивал по ночам, когда эта дикая козочка терзала меня, закрыв предо мною дверь своей спальни, я, правда, не постился и не молился, но с грустью разглядывал себя в зеркале и обзывал дураком».

— Да, с этим трудно смириться, — пробормотал он, как бы разговаривая сам с собою. — Обнаружить, что ты одинок и бессилен перед таким естественным: перед Морем, перед Одинокеством, перед Женщиной... Когда приходит час противостоять им, мы не знаем, как нужно поступить. Но отказаться от битвы? Немыслимо!

Берн снова рухнул на соломенный тюфяк. Он задыхался, по его вискам струился пот. То, что он сказал сейчас Рескатору, было настолько непривычно для него, что он усомнился в реальности их разговора. Да и сам Рескатор, шагавший взад и вперед по этому смрадному и грязному карцеру, в его полумраке как никогда походил на злого духа. Берн продолжал отчаянно защищаться.

— Вы говорите о женщине кощунственно, — сказал он, отдышавшись, — говорите так, словно женщина — какой-то предмет, какое-то непонятное существо.

— Но ведь так оно и есть. И не надо ни слишком презрительно относиться к власти женщины, ни слишком поддаваться ей. Море тоже прекрасно. Но вы рискуете погибнуть, если пренебрежете его могуществом, и также погибнете, если вам не удастся покорить его... Видите ли, мэтр Берн, я всегда начинаю с того, что склоняюсь перед женщиной, молодой или старой, красивой или уродливой...

— Вы смеетесь надо мною.

— Я открываю вам свои тайны обольщения. Сумеете ли вы ими воспользоваться, господин гугенот!

— Вы пользуетесь своим положением, чтобы унижить и оскорбить меня. Вы презираете меня, потому что вы знатный сеньор, или во всяком случае были им, а я всего-навсего простой буржуа.

— Оставьте заблуждения. Если вместо того чтобы слепо ненавидеть меня, вы возьмете на себя труд подумать, вы поймете, что я разговариваю с вами как мужчина с женщиной, на равных. Я уже давно научился ценить в любом человеке только его человеческие качества. Между мною и вами есть лишь одно различие: я имею перед вами преимущество потому, что познал все — я жил, не имея хлеба, не имея ничего, кроме слабого дыхания жизни. Вам это неизвестно. Но, можно не сомневаться, все еще впереди. Что же касается оскорбления, то ведь и вы не удержались от них: разбойник, жалкий грабитель.

— Да, допускаю, — ответил Берн, тяжело дыша. — Но сейчас сила на вашей стороне, я в вашей власти. Что вы собираетесь сделать со мною?

— Да, вы опасный соперник, мэтр Берн, и если бы я прислушался к голосу разума, то обязательно убрал бы вас со своей дороги. Я оставил бы вас гнить здесь или же еще лучше... вы знаете, как поступают в подобных случаях пираты, к которым вы меня причисляете: кладут доску, один край которой нависает над морем, и на нее с завязанными глазами заставляют взойти того, от кого хотят избавиться. Но не в моих правилах оставлять все шансы только одному себе. Я люблю побороться. Я игрок. Знаю, иногда это обходится мне слишком дорого. Однако на этот раз бросим кости. Нам плавать еще много недель. Я верну вам свободу. Договоримся так: когда мы достигнем цели нашего путешествия, мы попросим сударыню Анжелику сделать выбор между мною и вами... Почему вы в смятении? Вы не очень уверены в победе?

— Со времен Евы женщины всегда позволяют мужчинам обольщать себя.

— Похоже, что вы не питаете уважения даже к той, кого желаете взять в жены. Уж не думаете ли вы, что то ничтожное оружие, которым вы собираетесь завоевать ее... ваши молитвы, посты и что там еще... привлечет ее к благонравной жизни, которую вы предложите ей в вашей компании... Даже в этих чужих землях, куда мы сейчас направляемся, респектабельность имеет цену. Сударыня Анжелика может оказаться чувствительной к ней.

Рескатор говорил насмешливым тоном. Этот разговор доставлял протестанту невыразимые страдания. Сарказм Рескатора заставлял его глубоко заглянуть в собственную душу, и он заранее с ужасом думал о том, что найдет в ней смятение. Потому что сейчас сомневался в себе самом, в Анжелике, в ценности тех качеств, которые он может противопоставить дьявольской власти того, кто бросает ему перчатку.

— Вы думаете, что завоевать женщину — этого мало? — с горечью

спросил он.

— Наверняка... Но ваше положение не так уж плохо, как вы думаете, мэтр Берн, потому что у вас есть еще и другое оружие.

— Какое?.. — с живым беспокойством спросил пленник, и это сделало его даже симпатичным.

Рескатор разглядывал его. Он думал, не опрометчиво ли он поступает, ради забавы усложняя начатую игру, выигрыш в которой весьма важен для него. Но с другой стороны, сможет ли он когда-нибудь узнать, кто же такая Анжелика, что она думает, чего хочет, если противник не получит возможности попытаться удачу? Он с улыбкой склонился к своему сопернику.

— Знаете, мэтр Берн, если раненый мужчина сумел высадить дверь, чтобы вырвать любимую женщину из рук гнусного обольстителя, и, брошенный в оковах в темницу, еще сохраняет достаточно... ну, скажем, темперамента брыкаться как бык при одном только упоминании о ней, этот мужчина, на мой взгляд, имеет на руках все козыри, чтобы удержать непостоянную женщину. Печать плоти — вот главный козырь нашей власти над женщиной... любой женщиной... Вы мужчина, Берн, настоящий мужчина, прекрасный самец, поэтому, признаюсь вам, я не с легким сердцем предоставляю вам право сыграть вашу партию.

— Замолчите, — взревел рошелец, неожиданно потеряв над собою власть, и негодование даже дало ему силы подняться... Он дергал свои цепи, надеясь разорвать их. — Разве вы не знаете, что сказано в Священном Писании: «Всякая плоть как трава и всякий ее свет как полевой цветок. Трава засохнет, цветок опадет, когда сверху подует ветер Вечности...»

— Возможно... Но признайтесь, пока ветер Вечности еще не подул, цветок очень желанен.

— Если бы я был папистом, — сказал Берн, — я бы сейчас перекрестился, потому что вы одержимы дьяволом.

Тяжелая дверь уже закрывалась. Шум шагов его мучителя и негромкие голоса, которые что-то говорили по-арабски, стихли. Берн рухнул на тюфяк. Ему казалось, что за несколько дней он прошел путь, подобный пути к смерти. Он вошел в другую жизнь, где все прежние ценности не имеют больше смысла. Что же ему теперь делать?

Глава 12

Анжелика вернулась на нижнюю палубу, где расположились протестанты, почти как сомнамбула. Она вдруг обнаружила, что сидит в углу около зачехленной пушки, где она развесила кое-какую одежду, не помня, как шла по верхней палубе, держа за руку Онорину, спускалась по трапам, в тумане обходя свернутые канаты, какие-то ушаты, посудины с паклей и матросов, драивших палубу. Из всего этого она не увидела ничего.

И теперь она сидела в углу и сама не понимала, когда и почему оказалась там.

— Сударыня Анжелика! Сударыня Анжелика! Где вы были?

Хитрое личико маленького Лорье было обращено к ней. Северина своей худенькой ручкой обняла ее за плечи.

— Ну почему вы молчите?

Дети окружили ее. Все они были укутаны в жалкие лохмотья, в полотнища от материнских юбок, которые матери разорвали, чтобы укрыть от холода своих чад, в их одежде торчали соломинки. Лица детей были бледны, носы покраснели.

— Вам не холодно?

— О, нет, — быстро ответили они.

Мальш Гедеон Карер пояснил:

— Боцман, этот морской карлик, сказал нам, что теплее здесь уже не будет, разве только поджечь корабль, потому что мы находимся неподалеку от полюса, но скоро пойдем опять к югу.

Она слушала их, не слыша.

Взрослые, те держались в стороне и время от времени издали кидали взгляд в ее сторону, одни с ужасом, другие с жалостью. Что означало ее долгое ночное отсутствие? Ее возвращение — увы! — подтверждало самые ужасные догадки и те обвинения, которые накануне вечером были высказаны в адрес хозяина корабля.

«Этот бандит считает, что имеет права на всех нас... на нас, на наших жен и дочерей... Братья мои, теперь мы знаем, мы идем вовсе не на Острова...»

Увидев, что Анжелика спокойно разговаривает с детьми, Абигаель и юная булочница, которые очень любили ее, решились наконец подойти к ней.

— Что он сделал с вами? — шепотом спросила Абигаель.

— Что он сделал со мной? — переспросила Анжелика. — Кто это — он?

— Он... ну... Рескатор.

При звуке этого имени в голове Анжелики словно что-то щелкнуло, она поднесла руки к вискам и сморщилась от боли.

— Он?.. — сказала она. — Но он ничего мне не сделал, почему такой вопрос?

Те, смутившись, не знали, что ответить. Анжелика даже не пыталась понять причину их смущения. Одна-единственная мысль не оставляла ее: «Я его нашла, но он меня не признал. Он не признал меня своей женой, — твердила она себе. — Я так мечтала об этом дне, как желала его, так надеялась, и вот... Я и сегодня вдова».

Ее начал бить озноб.

«Это безумие... Что-то невысказанное... просто страшный сон. Сейчас я проснусь...»

Маниголь, подталкиваемый женой, подошел к Анжелике.

— Нам надо поговорить, сударыня Анжелика... Где Габриель Берн?

Она взглянула на него, ничего не понимая, и резко ответила:

— Я ничего не знаю!

Он в подробностях рассказал ей о том, что произошло ночью из-за ее долгого отсутствия. Ночью, поскольку Анжелика не возвращалась, Берн решил пойти на ее поиски. И был очень возмущен, обнаружив, что дверь заперта на ключ. Тогда, несмотря на свои раны, он принялся высаживать ее, помогая себе деревянным молотом, и она наконец дрогнула. Видя, что он не успокоится, Маниголь завершил дело, нанеся сокрушительный удар. На пушечную палубу ворвался ледяной ветер, и матери шумно запротестовали, не зная, как защитить от холода детей.

И тут, изрыгая проклятия, неожиданно появились шотландец-боцман и три крепких парня, они схватили Берна и поволокли куда-то в темноту. С тех пор они его не видели.

Потом пришли два плотника, с невозмутимым видом починили дверь и снова заперли ее. Судно жестоко швыряло. Инстинкт подсказал женщинам и детям, что ночь предстоит грозная. Они прижались друг к другу и сидели молча, а мужчины долго обсуждали, как им вести себя, если случится какая-нибудь неприятность с их компаньоном мэтром Берном или с его служанкой...

— Не исключено, что этот пират сбросил его в море, — вмешался адвокат Карер.

— Вы сошли с ума!

Она начинала быстро осознавать реальность. Значит, пока она этой ночью спала в каюте Рескатора, Берн, бросившись ей на помощь, учинил скандал.

Рескатор, должно быть, знал об этом. Почему он не сказал ей ни слова? Правда, у них был такой серьезный разговор...

— Послушайте, — сказала она, — перестаньте кипятиться и запугивать детей всякими нелепыми предположениями. Если мэтр Берн своим буйством этой ночью, когда одно лишь управление судном требовало напряжения всех сил и от команды, и от капитана, действительно вынудил монсеньора Рескатора на крайние меры, то, я полагаю, он просто где-нибудь изолирован. Я убеждена в этом.

— Увы! У таких бессовестных людей суд быстр, — мрачно сказал Карер. — И тут вы ничего не поделаете.

— Вы глупы! — крикнула Анжелика, с трудом сдерживаясь, чтобы не вlepить пощечину в его желтое, словно старое сало, лицо.

От крика ей стало легче, и еще оттого, что, оглядывая их одного за другим, она говорила себе, что жизнь все же продолжается. В тусклом свете нижней палубы, где из-за холода задраили все порты, ее спутники смотрели на нее, и лица их были такими привычными. Они были здесь, поглощенные своими заботами. И они просто не оставляли ей времени углубиться в свою драму, поставить ее во главу угла.

— Ну что ж, сударыня Анжелика, — сказал Маниголь, — если вы требуете, чтобы мы не жаловались вам на агрессивность этого пирата, то ваше право. А вот мы весьма обеспокоены судьбой мэтра Берна. Мы надеялись, что вы знаете, где он.

— Я сейчас узнаю, — сказала она, вставая.

— Не уходи, мама, не уходи, — заревела Онорина, решив, что сейчас она снова на много часов останется одна.

Взяв ее за руку, Анжелика вышла.

На палубе она сразу же увидела Никола Перро. Сидя на куче снастей, он курил трубку, а его индеец, скрестив ноги и склонив голову, словно причесывающаяся девочка, заплетал в косички свои длинные волосы.

— Жестокая была ночь, — сказал канадец с понимающим видом.

«Неужели он что-нибудь знает?» — подумала удивленная Анжелика. Потом поняла, что канадец имеет в виду всего лишь те тяжкие часы, когда они боролись с ураганом и льдами. Команда всю ночь буквально падала с ног от страшного напряжения.

— Нам грозила смертельная опасность?

— Благодарите Бога, что вы пребывали в неведении и что вы живы, — сказал он, крестясь. — Здесь проклятые места. Уж скорее бы вернуться на мой родной Гудзон.

Она спросила, можно ли узнать, где находится один из протестантов, мэтр Берн, пропавший этой бурной ночью.

— Говорят, за неповиновение его заковали в кандалы. Монсеньор Рескатор сейчас у него внизу, допрашивает.

Из всего этого она смогла сообщить своим спутникам только одно: их друг не брошен за борт. Пришел дежурный матрос с неизменным чаном кислой капусты, кусками солонины и, для детей, с кусочками засахаренных апельсинов и лимонов. Пассажиры с шумом рассаживались. Только еда да еще прогулка в полдень вносили в их жизнь разнообразие. Анжелика получила свою порцию, за которую, покончив со своей, с живостью принялась Онорина.

— Ты не ешь, мама?

— Что ты все время только и твердишь: мама, мама... — сказала раздраженно Анжелика. — Раньше ты так не липла ко мне.

До ее ушей доносились обрывки разговоров.

— Вы убеждены, Ле Галь, что мы вообще не будем проходить Зеленый мыс? — спросил Маниголь.

— Абсолютно, сударь. Мы на севере, далеко на севере.

— А куда же мы попадем при этом курсе?

— В воды, где ловят треску и бьют китов.

— Ура! Мы увидим китов! — крикнул один из мальчиков и захлопал в ладоши.

— И где же мы можем причалить?

— Кто может знать? На Новой Земле или в Новой Франции.

— В Новой Франции? — вскричала жена булочника. — Но ведь тай мы попадем в руки папистов. — И она запричитала: — Теперь уже все ясно, этот бандит решил продать нас.

— Замолчите, безмозглая! — решительно вмешалась госпожа Маниголь. — Будь у вас хоть капелька справедливости, вы бы поняли, что бандит не стал бы рисковать своим судном под стенами Ла-Рошели и бросать там якорь ради того, чтобы потом отправиться продавать нас на другую сторону океана.

Анжелика с удивлением взглянула на госпожу Маниголь. Жена судовладельца, как всегда величественная, восседала на перевернутом деревянном чане. Сиденье, возможно, не слишком удобное для ее полной фигуры, но это не умаляло аппетита, с которым она ела из восхитительной

дельфтской тарелки серебряной ложкой.

«Ого, она все же исхитрилась пронести их под своими юбками, когда садилась на корабль», — мелькнула у Анжелики мысль.

Мэтр Маниголь не без досады взял на себя труд разъяснить своей супруге:

— Вы просто удивляете меня, Сара! Вы говорите ерунду и только потому, что хозяин этого судна счел своим долгом угодить вам... вашей причуде, подарив вам эту тарелку, совсем утратили здравый смысл. Я привык к тому, что вы рассуждаете более логично.

— Мои рассуждения не глупее ваших. Человек, который умеет с первого взгляда уловить общественное положение, благородство и понять, кому прежде всего должен оказать внимание, такой человек, я не говорю — внушает доверие, но утверждаю — не глуп.

Она решительно обернулась к Анжелике.

— А что вы думаете об этом, сударыня Анжелика?

— О чем вы? — спросила Анжелика, от которой все время ускользала нить их разговора.

— Да... о нем. — хором вскричали женщины. — О хозяине «Голдсборо»... пирате в маске... о Рескаторе. Сударыня Анжелика, вы же знаете его, скажите нам, кто он.

Анжелика растерянно уставилась на них. И это ей задают такой вопрос!.. Ей!.. В тишине послышался голос маленькой Онорины:

— Я хочу палку. Я хочу убить Черного человека.

Маниголь пожал плечами и возвел к балкам подволока глаза, призывая всех в свидетели глупости женщин.

— Вопрос не в том, чтобы узнать, кто он, а в том, куда он нас везет. Вы можете сказать нам это, сударыня Анжелика?

— Сегодня утром он снова заверил меня, что везет нас на Американские острова. Северный путь тоже ведет туда, как и южный.

— Вот те на! — вздохнул судовладелец. — А что ты думаешь об этом, Ле Галь?

— Что ж, черт побери, это возможно... Северным путем пользуются редко, но, если идти вдоль американского берега, мы должны в конце концов прийти в Карибское море. Возможно, наш капитан предпочитает этот путь более привычному, где много судов...

Неожиданно и неслышно вдруг появился боцман и жестами показал им, что они могут подняться на палубу. Несколько женщин остались, чтобы навести порядок. Анжелика снова погрузилась в свои невеселые мысли.

— Почему ты спишь, мама? — спросила Онорина, видя, что она закрыла ладонями лицо.

— Оставь меня в покое!

Но постепенно Анжелика все же выходила из оцепенения. Голова, правда, продолжала оставаться тяжелой, словно от удара. И тем не менее, истина начинала проясняться в ее мозгу. То, о чем она столько мечтала, свершилось не так, как ей представлялось, но свершилось. Ее много лет оплакиваемый муж уже больше не далекий фантом, блуждающий неведомо где, а вполне реален, тут, рядом с нею. Думая о нем, она сейчас говорила себе: «Он». Ей трудно было называть его Жоффреем, настолько он казался ей непохожим на того, кого она некогда нарывала этим именем. Но он уже не был для нее и Рескатором, таинственным незнакомцем, который необъяснимым образом так притягивал ее. Но этот человек не любит ее, не любит больше! «Но что же я сделала такого, что он не любит меня больше? Из-за чего он так сомневается во мне? Разве я стану упрекать его за те годы, когда в его жизни для меня не было места? Ведь ни он, ни я, никто из нас не хотел этой разлуки. Так почему же не попытаться вычеркнуть ее из жизни, забыть? Но мужчины рассуждают совсем иначе, с этим надо считаться. Из-за кого, из-за Филиппа или же из-за короля он не любит меня больше? Даже хуже, я стала ему безразлична...» Ее охватило беспокойство.

«Может, я просто постарела?.. Конечно, я, должно быть, очень изменилась за эти несколько недель, ведь перед бегством из Ла-Рошели было столько изматывающих забот...»

Она оглядела свои загрубевшие, потрескавшиеся руки, руки служанки. Есть от чего прийти в ужас знатному эпикурейцу.

Анжелика никогда не придавала чрезмерного значения своей красоте. Конечно, она следила за собой, всегда одевалась со вкусом, но у нее никогда не было страха, что ее красота померкнет или хотя бы потускнеет. Этот дар Божий, разговоры о котором она слышала с детства, как ей казалось, будет с нею вечно, всю ее жизнь. И сегодня впервые она вдруг почувствовала, что красота тоже преходяща. Он убедил ее в этом.

— Абигаель, — в волнении подошла она к подруге, — у вас есть зеркальце?

Зеркальце у Абигаель нашлось. Лишь скромная девственница, для которой благопристойный вид и аккуратно завязанный чепчик были высшей степенью добродетели, подумала о зеркальце, о чем более кокетливые дамы забыли.

Абигаель протянула зеркальце Анжелике, и та жадно взгляделась в

него.

«У меня, конечно, есть несколько седых прядок, но при моей прическе он не мог их заметить... разве только в первый день, когда я поднялась на „Голдсборо“, но тогда мои волосы были такие мокрые, что вряд ли было возможно что-либо рассмотреть».

Сейчас она гляделась в стальное зеркальце далеко не так непринужденно, как раньше, когда у нее и в мыслях не было понравиться Рескатору.

Она провела пальцем по скулам. Разве ее черты потускнели? Нет. Щеки у нее, пожалуй, несколько впалые, но цвет их теплый, его дал ей сельский простор ее детства, и разве не им восхищались в Версале и не ему завидовала госпожа Монтеспан?..

Но как узнать, что думает о ней мужчина, который сравнивает ее с сохранившимся в его памяти обликом юной девушки?

«Сегодня я столько пережила... И потом, слов нет, жизнь наложила на меня свой отпечаток...»

— Мама, найди мне палку, — требовала Онорина, — человек в черной маске — это большой оборотень... я хочу его убить...

— Замолчи... Абигаель, скажите мне честно, можно ли обо мне еще сказать, что я красивая женщина?

Абигаель спокойно складывала свою одежду. По ее лицу невозможно было угадать, до какой степени приводило ее в замешательство поведение Анжелики. И правда, Анжелика отсутствовала всю ночь, и, хотя она заявила, что ничего плохого не случилось, можно предположить, что там произошло, а тут она еще потребовала зеркало...

— Вы самая красивая женщина, какую я когда-либо встречала, — ответила Абигаель безразличным тоном, — и вы это прекрасно знаете сами.

— Увы, я уже ничего больше не знаю, — вздохнула Анжелика, в унынии опуская руки.

— Да вы посмотрите, все мужчины влюблены в вас, в том числе и те, кто об этом даже не подозревает, — продолжила Абигаель. — За что бы они ни брались, они ждут вашего мнения, вашего согласия, вашей улыбки. Хотя бы улыбки. И каждый хочет, чтобы она предназначалась только ему. Взгляд, который вы обращаете к другим, причиняет им страдания. Перед нашим отплытием из Ла-Рошели отец часто говорил мне, что, если мы возьмем вас с собой, наши души подвергнутся ужасной опасности... Он уговаривал мэтра Берна жениться на вас до того, как мы отправимся в путь, чтобы споры из-за вас не могли бы возникнуть...

Анжелика почти не слышала ее признаний, хотя в другое время они взволновали бы ее. Она снова взяла скромное маленькое зеркальце.

«Хорошо было бы сделать компресс из лепестков амариллии, чтобы улучшить цвет лица... К несчастью, я оставила все травы в Ла-Рошели...»

— А я хочу его убить, — негромко бубнила Онорина.

Вернулись пассажиры, а с ними и мэтр Берн. Его поддерживали два матроса. Они довели торговца до его ложа. Он казался слабым, но не сломленным. Скорее укрепленным в духе. Его глаза метали молнии.

— Этот человек — дьявол во плоти! — объявил он окружившим его друзьям, когда матросы ушли. — Он мучил меня самым недостойным образом. Он меня пытал...

— Пытал?.. Раненого?.. Подлец!

Все буквально взорвались от негодования.

— Вы говорите о Рескаторе? — спросила госпожа Маниголь.

— А о ком же еще! — вне себя воскликнул Берн. — За всю свою жизнь я не встречал более омерзительного типа. Меня держали там в оковах на руках и ногах, а потом пришел он и начал осыпать меня оскорблениями, жарить на медленном огне...

— Он правда пытал вас? — спросила Анжелика, подходя к нему с расширенными от ужаса глазами.

Мысль, что Жоффрей де Пейрак стал человеком, способным на жестокость, окончательно убила ее.

— Он правда пытал вас?

— Морально, я хочу сказать! Ах, отойдите все, не смотрите на меня так!

— У него снова лихорадка, — прошептала Абигаель. — Надо сделать ему перевязку.

— Меня уже перевязали. Старый врач-араб притащил еще и свои облатки. Потом с меня сняли оковы и вывели на палубу... Никто не смог бы лучше излечить тело и растоптать душу. О, не трогайте меня!

Он закрыл глаза, чтобы не видеть больше Анжелику.

— И оставьте меня все! Я хочу спать.

Его друзья удалились. Анжелика осталась сидеть около него. Она чувствовала себя виноватой в его злоключениях. Прежде всего, ее отсутствие, в котором она неповинна, толкнуло его на отчаянный шаг... Еще не оправившись от ран, которые теперь снова начали кровоточить, он вынужден был провести многие часы в невыносимых условиях в глубине трюма, и, наконец, Рескатор, ее муж, похоже, совсем доконал его. О чем могли они говорить, эти двое таких непохожих друг на друга мужчин?

Берн не заслужил того, чтобы его заставляли страдать, думала она. Он принял ее в свой дом, стал ей другом, он, не кичась этим, защитил ее, и она нашла в его доме отдохновение. Он человек справедливый и прямой, человек высоких моральных устоев. Ведь это из-за нее, Анжелики, рухнуло, словно подмытая морем дамба, то суровое достоинство, за которым он таил пылкость своей натуры. Ради нее он пошел на убийство...

Погрузившись в воспоминания о той, былой жизни, она не заметила, как Габриель Берн снова открыл глаза. Он смотрел на нее как на какое-то видение. За то сравнительно недолгое время, что он знал ее, она затмила для него все. Затмила настолько, что он потерял интерес к собственной судьбе, к тому, куда они плывут и приплывут ли когда-нибудь. Сейчас он желал только одного — вырвать Анжелику из-под демонического влияния Другого.

Она захватила все его существо. Отныне в его душе не осталось места ничему из того, что наполняло ее до сих пор, — коммерции, любви к своему городу, защите своего очага, — и он с испугом обнаружил, что всецело поглощен страстью.

Какой-то внутренний голос твердил ему:

«Это жестокое поражение... Поддаться искушению женщины... Отметить ее печатью плоти...»

В висках у него стучало... «А может, — говорил он себе, — именно это и нужно, чтобы освободиться от ее власти, подчинить ее себе».

Все низменные желания, которые возбудили в нем слова Рескатора, жгли его... Ему хотелось затащить Анжелику в темный угол и силой овладеть ею не столько из любви к ней, сколько из мести за ту власть, которую юна взяла над ним.

Потому что сейчас уже слишком поздно штурмовать берега сладострастия. Да, в том, что касается удовлетворения плоти, он, Берн, никогда не сможет достичь непринужденности своего улыбающегося соперника...

«Мы грешные люди, — повторял он про себя, низводя совесть до своего рода проклятия. — Вот почему я никогда не буду свободным... А он свободен... И она тоже...»

— Вы сейчас смотрите на меня словно на врага, — прошептала Анжелика. — Что случилось? Что он сказал вам, что вы так изменились, мэтр Берн?

Рошельский торговец тяжело вздохнул.

— Это верно, я сам не свой, сударыня Анжелика... Нам надо пожениться... скорее... как можно скорее!

И прежде чем она успела ответить ему, он окликнул пастора Бокера.

— Пастор! Подойдите к нам. Послушайте, огласите нашу помолвку, немедленно.

— А ты не мог бы немного потерпеть, сын мой, подождать, пока поправишься, — смиряя его пыл, ответил старый пастор.

— Нет, я не успокоюсь, пока дело не будет слажено.

— Куда бы мы ни плыли, церемония должна быть законной. Я могу благословить вас во имя Бога, но только капитан судна может выступить в роли представителя временной власти. Нужно испросить его разрешения на запись в бортовом журнале и получить соответствующий документ.

— Он даст разрешение, — вскричал яростно Берн. — Он заверил меня, что не будет чинить препятствий нашему союзу.

— Это невозможно! — крикнула Анжелика. — Неужели он хоть одну секунду сможет наблюдать этот маскарад? Право, здесь есть отчего потерять голову! Он прекрасно знает, что я не могу выйти за вас замуж... Я не могу, я не хочу...

Она убежала, боясь, что сейчас перед ними с ней случится истерика.

— Маскарад... — с горечью повторил Берн. — Вы же видите, пастор, что с ней творится. Подумать только, мы стали добычей этого жалкого мага и пирата. Он считает, что на этой ореховой скорлупе мы в его руках... И деваться некуда — кругом море... мы одни в нем, насколько видит глаз... Как вам это объяснить, пастор? Он стал одновременно и моим мучителем и моей совестью. Я бы сказал, что он подталкивал меня к дурному, и в то же время открыл мне все то дурное, что жило во мне и о чем я даже не подозревал. Он сказал мне: «Если бы вместо того, чтобы слепо ненавидеть меня...» Я и сам не знаю, ненавижу ли его. Впрочем, я никогда не испытывал ненависти ни к кому, даже к тем, кто нас преследовал. Разве до сих пор я не был человеком справедливым, пастор?.. А теперь я и сам уже не знаю...

Глава 13

Она проснулась, словно пришла в себя после тяжелой болезни. С чувством, что еще больна, но уже выздоравливает. Ей приснился вечер их отплытия, когда на берегу он, смеясь, сжал ее в своих объятиях с возгласом: «А вот и вы наконец! Последняя, естественно! Неукротимая женщина!» Она какое-то время лежала, замерев, ловя последние образы этого сна, которые постепенно угасали. Или это был не сон?

Она попыталась воскресить его в памяти, чтобы хоть на мгновение пережить все снова. Ведь во сне, когда он обнимал ее, он обращался к ней именно как к своей жене. И в Кандии тоже он взглядом из-под маски пытался успокоить ее, он защищал ее, он пришел вырвать ее из страшных когтей торговцев женщинами, пришел потому, что знал, кто она.

Тогда он не презирал ее, свою жену, хотя и был зол на нее из-за неверности, истинной или вымышленной.

«Но тогда я была красива!» — подумала она.

Тогда да, конечно. Но на берегу в Ла-Рошели? С тех пор прошло не так уж много дней, а кажется, что мир перевернулся, и даже между сегодняшним утром, когда он снял маску, и вечером, который надвигается, пролегал пропасть.

Да, солнце уже садится. Она спала всего какие-нибудь полчаса, может, час. Открытая дверь в глубине батареи позволяла видеть квадрат желтого света. Пассажиры собрались на верхней палубе для вечерней молитвы. Она встала, согнувшись, словно после побоев. «Я не должна смириться с этим! Нам нужно поговорить!» Она разгладила свое убогое платье и долго рассматривала мрачную и грубую ткань. Воспоминания о встрече на берегу и сон немного успокоили, но все равно ее не оставлял страх. Слишком много непонятого таилось в человеке, к которому она хотела приблизиться, таилось что-то такое, что невозможно было постичь. Она боялась его.

«Он очень изменился! Нехорошо так говорить, но... я предпочла бы, чтобы он остался хромым. Тогда бы я сразу узнала его, еще в Кандии, и он не смог бы бросить мне упрек, будто я лишена чутья, будто я бессердечна, ведь именно в этом он упрекнул меня. Словно было так легко узнать его под маской... Я женщина, а не полицейская ищейка короля...»

Она нервно рассмеялась от этого нелепого сравнения. Потом снова ее охватила грусть. Из всех упреков, которые он бросил ей, больше всего ее

ранил упрек за сыновей.

«С тех пор, как потеряла их, мое сердце не перестает обливаться кровью, а он считает себя вправе обвинять меня в равнодушии. Выходит, он так мало знает меня. И, видно, никогда меня не любил...» У нее усилилась мигрень, казалось, что болит каждый нерв. Она цеплялась за воспоминание об их встрече на берегу, об их встрече в первый вечер на «Голдсборо», когда он приподнял пальцем ее подбородок, сказав своим неподражаемым тоном: «Вот что значит бежать через ланды вслед за пиратами». Тогда она тоже должна была бы узнать его, несмотря на его маску, на его изменившийся голос. Ведь в этом был весь он. «Почему я оказалась такой слепой, такой дурой! Правда, тогда я была одержима одной мыслью: нам всем завтра грозит арест, надо бежать, во что бы то ни стало бежать».

И тут же другая мысль пришла ей в голову, она даже вскочила.

«Что делал он в окрестностях Ла-Рошели? Он знал, что я нахожусь там? Или же его туда привел случай?» И она снова решительно сказала себе: «Мне необходимо увидеть его, поговорить. Даже если я покажусь ему назойливой. Все не может так кончиться, иначе я сойду с ума».

Она подошла к мэтру Берну и остановилась около его ложа. Он спал. Его вид вызывал у нее двойственное чувство. Ей хотелось, чтобы он вовсе не существовал, и в то же время она сердилась на Жоффрея де Пейрака, ведь он третировал человека лишь за то, что тот ее друг и хочет жениться на ней.

«Неужели все те годы, что он отсутствовал, я должна была рассчитывать только на него, на господина де Пейрака?..»

Надо, чтобы он узнал, сколько она натерпелась за эти пятнадцать лет, и если она стала женой Филиппа, добилась высокого положения при дворе короля, то это ведь ради того, чтобы избавить своих сыновей от жалкой судьбы отверженных. Она расскажет, она скажет ему все, что накопилось у нее на душе.

***

Сумерки уже окутали верхнюю палубу. Сбившиеся, словно овцы, в кучу протестанты в своих темных одеждах были едва различимы во мраке. Слышалось лишь, как они бормочут молитвы. Наверху, на полуюте, где все стекла в апартаментах Рескатора сверкали, словно рубины, Анжелика заметила его на возвышающемся над кормой своего рода балконе, огражденном перилами, и сердце ее трепетно забилося. Освещенный лучами заходящего солнца, он стоял в маске, таинственный, загадочный, но это был он, и безумная радость, которая должна была бы охватить ее

утром, наполнила вдруг все ее существо, изгнав все обиды.

Она бросилась к первому попавшемуся трапу и побежала по узкому проходу, не обращая внимания на то, что волны брызжут на нее водяной пылью. Нет, сейчас она не позволит себе растеряться под насмешливым взглядом или от сказанной ледяным тоном фразы. Он должен выслушать ее, это совершенно необходимо!

Однако когда она поднялась на балкон, все ее планы рухнули при виде сцены, которая предстала ее взору. Радость ее растаяла, остался только страх.

Около Рескатора — когда он был в маске, она еще не могла признать в нем Жоффрея де Пейрака — стояла Онорина. Как и сегодня утром, она снова, словно шкодливый шалун, оказалась между ними.

Стоя у ног Рескатора, девочка подняла к нему свое круглое личико, искаженное дерзкой гримасой, с вызывающим видом сунув ручки в карманы своего фартучка. Анжелике пришлось уцепиться за перила, чтобы не упасть.

— Что ты тут делаешь? — спросила она гневно.

Услышав ее голос, Рескатор обернулся.

— Вы пришли вовремя, — сказал он. — Я как раз размышляю над весьма тревожащей наследственностью этой юной особы. Представьте себе, сейчас эта барышня обокрала меня, лишив двух тысяч ливров в драгоценных камнях.

— Обокрала? — переспросила подавленная Анжелика.

— Войдя к себе, я увидел, как она копается в ларце, который я открыл перед вами сегодня утром и который она, должно быть, заметила во время своего визита к нам. Захваченная на месте преступления, очаровательная барышня не проявила ни малейшего смущения и без обиняков дала мне понять, что не вернет мне моих сокровищ.

К несчастью, после стольких волнений, выпавших на ее долю в этот день, Анжелика не смогла отнестись к этой вести с юмором. Оскорбившись за себя, за Онорину, она бросилась к девочке, чтобы отобрать у нее драгоценности. Пытаясь изо всех сил открыть ее ладошку, она проклинала жизнь. Ведь она пришла сюда, движимая любовью, а вынуждена бороться с этой, несносной девчонкой, нежданной, нежеланной, которая живет, в то время как ее сыновья мертвы. Онорина — ее зримый изъян в глазах человека, любовь которого она снова хочет завоевать. И вот теперь — только этого не хватало! — эта девчонка с немислимой смелостью заявила к нему, чтобы обокрасть. Та самая Онорина, которая ни разу ничего не взяла без спросу, даже из буфета.

Ей наконец удалось разогнуть маленькие пальчики и изъять два бриллианта, изумруд и сапфир.

— Ты злая! — крикнула Онорина.

Взбешенная тем, что побеждена, она отскочила в сторону, глядя на них с яростью, весьма забавной для такой маленькой девчушки.

— Ты злая. Вот как дам тебе сейчас...

Она искала страшную месть, которая бы соответствовала ее гневу.

— Вот как дам тебе сейчас, и ты отлетишь до самой Ла-Рошели... И будешь возвращаться сюда пешком...

Рескатор хрипло рассмеялся.

Нервы Анжелики не выдержали, и она с размаху влепила дочери пощечину.

Онорина, разинув рот, уставилась на нее, затем разразилась пронзительным ревом. Заметавшись, она вдруг словно безумная бросилась к трапу, который вел на палубу, и, не переставая кричать, как маленький бесенок, Помчалась по узкому проходу.

Корабль кренило на левый борт, и ее на ходу окатывало водой.

— Задержите ее, — завопила Анжелика, парализованная, словно в кошмарном сне.

Онорина продолжала бежать. Она хотела только одного — убежать от этих рей и парусов, с этого корабля, где она уже столько дней несправедливо страдает. Наверху, за толстым деревянным бортом, голубело небо. Добежав до конца прохода, она принялась карабкаться на высокую бухту^[5]. Ей это удалось, и теперь ничто не отделяло ее от бездны. Корабль снова накренился, и те, кто, застыв от ее стремительности, наблюдал эту сцену, с ужасом увидели, как малышка вылетела за борт.

Безумный крик Анжелики слился с воплями ужаса протестантов и матросов. Один из матросов, сидящий на перекладине бизань-мачты, стрелой кинулся в море. Двое других бросились к укрепленной на палубе шлюпке, чтобы спустить ее на воду. Ле Галь и рыбак Жорис, которые находились неподалеку, поспешили им на помощь. Со всех сторон бежали люди. В одно мгновение корабль накренился на левый борт, потому что там столпились обезумевшие люди. Северина и Лорье с рыданьями звали Онорину.

Капитан Ясон прокричал в свой рупор, чтобы все ушли и дали возможность спустить на воду шлюпку.

Анжелика не видела и не слышала ничего. Словно в ослеплении она бросилась к борту, и потребовались крепкие руки, чтобы удержать ее и не

дать броситься в море вслед за дочерью. Перед ее глазами словно в тумане перекатывалось лиловое пространство с зелеными и белыми гребнями волн. Наконец она увидела там всклокоченный черный шар, около которого болтался на воде маленький зеленый шарик. Черный шар — голова матроса, который нырнул за Онориной, зеленый шарик — Онорина в споем чепчике.

— Он держит ее, — услышала она голос Рескатора. — Сейчас спустят лодку, она подойдет к ним...

Анжелика все еще пыталась вырваться, но он железной рукой удерживал ее. Под скрип блоков лодка поднялась, покачалась на весу и начала опускаться вдоль борта.

В эту минуту послышался крик:

— Альбатросы!

Словно возникшие из морской пены, две огромные птицы закружили над водой и опустились около матроса и ребенка, накрыв их — так показалось сверху — своими широкими крыльями.

Анжелика закричала, как безумная. Рескатор выхватил из рук стоящего рядом с ним мавра Абдуллы мушкет. С точностью, которой не помешала даже бортовая качка, ему удалось сразить одну из птиц, и она, окровавленная, распласталась на волнах. Снова прозвучал выстрел, его сделал Никола Перро, которому передал заряженный мушкет индеец.

Второй альбатрос, сраженный пулей, несколько раз махнул своими огромными крыльями и сник.

Матрос, не выпуская Онорину из рук, отшвырнул его в сторону и поплыл навстречу лодке, которая уже приближалась к ним. Через несколько минут Анжелика приняла на руки маленький плюющийся и задыхающийся комок, с которого стекала вода.

Она страстно прижала его к себе. В эти ужасные минуты, которые показались ей вечностью, она проклинала себя за то, что вызвала у ребенка такую ярость.

Девочка не виновата. Взрослые, поглощенные своими нелепыми конфликтами, покинули ее, и она отомстила, как могла.

Пережитый страх и угрызения совести сделали свое дело: Анжелика выплеснула всю свою злость на того, чья безжалостность принудила ее, мать, совсем забросить своего ребенка, заставила девочку страдать, дойти до отчаяния.

— Это все из-за вас, — крикнула она, повернувшись к нему с искаженным от гнева лицом, — это вы своей злобностью довели меня почти до безумия, и я чуть не потеряла дочь. Я вас ненавижу, кто бы ни

скрывался под вашей маской. Если вы выжили, чтобы стать таким, то лучше бы вы умерли на самом деле.

Она убежала на другой конец судна, как раненый зверь, укрылась в своей норе на нижней палубе около пушки и там раздела Онорину. Девочка металась, и это свидетельствовало о том, что она жива, но ведь она могла простудиться в ледяной воде.

Эмигранты окружили ее, и каждый давал какой-нибудь совет, но исполнить их было невозможно из-за отсутствия средств: не было ни пиявок, чтобы приложить к ногам, ни горчичников на спину...

Врач Альбер Парри предложил пустить кровь. Для этого достаточно было сделать насечку на мочке уха, но, увидев лезвие перочинного ножа, Онорина дико завопила.

— Оставьте ее. Она и так много пережила, — сказала Анжелика.

Она довольствовалась тем, что взяла немного рому, который раз в день давали мужчинам, и растерла маленькое тельце дочери. Потом завернула ее в теплое одеяло. С покрасневшими щечками, переодетая в сухое, Онорина воспользовалась передышкой и, нарочно потужившись, с бесстрашным видом выплеснула из себя добрую толику соленой морской воды.

— Ты несносна, — не выдержала Анжелика.

И вдруг перед этим упрямством, перед этой нелепой необузданной малышкой ее ожесточение улетучилось. Нет, она не даст себе дойти до безумия. Ни Жоффрею де Пейраку, ни Габриелю Берну, ни этой дьявольской девчонке не удастся заставить ее потерять разум. Она едва не расплатилась слишком дорогой ценой за то, что с самого утра пребывала в состоянии душевного разброда. Ее муж воскрес из мертвых, но он не любит ее. Ну и что? Как бы ни был жесток удар, она не должна распускать нервы, должна все перенести ради дочери.

Она спокойно принялась снова вытирать Онорину. Одеяло было все мокрое. Старая Ребекка весьма кстати предложила ей нечто вроде меховой шубки, очень легкой и теплой.

— Хозяин корабля подарил мне, чтобы согреть мои старые кости, но этой ночью я обойдусь без нее.

Анжелика осталась одна на коленях около дочери, розовое личико которой выглядывало из темного меха. Ее длинные рыжие волосы высыхали и в свете фонаря, который поставили рядом, принимали медный оттенок. Анжелика поймала себя на том, что ей хочется улыбнуться.

***

Поступок дочери, способной в порыве гнева броситься в воду,

вызывал у нее одновременно и страх, и восхищение.

— Зачем ты сделала это, любовь моя, ну зачем?

— Я хотела удрать с этого гадкого корабля, — ответила Онорина охрипшим голосом, — я не хочу оставаться здесь... Я хочу уйти отсюда. Здесь ты очень злая...

Анжелика знала, что девочка права. Она вспомнила, как Онорина появилась сегодня утром в салоне, где она спорила с мужем.

Утром девочка одна пошла на ее поиски, и никто не обратил на нее внимания. На судне, которое всю ночь терзал ураган, она могла двадцать раз поломать себе руки и ноги, провалившись в какой-нибудь открытый люк, или даже свалиться в море. И никто бы никогда не узнал, что случилось с этой маленькой девочкой, безотцовщиной, проклятым ребенком! Слава Богу, что этот темнолицый мавр догадался, кого ищет девочка, топчущая в утреннем тумане среди всевозможных препятствий, и привел ее к матери.

А вечером она, мать, поглощенная своими мыслями, снова забыла о дочери. Она рассчитывала, что за нею кто-нибудь присмотрит: Абигаель, жены протестантов, Северина... Но у всех здесь, на «Голдсборо», и без того голова кругом идет, каждый поглощен своими заботами. Прошло не так уж много дней их плавания, а среди них уже не найдется человека, который бы узнал в зеркале свою душу.

Волнения улеглись, и высветилось то, что было вроде бы забыто. Сознательно или нет, но своим отношением протестанты продемонстрировали, что Онорина, так же как и она, Анжелика, чужие для них.

«Только ты моя!» — подумала Анжелика.

***

Анжелика чувствовала себя виноватой — как могла она позволить себе так распуститьсь! Она должна была бы помнить сейчас, что самое худшее у нее позади. Что бы ни случилось, радость или горе, разве не знает она по опыту, что не бывает безвыходных положений? Тогда откуда это нелепое животное безумие, когда хочется колотиться головой об стену?

«Нет, я не дам им свести себя с ума!»

Она склонилась к дочери и погладила ее выпуклый лобик.

— Я не буду больше злой, но ты, Онорина, больше не кради! Ты ведь и сама прекрасно знаешь, как дурно поступила, взяв эти драгоценные камни.

— Я хотела положить их в свою коробочку с сокровищами, — сказала девочка, как будто это все оправдывало.

Тем временем пришел славный Никола Перро и присел около них на корточки. С ним был его индеец, он принес кружку горячего молока для спасенной девочки.

— Я счел своим долгом узнать, как чувствует себя эта Горячая головка, — объявил канадец, — так у нас прозвали ее ирокезы. И еще нужно заставить ее выпить молоко, в которое добавлено несколько капель микстуры, это успокоит ее, если она еще не успокоилась. Впрочем, для строптивного характера, право, нет лучшего лекарства, чем холодная вода. А что вы думаете об этом, барышня? Больше не будете нырять?

— Нет, вода очень холодная и соленая...

Внимание бородатого человека в меховой шапке польстило девочке. Она сразу ожила, и с ее личика исчезла недовольная мина, которой она решила терзать Анжелику. Она послушно выпила принесенное молоко.

— Пусть придет Каштановая кожура, — заявила вдруг она.

— Каштановая кожура?

— У него колючие щеки, и мне нравится тереться о них, — сказала с восхищением Онорина. — Он на руках нес меня по трапу... и в воде тоже...

— Она говорит о сицилийце Тормини, — сказал Никола Перро, — это тот матрос, что вытащил ее из воды.

Он объяснил, что матросу пришлось перевязать голову, потому что один из этих хищных альбатросов клюнул его в висок. Еще чуть-чуть, и он бы ослеп.

— Вы можете, барышня Онорина, гордиться тем, что к вашим услугам оказалось два таких великолепных стрелка. Ваш нижайший слуга, который не менее известен еще как лучший знаток леса, и монсеньор Рескатор.

Анжелика с усилием подавила дрожь, охватившую ее при одном упоминании этого имени.

Онорина уже не требовала больше Каштановую кожуру, глазки ее замигали. Она провалилась в глубокий сон. Канадец и индеец удалились той же неслышной походкой, что и пришли. Анжелика еще долго сидела, глядя на спящую дочь.

Три года!

«Как смеем мы требовать чего-то для себя, когда в нашу жизнь входят дети?» — думала она.

Ее сердце продолжала жечь горечь. Еще, наверное, много дней потребуется ей для того, чтобы осмыслить то, что стало для нее одновременно и счастьем, и несчастьем.

За чудесным откровением последовало такое страшное крушение.

Однако когда она, продрогнув, прилегла около ребенка и ее начал охватывать сон, после этого дня, чудесного и ужасного одновременно, у нее все же теплилась в душе слабая надежда.

«Мы и далеки друг от друга, и близки. Мы не можем избавиться друг от друга. Здесь, на корабле, который несет нас по океану, мы невольно будем друг у друга на виду. А тогда, кто знает...»

И прежде чем окончательно провалиться в сон, она подумала: «Он пожелал умереть рядом со мною. Почему?»»

Глава 14

— Я думаю, мы пришли к согласию, — сказал Жоффрей де Пейрак, доставая одну за другой пергаментные карты. Он разложил их и, чтобы они не сворачивались, придавил четырьмя тяжелыми камнями, отливающими тусклым блеском смолы. — Путешествие, в которое вы попросили меня взять вас, принесет свои плоды, дорогой Перро, потому что, даже не сходя на берег, вы уже нашли себе командитиста^[6], которого тщетно искали в Европе. Что касается руды, которую вы отыскиали в верховьях Миссисипи, то, как мне кажется, она содержит сереброносный свинец и, я думаю, дает достаточные гарантии того, что серебро там можно добывать путем дробления и простой промывки, и, каких бы усилий это ни стоило, я составлю вам компанию, вплоть до финансовой поддержки экспедиции... Ведь у вас нет ни достаточных средств, ни достаточных знаний, чтобы эксплуатировать рудник. Вы отдаете мне, как вы сказали, свое открытие, я дам вам необходимые деньги, чтобы выгодно распорядиться им. Позже, обследовав все на месте, мы определим наши доли.

Невозмутимое лицо Никола Перро расплылось в улыбке.

— По правде сказать, господин граф, когда я, узнав, что вы идете в Европу, попросил вас взять меня к себе на борт, у меня теплилась в голове такая мысль, ведь вы у нас слывете человеком ученым, особенно в области рудничного дела. И теперь, когда я вижу, что вы предлагаете мне в помощь не только необходимые средства, но и свои неоценимые знания, дело принимает для меня, довольно невежественного охотника, иной оборот. Вы же знаете, я родился на берегах Святого Лаврентия и образование, которое получил я, далеко от того, что получают в Европе.

Жоффрей де Пейрак бросил на него дружелюбный взгляд.

— Не питайте слишком больших иллюзий относительно богатства умов в Старом Свете, мой мальчик. Я знаю им цену, и у вас за их образованность не дали бы и половины хвоста койота. В лесах среди гуронов и ирокезов у меня много друзей. Европейские деспоты и их прислужники — вот кого я считаю дикарями...

Канадец отнесся к его словам с явным недоверием. По правде сказать, он настроился побывать в Париже и уже видел себя прогуливающимся среди позолоченных карет в своей меховой шапке и сапогах из тюленьей шкуры. Судьба распорядилась иначе, и, фаталист по натуре, он решил: что ни делается, все к лучшему.

— Итак, вы не очень сердитесь на меня, — снова заговорил граф, всегда на лету схватывающий мысль собеседника, — за ту дурную шутку, которую я сыграл с вами, совершенно того не желая, ведь меня самого толкнули на это... непредвиденные обстоятельства. Мой заход в Испанию оказался более кратковременным, чем я предполагал, и отплытие, как и заход в окрестности Ла-Рошели, были неожиданными даже для меня. Но ведь при желании вы могли тогда сойти на берег...

— Но берег показался мне не слишком гостеприимным... Да и не пристало мне бросать вас в трудную минуту. А уж коли вы заинтересовались моими планами, то я тем более не жалею, что не сошел на берег, даже не ступил на землю своей прародины, где наши, жителей берегов Святого Лаврентия, корни... Да и кто знает, может, я никого не заинтересовал бы там своими далекими землями и меня обобрали бы до последнего экю. Мне кажется, люди в Европе не являют собою образец порядочности. Взять хотя бы этих гугенотов, они просто терзают наши уши своими псалмами, — канадец вдруг возвысил голос. — Вначале, когда им разрешили, они делали это лишь по вечерам, а теперь — уже по три раза в день. Словно они задались целью своими заклинаниями изгнать с «Голдсборо» злых духов.

— Возможно, именно этого они и хотят. Насколько я мог понять, они не считают, что мы одержимы святостью.

— Жалкое отродье, им бы лишь противоречить всему. Надеюсь, не их вы предлагаете мне в компаньоны для добычи руды в тысяче лье от берега, в глуши ирокезских лесов...

Он с беспокойством посмотрел на графа, так как тот долго не отвечал. Но граф покачал головой.

— Э, нет! — сказал он наконец. — Конечно, нет.

Никола Перро с трудом удержался от другого вопроса:

«А что вы будете с ними делать?»

Он почувствовал, что его собеседник вдруг погрузился в свои мысли, потому что взгляд у графа де Пейрака стал отсутствующим.

Это верно, в пении псалмов, разносимом морским ветром, которое смешивалось с непрерывным шумом волн, было что-то такое, что будоражило души, навевало меланхолию, лишало покоя. «Если с раннего детства воспитан в глубокой вере, нет ничего удивительного в том, что отличаешься от всех», — подумал Никола Перро, сам далеко не ревностный католик.

Он порылся в карманах в поисках трубки. Не найдя ее, махнул рукой.

— Станный вы собрали народ, монсеньор. Никак не могу к ним

привыкнуть. Не говоря уже о том, что присутствие стольких женщин и девушек выбивает из колеи матросов экипажа. Они уже роптали из-за того, что мы не зашли, как было обещано, в испанские порты и возвращаемся, так и не сбыв вашу добычу.

Канадец снова вздохнул, потому что граф, казалось, его не слушал, но тот вдруг бросил на него цепкий взгляд.

— Вы предупреждаете меня об опасности, Перро?

— Ну, не совсем так, господин граф. Точно я ничего не знаю. Но вы ж понимаете, когда проводишь жизнь, бродя в одиночестве по лесам, все чувствуешь особенно остро...

— Это верно...

— Если уж говорить откровенно, господин граф, я никогда не понимал, как вы могли ладить с квакерами из Бостона и в то же время иметь дело с людьми, крайне отличными от них, такими, как я. На земле, на мой взгляд, есть два вида людей: такие, как квакеры, и не такие, как они. И когда поддерживают отношения с одними, не связываются с другими... а вот вы — исключение. Почему?

— Квакеры очень умелы в своем ремесле, будь то торговля или строительство кораблей. Я попросил их построить мне корабль и заплатил назначенную ими цену. Если что-нибудь и может удивлять в этом деле, то это, скорее, факт, что они доверились мне, человеку, который прибыл с Востока на старом, изрядно потрепанном бурями и стычками с пиратами трехмачтовом паруснике. И еще я всегда помню, что один скромный квакер, бакалейщик из Плимута, привел ко мне моего сына, не колеблясь пустившись ради этого в многонедельный путь. А ведь он ничем не был обязан мне.

Граф встал и дружески потрепал бороду канадца:

— Поверьте мне, Перро, чтобы создать Новый Свет, нужны все. Такие вольные и нелюдимые бородачи, как вы, такие справедливые, жестокие до бесчеловечности, но сильные своим единением, как они. Хотя эти, наши, еще не показали себя.

Он кивнул головой на дверь, из-за которой доносилось пение псалмов.

— Они не англичане. С англичанами все яснее: у них что-то не ладится — они уезжают. Поселяются где-нибудь в другом месте. У нас же, французов, все иначе, мы страсть как любим рассуждать: нам очень хотелось бы уехать, но в то же время мы хотели бы остаться. Мы отказываемся повиноваться королю, но считаем себя его верными слугами... Не легко, я это знаю, сделать их своими союзниками. Они откажутся от дела, если оно неуютно Богу. Однако трудиться лишь во

славу Бога — о нет! Деньги они ценят... но не хотят говорить о них вслух.

Жоффрей де Пейрак нетерпеливо ходил по каюте. То спокойствие, с которым он недавно склонялся над каргами, покинуло его, едва с палубы послышалось печальное пение протестантов.

Славный канадец почувствовал, что сейчас мысли хозяина далеки от него, он думает не о нем, а об этом сообществе людей, малоприятных, которых он тем не менее взял к себе на борт. Он размышляет об их судьбе с той же серьезностью, с какой только что размышлял над перспективой разработки рудных месторождений, открытых им, Никола Перро, во время скитаний по лесам.

Несколько обиженный тем, что его отодвинули на второй план, Никола поднялся и вышел.

Глава 15

Жоффрей де Пейрак не удерживал его. Он сердился на себя за ту нервозность, из-за которой он теряет над собой контроль каждый раз, когда — несколько раз в день! — слышатся тягучие псалмы, удивительно созвучные торжественному ритму моря. «Перро прав. Эти протестанты уже перешли все границы. Запретить им? Нет, не могу...»

Он признался себе, что его завораживают эти песнопения, напоминая ему о том, что существует мир, отличный от его мира, мир замкнутый, который трудно постичь, и, как все таинственное в природе, из-за этого притягательный. А еще они несли к нему, навязывали ему образ Анжелики, женщины, которая некогда была его женой и стала теперь для него загадкой, потому что ему не удавалось понять, что таится у нее на сердце, о чем она думает. Может, тесное общение с гугенотами наложило на нее отпечаток, хотя раньше она слыла сильной натурой. А может, все это только видимость и она просто ломает комедию? Тогда что кроется за этим образом, который она играет? Женщина кокетливая, корыстная или... влюбленная? Влюбленная в Берна? Каждый раз он в конце концов упирался в эту мысль и каждый раз поражался тому черному гневу, в который она повергала его. Тогда он старался изо всех сил отринуть этот гнев, сравнивая женщину, которую некогда любил, с той, которую встретил теперь.

Надо ли удивляться, что так изменилась женщина, с которой он расстался и которую не любил многие годы? Оставалось лишь признаться себе, что он относится к ней просто как к одной из своих любовниц.

Тогда откуда это нетерпение, это стремление вникать во все, что касается ее?

Когда в тусклом утреннем или прозрачном и морозном вечернем воздухе раздавались песнопения гугенотов, он с трудом сдерживал себя, чтобы тотчас же не выскочить на балкон, чтобы посмотреть, там ли она, среди них?

Сейчас он даже надел маску, намереваясь выйти, но потом отказался от этой мысли.

К чему так терзать себя? Да, он увидит ее. А дальше? Она будет сидеть немного в стороне от них с дочерью на коленях в своем черном плаще и белом чепце, как и все эти застывшие в неподвижности, похожие на вдов женщины. Она будет сидеть, чуть склонив свое тонкое

благородное лицо, время от времени быстрым движением поворачивая голову к полулюты, словно бы надеясь — или страшась — увидеть там его.

Он подошел к столу и взял в руки один из кусков сереброносного свинца.

Он держал его на ладони, словно прикидывая вес, и мысли его постепенно переходили на другое.

У него снова есть дело. Это уже много! А в перспективе на долгие годы — новые работы на девственной земле, где он поставил своей целью исследовать природу, искать сокровища недр и возможности использовать их с наибольшей пользой.

В тот далекий день перед трибуналом, который собрался, чтобы судить его, он лицом к лицу столкнулся с нависшими над ним глупостью, невежеством, завистью, скудоумным фанатизмом и продажностью и, слушая смертный приговор, который уготовил ему, как колдуну, сожжение на костре, был прежде всего поражен тем, как логично завершилась драма, — вывод, к которому он постепенно пришел после глубоких размышлений.

За долгие часы, проведенные в тюрьме, он тщательно проанализировал все случившееся с ним. И несмотря на то, что его тело было искалечено пытками, ему с удвоенной силой захотелось жить не из-за страха смерти, а скорее от возмущения, что он, по ошибке сделав неверный шаг и попав в западню, кончит свои дни прежде, чем успеет совершить то, что в его силах.

Его крик на паперти Собора Парижской Богоматери требовал не милосердия, а справедливости. И обращен этот крик был не к Богу, законы которого он часто нарушал, но к Тому, кто являл собою Разум и Знание, «Ты не имеешь права оставить меня, ведь я ни разу не предал тебя...»

В тот момент он верил, что умрет.

Но когда он пришел в себя на берегу Сены, живой, вдали от улюлюканья черни, он понял, что на свете случаются чудеса.

А потом? Все дальнейшее было нелегко, но не оставило у него слишком тяжелых воспоминаний. Прыгнуть в холодную воду реки, в то время как мушкетеры, которые были приставлены охранять его, громко храпели, затем подплыть к спрятанной в камышах лодке, отвязать ее и отдаться на волю течения. Должно быть, он на какое-то время потерял сознание, потом, очнувшись, сорвал с себя рубаху смертника и переоделся в рваную крестьянскую одежду, которая была припрятана в лодке.

А после он шел по обледенелой дороге, ведущей в Париж, — отверженный, голодный, потому что даже не осмеливался зайти на какую-нибудь ферму, и его поддерживала лишь одна мысль: «Я жив, я убежал от

них...»

С его больной ногой произошло что-то непонятное. Иногда она помимо его воли выворачивалась, словно у марионетки, вперед пяткой. И тогда он выдернул из изгороди колья и смастерил себе грубые костыли. Каждый раз, отправляясь в путь после передышки, он первые лье испытывал нечеловеческие муки, с трудом сдерживаясь, чтобы не завывать диким голосом. Сидящие на оголенных яблонях вороны со зловещим интересом смотрели на это полуживое существо, готовые ринуться на него. Потом постепенно боль притуплялась, и ему даже удавалось идти довольно быстро. Едой ему служили валяющиеся в канавах промерзшие яблоки, иногда упавшая с повозки крестьянина репа. Монахи, у которых он попросил убежища, были к нему милосердны, но у них сразу же появилась мысль отправить его в ближайший лепрозорий, и он не без труда украдкой ушел от них.

Он снова заковылял по дороге, пугая редких встречных крестьян своими окровавленными лохмотьями и платком, скрывающим лицо.

Однажды, будучи уже не в состоянии сделать больше ни шагу, он собрал все свое мужество и осмотрел проклятую ногу. С трудом отодрав задубевшую кожу своих коротких штанов, он увидел под коленом торчащие из зияющей раны два каких-то беловатых стержня с рваными концами, чем-то напоминающие по виду китовый ус, они-то, беспрестанно травмируя рану, причиняли ему безумную боль, от которой он много раз терял сознание. Не видя иного выхода, он, помогая себе ножом, найденным на дороге, отрезал эти мешающие ему отростки, которые были не чем иным, как его собственными сухожилиями. Боль исчезла. Теперь нога еще больше крутилась во все стороны, словно у картонной куклы, совсем не слушалась его, но идти все-таки стало намного легче.

Вдали показались колокольни Парижа. Следуя заранее разработанному плану, он прошел по окраине города. И только когда подходил к часовне в Венсенском лесу, впервые почувствовал себя победителем.

Скромный храм, затерявшийся в лесу, не был опечатан королем, как это случилось со всеми богатыми владениями графа де Пейрака. Он погладил каменную стену: «Ты еще принадлежишь мне и ты мне послужишь».

О, она сослужила ему хорошую службу, эта старая часовня. Все, что он некогда сделал втайне, хорошо заплатив рабочим, прекрасно функционировало: подземелье, которое позволило ему пробраться в Париж, колодец, через который он смог подняться в свое заброшенное

жилище, в Отель дю Ботрей, тайник в молельне, где он, предчувствуя беду, предусмотрительно спрятал целое состояние — золото и драгоценности. Прижав к груди шкатулку, он наконец поверил в то, что миновал еще один этап на своем пути из ада. Владея этим богатством, он уже не был безоружен. За один бриллиант он легко приобретет коляску, за два золотых — лошадь... За полный кошелек — людей, которые, вчера отрекшись от него, перейдут на его сторону, и он сможет бежать, покинуть королевство.

И в то же время его не оставляло чувство, будто его сжимает в своих объятиях смерть. Никогда — ни прежде, ни позже — он не чувствовал ее так близко, как в ту минуту. Он вдруг рухнул на плиты пола, с ужасом прислушиваясь, как все реже и реже бьется его сердце. Никакая сила воли, он понял это, уже не сможет помочь ему выбраться отсюда. Позвать на помощь старого Паскалу, который сторожил его жилище? Но старик, увидев его сейчас, тронулся умом, явно приняв его за привидение, и, должно быть, уже убежал звать соседей.

Где же искать помощь? И перед его мысленным взором возник образ — худая рука, которая поддерживает его на пути к месту казни, рука отца Антуана, священника-лазариста, исповедника, которого прислали к нему в последний его час.

Есть люди, которых не купишь ни за рубины, ни за золото. Он, знатный сеньор из Тулузы, который хорошо разбирался в людях, эту истину знал и соглашался с ней, как, впрочем, и с тем, что большинство людей продажны. Но души некоторых Бог наделил ангельским пламенем. Скромный лазарист был из их числа. Ведь нужно же, чтобы на земле было убежище для отверженных.

Собрав последние силы, он вышел из Отеля дю Ботрей через дверь оранжереи, которая — он знал это — не запирается, так как через нее обычно проходит сторож, и несколько минут спустя уже звонил у ворот монастыря лазаристов, находившегося неподалеку от его жилища. Он приготовил полушутливую фразу для отца Антуана: «Мне надо помочь, аббат. Потому что Бог не хочет, чтобы я умер... а я близок к этому». Но из его сорванного горла не вышло ни единого звука.

Уже несколько дней назад он заметил, что стал нем.

***

Жоффрей де Пейрак удовлетворенно покачал головой, чувствуя под ногами колышущуюся палубу своего «Голдсборо», и лицо его озарила улыбка. «О, отец Антуан! Пожалуй, лучший мой друг! Наверняка самый преданный, самый бескорыстный».

Он, граф де Пейрак, властитель Аквитании, владелец одного из самых

крупных состояний французского королевства, на многие дни и недели отдал себя во власть этих хрупких рук, которые выглядывали из рукавов поношенной сутаны отца Антуана. Священник не только спрятал и выходил его, но еще подал ему гениальную мысль: одного из каторжников, которых, закованными в цепи, должны были перевезти в Марсель, полицейского доносчика, убили его товарищи по несчастью, так вот пусть господин де Пейрак воспользуется его именем и местом. Отец Антуан, недавно назначенный духовником несчастных каторжников, приговоренных к галерам, должен был сопровождать их, и он устроил подмену. Брошенный на солому в телегу, его подопечный не боялся, что его выдадут: убийцы были счастливы, что, совершив преступление, таким образом легко выпутались. Стражи, тупые и грубые, не обращали внимания на висельника, которого они сопровождали. Отец Антуан в своем скромном багаже вместе с небольшими предметами культа спрягал ларец с драгоценностями.

«Какой он славный человек!»

В Марселе они разыскали Куасси-Ба, его черного раба, тоже приговоренного к галерам. Привел его к больному хозяину тот же священник. Их бегство удалось довольно легко, поскольку из-за наполовину парализованной ноги комиссия, которая набирала экипажи галер, признала его непригодным к отправке в море с первой партией каторжников.

Скрывшись со своим рабом в восточном квартале большого города, постоянно чувствующий, что над ним нависла угроза, поскольку, хотя и свободный, он находился на земле Франции, он долгое время искал возможность покинуть ее на каком-нибудь корабле. Но не хотел делать этого наспех, надо было обезопасить себя другим именем и другими покровителями, которые помогли бы ему без риска начать новую жизнь среди берберов.

Поэтому он послал записку святейшему муфтию Абд-эль-Мешрату, арабскому ученому, с которым прежде долгое время переписывался, обсуждая новейшие открытия в области химии. Сверх всяких ожиданий гонец отыскал святого мусульманина в Фесе, закрытом легендарном городе Магриба. Абд-эль-Мешрат ответил ему четко и определенно, как образованный человек, для которого единственными границами между людьми являются границы между глупостью и умом, между невежеством и знанием.

В безлунную ночь великан-негр Куасси-Ба, неся на плечах своего инвалида-хозяина, проскользнул по голым скалам небольшой горной гряды

в окрестностях Сен-Тропеза. Там на корабле с опущенными парусами его ждали берберы в белых бурнусах. Они, можно сказать, были всегдашними жителями этого места, ибо часто и охотно наведывались сюда в поисках красивых южанок с бледной кожей и черными глазами. Путешествие прошло спокойно. Перед человеком, чудом избежавшим сожжения, открывалась новая эра жизни. Его дружба с Абд-эль-Мешратом, его выздоровление, которое принесли ему умелые руки друга, его связи с Мулеем Исмаилом, который сначала послал его наладить работы на золотых приисках в Судан, а потом — с посольством к Великому Турку для продажи серебра, которое он привозил ему, став одним из самых знаменитых корсаров Средиземного моря... Каждый день приносил его жадному уму капельку опыта страстного, восторженного, кучу знаний. Нет, конечно, он не сожалел о том, что на его долю выпало столько невзгод. Не сожалел ни об ударах судьбы, ни о тяжелых поражениях. Все, что он вытерпел, и все, что предпринял для того, чтобы снова стать на ноги, казалось ему интересным и достойным, он даже готов был пережить все заново, в том числе и неизвестность, перед которой сейчас оказался. Человек, сильный духом, находит удовольствие в авантюрах и даже в катастрофах.

Его сердце защищено жесткой оболочкой. Сердце мужчины редко когда не может оправиться от удара.

Вот у женщин сердце более хрупкое, даже если они мужественно принимают на свои плечи тяготы и страхи. Смерть любви или смерть ребенка могут навсегда лишить их радости жизни.

Странные существа — женщины, уязвимые и жестокие одновременно. Жестокие, когда лгут, и еще более жестокие, когда они искренни. Как Анжелика в тот вечер, когда бросила ему в лицо: «Я ненавижу вас... Уж лучше бы вы умерли...»

Глава 16

И все это из-за рыжей девчонки. Необыкновенный маленький человечек, который, по совести говоря, очень напоминает мать лицом и улыбкой. Правда, рот у нее больше и не так красив, но в выражении лица такое сходство, что, несмотря на ее рыжую шевелюру и маленькие, немного скошенные к вискам черные глаза — а у матери они огромные и ясные, как чистый источник, — сомнений быть не может — это дочь Анжелики. Плоть от плоти ее и еще другой плоти. Зачатая в любовных ласках с мужчиной, которого Анжелика, задыхаясь от любви, приняла в свои объятия с таким же восхищенным и просветленным лицом, с каким она, сама того не зная, предстала перед ним в тот первый вечер на «Голдсборо».

Скрытый за портьерой, он видел, как она, проснувшись, склонилась к ребенку. Он уже тогда был измучен ревностью, потому что в свете заходящего солнца она казалась еще более красивой, чем он думал, и еще потому, что он спрашивал себя, какие черты своего любовника старалась она отыскать в лице маленькой спящей девочки. И хотя до этого он хотел подойти к ней и снять маску, он вдруг застыл, не в силах одолеть эту невидимую стену, которая их разделяла.

Он слушал, как она шептала нежные слова, тихо и страстно что-то говорила ребенку. Никогда она не обращалась с такой нежностью к Флоримону, сыну, которого дал ей он. И он отпустил ее, не раскрыв своей тайны.

***

Когда Жоффрей де Пейрак, снова надев маску и взяв секстан, вышел на капитанский мостик, он сразу же увидел протестантов, которые после вечерней молитвы тянулись с палубы в свое прибежище. При виде их он почему-то почувствовал облегчение, и в то же время — разочарование. Потом, закутавшись поплотнее в плащ, он собрался подняться на полуют, чтобы с помощью секстана определить местонахождение судна, и тут с удивлением обратил внимание на поведение мавра Абдуллы. Слуга марокканец, который все десять лет, что он служит у него, шагу не делал без разрешения хозяина, теперь похоже, даже не замечал его присутствия.

Опершись на позолоченные деревянные перила, которые огораживали застекленные двери частных покоев капитана он своими огромными черными глазами пристально смотрел на что-то, и, несмотря на его

небрежную позу Жоффрей де Пейрак, умевший разгадывать душевное состояние людей, подобных этому мавру, пассивных и страстных одновременно, догадался, что тот чем-то сильно взволнован. Его крупные лиловые губы на лице цвета темного золота дрожали, и он походил на готового к прыжку зверя.

Заметив что хозяин наблюдает за ним, он тайком опустил глаза, расслабился и принял бесстрастную позу, которой научился еще в юные годы, когда был сурово выдрессирован в охране султана Мулея Исмаила. Один из самых красивых и самых метких стрелков шерифском стражи короля Марокко, он был подарен великому магу Джеффа-эль-Кальдуму, как называли графа де Пейрака на Востоке, которого султан почтил своей дружбой.

Потом он плавал с графом де Пейраком по всем морям и океанам. Он несколько раз в день варил ему кофе, напиток без которого старый морской волк уже почти не мог обходиться, так привык к нему за долгие годы. Он спал на пороге каюты своего хозяина или в ногах его кровати. Он всегда и повсюду следовал за ним с заряженным мушкетом, и нельзя было счесть все те случаи — во время битв, бурь, заговоров, — когда Абдулла спас великого мага.

— Я иду к тебе, хозяин, — сказал он.

Абдулла явно был смущен, ибо по опыту знал, что Джеффа-эль-Кальдум (дьявол) одним взглядом способен разгадать его мысли.

И точно взгляд хозяина был направлен туда, куда только что смотрел он. Увидит ли хозяин ту, кого видел он, ту, которая, несмотря на окружающий их холод, вливала в его вены львиный жар?

— Ждешь не дождешься, когда мы наконец прибудем, Абдулла? — спросил граф де Пейрак.

— Здесь или там, какая разница, — мрачно пробормотал мавр. — *La il la ha, il la ha, Mohammed rossoul ul la...*^[7]

Вытащив из своего бурнуса маленький мешочек, в котором хранилось какое-то белое вещество, он взял шепотку и разрисовал им себе щеки и лоб. Жоффрей де Пейрак смотрел на него.

— Откуда такая тоска, дружище, и к чему этот карнавал?

Мавр оскалил зубы в ослепительной улыбке.

— О господин, ты очень хорошо, как с равным, работаешься со мною. Пусть сохранит меня Аллах от твоей немилости, и если я должен умереть, то прошу тебя о снисхождении — пусть это случится от твоей руки. Потому что в Коране сказано: «Если голову рабу рубит его господин,

раб получит право попасть в рай...»

И успокоившись, Абдулла последовал за своим высокочтимым хозяином. Но вместо того, чтобы подняться на полуют, Жоффрей де Пейрак спустился на несколько ступенек и по узкому проходу пошел на полубак.

Абдулла дрожал всем телом. Выходит, хозяин снова разгадал его мысли. Он следовал за ним со смешанным чувством нетерпения и фатального ужаса. Потому что знал: смерть его близка.

Глава 17

На полубаке протестантские женщины занимались стиркой. Их белые чепчики напоминали собравшихся на узкой полоске берега чаек. Подойдя к ним поближе, Жоффрей де Пейрак увидел, как низко кланяются ему госпожа Маниголь, госпожа Мерсело, старая барышня тетушка Анна, эрудицию которой он уже имел возможность отметить, славная Абигаель, которая при этом мгновенно залилась румянцем, юные девушки, которые не осмелились даже поднять на него глаза и выглядели как пансионерки.

Потом он вернулся к грот-мачте и начал устанавливать секстан.

И почувствовал, что она стоит за его спиной.

Он обернулся.

Бледнея, Анжелика с трудом выдавила из себя:

— Я вчера бросила вам ужасные сочинения, — сказала она. — Я так испугалась за дочь, что совсем потеряла голову. Я хочу извиниться перед вами.

Он с поклоном ответил:

— Благодарю вас за любезный поступок, но в этом нет надобности. Вам диктует его долг, но он не сможет вычеркнуть из памяти слова, которые, впрочем, имеют хотя бы то достоинство, что они искренни. Поверьте, прекрасно вас понял.

Она бросила на него какой-то неопределенный взгляд: в нем были и боль, и гнев.

— Вы совсем ничего не поняли, — вздохнула она.

И опустила руки, словно от беспредельной усталости.

«Раньше она держалась не так смиренно, — подумал он. — Раньше она дерзко смотрела вокруг, даже когда боялась. Что таится за этой волнующей игрой ее ресниц — светское лицемерие или скромность гугенотки?.. Я все меньше и меньше узнаю ее. Она выглядит крепкой, здоровье так и брызжет из нее, словно летнее солнце. И черт побери, какие красивые у нее руки!»

Под его язвительным взглядом Анжелика безмерно страдала.

Ей очень хотелось возразить ему, но и время и место были неподходящими для выяснения отношений. Стирающие женщины издали поглядывали на них, матросы: из экипажа тоже, уж эти-то вообще глаз не спускали хозяина, стоило ему показаться на палубе.

Несколько раз за это утро Анжелика хотела подойти к Жоффрею и

объясниться. Но ее удерживало чувство гордости, да и страх тоже. Именно страх парализовал ее перед ним, и она в смущении потирала свои оголенные руки, которые пригревало солнце.

— Девочка пришла в себя? — спросил он.

Она ответила, что все в порядке, и решила, что ей лучше вернуться к своему ушату.

Вот такова жизнь! Нужно стирать белье. И тем хуже, если это приведет в ужас господина де Пейрака, мятежно твердила себе Анжелика. Возможно, он поймет, что ей гораздо чаще приходилось заниматься тяжелой работой, чем танцевать в королевском дворце, и, если мужчина хочет сохранить женщину исключительно для себя, он должен хоть немного позаботиться о том, чтобы защитить ее.

Он дал понять ей, что они стали чужими друг другу. Не исключено, что придет день, когда они станут врагами. Она начинала ненавидеть его равнодушную снисходительность, его желание унижить ее. Если бы их встреча произошла на берегу, можно не сомневаться, она бы уже поставила его на место и доказала, что она не из тех женщин, которые цепляются за мужчину, отвергнувшего их. «К счастью, — говорила она себе, яростно терзая белье, — ведь мы на корабле и не можем разбежаться в разные стороны».

То, что он находился здесь, во плоти и крови, было для нее и счастьем, и мукой. Видеть его, говорить с ним — это уже чудо. А остальные чудеса еще впереди. Подняв глаза, она увидела его спину, его плечи, обтянутые бархатным камзолом, его талию, перехваченную кожаным ремнем.

«Это он! Ах, как больно чувствовать, что он так близок и так далек! И все-таки у его груди я спала в былые времена, в его объятиях я стала женщиной. В Кандии, зная, кто я, он обнимал меня, разговаривал со мною с необыкновенной нежностью. Но в Кандии я была другая. Чем могла я противостоять злу, что принесла мне жизнь? Что принес мне король? Король, любовницей которого я, по его словам, была, и теперь под этим предлогом он презирает и отвергает меня. Но когда я боролась против короля, он обнимал других женщин. Я знаю, какая слава шла о нем на Средиземноморье. Я мало что значу в его прошлом. А теперь я просто мешаю ему. Для него было бы лучше, если б я тогда умерла в пустыне от укуса змеи. Но я не пожелала умереть! Так же как и он сам! Следовательно, мы схожи друг с другом. И мы были мужем и женой. Соединенные „для лучшей и худшей доли“, невзирая на то, что жизнь разлучила нас. Нет, невозможно, чтобы все кончилось, чтобы наша любовь не возродилась, ведь мы оба живы». Она неотрывно смотрела на него пылающим взглядом. И его вид волновал ее до дрожи.

***

— Вы так трете белье, что взбили пену, — пробурчала госпожа Карер, стиравшая с ней в одном скупо наполненном водой ушате. — Можно подумать, что мы стираем с мылом!..

Анжелика не слышала ее.

Она видела, как он поднял свой секстан, повернул лицо под маской к горизонту, заговорил с боцманом Эриксоном. Потом снова обернулся в их сторону. Он опять подошел к женщинам и, подметая палубу пером шляпы, приветствовал их с такой обходительностью, словно это были придворные дамы. Он обратился к Абигаель, но они были слишком далеко от Анжелики, чтобы она могла разобрать, о чем они говорили, к тому же ветер относил их слова.

Он смотрел в устремленные на него глаза старой девы, которые заблестели от мужского внимания, ведь это было так непривычно для нее.

«Если он коснется ее, я закричу», — подумала Анжелика.

Он взял руки Абигаель в свои, и Анжелика вздрогнула, словно почувствовала прикосновение его рук.

Он повел Абигаель на самый нос корабля и что-то показывал ей вдали, какой-то непонятный белый барьер, освещенный солнцем, и еще льды, о которых как-то забылось под неожиданно ласковыми его лучами.

Потом, небрежно облокотись на перила, он с улыбкой внимал тому, что говорила ему собеседница.

Анжелика могла представить себе, как поначалу напуганная вниманием этого подозрительного человека Абигаель понемногу успокоится и поддастся обаянию его ума. Ободренная тем, что ее понимают, увлеченная, побуждаемая обнаружить все лучшее в себе, она оживится, и ее ум и изящество, таящиеся под спудом сурового воспитания, заставят расцвести ее пухлое личико. Она будет говорить замечательно, тонко и в направленном на нее взгляде прочтет понимание.

Банальный разговор с ним навсегда останется в ее памяти, как какое-то мгновение, освещенное совсем иным светом, чем жизнь ее братьев и сестер по вере.

Вот так этот обольститель безошибочно находит путь к женским сердцам.

«Но не к моему! — сама себе сказала Анжелика. — Он даже не дал себе труда постараться понравиться мне».

Так же безошибочно, как он умел обольщать, он сумел ранить ее в самое сердце.

«Чего он добивается, у меня на глазах обольщая Абигаель? Хочет

вызвать мою ревность? Продемонстрировать мне свое безразличие? Дать мне понять, что мы оба свободны, пас ничто не связывает друг с другом? И почему именно Абигаель?.. Он считает, что может по своей воле нарушать все человеческие и божеские законы, рвать узы, брака. Ладно, он поймет, что законы существуют. Я его жена и останусь ею. Я не отдам его...»

— Не колотите так сильно вальком, — снова сказала госпожа Карер.
— Вы попортите белье. У нас не скоро появится возможность заменить его.

***

Он уверен, что она примет его грубую игру близко к сердцу и будет мстить за себя? Было время, она жила при дворе, в этом змеином логове, но не позволила втянуть себя в коварные интриги. И сегодня она тоже не поддастся, хотя он и задел ее за живое, ведь для нее он всегда был ее вечной любовью.

Нет, если она не нужна ему, она не станет цепляться за него, и тем более не станет рассказывать ему о том, как ей трудно сейчас, ведь он, кажется, даже не подозревает об этом! Мужчину не удерживают силой, и пробуждать в нем угрызения совести ради того, чтобы заставить его любить тебя, — скорее мелочность, чем ловкость. К чему напоминать ему, что она дошла до глубины своего падения из-за него. Но ведь в это время он и сам вынужден был защищать собственную жизнь. Она не знает, какие ужасы пришлось пережить ему. Он тоже прошел через все один. Она любит его и поэтому не должна добавлять к его прежним страданиям новые.

***

Решив так, Анжелика, чтобы не сойти с ума, старалась прогнать будоражащие ее мысли. И мысли о надеждах, и мысли об отчаянии, бунте. В ней должны жить только терпение и ясность.

Она полюбила, словно он был человеческим существом, старину «Голдсборо», который помогал им пока не терять друг друга из виду. Хрупкая скорлупка, такая одинокая в свинцовых водах океана, связывала их, удерживала от непоправимых поступков.

Ей хотелось, чтобы их путешествие никогда не кончалось.

***

Рескатор отпустил Абигаель. Он ушел с палубы по крутому трапу.

Госпожа Карер подтолкнула локтем Анжелику и, склонившись к ней, прошептала:

— Я с шестнадцати лет мечтала, чтобы какой-нибудь пират вроде этого похитил бы меня и увез куда-нибудь на чудесный остров.

— Вы? — воскликнула потрясенная Анжелика.

Жена адвоката весело кивнула. Хлопотливая и энергичная, она была начисто лишена всякой привлекательности. Ее непохожий на другие чепчик — такие носят в провинции Ангума, — всегда безукоризненно накрахмаленный, был настолько высок, что казалось, раздавит эту хрупкую женщину, которая тем не менее родила одиннадцать детей. Глаза ее под очками блеснули, и он подтвердила:

— Да, я. Что вы хотите, я всегда была наделен большим воображением. Я и сейчас иногда вспоминала о своих грезах. Но когда я увидела пирата воочию, он потряс меня. Вы только взгляните, как изысканно он одет. И потом эта маска, меня от нее прямо-таки в дрожь бросает.

— А я, красавицы мои, скажу вам, откуда он, — проговорила госпожа Маниголь голосом, каким объявляют важную новость. — Возможно, это неприятно услышать сударыне Анжелике, но я думаю, что знаю его, пожалуй, дольше, чем она.

— Это меня удивило бы, — сквозь зубы процедила Анжелика.

— О! Так расскажите, что вы знаете? — вскричали дамы, окружая госпожу Маниголь. — Он испанец? Итальянец? Турок?..

— Ничего подобного. Он наш соотечественник, — торжествуя, ответила кумушка.

— Наш соотечественник? Из Ла-Рошели?

— Разве я сказала — из Ла-Рошели? — Госпожа Маниголь пожала своими широкими плечами. — Я сказала, что он из наших мест, из моих мест.

— Из Ангулема! — хором воскликнули возмущенные рошельянки, отказываясь верить.

— Не совсем, немного южнее. Тарб... или Тулуза, нет, скорее он из Тулузы, — добавила она с сожалением, — но все же сеньор из Аквитании, гасконец, — пробормотала она с гордостью, и ее глубоко упрятанные на жирном лице глазки загорелись.

Анжелика почувствовала, как у нее сжалось горло. Она готова была расцеловать эту толстую женщину. Но она сдержалась, говоря себе, что нельзя же быть до такой степени чувствительной, умиляться из-за любых пустяков. Да и к чему воспоминания здесь, на краю света, в этом море Тьмы, где холодными вечерами по небу струится перламутровая заря. Воспоминания — как засушенные цветки с родимой пылью на корнях, которые каждый увозил с собою у сердца.

— Как я узнала его? — продолжала госпожа Маниголь. — Да все

очень просто, мои милые. Как-то, встретив меня на палубе, он сказал: «Госпожа Маниголь, у вас ангулемский акцент!» Из этого можно сделать вывод...

Госпожа Мерсело, удовлетворив свое любопытство, решила продемонстрировать сдержанность.

— Но тем не менее, милая, он не сказал вам, почему носит маску, почему избегает встреч и почему долгие годы гуляет по морям так далеко от дома.

— Не всем же сидеть дома. Любовь к приключениям может завести куда угодно.

— Любовь к грабежам — да, может.

Они искоса поглядывали на Анжелику. Ее упорное нежелание рассказать им подробнее о «Голдсборо» и его капитане с каждым днем казалось им все более подозрительным. Вынужденные сесть на судно без флага, идущее неизвестно куда, они считали, что имеют право потребовать объяснений.

Анжелика молчала, делая вид, что ничего не слышит.

Дамы в конце концов удалились, чтобы разложить на снастях выстиранное белье. Нужно было воспользоваться последними лучами чудесного солнца, ведь за ним вскоре последует холод полярной ночи, который превратит каждую рубашку в стальные доспехи. Но днем, когда неба безоблачно, сушка белья на воздухе была для них часами отдыха.

— Как жарко! — воскликнула юная Бертиль Мерсело, снимая корсаж.

И так как ее чепчик съехал набок, она сорвала его с головы и встряхнула волосами.

— Здесь, на краю земли, солнце совсем близко, и потому оно такое палящее! Оно нас поджарит!

Она рассмеялась пронзительным смехом. Ее блузка с короткими рукавами обтягивала красивую высокую грудь с торчащими сосками и плечи, еще хрупкие, но сильные и округлые.

Стоящая неподалеку в задумчивости Анжелика бросила на девушку взгляд.

«В семнадцать лет я, верно, была похожа на нее», — подумала она.

Одна из подружек Бертиль немедленно последовала ее примеру, тоже сорвала с себя корсаж и шерстяную кофточку, которая была под ним. Эта девушка была не так красива, как дочь Мерсело, но пухленькая, и формы у нее были как у вполне сложившейся женщины. Открытая блуза скользнула с ее плеча.

— Мне холодно! — воскликнула она. — О, меня жжет холод и

ласково греет солнце. Как хорошо!

Другие девушки с натянутым видом рассмеялись, скрывая смущение и зависть.

Анжелика поймала взгляд Северины, он взывал о помощи. Северина была моложе других девушек, и ее глубоко шокировало нескромное поведение старших подруг. И как бы в знак протеста она яростно прижимала к груди свой черный шейный платок.

Анжелика поняла, что происходит что-то необычное. Обернувшись, она увидела мавра.

Абдулла, опершись на свой украшенный серебром мушкет, смотрел на девушек с таким выражением, что человеку искушенному было ясно без слов. Впрочем, он был не единственный, кого привлекла эта очаровательная сцена.

Темнокожие матросы с физиономиями висельников один за другим соскальзывали с вантов и с нарочито безразличным видом приближались к ним.

Свисток боцмана вернул их на места. Коротышка бросил в сторону девушек взгляд, полный ненависти, плюнул в их сторону и удалился.

Абдулла торжествовал, он остался один. С застывшим лицом африканского идола он неотрывно смотрел на предмет вожделения, на юную блондинку, потому что она породила в нем желание, столь долго подавляемое суровой морской службой.

Анжелика поняла, что она единственный взрослый человек среди этих ветреных юных пташек и должна вмешаться.

— Вам надо одеться, Бертиль, — сказала она сухо, — и вам тоже, Рашель. Вы совсем сошли с ума — раздеться на палубе!

— Но очень жарко! — крикнула Бертиль, наивно тараща глаза. — Мы так намерзли, что грешно не воспользоваться солнышком.

— Речь не о том. Вы привлекаете внимание мужчин, а это нескромно.

— Мужчин? Каких мужчин? — запротестовала девушка неожиданно пронзительным голосом. — Ах, этого, — сказала она, словно только сейчас заметила Абдуллу. — О, а я думала...

И она рассмеялась серебристым смехом, который прозвенел как колокольчик.

— Я знаю, что он любит меня. Он приходит каждый вечер, когда мы собираемся на палубе, и, если выпадет возможность, подходит ко мне. Он подарил мне несколько безделушек: стеклянные бусы, серебряную монетку. По-моему, он принимает меня за богиню. Мне это нравится.

— Вы заблуждаетесь. Он принимает вас за ту, кто вы есть, иными

словами...

Она оборвала себя, чтобы не смущать Северину и других девочек, более юных. Ведь они, воспитанные на Библии, защищенные толстыми стенами своих протестантских домов, до сих пор были так наивны, — Оденьтесь, Бертиль, — мягко сказала она. — Поверьте мне, будь вы опытнее, вы бы поняли смысл этого восхищения, которое так льстит вам, и покраснели от стыда...

Бертиль не стала ждать, когда она наберется опыта и покраснеет до корней волос. Ее пухлое лицо исказилось от досады, и она парировала:

— Вы говорите так из зависти... Потому что смотрят на меня, а не на вас... Сейчас уже не вы первая красавица... сударыня Анжелика, пожалуй, скоро я стану более красивой даже в глазах тех мужчин, которые еще восхищаются вами сегодня... Так вот, смотрите, как я следую вашим советам.

Она быстро обернулась к Абдулле и послала ему ослепительную улыбку, показав свои красивые жемчужные зубы.

Мавр задрожал всем телом, глаза его вспыхнули огнем, а губы, отвечая на улыбку, как-то загадочно растянулись.

— О, маленькая дурочка! — взорвалась Анжелика. — Бертиль, немедленно прекратите свои глупости, иначе, обещаю, я все расскажу вашему отцу.

Угроза возымела действие. В том, что касалось благопристойности, мэтр Мерсело не терпел шуток и был особенно щепетилен, когда это касалось его единственной обожаемой дочери. Бертиль неохотно надела корсаж. Рашель быстро оделась еще раньше, как только Анжелика сказала об этом, потому что, как все девушки их маленькой общины, питала глубокое доверие к служанке мэтра Берна. И неожиданная непочтительность Бертиль по отношению к ней ошеломила девочек, словно святотатство.

Но Бертиль, которую уже давно грызла зависть, не хотела признать своего поражения.

— О, я знаю, откуда идет ваша досада, — снова заговорила она. — Хозяин корабля сейчас не удостоил вас взглядом... А ведь мы знаем, что вы проводите ночи в его каюте... Но сегодня он предпочел поухаживать за Абигаель.

И она рассмеялась нервным смехом.

— Не скажешь, что у него хороший вкус!.. Высохшая старая дева... Что он находит в ней?..

Две или три ее подружки услужливо прыснули. Анжелика смиренно

вздохнула.

— Бедные мои дети, я даже вообразить себе не могла, насколько вы глупы. Не понимая, что происходит вокруг вас, вы беретесь судить о жизни. Уж если вы сами не можете увидеть, что Абигаель женщина красивая, притягательная, то поверьте хотя бы мне. Знаете, когда она распускает волосы, они доходят у нее до поясницы. Ни у одной из вас никогда не будет таких волос, даже у вас, Бертиль. И потом, у нее необыкновенные ум и сердце, вы же своей глупостью рискуете отворотить от себя даже тех влюбленных, которых привлекла ваша юность.

Униженные дурочки замолчали, не столько убежденные, сколько оттого, что в эту минуту не нашлись, что ответить. Бертиль, видя, что мавр еще не ушел, одевалась неохотно, а он стоял, словно темное изваяние в развеваемом белоснежном бурнусе.

Анжелика повелительно сказала ему по-арабски:

— Что ты здесь делаешь? Иди отсюда, твое место подле твоего господина.

Он вздрогнул, словно очнувшись от сна, с удивлением посмотрел на женщину, которая говорила с ним на его языке. Потом под взглядом зеленых глаз Анжелики на его лице отразился страх, и он ответил, словно ребенок, которого застигли за шалостью:

— Мой господин еще здесь. Я жду, чтобы последовать за ним.

Анжелика заметила тогда, что Рескатор, остановленный у капитанского мостика Ле Галем и тремя его друзьями, беседует с ними.

— Ну ладно! Тогда уйдем мы, — решила она. — Пошли, дети!

Она ушла, уводя с собой девушек.

— Мавр... — прошептала напуганная Северина. — Сударыня Анжелика, вы заметили? Он смотрел на Бертиль, словно хотел живьем проглотить ее.

Глава 18

Четверо протестантов приблизились к Рескатору, когда он спускался по трапу с полубака. Случай редкий. С тех пор как они отплыли из Ла-Рошели, ни один из гугенотов не пытался подойти к капитану корабля и завести с ним разговор. Слишком велико, по их мнению, было расстояние между ними и тем человеком, за которого они принимали его.

Человек без корней, без родины, без веры и закона, которому, правда, они обязаны были жизнью, этим праведникам он мог внушать только неприязнь.

Если не считать разговора с Габриелем Берном, он ни разу ни единым словом не перекинулся ни с кем из мужчин, а поэтому каждый день возрастало молчаливое напряжение между чужими, подозрительно присматривающимися друг к другу людьми, и они постепенно становились врагами.

Поэтому, когда Ле Галь и три его товарища остановили Рескатора, он насторожился.

Когда он решил принять их на борт и всячески расхваливал Никола Перро благородство протестантов, он отнюдь не заблуждался относительно того, сколько трудностей это принесет ему. Из всех категорий людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, эти, пожалуй, были самыми неприступными. Во взгляде какого-нибудь индейца или чернокожего куда меньше тайны и недомолвок, чем в брошенном на вас взгляде гугенота, который раз и навсегда решил для себя, что вы являетесь воплощением зла.

И вот, прижав к животам свои круглые шляпы, они стоят перед ним с коротко и очень аккуратно подстриженными волосами. Все невзгоды морского плавания, в которое они пустились чуть ли не в одной рубахе на спине, не заставили их ходить в растрепанном виде, что так любили члены экипажа «Голдсборо». Вот эти, даже предложи он им пару ножниц и бритвенный прибор с отличным лезвием, все равно ходили бы с заросшими подбородками и с лохмами на голове. Потому что в большинстве своем они были средиземноморцы и католики.

Эта мысль заставила графа де Пейрака улыбнуться. Четверо гугенотов продолжали стоять перед ним с каменными лицами. Только острый взгляд мог бы определить, что таится в их взглядах: дружеское расположение, равнодушие или ненависть.

— Монсеньор, — сказал Ле Галь. — Время идет, а мы сидим без дела.

Мы пришли просить вас оказать нам любезность и включить в свой экипаж. Вы видели, как я, заняв место рулевого, провел судно через узкий пролив. Я плавал десять лет. Я был хорошим марсовым и мог бы быть полезен вам в этом качестве, ведь мы знаем, что некоторые из ваших людей были ранены на подходе к Ла-Рошели и еще не оправились. Я и мои товарищи заменим их.

Он представил Рескатору своих товарищей: Бреаж, морской плотник, Шарон, его компаньон из Ла-Рошели по ловле рыбы, он тоже бывший марсовый, Марангуен, его зять, немой как крот, но не глухой, он был юнгой на торговом судне, а потом занимался ловлей рыбы и лангустов.

— Мы знаем море, и руки требуют работы — вязать концы, чинить на реях паруса.

У Ле Галя был открытый взгляд. Жоффрей де Пейрак не забыл, как он провел «Голдсборо» через труднопроходимый пролив, и если и может установиться какая-то связь между экипажем корабля и протестантами, подумал он, то только через Ле Галя.

Однако он поколебался, прежде чем послать за боцманом и рассказать ему о предложении протестантов.

Уродливый коротышка-боцман отнюдь не разделял сомнений своего хозяина, напротив, он выразил полное удовлетворение. Grimаса, которая обозначала улыбку, растянула узкий, словно разрубленный ударом сабли рот, приоткрыв гнилые зубы. Он-то знал, что людей не хватает. После того как часть команды сошла на берег в Испании, в экипаже не было ни одного лишнего человека, говорил он, а пятеро раненых на подходах к Ла-Рошели — невосполнимый урон. Ему приходится работать с половиной команды. Поэтому у него, боцмана, плохое настроение, хотя, слава Богу, ему удастся скрывать это от команды. Раскат гомерического хохота матросов, которые прислушивались к разговору, был ответом на это признание. Потому что боцман Эриксон постоянно, неизменно пребывал в плохом настроении, был язвителен, и матросы со страхом спрашивали себя, что же будет, если он перестанет скрывать его.

— Хорошо, вы наняты, — сказал Рескатор четверым рошельцам. — Вы владеете английским?

Они знали его достаточно, чтобы понимать команды боцмана. Рескатор передал их в распоряжение Эриксона и пошел на капитанский мостик.

Опершись на белые позолоченные перила, он старался не оборачиваться на полосу света, которая вдруг прорезала ночь на полубаке; свет струился из щели над дверью, ведущей на нижнюю палубу, где

разместились протестанты. Анжелика жила там, среди этих существ, которые, он чувствовал это, настроены к нему враждебно. Она с нами и против него? Или же одна, как и он, одна меж двух миров? Ни с ним, ни против него. Сумерки быстро окутывали судно. Но матросы уже зажигали фонари, сигнальные огни. Абдулла, стоя на коленях, с осторожностью дикаря, берегущего огонь, раздувал в глиняном горшочке пылающие угли.

Давящая тоска, которую напевал север, тот самый ужас, который наверняка испытывали на краю света викинги, да и все моряки мира, у которых доставало отваги непреклонно держать курс на неподвижную звезду, теперь незримо бродили на ставшем невидимым море.

Льдов можно было не бояться. Ничто не предвещало бури. Но на душе Жоффрея де Пейрака было беспокойно, смутная тревога не отпускала его. Впервые за все время, что он плавает по морям, команда выходила из-под его контроля. Какая-то невидимая граница разделяла всех на два лагеря. Люди были напряжены. Потому что они видели — капитан чем-то озабочен. И уже не в его силах было успокоить их.

Тяжесть ответственности за все эти жизни, которую он взвалил на свои плечи, давила все сильнее, и он чувствовал усталость.

Он уже не раз проходил эти жизненные перекрестки, когда кончался какой-то этап пути и нужно было выбирать, куда идти дальше, все начинать сначала. В глубине души он понимал, что новый путь никогда не был совсем новым, потому что он, граф де Пейрак, всегда продолжал уже начатое и всегда видел перед собой конечную цель. И в то же время каждый раз ему приходилось как бы отряхиваться от жизни — так змея сбрасывает старую кожу, — порывать с привязанностями, с дружбой.

Вот и сейчас надо было бы вернуть Абдулла в его пустыню, ведь он не сможет жить в северных лесах. Скоро Ясон отвезет его к золотистым берегам Средиземного моря, его и старого марабута, арабского врача Абд-эль-Мешрата. Абдулла, его неусыпный страж, много раз спасал ему, своему господину, жизнь. К его привычкам мавр относится как к священным ритуалам. «Найдется ли хоть один могикан, который сумеет приготовить мне кофе? Наверняка нет! Придется тебе обходиться без него, старый бербер, ведь ты и впрямь стал старым бербером» Что же касается Абд-эль-Мешрата... он мысленно представил себе старика в его каюте, которую как можно более удобно оборудовали специально для него под нижней палубой на корме.

Худой, истощенный суровым режимом, он сейчас, должно быть, закутавшись в меховые одежды, неутомимо пишет. Ему шестьдесят два года, но его страсть к новому неистощима, и, когда он, его старинный друг

Жоффрей де Пейрак, покидал Средиземноморье, старик чуть ли не умолял взять его с собой, чтобы он мог повидать Новый Свет. Мудрый марабут с удовольствием совершил бы и кругосветное путешествие, это принесло бы ему много новых тем для раздумий. Открытость ума — качество относительно редкое у мусульман. Абд-эль-Мешрат был слишком широко образован, чтобы нравиться такому фанатику, как его владыка Мулей Исмаил.

Он, Жоффрей де Пейрак, знал это и поэтому внял просьбе старика, которого любил, не без оснований полагая, что тем самым он, возможно, спасает его от смерти.

***

Его мысли вернулись к тем давним дням, когда он приехал к старому арабу в Фес.

Абд-эль-Мешрат встретил его в знаменитом медресе, которым владел тогда этот весьма уважаемый в Фесе ученый и святой, каким его почитали. Он, граф Жоффрей де Пейрак, прибыл из Сале на носилках. Когда он увидел себя распростертым у ног своего друга-араба, он еще не в силах был поверить, что завершил это полное опасностей путешествие живым и что он, христианин, презренный нечестивец, находится в самом центре таинственного Магриба. В пути, прикованный к постели, измученный физическими страданиями и утомительным плаванием, когда единственным помощником и собеседником его был верный мавр Куасси-Ба, который сам был напуган тем, что оказался среди своих «родичей» («Все они дикари, эти люди», — говорил Куасси-Ба, вращая белками своих черных глаз), неоднократно мысленно задавал себе вопрос, что ждет его в конце этого кажущегося бесконечным путешествия...

И вот — встреча с Абд-эль-Мешратом, другом, с которым он познакомился в Испании, в Гранаде. Он смотрел на хрупкую фигуру арабского доктора, кутающегося в мавританскую джеллабу, на его полысевший лоб над огромными круглыми очками в стальной оправе, которые придавали ему смешной вид совы.

— Просто не верится, что я у вас, в Фесе, — сказал он одними губами. Несмотря на все усилия, ему не удалось выдавить из себя ни звука. — Я думал, что мы встретимся на берегу, тайком. Королевство Марокко слывет нетерпимым к людям моей веры. Или ваша власть сильнее, чем власть султана, для которого христианин должен быть или рабом или мертвым? Почести, с которыми меня приняли, дают мне основание полагать, что я пока ни тот, ни другой. И долго будет длиться эта иллюзия?

— Мы надеемся, долго, мой дорогой друг. Ваше положение

действительно исключительно, вы удостоены тайного покровительства, мне удалось добиться для вас этой чести благодаря вашей учености. Но чтобы оправдались надежды, которые возлагают на вас, вам нужно как можно скорее восстановить здоровье. Мне поручили вас вылечить. Не скрою, что для вас это вопрос жизни и смерти, впрочем, и для меня тоже, ибо в случае неудачи я могу поплатиться головой.

Он хотел бы получить более полную информацию о тех господах, которых так боялся его набожный и ученый друг, но вынужден был ждать, когда его вылечат, чтобы получить право на дальнейшие объяснения.

А пока у него была одна обязанность — выздоравливать, и он посвятил себя этому с упорством, которое было отличительной чертой его характера.

Он мужественно выполнял все, что назначал для лечения его бдительный друг. Ему было интересно самому оказаться предметом научных экспериментов, и это помогло ему держаться, когда неудачи и страдания готовы были сломить его.

Сначала Абд-эль-Мешрат изучал его раны с очень мрачным видом, но постепенно лицо его посветлело, хотя вид ран был весьма непривлекателен.

— Хвала Аллаху! — воскликнул он. — Рана на левой ноге, самая серьезная, еще не затянулась.

— Уже много месяцев...

— Да будет благословен Аллах! — снова воскликнул Абд-эль-Мешрат. — Теперь я не только обещаю вам полное выздоровление, но надеюсь избавить вас от хромоты, которая мучила вас всю молодость... Вы помните, тогда, в Гранаде, я осмотрел вашу ногу и сказал, что, если б я взялся лечить ее, когда вы были ребенком, вы бы никогда не хромали?

И он объяснил, что европейские врачи борются только с видимостью болезни и при лечении раны проявляют излишнюю поспешность, желая скорее увидеть ее затянувшейся. И не важно, что под этой тонкой пленкой, которую торопится как можно скорее соткать сама природа, остаются полости, нездоровая, омертвевшая ткань, что приводит к атрофии и неисправимым деформациям. А вот арабские врачи, не пренебрегая наукой античных магов, африканских врачей и египетских бальзамирщиков, определяют для каждой раны свой срок рубцевания.

Вполне удовлетворенный тем, что начало удачное, Абд-эль-Мешрат объяснил ему: именно потому, что к ране не приложил руку ни один хирург, что просто прекрасно, порванные нити сухожилий уже срослись должным образом. И еще — поскольку благодаря небу он избежал

ужасного риска — возникновения гангрены, единственной грозной опасности при таком долгом лечении, он, Мешрат, лишь завершает дело, так удачно начатое мэтром Обеном, палачом короля Франции, и так счастливо продолженное долгими скитаниями, в которые пустился его друг, чтобы избавиться от своих мучителей.

Абд-эль-Мешрат делал свое дело с тщательностью ювелира. «Ваша походка будет внушать уважение даже самым надменным испанским грандам!»

Но он и не требовал такого чуда. За многие годы он уже так свыкся со своей хромотой, что ему хватило бы, если б ногу просто немного подлечили, но побыстрее, и вернули бы ему его обычную жизнедеятельность и возможность владеть своим телом. Хватит ему валяться лодкой развалиной, его силы тают с каждым днем. Чтобы убедить его довести дело до конца, Абд-эль-Мешрат доказал ему, что в избавлении от хромоты есть и другая выгода: в ином обличье ему легче будет укрыться от своих врагов. Если он в один прекрасный день надумает ступить на землю Французского королевства, кому сколько дней пробежали вот так, в белом спокойствии магрибского убежища? Он и сейчас не знает этого. Недели? Месяцы? Годы? Он не считал. Время приостановило свой бег.

Никакие шумы не проникали в уединенный дворец, где сновали лишь вышколенные молчаливые слуги. Можно было подумать, что мир вокруг отмер. Недавнее прошлое с мраком и холодом тюрем, зловоние Парижа и каторжной тюрьмы затушевались в его мозгу и казались ему теперь каким-то фантазмагорическим гротеском, порождением болезненного бреда. А реальность — это темно-синее небо за резными стенами патио, запах роз, усиливающийся в полуденный зной, возбуждающий в сумерках, смешанный с запахом олеандра, а иногда — жасмина.

Он жил!

Глава 19

Пришло время, когда Абд-эль-Мешрат рассказал ему наконец о покровителях, властью которых он, граф Жоффрей де Пейрак, христианин, жил в сердце ислама в том волшебном круге, где с ним не могло случиться ничего плохого. Из этих откровений он понял, что врач считает партию выигранной и его выздоровление теперь просто вопрос дней.

Его целитель начал с того, что рассказал ему о войнах и восстаниях, которые залили королевство Марокко кровью. Это было удивительно, но, оказывается, даже Фесе время от времени случаются публичные казни. И правда, когда, немного поправившись, он, приподнимаясь, стал заглядывать за стены дворца, то видел виселицы и кресты с распятыми, которые стояли почти постоянно, и на них лишь меняли «клиентов». Это были предсмертные конвульсии правления Мулея Арши, у которого его брат Мулей Исмаил с хищностью молодого грифа вырывал власть.

Мулей Исмаил становился властителем. И он желал призвать себе на службу крупного христианского ученого.

«Он или, скорее, тот, кто представляет молодого властителя и руководит его действиями с его юных лет, — первый министр, великий евнух Осман Ферраджи», — объяснил ему Абд-эль-Мешрат.

Тайный советчик тогда еще шаткой власти, Осман Ферраджи был черным семитом, рожденным рабыней из арабского Марокко. Умный и хитрый, он знал, что его всегда будут попрекать происхождением, если он не станет незаменимым.

С проворством и точностью паука, который плетет свою паутину, то встряхивая нить, то бросая ее и принимаясь за другую, чтобы ловко придушить доведенную до бессилия жертву, черный министр продумывал тысячу самых различных козней.

Он внимательно следил за всеми интригами, что телись при дворе и в народе среди всех этих арабов, берберов и мавров, которые были весьма несведущи в экономике и неразумны, с презрением относились к коммерции, разоряли себя войнами и расточительством, в то время как ум евнуха был весьма тонок, он знал толк в коммерции, мог разобраться в самых сложных экономических сделках.

Победы Мулея Исмаила позволили этому новому сатану заполучить знаменитые земли по берегам Нигера, где некогда рабы царицы Савской добывали золото. Власть нового суверена отныне простиралась до лесов

Берега пряностей, там в тени деревьев еще можно было видеть обнаженных негров с решетками, промывающих золото в ручьях, дробящих в поисках его камни, а также работающих в шахтах, глубина которых доходила до трехсот футов.

Золотые рудники были главной причиной того, почему Осман Ферраджи добивался владычества своего воспитанника над этими землями, ибо власть предыдущего султана была подорвана главным образом неумелым управлением финансами. Новый султан, его преемник, обладал в этой области не большими знаниями, но, если рудники, завоеванные его мечом, будут процветать, как во времена Соломона и царицы Сабы, Осман Ферраджи мог поручиться, что Мулей Исмаил надолго закрепит свое владычество.

Первое разочарование постигло его, когда гонцы, посланные на юг, вернулись, чтобы доложить ему об удивительном безразличии и недоброжелательности черных племен. Золото этим людям нужно было лишь для того, чтобы дарить своим богам и делать из него украшения — единственное, что надевали на себя их женщины. Мало того, эти чернокожие отравляли каждого, кто пытался заставить их изменить это мнение.

Однако только они, черные из Священного леса, знали секреты золота. Если применить силу, они оставят рудники неразработанными, прекратят добычу. Это был их ультиматум победителям.

Великий евнух был серьезно озабочен этими вестями, и как раз в это время его шпионы перехватили письмо, посланное им, Жоффреем де Пейраком, марокканскому марабуту из Феса.

— Не будь вы моим другом, я вряд ли сумел бы вас защитить, — объяснил ему Абд-эль-Мешрат, — потому что волна нетерпимости скоро докатится до Марокко. Мулей Исмаил сам назначил себя карающим мечом Мухаммеда. К счастью, в своем письме вы намекнули мне на ваши работы с благородными металлами. И это оказалось как нельзя к лучшему.

Звезды, с которыми посоветовался Осман Ферраджи, открыли ему, что этот Пейрак послан ему Провидением. И если он уже знал, что правление узурпатора, который взошел на трон благодаря его усилиям, будет долгим и процветающим, то звезды ему показали, что в этом процветании сыграет огромную роль один колдун, хотя он и отверженный чужестранец, потому что, как и Соломон, знает тайны Земли. Допрошенный им Абд-эль-Мешрат подтвердил пророчество. В том, что касается золота, христианский ученый, его друг, самый знающий человек эпохи. Он умеет с помощью химии вытягивать золото из камня даже тогда, когда самое мелкое дробление не

помогает извлечь ни малейшей блестящей крупинки.

Тотчас же были даны распоряжения не упустить этого человека, которого счастливая — для Мулея Исмаила — судьба гнала из его родной Франции.

— Отныне ваша персона священна в странах ислама, — заключил свой рассказ арабский врач. — Как только я скажу, что вы поправились, вы поедете в Судан со слугами и даже с охраной, которую сочтете необходимой. Как вы пожелаете. В обмен вы должны будете как можно скорее представить его превосходительству великому евнуху несколько слитков золота.

***

Он задумался. У него явно не было иного выхода, кроме как согласиться поступить на службу к мусульманскому правителю и его визирю. Впрочем, их предложения вполне совпадали с его желаниями ученого и путешественника. Страны, в которые его посылали, — о них ему часто рассказывал Куасси-Ба, который родом был оттуда, — давно будоражили его мечты.

— Я согласен, — сказал он наконец, — и с радостью приму это предложение, если получу заверение, что от меня не потребуют стать мавром. Я знаю, что непримиримость вашей веры столь же сильна, сколь и моей. Уже более десяти веков Крест и Полумесяц ведут между собою войну. Что касается меня, то я всегда с уважением относился к мнению, что человек должен сам выбрать, какому Создателю поклоняться. Я хотел бы, чтобы это правило соблюдалось и в отношении меня. Ибо как бы низко я ни уронил имя своих предков, я не могу добавить к этому титул ренегата...

— Я предвидел ваши пожелания. Если бы речь шла о самом Мулее Исмаиле, у вас, пожалуй, действительно было бы мало шансов на то, что с вашим желанием посчитаются. Он наверняка предпочитает нового слугу Аллаха на земле, чем золото в своих сундуках. Но у Османа Ферраджи, хотя он и ярый приверженец веры, другие помыслы. А служить надо главным образом ему. Он же никогда не потребует от вас того, чего вы не сможете принять.

И старик торопливо заключил:

— Естественно, я поеду с вами. Я должен наблюдать за вашим столь драгоценным здоровьем, присутствовать при ваших работах и, кто знает, возможно, сумею оградить вас от каких-нибудь ловушек, козней; ведь всякое может случиться, наша страна настолько отличается от вашей, что я даже помыслить не могу оставить вас одного.

Последующие годы были свидетелями того, как он, французский дворянин, скитался по раскаленным землям Судана, по тенистым, но не менее опасным лесам Гвинеи и странам Берега Слоновой Кости. Его работа по поиску и добыче золота сочеталась в те годы с работой исследователя. Ему приходилось жить в самой гуще незнакомых племен, которых вид окружавшей его шерифской стражи с мушкетами побуждал скорее к бунту, чем к доверию. Он сумел покорить их, одно за другим, единственным оружием, которое могло породить доверие к нему голых дикарей: глубоким интересом к земле и ее таймам. Когда он призывал на помощь их впитанную с молоком матери страсть, которая, поколение за поколением, толкала негров этого региона с риском для жизни спускаться в недра земли, чтобы иногда принести оттуда несколько крупинок золота и сделать из него дары своим вырезанным из дерева богам, он поистине чувствовал себя их братом.

Ему пришлось тогда месяцами одному жить в лесу, который пугал других его компаньонов, жителей пустыни и побережья. Даже Куасси-Ба ни разу не двинулся дальше опушки леса. Только Абдулла, этот юный фанатик, который раз и навсегда решил для себя, что белому колдуну покровительствует небо или у него есть волшебный талисман, остался с ним. И ведь правда, с ним ни разу ничего не случилось. Шерифская стража занималась главным образом тем, что сопровождала караваны, которые везли на север слитки золота.

Пришел день, когда Абд-эль-Мешрат сказал наконец ему, что он должен вернуться на север: великий евнух Осман Ферраджи, весьма довольный результатами работы белого колдуна, передал им, что Мулей Исмаил пожелал встретиться с ними в своей столице Мекнесе. Султан к тому времени прочно утвердил свою власть. Его справедливые законы уже сказались повсюду, вплоть до самых отдаленных мест его владений. Сам рожденный матерью-негритянкой, взявший себе первой женой жительницу Судана, он, кроме того, окружил себя стражей из лучших воинов Судана, сахелов из Нигера и верховьев Нила, это была своего рода армия, беззаветно преданная ему.

Уезжая обратно в Фес, он, ученый христианин, оставил рудники, где вовсю шла работа, а ведь по приезде он нашел их в полном разорении. Мелкие местные правители разобрались, в чем их польза, и теперь побуждали своих подданных продолжать работы, чтобы удовлетворить северных властителей, от которых они в обмен на золото получали всякие товары довольно низкого качества, ткани и мушкеты, последние, как необыкновенная ценность, скупно распределялись между самыми

преданными.

После красных варварских дворцов берегов Нигера Мекнес, город оживленный, богатый, красивый, утопающий в роскошных садах, выглядел вполне цивилизованным.

Любовь арабов к пышности нравилась ему. Да и сам он, приехав в город, сопровождаемый стражей в роскошных одеждах, с прекрасным оружием, приобретенным на побережье у португальцев или у египетских торговцев в глубине страны, произвел сильное впечатление на Мулея Исмаила.

Иной ревнивый государь мог бы заставить его поплатиться за такое показное хвастовство. Он, Жоффрей де Пейрак, уже имел в этом опыт под иными небесами, с Людовиком XIV. «Но это не повод, чтобы изменять своим привычкам», — думал он. Проехав через город на своем черном коне под шитой серебром белой шерстяной попоной, он бросил мимолетный взгляд на несчастных рабов-христиан, работавших под кнутами надсмотрщиков.

Мулей Исмаил встретил его с помпой. Далекий от мысли завидовать славе христианского ученого, он гордился тем, что сумел добиться от него столь великой услуги, не унизив ни принуждением, ни пыткой. Наученный Османом Ферраджи, который даже не вышел к гостю при этой встрече, султан удержался от вопроса, который хотел задать гостю, вопроса, который таил в сердце, а именно — не примет ли ислам этот великий талант, которому судьба выдала жребий родиться в стане заблудших.

Трое суток празднеств скрепили их дружбу. В конце третьего дня Мулей Исмаил объявил, что посылает его послом в Константинополь, к Великому Турку.

Когда он, французский дворянин, попытался отказаться от этой миссии, султан помрачнел. Ему пришлось признаться, что он еще вассал султана Константинополя и, если говорить по совести, это было требование турецкого султана — прислать к нему белого колдуна. Великий Турок хотел просить его повторить — за вознаграждение — чудо с золотом, совершенное для его блестящего прославленного подданного, правителя Марокко.

— Эти совсем потерявшие веру вырожденные думают, что я держу тебя в башне и ты делаешь мне золото из верблюжьего навоза! — вскричал Мулей Исмаил, в знак презрения разрывая на себе одежды.

Он заверил султана, что останется верным своему делу и не примет никаких предложений турка, которые могли бы нанести урон государю Марокко.

После трех лет невероятных скитаний в самом сердце Африки он, бывший смертник, узник, чудом вырванный из застенков короля Франции, с обновленным, излеченным телом и глубоко раненной душой, снова оказался на берегах Средиземного моря.

***

Часто ли вспоминал он за эти долгие годы об Анжелике, своей жене? Терзался ли думами о судьбе своей семьи? По правде сказать, тонко разбираясь в психологии прекрасного пола, он понимал, что никакая женщина не могла бы упрекнуть его в том, что он не посвятил все свое время скорби и не лил горькие слезы. Он был мужчина, и его природа требовала от него, чтобы каждый час его жизни был прожит не зря. К тому же путь к единственной цели, которую он тогда поставил себе, — выжить — оказался очень изнурительным. Он вспоминал часы, когда был настолько немощен физически, что даже гасло пламя его мысли. Он осознавал только одно — смертельное кольцо вокруг него: голод, болезнь и преследования со стороны людей, от которых ему пока удалось убежать, — сжимается.

Воскресший лишь смутно помнит, как он шел по царству мертвых. И он, вновь обретя здоровье, старался не вспоминать об этом. Он принял предложение властителя Марокко служить ему в Судане. И это вселило в него уверенность, что его жизнь имеет будущее. Случись иначе, случись так, что он оказался бы отверженным, для которого нет места в жизни, стоило ли ему тогда выживать? Но теперь все шло хорошо. Ощущение чудесное и неожиданное для него! Абд-эль-Мешрат уговорил его заняться верховой ездой, и он подолгу ездил верхом по пустыне, тщательно обдумывая детали предстоящего путешествия. Человек, у которого есть только один шанс, данный ему покровителем, не может позволить себе роскоши разочаровать его своим небрежением, расплыть себя на другие дела, кроме тел, для которых его предназначили.

Однажды вечером в Фесе, вернувшись в апартаменты, которые были предоставлены ему во дворце Абд-эль-Мешрата, он был удивлен, увидев в свете луны юную девушку, которая ожидала его, возлежа на подушках. У нее были красивые глаза лани, под легким тюлевым покрывалом — губы словно гранат, а прозрачная туника позволяла догадываться, какое совершенное тело скрывается под ней.

Но он, бывший хозяин Дворца любви в Лангедоке, был так далек мыслями от любовных утех, что приняв незваную гостью за служанку, которая решила пококетничать с ним, и собрался было отослать ее, когда вдруг понял, что это Абд-эль-Мешрат сам прислал ее, чтобы украсить ночи

высокого гостя, решив, что полностью восстановленное благодаря его заботам здоровье друга отныне позволяет ему посвятить часы и женщинам.

Сначала он рассмеялся. Он смотрел, как она, откинув тюлевое покрывало, с умелой простотой своей профессии освобождается от легких одежд, кокетливо и в то же время очень естественно. Потом в стремительном порыве крови он вновь почувствовал в себе желание женщины.

Как некогда, умирая от голода, он тянулся к хлебу, умирая от жажды — к источнику, так он в ту ночь потянулся к женщине и, слившись с этим шафрановым, пахнущим амброй и жасмином телом, окончательно понял, что жив.

Именно в ту ночь он впервые за долгие месяцы вспомнил Анжелику, и это воспоминание было настолько острым и неотвязным, что он до утра не мог уснуть.

Женщина спала на ковре, юное и такое тихое животное, что даже не слышалось ее дыхания.

А он, возлежа на восточных подушках, предавался воспоминаниям. Последняя женщина, которую он сжимал в своих объятиях, была Анжелика, его жена, юная фея из болот Пуату, его маленький идол с зелеными глазами.

Все это терялось во мраке времени. Он вдруг задумался о ее судьбе. Она не беспокоила его. Он знал, что Анжелика в своей семье и живет в уединении, но без нужды. Потому что он в свое время поручил Молину, ее бывшему эконому в Пуату, заняться финансовыми делами своей молодой супруги в случае, если с ним что-нибудь приключится. Должно быть, она укрылась с нашими детьми в провинции, говорил он себе.

Он вдруг почувствовал, что не может больше мириться с ее отсутствием, с этой бездной неведения и краха, которая пролегла между ними. Жажда обладать ею немедленно была столь велика, что он вскочил со своего ложа в поисках какого-нибудь магического средства, которое помогло бы ему вырваться из замкнутого круга и вернуться в те далекие, давно ушедшие дни и ночи, когда она лежала в его объятиях.

Когда там, в Тулузе, он взял ее в жены, он не ожидал, что ему, в свои тридцать лет уже пресыщенному любовными похождениями, эта сделка, этот контракт принесет какие-то откровения. Пораженный ее красотой, он был еще более поражен тем, что она девственница. Он был первым ее мужчиной. Приобщение к любви этой очаровательной девушки, чувственной и яростной, как дикая козочка, было лучшим его любовным воспоминанием.

Все другие женщины, с которыми он когда-либо был близок, перестали существовать для него. Он с большим трудом вспомнил бы их имена и даже их лица.

Он научил ее любви, сладострастию. Он научил ее еще многому другому, чему, как ему казалось до того, мужчина не может научить женщину. Их связь была скреплена и их умами, и их телами. Он увидел, как изменились ее взгляд, ее тело, ее движения. Три года он держал ее в своих объятиях. Она подарила ему сына, носила, в своем чреве второго ребенка. Родился ли он?

Тогда он не мог жить без нее. Для него существовала только она. И вот он потерял ее...

На следующий день он был такой мрачный, что Абд-эль-Мещрат осторожно осведомился, получил ли он от этой маленькой утехи, которую он приготовил для него, полное удовлетворение, не постигло ли его разочарование, не тревожит ли его что-нибудь, чему могла бы помочь медицинская наука. Он успокоил друга, но о своих муках все же не рассказал. Несмотря на близость, которая связывала его с ним, он знал, что, пожалуй, не будет понят. Любовь — редкое чувство у мусульман, для них женщина — просто объект наслаждения, они питают интерес только к ее телу и любую женщину с легкостью заменяют другой.

Чего нельзя было сказать об их отношении к лошади или другу.

Он изо всех сил пытался отогнать наваждение, за которое даже немного презирал себя. Он всегда умел § время освободиться от сентиментальности, считая слабостью позволить любви ограничить его личную жизнь! его работу. Замечал ли Он раньше, что Анжелика своими тонкими руками и жемчужными зубами околдовала его.

Но что мог он поделать? Бежать в Пуату? Не будучи пленником, он знал, что, какие бы почести ему ни оказывали, он все равно не настолько свободен, чтобы отказаться от покровительства таких могущественных людей, как султан Мулей Исмаил и его визирь Осман Ферраджи, они держали в своих руках его судьбу.

Он перенес и это испытание. Время, терпение, говорил он себе, позволят ему в один прекрасный день вновь обрести ту, которую он никогда не смог бы забыть.

***

Поэтому, когда он оказался на берегах Средиземного моря, первым его порывом было послать гонца в Марсель, чтобы навести справки о жене и сыне, или даже возможно, двух сыновьях. Но по зрелом размышлении он решил не напоминать о себе своим бывшим друзьям и пэрам французского

королевства. Они, должно быть уже давно забыли о нем.

Он снова обратился за помощью к отцу Антуану, священнику каторжной тюрьмы, и попросил его поехать в Париж и отыскать там адвоката Дегре. Шустрый и умный молодой адвокат, который в свое время мужествен! но взялся за его защиту во время суда, внушал ему доверие.

Некоторое время спустя он отправился в Константинополь. Перед этим он предусмотрительно заказал в Боне одному испанскому ремесленнику маску из тонкой, но твердой кожи, которая скрывала бы его лицо. Он не хотел быть узнанным. Случай наверняка мог бы столкнуть его с подданными короля Франции, а также с кем-нибудь из многочисленных родственников, которых у него было множество среди иностранцев в посольствах, ведь он принадлежал к очень знатному роду. Только среди рыцарей Мальтийского ордена у него было два кузена. Средиземноморье, великая арена борьбы против неверных, притягивало французские гербы.

Под берберийскими стягами его положение было весьма двусмысленным. Изгнанный своими тулузский сеньор, он вошел в мир противостоящий, в мир ислама, который в течение веков проводя, политику равновесия, поддерживая то одну, то другую враждующие силы, знаменовал по мере своего продвижения полный отказ от христианства в подпавших под его влияние странах. Воспользовавшись упадком христианства, Оттоманская Турция заводила исламом страны, бывшие до тех пор глубоко христианскими: Сербию, Албанию, Грецию. Через несколько лет они будут сотрясать позолоченные решетки католической Вены. Монахи ордена Святого Иоанна из Иерусалима, потеряв огромный Крит, а затем и Родос, теперь владели лишь крохотной Мальтой...

Итак, он отправился к Великому Турку. Угрызения совести его не мучили. И речи не могло быть о том, чтобы он, христианин, пришел на помощь врагам своей веры, от которой он не отрекся. У него были иные помыслы. Он ясно видел, что разнузданный разбой, который царил в средиземноморских водах, возник вследствие лихоимства как со стороны христианской Европы, так и со стороны берберийских пиратов и оттоманских завоевателей. И право, все жульничества Великого Турка, довольно наивного в вопросах коммерции, никогда не сравнятся с жульничеством какого-нибудь венецианского, французского или испанского банкира. Оздоровление денежной системы могло бы привести к миру, но об этом никто не задумывался. Чтобы осуществить это, он решил взять в свои руки контроль над двумя главными рычагами эпохи: золотом и серебром, и он знал, как добьется этого.

После бесед с султаном султанов, после того как Великий Турок

провел совет с Большим Диваном, он обосновался во дворце в окрестностях Кандии. Однажды, когда у него был прием, ему доложили, что прибыл гонец из Франции, Он мгновенно забыл обо всем на свете. Покинув гостей, вышел навстречу слуге-арабу: «Ну, входи же быстрее. Рассказывай...»

Слуга протянул ему письмо отца Антуана. Священник кратко, нарочито безликими словами сообщал о результатах своих поисков в Париже. Он узнал через адвоката Дегре, что бывшая графиня де Пейрак, вдова дворянина, сожженного, как все считали, на Гревской площади, вышла замуж за своего кузена маркиза дю Плесси-Белльера, имеет от него сына и живет при дворе, в Версале, где занимает почетную должность.

***

Он смял в руке листок.

Прежде всего — не верить! Это невозможно!.. Потом очевидность высветилась «о мере того, как ему, словно при поднятии занавеса, открылось, сколь наивно было с его стороны не подумать о подобной развязке. И правда, что может быть естественнее? Станет ли красивая я совсем юная вдова хоронить себя в старом провинциальном замке и, как Пенелопа, ткать покрывало?»

Она должна быть ухожена, нарядна, окружена поклонниками, у нее должен быть муж, она должна блистать при дворе короля Франции — вот для чего она предназначена. Почему он не подумал об этом раньше? Почему не подготовил себя к этому удару? Почему он так страдает?

Любовь делает человека слепым. Только он, ученый граф де Пейрак, не знал этого.

Он слепил себе жену по своему вкусу, но разве это дает ему право требовать, чтобы она навсегда осталась в его власти? Жизнь и женщины — переменчивы. Он должен бы был знать это. Он оказался слишком самонадеянным.

Да, она была его женой, она привнесла в их любовь нечто такое, чем сумела покорить его, что принадлежало только им двоим. Он позволил себе попасть в западню самых утонченных наслаждений, которые даровал ему богатый, живой ум жены, чистый и ясный, как воды горного потока. Но едва он вкусил прелесть этих, как ему тогда казалось, вечных, уз, судьба их разлучила. Отвергнутый, лишенный своего могущества, почему он ждал от нее верности прошлому? И вот — женщина, которую он любил, его жена, творение его рук, его сокровище, отдала себя другому!

Что может быть естественнее, убеждал он себя. Или она настолько ослепила его, что он никогда не мог и мысли подобной допустить?

Женщина, которую так одарила природа, не наделена даром верности. Разве не знал он, сам испытавший силу ее притягательности, какой неуловимый ореол окружает ее, все в ней, походку, любое движение, которые как бы воплощают ее очарование? Не так часто, как думают, встречаются женщины, рожденные пленять мужчин. Не единственного избранного мужчину, а любого, который оказывается рядом с ними. Анжелика принадлежит к этой породе. Неосознан! но, неумышленно. По крайней мере, он в это верил! А может, она строила какие-то планы уже тогда, когда ой привез ее на свадьбу короля? Она была еще такая юная едва-едва вышла из отрочества, но уже тогда он знал, что она обладает качествами, которые не только очаровывают, но и таят в себе опасность; твердым характером, природным умом, хитростью.

До каких высот она могла подняться, поставив все это на службу своим амбициям?

Увы, до красавца маркиза дю Плесси, любимчика его высочества брата короля...

А может, и до самого короля, почему бы и нет?

Как он был прав, что не тревожился за нее!..

***

Гонец под мечущим молнии взглядом своего господина пал перед ним ниц, окаменев от страха. А он скомкал в кулаке письмо, словно хотел судорожно сжатыми пальцами сдавить шею Анжелики.

Потом он расхохотался было, но смех его застрял в горле, и он задохнулся. Потому что с тех пор, как он сорвал голос, смеяться ему было трудно. Здесь не смогло помочь даже лечение Абд-эль-Мешрата. Врач вернул ему только возможность говорить. Но не смеяться свободно. Не петь. Его горло было словно сжато железным капканом.

Пение освобождало душу от горя. Вот и сегодня, много лет спустя, его грудь наполнялась звуками, которые он не смог выплеснуть. Он свыкся с этим увечьем, но, когда его охватывала тоска, ему было трудно переносить его. И причиной этой тоски бывала только она, Анжелика! Остальное, он повторял себе это сотни раз, его не трогало: физические муки, изгнание, разорение — он смирился бы со всем. Но она...

Она была его единственной слабостью. Единственной женщиной, которая заставила его страдать. И он сердился на нее за это.

Можно ли страдать от любви? Можно ли страдать из-за женщины?

Глава 20

И теперь, когда через столько лет разлуки «Голдсборо» вновь соединил их в ту тревожную ночь, теперь, когда он стал всего лишь Рескатором, корсаром, испытанным солью океана и суровыми приключениями, битвами, интригами, ненавистью людей, борющихся за могущество, железом, огнем, золотом и серебром, и когда Анжелика стала женщиной, столь непохожей на ту, которая заставила его страдать, неужели он снова попадает в плен волнений и сожалений, от которых, как ему казалось, он уже избавился?

Он вернулся в каюту и принялся мерить ее шагами.

Потом резко остановился около рундука, открыл его и вытащил тщательно обернутую в фетр и шелк гитару. Он купил ее в Кремоне еще в то время, когда надеялся, что голос вернется к нему, и она, как и он, чаще всего молчала. Иногда он перебирал струны, чтобы утешить случайных подружек, но играть, не имея возможности петь, — это было выше его сил. Свое прежнее искусство в исполнении он сохранил. Играл легко, непринужденно, негромко. Но всегда непременно наступала минута, когда, увлеченный музыкой, он чувствовал, как его легкие наполняются воздухом, крылья поэзии несут его, и ему казалось, что он может петь.

На этот раз он снова попытался. Его голос — сломанный, хриплый, не слушался его, ломал мелодию, и он замолчал. Потом тряхнул головой: «Какое ребячество!» Ах, старый человек никогда не станет обдирать себе ноги на каменистой дороге. А у него все не так: чем дальше он идет, тем больше хочется ему все сохранить, все охватить. Разве закон не гласит, что всегда одно обретается за счет другого? Можно ли одновременно познать радость любви и свободу сердца?

И вдруг, движимый каким-то предчувствием, он пересек каюту и рывком открыл дверь, которая выходила на балкон.

Она была там, призрак той, другой женщины, и ее бледное величественное лицо, обрамленное черно! шалью, выступало в ночи, напоминая лицо, которое он только что вспоминал, но не возрождая его.

Он почувствовал глупое смущение при мысли, что она могла услышать его жалкие потуги. Это разозлило его, и потому он заговорил весьма нелюбезным тоном.

— Что вы здесь делаете? Почему вы не уважаете порядок, установленный на судне? Пассажиры могут находиться на палубе только в

разрешенное время. Одна вы разгуливаете, когда вам вздумается. По какому праву?

Пораженная этим выговором, Анжелика кусала себе губы. Сейчас, когда она подходила к апартаментам мужа, она была потрясена, услышав звуки гитары. Но ее привели сюда иные заботы.

Стараясь быть спокойной, она сказала:

— У меня есть серьезные основания нарушить судовую дисциплину, сударь. Я пришла спросить вас об Абдулле, вашем слуге. Он у вас?

— Абдулла? С какой стати?

Он повернул голову, ища у двери силуэт закутанного в бурнус мавра, и никого не увидел.

Она заметила его удивление и досаду и, полная тревоги, спросила:

— Так он не у вас?

— Нет... Но почему?.. Что случилось?

— Исчезла одна из девушек... и я боюсь за нее... из-за этого мавра.

Глава 21

Северина и Рашель подошли к Анжелике.

— Сударыня Анжелика, Бертиль исчезла.

Анжелика не понимала, о чем они толкуют. Рашель рассказала ей, что, когда они должны были вернуться к себе на пушечную палубу, Бертиль решила еще побыть наверху.

— Зачем?

— О, она была словно не в себе, — сказала Рашель, старшая дочь Кареров. — Она уверяла, что внизу чувствует себя словно в тисках и ей хочется побыть немного одной. В Ла-Рошели у нее была своя комната, только для нее одной, — добавила Рашель с восхищением и завистью, — поэтому вы понимаете...

— Но прошло уже больше двух часов, а ее все нет, — вмешалась встревоженная Северина. — А вдруг ее смыло волной?

Анжелика встала и пошла за госпожой Мерсело, та сидела в своем углу с двумя кумушками и вязала. Обычно, они навещали друг друга в своих углах.

Госпожа Мерсело была удивлена. Она думала, что Бертиль с подружками. В тревоге обыскали всю батарею, но пришлось признать очевидный факт: девушка нигде не было.

Мэтр Мерсело в ярости помчался на верхнюю палубу. Последние несколько дней Бертиль вела себя слишком вольно. По-видимому, она собиралась на собственном опыте убедиться, что девушка должна проявлять послушание родителям на всех широтах и при любых обстоятельствах.

Через несколько минут он вернулся весьма встревоженный. Дочери нигде не было. На этом проклятом корабле не видно ни зги, а матросы, к которым он обратился, таращили на него глаза, словно тупицы, каковые впрочем, они и есть.

— Сударыня Анжелика, соблаговолите помочь мне. Вы можете объяснить с этими людьми на их языке! Пусть они помогут нам найти ее. А вдруг Бертиль упала в какой-нибудь люк, что-нибудь сломала себе.

— Море бурное, — сказал адвокат Карер. — Ее могло смыть волной, как это случилось тогда с Онориной.

— О, Боже! — выдохнула госпожа Мерсело, рухнув на колени.

Пассажиров охватила паника. Лица их побледнели, стали

напряженными. Шла уже третья неделя их плавания, нервы у всех были на пределе, и, когда что-нибудь случалось с одним из них, спокойствие утрачивали все.

У Анжелики не было ни малейшего желания идти за Мерсело на верхнюю палубу. Бертиль, мечтательная, как и все девушки ее возраста, наверняка грезит где-нибудь в темном уголке, даже не задумываясь над тем, что о ней могут беспокоиться. Ее стремление побыть в одиночестве, в конце концов, вполне объяснимо. Его испытывал каждый из них. И все же Анжелика, подспудно чувствуя себя ответственной за всех, попросила Абигаель оказать ей любезность и посмотреть за Онориной, пока они не вернутся.

На палубе она присоединилась к Мерсело, Берну и Маниголю — те спорили с боцманом, который жестами показывал с самым решительным видом, что они должны вернуться на нижнюю палубу. Не пожелав даже выслушать их, он сделал знак матросам, и те схватили троих протестантов под мышки.

— Не трогайте меня, бандиты, — завопил Маниголь, — или я уложу вас всех на месте.

Он был выше и сильнее смуглых мальтийцев, которые хотели заставить его прислушаться к голосу разума; но у тех на поясах висели ножи. И они торопливо вытащили их из ножен. Сцена выглядела тем более тревожно, что происходила почти в темноте.

И снова мирное вмешательство канадца Никола Перро предотвратило возможное пролитие крови. Анжелика рассказала ему об их тревоге. Он перевел ее слова несговорчивому Эриксону, но тот упрямо повторял полученный им строгий приказ: с наступлением ночи на палубе не должно быть ни одного пассажира. Когда до его сознания все же дошло, что исчезла одна из девушек, он сокрушенно закачал головой.

Время от времени Мерсело кричал в рупор: «Бертиль, где ты?» В ответ слышались только завывание ветра и скрежет корабля, который швыряли волны.

Голос Мерсело срывался.

В конце концов Эриксон разрешил остаться на палубе одному отцу. Остальные, сказал он, должны спуститься на пушечную палубу, иначе всех их запрут там.

Анжелике он разрешил остаться подле Никола Перро.

— Я боюсь, — вполголоса призналась она Никола. — Честное слово, я меньше боюсь моря, чем людей. А что, если кто-нибудь из матросов, увидев девушку одну, затащил ее куда-нибудь?

Канадец обратился по-английски к боцману. Тот что-то пробурчал в ответ, потом с усмешкой потоптался на месте и ушел, бросив несколько слов через плечо.

— Он сказал, что сейчас соберет весь экипаж — и тех, кто на вахте, и тех, кто отдыхает. А мы пока проверим палубу.

Им принесли фонари. Они вместе осмотрели все бухты, и Никола Перро дошел до того, что заглянул даже в шлюпки и спасательные лодки.

Они вошли в кубрик под кормой, где жили матросы и куда боцман созвал экипаж.

— Все на месте, — обращаясь к Анжелике и Мерсело, сказал он. — Все до единого.

В тусклом свете масляных фонарей матросы ужинали. Дым от их трубок в помещении стоял такой, что хоть ножом режь. Кроме того, чувствовался еще и сильный запах алкоголя. Увидев повернутые к нему продубленные лица и горящие глаза, Мерсело понял только одно: море — не единственная опасность, которой могла подвергнуться Бертиль.

— Вы думаете, кто-нибудь из этих типов мог посягнуть на честь моей дочери? — прошептал он Анжелике, и лицо у него стало таким же белым, как и его воротничок.

— Нет, они же все здесь.

Но Мерсело уже не мог отделаться от этой мысли:

— Это ничего не доказывает. Совершив злодеяние, ее могли прирезать и бросить в море.

По его вискам катился пот.

— Прощу вас, — умоляла она его, — не думайте об этом. Боцман Эриксон предлагает людей, чтобы обыскать судно сверху донизу. — И в эту минуту у нее вдруг молнией мелькнула мысль о мавре Абдулле.

Решительно уверенная в правильности своей догадки, Анжелика бросилась на полуют.

Мавра около апартаментов Пейрака не оказалось, хотя именно там, у двери господина, было его место.

Анжелика застыла, как вкопанная, умоляя, про себя: «Господи, сделай так, чтобы этого не случилось. Это было бы слишком ужасно для всех нас».

За застекленной дверью слышался звук гитары, потом перед нею возник Жоффрей де Пейрак, суровый и беспощадный.

Он выглядел каким-то странным, и она, рассказывая ему об Абдулле. Ожидала, что он сейчас взорвется в гневе.

Но он, напротив, сохранял свое обычное хладнокровие. В одно

мгновение он снова превратился во внимательного и обходительного капитана корабля.

Взглянув на то место, где обычно находился Абдулла и которое уже много лет мавританский раб ни разу не покинул без его приказа, он нахмурился.

— Проклятие! Я должен был бы следить за ним! Идемте быстро.

Он зашел в каюту и вернулся с большим фонарем.

Жоффрей де Пейрак вышел на внутреннюю палубу, их «главную улицу». Он сам отодвинул крышку сходного люка и начал спускаться, одной рукой помогая себе, а в другой держа фонарь. Анжелика была так возбуждена, что тоже последовала за ним, не подумав о том, что трап совсем отвесный. За ними спускались Никола Перро и — с трудом — Мерсело, который от терзавшего его ужаса рискнул на упражнения, от которых он уже давным-давно отвык.

Казалось, трапу не будет конца. Никогда бы Анжелика не подумала, что трюмы такие глубокие. Горьковато-соленый запах и сырость разъедали горло.

Наконец они остановились перед темным узким проходом, Жоффрей де Пейрак прикрыл рукой фонарь. И тогда вдали, в конце прохода, Анжелика заметила другой свет, красноватый, словно его источник находился за пурпурной занавеской.

— Он там? — прошептал Никола.

Жоффрей де Пейрак кивнул. Мерсело пытался справиться с последней ступенькой, его поддерживал молчаливый индеец который в темноте казался тенью, — он спустился вслед за своим хозяином Никола Перро.

Граф протянул фонарь канадцу, знаком показав ему, что надо посветить Мерсело.

Потом он кошачьим шагом — быстро и бесшумно — двинулся по коридору. И в этой тишине, где до них доносилось только тяжелое и казавшееся далеким дыхание моря, Анжелике почудилось, будто она слышит какой-то странный, всего на двух нотах, речитатив, звуки которого то поднимались до крика, то опускались до шепота, сначала оглушительные, потом тихие, хриплые. Нет, она не бредила. По мере того как они приближались, заклинание, звучало все громче, наполняя словно отзвуком какого-то дурного сна узкий и грязный проход.

Этот крик становился грубым, как заклятие, потом замирал и долго тянулся, наполняясь горестной нежностью. Он напомнил Анжелике любовное воркование хищников, которое она слышала по ночам в Рифе.

У нее волосы зашевелились на голове, и она невольно ухватилась за

руку мужа.

Жоффрей де Пейрак отдернул рваную красную занавеску.

То, что предстало их глазам, было ужасно. И в то же время так необыкновенно красиво, что даже Жоффрей де Пейрак на минуту застыл, словно его охватило сомнение, должен ли он вмешиваться.

В этой, норе в чреве корабля, в этом закутке, освещенном тусклым светом раскачивающегося серебряного ночника, находилось логово мавра.

Там он сложил все свои сокровища, всю свою добычу за долгие годы скитания по морям. Кожаные сундучки, наполненные множеством всяких безделушек, ковры, подушки из насеченного щелка, синие, красные или черные бутылки и стаканчики толстого стекла, старинные блюда с эмалью, похожей на вышивки. Из мешочка, сделанного из козлиной шкуры, струились на пол золотые украшения и драгоценные камни. Пеньковые мешки, наполовину сгнившие от сырости, висели на стене, в них виднелись трубки кальяна, медные части которого поблескивали в полутьме. Сильный, почти непереносимый запах мускуса смешивался со свежим запахом мяты и едким запахом морской соли, которая разъедала и покрывала белым налетом часть сокровищ, собранных здесь этим сыном пустыни.

И среди этого пышного и в то же время нищенского убранства лежала в обмороке Бертиль.

Ее светлые волосы разметались по ковру, смешались с рассыпавшимися драгоценностями. Безвольные руки походили на белые стебли.

Мавр не снял с нее одежду. Только ноги до, колен были оголены. Бледные, перламутровые, они бросались в глаза и были такие изящные, хрупкие, что, казалось, принадлежат какому-то сказочному созданию, полупрозрачной нимфе, созданной чьей-то божественной рукой из алебаstra.

Склонившись над этим хрупким созданием, мавр, задыхаясь, что-то монотонно пел речитативом.

Его совершенно обнаженное, напоминавшее великолепную, бронзовую статую тело дрожало, дергалось в конвульсиях. Между его вытянутыми руками, на которые он опирался, болтался висевший у него на шее маленький кожаный мешочек, где хранились его амулеты. Словно две неколебимые колонны, его руки как бы охраняли похищенную им добычу.

Он казался очень большим, просто огромным, все мускулы его тела были напряжены силой желания, которое обуревало его. Вдоль его покрытых потом позвоночника и бедер при каждом движении скатывались

золотые змейки пота.

Колдовской речитатив, срывавшийся с его полуоткрытых губ, становился быстрее, настойчивее, синкопированный до истерии...

— Абдулла!

Дьявольское пение резко оборвалось.

Глухой голос господина вырвал безумца из экстаза.

— Абдулла!

Мавр вздрогнул, словно дерево под ударом топора. И вдруг с воем, с пылающим взглядом, с пеной на губах вскочил, отпрянул назад, схватил кривую турецкую саблю, висевшую на переборке.

Анжелика пронзительно закричала. Ей показалось, будто лезвие сабли просвистело совсем рядом с головой Жоффрея де Пейрака. Но тот успел пригнуться. Но вот снова смертельное лезвие чуть было не настигло его. Он снова увернулся и схватил одержимого за талию. Потом заговорил с ним на его языке, пытаясь образумить. Но мавр одолевал его. Страх, что его желание не будет удовлетворено, придавал ему невероятную силу.

Вмешался Никола Перро, и несколько минут в тесной камерке шла жестокая борьба, исход которой был непредсказуем.

Масляная лампа, которую задели в пылу битвы, накренилась. Горячее масло вылилось на, плечо Абдуллы, он дико завопил. И неожиданно опомнился.

Страсть, которая толкнула беднягу на этот извечный ритуал, покинула его. Он снова стал простым смертным, провинившимся рабом и смотрел вокруг, испуганно вращая глазами. Задрожав всем телом, он медленно, словно под давлением руки своего господина, опустился на колени. Потом совсем распластался на ковре, уткнувшись лбом в сложенные руки, заранее хрипло бормоча жалкие смиренные слова.

Анжелика склонилась над Бертиль. Девушка была просто в обмороке от страха. Она не пострадала. Разве что задохнулась немного, когда, зажав ей рот рукой, чтобы приглушить крик, этот геркулес-мавр тащил ее в чрево корабля.

Анжелика помогла Бертиль встать, встряхнула немного, быстро привела в порядок ее одежду. Однако недостаточно быстро для того, чтобы мэтр Мерсело не смог заметить, в каком виде она была.

— Какой ужас! Какой стыд! — крикнул он. — Моя дочь, мое дитя! О, Господи!

Он упал перед Бертиль на колени, прижав ее к груди, безуспешно взывая к ней, потом вскочил, бросился на удрученного мавра и принялся бить его. Заметив турецкую саблю, он схватил ее так быстро, что никто не

успел помешать ему.

Жоффрей де Пейрак в последнюю секунду еще раз остановил смертоносное лезвие. Ему вместе с Никола Перро и индейцем пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с оскорбленным отцом. Тот в конце концов выпустил из рук саблю и утих.

— Будь проклят тот день, когда мы ступили на этот корабль, — бормотал он, глядя на них блуждающим взглядом. — Клянусь, я убью этого презренного собственными руками.

— Я единственный, после Бога, хозяин на этом судне, — твердо ответил Жоффрей де Пейрак. — И я один могу вершить здесь правосудие.

— Вас я тоже убью, — сказал мертвенно-бледный Мерсело. — Теперь мы знаем, кто вы такой, вы бандит, гнусный торговец человеческим телом, который, не колеблясь, отдаст наших жен и дочерей на потребу своему экипажу, а нас, богатых буржуа Ла-Рошели, продаст, как рабов... Но мы разоблачим ваши планы.

В тягостной тишине слышно было его тяжелое дыхание. Жоффрей де Пейрак все еще стоял над поверженным стонущим мавром. Странная улыбка искажала его изрезанное шрамами лицо и придавала ему весьма грозный вид.

— Я понимаю ваше волнение, мэтр Мерсело, — сказал он спокойно. — И сожалею об этом инциденте...

— Для вас это просто инцидент, — Мерсело заикался от волнения. — Обесчестить мою дочь! Заставить страдать несчастного ребенка, который...

— Мэтр Мерсело, умоляю, послушайте нас, прежде чем доводить себя до такого состояния, — сказала Анжелика. — Благодарение Богу, мы пришли вовремя. Бертиль отделалась легким испугом. А ей будет урок на будущее, чтобы она держала себя более благоразумно...

Мэтр Мерсело словно не слышал обращенных к нему слов, и они не решались отпустить его, не зная, что еще он может натворить. Но тут Бертиль пришла в себя, и это успокоило его.

— Отец! Отец! — закричала она.

Он бросился к ней, чтобы утешить ее.

***

Возвращение Бертиль вызвало всеобщее возбуждение и растерянность.

На руках у отца и индейца, которые принесли ее, она то стонала, словно умирающая, то вдруг начинала истерически кричать. Ее уложили на неудобное соломенное ложе, сверху кинув на него плащ. Она отталкивала

мать, но непонятно почему цеплялась за Анжелику, и той пришлось сесть у нее в изголовье, а вокруг все бурлило — слышались вопросы, восклицания, рассказы со всевозможными, самыми невероятными домыслами.

— Ваши предчувствия были верны, Маниголь, — говорил подавленный Мерсело. — Моя бедная дочь — их первая жертва.

— Предчувствия! — повторил Маниголь. — Вы хотите сказать: уверенность, мой бедный друг. Ле Галь раскрыл планы этих преступников, и нет ни малейшего сомнения в их умыслах. Мы пленники, и всех нас ждет ужасная судьба...

Женщины начали рыдать. Бертиль закричала еще громче, как будто пыталась отбиться от какого-то невидимого противника.

— Вы прекратите наконец эту всеобщую истерику? — крикнула Анжелика.

Она схватила Мерсело за воротник и весьма неуважительно с силой встряхнула его.

— Сколько раз надо повторять вам, что с ней не случилось ничего страшного. Она так же невинна, как и в день своего рождения. И что за смысл толковать вам, что мы увидели, когда пришли туда, если вы неспособны понять с полуслова и успокоить жену и дочь?

Мэтр Мерсело отступил. Когда Анжелика гневалась, мужчине трудно бывало противостоять ей.

На помощь ему пришел адвокат Карер.

— Вы сами говорите, что пришли вовремя, — усмехнулся он, — а это позволяет сделать вывод, что, приди вы позднее, бедное дитя...

— «Бедное дитя» сделало все, чтобы спровоцировать этот неприятный инцидент... и она это прекрасно знает... — сказала Анжелика, бросив взгляд на Бертиль, которая вдруг перестала рыдать и явно смутилась.

— Уж не хотите ли вы обвинить мою дочь в том, что она сама вызвала такое неуважение со стороны этого черного? — с вызовом спросила госпожа Мерсело.

— Вот именно — хочу. Я даже, сделала Бертиль замечание. Ее подружки слышали.

— Да, верно, — робко подтвердила Рашель.

— О, только вам и давать уроки нравственности!

Анжелика поняла недоброжелательный выпад, но не приняла его. Что ж, у этих людей есть все основания быть взвинченными.

— Да, верно, но только когда имеешь жизненный опыт, можно справедливо судить, достойно или нет ведет себя легкомысленная девушка. И это не повод обвинять в самых гнусных намерениях всю команду

корабля и даже их капитана...

Маниголь, что-то ворча себе под нос, тяжело поднялся и подошел к ней.

— Кого вы защищаете, сударыня Анжелика? — спросил он холодно. — Команду бандитов и распутников? Или, еще того хуже, их капитана? Весьма подозрительного типа, которому вы вверили нас?

Его слова ошеломили ее. Он что, совсем потерял голову? Лица стоящих рядом с ним мужчин были суровы и замкнуты, но даже в полумраке легко было заметить твердость их взгляда под насупленными бровями, непримиримого взгляда поборников справедливости, которые требовали ответа. Она поискала глазами Берна и увидела, что он с таким же отчужденным, скептическим видом стоит среди них.

Она не проявила нетерпения. Что ж, заново переживая свою неудовлетворенность вынужденной праздностью во время плавания, свои опасения, они ищут, себе врагов. Может, им просто не хватает папистов, чтобы проклинать их?

— Я никого не защищаю. Просто ставлю все на свои места. Если бы Бертиль вела себя на палубе скромно, с ней ничего бы не случилось... Она пренебрегла благоразумием, а вы, ее родители, — бдительностью. Что касается того, что я якобы предала вас...

Она начала терять терпение.

— Вы уже забыли, почему бежали из Ла-Рошели? Почему вы здесь? Вы что же, так ничего и не поняли?.. Вы же были приговорены... все!

И она, сбиваясь, рассказала, что полицейские все знали о них, и им уже было уготовано место в тюрьмах короля, на галерах. Ничто не спасло бы их.

— ...Если вас предали, продали ваши братья, то не переваливайте вину на тех, кто вам помог. Я не предала вас, мне, напротив, пришлось умолять хозяина «Голдсборо», чтобы он взял вас на борт. Вы достаточно знаете морские порядки, чтобы оценить, что означало взять дополнительно пятьдесят человек на судно, которое не готово к этому. Его люди с первого дня сидят на галетах и солонине, чтобы сохранить свежие продукты для ваших детей.

— А что хранят они для наших женщин? — усмехнулся адвокат.

— И для него самого, — добавил Маниголь. — Не будьте наивны, сударыня Анжелика, уж не думаете ли вы, что он оказал нам эту услугу бескорыстно.

— Конечно, нет. Вы должны были обсудить с ним условия.

— Обсудить что-то с человеком, который грабит несчастных!

— Вы обязаны ему жизнью, разве этого недостаточно?

— Вы преувеличиваете, хватит!

— Нет. И вы это прекрасно знаете, мэтр Маниголь. Не вы ли видели во сне змею, которая душила вас, и у нее было лицо сира Тома, вашего компаньона? Но сейчас, избежав самой большой опасности, которая когда-либо грозила вам, вы не хотите даже проявить благодарности к этим чужим вам людям, что оказали вам услугу и спасли вас, самых уважаемых и самых гонимых жителей Ла-Рошели? И почему вы отказываете в этом хозяину «Голдсборо»? Да просто потому, что он не вашего круга, что он не похож на вас... Самаритянин спас вас и перевязал ваши раны, но он в ваших глазах непогрешимых левитов продолжает оставаться самаритянином. Мол, что хорошего можно ожидать из Самарии?..

Задохнувшись от негодования, она высокомерно отвернулась от них.

«Бели бы они знали, какими узами я связана с ним, — подумала она, — они бы меня, наверное, убили. Я утратила бы последнее доверие, которое они еще питают ко мне...»

И все же ее слова поколебали гугенотов. Ее авторитет жил, борясь с их недоверием. Ее волновала мысль, что она борется за него, что она вынуждена защищать его. Она сразу же приняла его сторону, хотя он и презирал ее, и она пыталась отвести опасности, которые могли нависнуть над ним. Одно хотя бы придавало ей силы: женщины в этом споре промолчали. Конечно, им трудно было разобраться во всем. Слишком резко перевернулась вся их жизнь. Они не знали, как себя вести, не знали, что для них опасней: то, что осталось позади, или то, что ожидает их впереди.

— И все же, — пробурчал Маниголь, — планы монсеньора Рескатора, на наш взгляд, весьма подозрительны. Ле Галь вполне убежден в этом, и Бреаж, и Шарон... Потершись среди команды, они с удивлением пришли к выводу, не оставляющему сомнений: нас везут не на Американские острова... У них никогда и не было такого намерения.

— Может быть, нас везут в Китай, — сделал уже совсем невероятное предположение Альбер Парри. — Да, кое-кто, кажется, верит, будто Рескатор открыл северный путь к легендарной стране Катай^[8], тот пролив, который тщетно искали моряки и конкистадоры...

Они переглянулись, охваченные новыми ужасными предчувствиями. Значит, еще не конец их испытаниям! Значит, здесь, качаясь на волнах посреди океана, они могут рассчитывать только на себя!

В тишине снова слышались рыдания Бертиль, и внимание всех

переключилось на нее.

— Моя дочь будет отмщена, — сказал Мерсело. — Если мы все это оставим без внимания, если мавр не будет наказан...

Внезапно он умолк, увидев, что Маниголь подает ему знаки. Потом мужчины долго переговаривались вполголоса. Анжелика донимала: положение серьезное. И чувствовала себя ответственной.

Опустив глаза, она посмотрела на детей, они были явно встревожены, и сердце ее заняло от жалости. Напуганные растерянностью взрослых, дети, словно ища защиты, сгрудились, как птенчики, младшие под крылышко старших. Она присела около них на корточки, взял Онорину под свой плащ и, стараясь отвлечь их, стая рассказывать им о кашалотах. Ведь матросы обещал! что в ближайшие дни они их увидят.

Наконец она напомнила взбудораженным матерям, что пора бы им позаботиться о детях и уложить своя птенцов спать. Жизнь на пушечной палубе постепенно вводила в привычное русло. Бертиль призналась, что кроме безумного страха, который охватил ее, когда ОЙ почувствовала себя в сильных руках мавра, она вспоминает только какое-то смутное раскаяние, но ей не причинили никаких страданий.

Пастор Бокер держался в стороне, Абигаель была рядом с ним.

Уложив дочь, Анжелика подошла к ним.

— О, пастор, — измученная, прошептала она, — а вы что думаете обо всем этом? Зачем к испытаниям, которые выпали на нашу долю, добавлять сомнения и разлад? Поговорите с ними.

Старик хранил спокойствие.

— Мы все захвачены вихрем, — сказал он. — Вот я слушаю и не слышу ничего, кроме непоследовательных речей. Когда разгораются страсти, слова мало что стоят. В жизни каждого человека приходит день, когда в его сердце должно столкнуться все лучшее и худшее в нем. Для некоторых этот день наступил!.. Я могу только молиться и ждать исхода этой битвы Добра со Злом. Она еще не завершилась.

Только один старый пастор, немного похудевший и побледневший за это утомительное путешествие, не изменился.

— Велика ваша мудрость, пастор.

— Я много лет провел в тюрьме, — со вздохом ответил старик.

Если бы он представлял ее религию, она бы нашла облегчение в том, что исповедовалась бы ему и под печатью священной тайны рассказала бы обо всем и попросила совета. Но даже этой духовной помощи ей было не дано.

Она повернулась к Абигаель, та держалась так же, как и ее отец.

Сдержанно, благоразумно.

— Абигаель, что же нас ждет? Куда заведет нас: ненависть, которая рождается между нами?

— Ненависть часто порождается страданием, — тихо ответила девушка.

Покорный взгляд Абигаель был обращен за спину Анжелики.

Там стоял Габриель Берн.

Анжелика, чтобы избежать встречи, решила уйти, но он последовал за ней и неумолимо увлек ее за собой в темный угол. Там, в сторонке, казалось ему, они хотя бы смогут поговорить, ведь это так трудно сделать в постоянной сутолоке.

— На сей раз вы не скроетесь, сударыня Анжелика. Вы все время избегаете меня. Дни идут, а я для вас словно и не существую!..

Это была правда.

Анжелика постоянно чувствовала, что все ее существо заполнено тем, кого она любит, кого она любила всегда и с кем, наперекор всему, была связана тесным» узами. В ее сердце не было места для другого мужчины. То, что произошло в прошлый раз, было всего лишь далью сентиментальности, ведь после этого она, не задумываясь, предоставила Абигаель ухаживать за мэтром бедном, раны которого так беспокоили ее в начале их путешествия.

Теперь он поправился, поскольку стоял перед нею, и в его движениях не чувствовалось даже намек на немощность.

Он взял ее руки, крепко, ежа л их, и она видела, как блестят его глаза, хотя в темноте почти не различали его лица. Лихорадочный взгляд — единственное, что отличало его от человека, подле которого она так мирно жила в Ла-Рошели. Но этого хватило для того, чтобы теперь она почувствовала неловкость. К тому же, ее немного грызла совесть.

— Выслушайте меня, сударыня Анжелика, — сказал он размеренным тоном, — нужно, чтобы вы выбрали. Тот, кто не с нами, тот против нас. С кем вы?

Она живо ответила:

— Я с теми, кто рассуждает здраво, и против глупцов.

— Ваш светский ответ в данном случае не может удовлетворить. Вы это и сами понимаете. У меня же нет ни малейшего желания шутить. Я жду от вас серьезного ответа.

И он с такой силой сжал пальцами ее плечо, что она чуть не вскрикнула. Право, он совсем оправился от своих ран. К нему вернулась его сила.

— Я не шучу, мэтр Берн. Перед той паникой, которая охватила вас всех и которая может привести к действиям, достойным сожаления, я с теми, кто не обманывает себя, кто знает, что нас ждут трудности, но в то же время с доверием смотрит в будущее и не сходит с ума, пугая даже наших детей.

— А когда мы увидим, что обмануты, у нас будет много времени сожалеть о своей наивности. Знаете ли вы о намерениях этого пиратского главаря, который так покоряет вас? Он рассказал вам о них? Очень сомневаюсь. В какую сделку вы вступили с ним?

Он почти тряс ее, но она была настолько взбудоражена, что не замечала этого.

«И правда, что я для него? — думала она. — Я тоже его не знаю. Слишком много лет пролегло между тем человеком, кого, как я считала, я знаю, и тем, кому мы сейчас доверились. А слава, что шла о нем по всему Средиземноморью? Она была не очень успокаивающая... Король посылал против него свои галеры. И разве невозможно допустить, что он и правда стал человеком без совести, на душе которого лежит тяжкий груз злодеяний и преступлений?»

Она продолжала молчать.

— Почему он не желает поговорить с нами, — настаивал на своем Берн, — и почему он с таким презрением отвечает на наши просьбы о встрече? Вы верите ему? И все же вы не можете поручиться, что он не причинит нам зла.

— Он согласился взять вас на борт в час, когда вам угрожала опасность: этого достаточно!

— Я уже вижу, что вы будете защищать его, — прогремел он, — даже если он продаст нас, как рабов. Но каким колдовством он сумел так изменить вас? Какие связи, какое прошлое могло сделать вас его ставленницей, честность которой ничто не могло поколебать... когда мы были... в Ла-Рошели.

Название города упало между ними, оживив в памяти теплоту тех дней, когда в спокойствии дома Бернов Анжелика, словно раненая волчица, залечивала свои раны. Эти неизгладимые сладостные воспоминания раздирали душу протестанта.

***

Анжелика жила в его доме, но он не знал тогда, что она несет в себе, в своей ослепительной улыбке все земные радости. Случилось то, чего он не подозревал в себе или, скорее, прятал в глубине слишком уверенного в своей твердости сердца, которое хотело видеть в женщине только опасную

ловушку, вечную искусительницу Еву. Благоразумное недоверие, легкое презрение к женщине некогда были его жизненным правилом. Теперь же, когда наглый похититель вырвал у него это сокровище, Анжелику, он понял, насколько велика его потеря, она несравнима даже с потерями материальными, которые повлекли за собой их бегство из Ла-Рошели. Каждый день их адского плавания приносил ему невыносимые страдания. Он ненавидел этого таинственного человека, наделенного необычным шармом, он не раз наблюдал, как при появлении Рескатора к нему — словно чайки слетались — поворачивались головы женщин в белых чепцах. «У женщин нет души, — твердил он себе в досаде, — даже у самых лучших». Он обнимал Анжелику, хотя она противилась этому, и желание одурманило его настолько, что он даже не слышал, что она говорит ему, тщетно пытаясь вырваться из его рук. Слово «скандал» достигло наконец его рассудка.

— Нам сегодня не хватает только скандала! — умоляюще твердила Анжелика. — Хотя бы из сострадания ко мне, мэтр Берн, возьмите себя в руки... Будьте сильным. Вы же можете владеть собой. Вы же хозяин и вы отец.

А он понимал только одно: Анжелика отворачивает от него губы, а ведь в темноте она могла бы и не противиться...

— Почему вы так отчаянно защищаетесь? — задыхаясь, спросил он. — Разве мы не решили, что поженимся?

— Нет, нет. Вы неправильно меня поняли. Это невозможно. Этого никогда не будет. Теперь я принадлежу только ему. Ему...

Руки Берна опустились, словно ему нанесли смертельный удар.

— Когда-нибудь я объясню вам все... — снова заговорила она, пытаясь сгладить трагическое звучание своих слов, — вы поймете, что нас, меня и его, связывают узы, которые нельзя порвать...

— Вы презренная женщина! — выдохнул он с жаром.

Они шептались, не осмеливаясь возвысить голос.

— Зачем вы совершили это зло? Да, все это зло?

— Какое зло? — спросила она, глотая слезы. — Я хотела с риском для собственной жизни спасти всех вас.

— Это еще хуже.

Словно проклиная кого-то, он потряс кулаком. Он и сам не знал, что хотел выразить этим. Зло, которое она причинила ему, состояло в том, что она такая красивая, что она такая, какая есть, что она настоящая женщина способная жертвовать собой ради других, в том, что, едва приоткрыв ему дверь, ведущую в рай, дав обещание принадлежать ему, стать ему

подругой жизни, она вдруг отделилась от него.

***

Анжелика лежала с открытыми глазами на своем ложе. Разговоры вокруг нее постепенно стихали. Лишь одна сальная свеча в фонаре мигала наверху, на толстом бимсе.

«Я обязательно должна объяснить мэтру Берну, что связывает меня с Жоффреем де Пейраком. Он человек прямой, уважающий священные законы. Он все поймет, а то сейчас он считает, что я просто попала в лапы авантюриста, и пойдет на любые крайности, лишь бы вырвать меня из-под его власти».

Пожалуй, нужно было бы сказать ему это немедленно, но она боялась нарушить приказ того, кого продолжала считать своим мужем. Ведь он сказал ей: «Не рассказывайте никому».

Ни за что на свете она не осмелилась бы нарушить это требование, произнесенное странным голосом, от которого у нее по спине пробежала дрожь.

«Не рассказывайте никому. Мне надо, чтобы вы наблюдали за ними... Если они узнают, то сочтут вас моей сообщницей...» И хотя она не была согласна с ним, она глядя, на протестантов, все время возвращалась мыслью к его «лавам, пытаюсь разгадать их тревожащий смысл...

«А если он правда обманул нас... и планы его преступны... и его сердце очерствело... для меня... и для других...

Время идет, а в их отношениях не только ничего ни прояснилось, но, наоборот, мрак сгущается.

«О, как он пугает меня! И как притягивает!»

Она закрыла глаза, в изнеможении прислонилась головой к твердому дереву, за которым непрерывно билось безразличное море.

«Море... Море, ты несешь нас на своих волнах, послушай нас... Море... сблизь нас...»

Ни за что на свете не хотела бы она оказаться сейчас где-нибудь в другом, месте. Мучили ли ее сожаления, что она уже не юная графиня де Пейрак, окруженная поклонением и роскошью в своем замке? Ничуть! Больше всего ей хотелось быть здесь, на этом таинственном корабле, идущем неведомо куда, и в этом кошмаре ей чудилось что-то упоительное. Она переживала ужас и восхищение одновременно, и это чувство раздирало все ее существо. Под неуверенностью и ужасом в ней все же теплилась надежда на любовь, безбрежную любовь, превосходящую все то, что она познала прежде, любовь, стоящую тех мук, в которых она рождается.

В своем призрачном сне она нащупывала какие-то реальные связи, но стоило ей открыть глаза, и они тотчас же исчезали.

Потому что этот корабль несет на себе не только, любовь, но и ненависть. Во сне Анжелика куда-то бежала, карабкалась по бесконечным трапам, которые дыбились и качались в ночи. Какая-то нечеловеческая сила толкала ее к мужу. Но огромная волна тут же подхватывала ее и швыряла в какой-то зияющий люк, еще более темный. Она снова цеплялась за; бесчисленные ступеньки, ее страх удваивался острым чувством, будто она тоже потеряла нечто очень ценное, единственное, что могло бы спасти ее.

Все смешалось в ее сне: буря на море, угрожающая темнота открытых люков под ее ногами, ночь, окутавшая корабль, безумная, неутомимая бортовая качка и, главным образом, непереносимое чувство, что ты ищешь в этой ночи ключ от Сезама, что-то такое, что поможет разгадать сон и подскажет, как из него вырваться.

Наконец она нашла: любовь. Любовь, освобожденная от ядовитых трав гордости и страха, вот что спасет ее. И теперь под ее пальцами деревянные ступени трапов превращались в твердые мужские плечи, за которые она в изнеможении цеплялась. Ноги ее совсем ослабли. Единственное, что удерживало ее над пропастью, были до боли сжимавшие ее руки мужчины. Она была сплетена с ним, как гибкая лиана с крепким стволом. Она уже больше не жила сама по себе. Его уста касались ее уст, и она жадно пила из них свое дыхание. Она бы умерла, если б не поцеловала эти губы. Все ее тело жаждало неистощимого счастья любви, было безвольно, словно водоросли болтающаяся на волнах в бескрайней ночи. И ничей больше не существовало, кроме жаркого прикосновения его уст, которые она узнала... о да, она их узнала.

Она проснулась вся в поту, задыхаясь, и, приподнявшись на своем ложе, села, опустив руку на грудь, чтобы унять биение сердца, потрясенная тем порывом страсти, который она только что пережила во сне, порывом, который сорвал все покровы. Такого она не переживала уже очень давно.

Это, конечно, отголосок той сцены, которую она наблюдала сегодня в трюме. Заунывное ритуальное пение мавра, лелеемое его желанием, жило повсюду, смешивалось с шумом моря, тревожило сон спящих.

Еще не придя в себя, она огляделась и с ужасом увидела стоящего на коленях у нее в изголовье мужчину. Это был Габриель Берн.

— Вы? — пробормотала она. — Так это вы... целовали меня?

— Целовал?

Он в каком-то оцепенении вполголоса повторил это слово и помотал

головой.

— Я услышал, что вы стонете во сне. И не мог спать. Вот пришел... Поможет ли ей темнота скрыть свое состояние?

Она сказала:

— Ничего, просто сон приснился...

Но он, все еще на коленях, придвинулся к ней. Все ее тело дышало любовной негой, пережитой сейчас ею во сне, но Берн в своем состоянии мог увидеть в этом только призыв, старый, как мир.

Его руки обняли Анжелику, но сейчас она не спала, и это был — не Он. Она уже достаточно проснулась для того, чтобы осознать это. Ее еще трясло, словно в лихорадке, но ум ее оказался достаточно ясен, чтобы отвергнуть чуждые объятия. Она умоляюще сказала:

— Нет.

Ее словно парализовало. Она помнила, что мэтр. Берн очень сильный, она сама видела, как он, спасая ее, задушил человека.

Позвать на помощь! Но она словно онемела. Все это было ужасно и непостижимо, она не могла поверить, что он прибегает к насилию.

Она попыталась бороться.

«Мы все становимся ненормальными на этом судне», — подумала она в отчаянии.

Ночь укрывала их, осторожность движений скрывала намерения Берна, но она чувствовала, что он с молчаливым упорством успешно приближается к цели.

Она еще нашла в себе силы приподняться, схватила его ладонь, прижатую к ее щеке, и, изловчившись, изо всех сил впиалась в нее зубами. Он попытался высвободить руку, но это ему не удалось, и он глухо пробормотал: «Дикая гиена!».

Во рту Анжелика почувствовала вкус крови. Когда она наконец разжала зубы, он весь сжался от боли.

— Убирайтесь вон, — выдохнула она. — Отойдите от меня... Как вы посмели... В двух шагах от наших детей!..

Он ушел.

В своем гамаке заворочалась Онорина. Волна глухо ударила в задраенный порт. Анжелика наконец немного успокоилась. Ночь кончится, родится новый день. Конечно, в этом дубовом капкане, где волею судьбы оказались собранными вместе сильные личности, плывущие к неведомой судьбе, неизбежны столкновения. Но ее ум успокаивался быстрее, чем тело. Она все еще была в томлении, она не могла забыть, что, когда проснулась, ее обуревало желание.

Она ждала мужчину. Но не этого. Того, кого она любила и с кем была разлучена, к кому во сне тянула руки. «Прижми меня к себе... Спаси меня, ты же такой сильный... Почему я потеряла тебя? Если ты оттолкнешь меня, я умру!»

Она тихо бормотала слова любви, словно пытаюсь продлить ощущение жара, которым наполнило ее вновь обретенное желание. Как могла она держаться с ним холодно? Разве так ведет себя любящая женщина? Он тоже мог подумать, что она не любит его больше. Но во сне она узнала его уста.

Поцелуйи Жоффрея де Пейрака! Разве могла она забыть их? Она вспоминала свое потрясение его первым поцелуем в те незапамятные времена, свое почти обморочное состояние, в которое она тогда впала. И ей, его юной жене, гораздо больше нравилась головокружительная сладость его уст, чем то чувство неги, которое она испытывала, когда он овладевал ею. Лежа в его объятиях, ощущая на своих устах его уста, она в изнеможении вкушала то, что было не чем иным, как неопишмым счастьем, дарованным ей ее возлюбленным.

И позже ничьи мужские тубы не могли так наполнить ее счастьем. Она считала, что поцелуй — это то, что она не имеет права разделить ни с кем, кроме него. В крайнем случае, она принимала его как нечто необходимое перед более серьезным порывом.

От поцелуев, которые срывали с ее губ, она спешила перейти к завершению ритуала, к наслаждению, в котором была умела и страстна. Любовники приносили ей наслаждение, но поцелуйи ни одного из них она не вспоминала с приятностью.

Почти бессознательно она всю свою жизнь хранила для себя память об этом удивительном чуде, о ненасытных, всепоглощающих, восхитительных поцелуях, которыми они, смеясь, обменивались в те далекие времена в Тулузе... и которые, как великий дар судьбы, иногда возвращались к ней во сне.

Глава 22

Мглистым утром, еще более затуманенным дымками погашенных свечей, он вошел в своей маске такой Суровый и мрачный, что о нем можно было бы сказать — железный человек.

Его неожиданное появление встревожило пассажиров. Они с трудом отходили от тяжелого сна в непрерывной качке. Было холодно. Дети кашляли, стучали зубами.

Стоя в окружении вооруженных матросов, Рескатор оглядел эмигрантов пронзительным взглядом, который казался еще более острым оттого, что исходил из прорезей маски.

— Мужчины, соблаговолите собраться и выйти на палубу.

— Что вам от нас надо? — спросил Маниголь, застегивая свой помятый сюртук.

— Сейчас узнаете. Поднимитесь, прошу вас.

Он взшел на галерею, где расположились женщины, и, стряхнув свою суровость, любезно поклонился Саре Маниголь.

— Сударыня, вас я тоже вынужден просить пройти с нами, как и вас, сударыня, — добавил он, повернувшись к жене Мерсело.

Этот выбор и этот церемониал обеспокоили даже самых храбрых.

— Хорошо, я иду, — решила госпожа Маниголь, накидывая на плечи черную шаль. — Но мне хотелось бы знать, что вы приготовили для нас.

— Ничего приятного, сударыня, смею вас заверить, я и сам крайне опечален этим, но нужно, чтобы вы там присутствовали.

Еще он остановился около тетушки Анны и Абигаель, жестом пригласил их присоединиться к группе, мужчин, которые ждали в окружении вооруженных матросов.

Потом он подошел к онемевшей от страха Анжелике. Его поклон был на сей раз более глубокий, а улыбка — более ироничная.

— И вы, сударыня, не откажите в любезности последовать за мной.

— Что случилось?

— Пойдемте со мной, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Она повернулась к Онорине, чтобы взять ее на руки, но он стал между ними.

— Нет, никаких детей на палубе. Поверьте мне, это зрелище не для них.

Онорина во весь голос заревела. И тут произошло невероятное, Рескатор опустил руку в кошель, что висел у него на поясе, и, достав оттуда сверкающий необыкновенным светом голубой сапфир, огромный, как лесной орех, протянул девочке. Покоренная Онорина сразу умолкла. Она схватила сапфир и уже не видела ничего вокруг.

— А вы, сударыня, — снова обратился он к Анжелике, — идите а не думайте, что наступил ваш последний час. Скоро вы вернетесь к своей дочери.

На палубе, на шканцах, собрался весь экипаж. Среди пестрых одежд, выбор которых соответствовал фантазии каждого, четко различались южане с широкими поясами и яркими платками, англосаксы в шерстяных шапочках, а многие даже в меховых жилетах. Два негра и один араб выделялись на фоне светловолосых, с обветренными лицами англичан. Однако боцман и старшие матросы каждого экипажа марсовых были одеты в это утро в обшитые золотым галуном красные камзолы, и форма эта подчеркивала, что они — младшие начальники на борту.

Индеец с медной кожей, стоящий рядом с бородатым, заросшим волосами Никола Перро, завершал этот необычайно живописный парад человеческих рас.

Анжелика никогда бы не подумала, что экипаж судна столь многочислен. Она привыкла видеть матросов только на реях и вантах. Ловкие, словно обезьяны, они терялись в высоком лесу мачт и парусов, своем постоянном местопребывании, и на палубе слышно было, как там они хохотали, перекликались друг с другом и пели.

Спустившиеся сегодня со своих высот, на палубе, пусть даже качающейся, они чувствовали себя неуютно. Они утратили свою необыкновенную, как у акробатов, легкость «тех, что на парусах», и выглядели неловкими и неестественными. Лица у всех были очень выразительные и сейчас скорее серьезные, чем веселые, а взгляд всех — и светлых, и темных — глаз пристальный: взгляд людей, привыкших вглядываться в горизонт, присматриваться, и надбровные дуги у них нависали над глазами, как бы закрывая их от лучей солнца.

Анжелика чувствовала, что, как и она, все они очень взволнованы. Одно дело видеть радостных моряков, разгуливающих по набережной в Ла-Рошели, и совсем другое — увидеть под этим небом, где их гнетет одиночество, где они оторваны от всех земных радостей, из-за чего выглядят гораздо более суровыми, чем те, кто каждый день встречается на улицах с женщинами, с детьми, а вечер коротает у домашнего очага. И глядя на них вот так, лицо в лицо, она испытывала и жалость, и страх.

Сейчас для них существовало только их морское, ремесло, все, что не имело отношения к морю, было им абсолютно чуждо.

Ветер надувал полы широкого плаща Рескатора. Он стоял немного впереди. Она подумала, что ведь он, капитан и хозяин всех этих странных чужеземцев, сумел заставить эти горячие головы склониться перед ним, а их мрачные умы, заключенные в крепких телах, подчиняться ему.

Каким авторитетом нужно обладать, чтобы в такой жизни, в такой стихии внушить уважение к себе этим заблудшим сердцам, этим буйным головам, этим находящимся вне общества враждебным всему миру людям!

Ветер и вторящая ему симфония тросов были единственными звуками, которые царили сейчас на корабле. Мужчины, опустив глаза, словно окаменели от чего-то необъяснимого, что всецело завладело ими. Их подавленность в конце концов передалась даже протестантам, столпившимся с другой стороны палубы, около фальшборта.

Именно к ним обратился Рескатор, когда заговорил:

— Господин Мерсело, вчера вы требовали отмщения за оскорбление, которому подверглась ваша дочь. Вы будете удовлетворены. Правосудие свершилось.

Он жестом показал им вверх. Тихий возглас ужаса сорвался с губ протестантов.

В тридцати футах над ними, на рее фок-мачты, мерно раскачивалось тело повешенного мавра.

Абигаель закрыла ладонями глаза. По сигналу веревка, на которой висел приговоренный, быстро раскрутилась. Тело рухнуло на середину палубы и, распростертое, без признаков жизни, осталось лежать там.

Распухшие губы мавра Абдуллы приоткрывали ослепительно белые зубы. Мертвый жемчужный свет струился из-под его полуприкрытых век. Казалось, он спит, но его тело уже приняло сероватый оттенок, а нагота заставила задрожать всех, кто стоял сейчас под ледяным утренним ветром.

Анжелика мысленно снова увидела припавшего к ногам своего господина, обнаженного человека, жалкого в своем терзании, услышала его хриплый, лепетавший по-арабски голос: «Я поднял на тебя руку, и пусть меня покарает твоя рука. Хвала Аллаху!»

Два негра выступили вперед, в унисон бормоча торопливую и печальную молитву. Они подняли своего собрата, сняли с его шеи позорящую веревку и понесли тело в сторону бушприта. Шеренга вооруженных матросов сомкнулась за ними.

Рескатор продолжал стоять, повернувшись к протестантам.

— А теперь я хочу, чтобы вы узнали и раз и навсегда запомнили кое-

что. Я приказал повесить этого человека не потому, что он посягнул на честь вашей дочери, мэтр Мерсело, но потому, что он ослушался меня. Когда вы, ваши жены и дети поднялись на борт моего корабля, я дал твердый приказ своему экипажу. Ни один из моих людей не должен был приближаться к вашим женам и дочерям и проявлять к ним неуважение... под страхом смерти. Пренебрегая им, Абдулла знал, чем рискует. Кара настигла его.

Он подошел к ним ближе, стал против Маниголя и оглядел их одного за другим: Берна, Мерсело, пастора Бокера, уважительное отношение к которому всех протестантов, казалось, подчеркивало, что он является как бы главным в этом сообществе. Под раскрывшимися полами плаща Рескатора они заметили; что его руки в перчатках сжимают рукоятки засунутых за пояс двух пистолетов.

— И в заключение я хочу посоветовать вам, — продолжил он тем же глухим от угрозы голосом, — сделать из этого урока полезные выводы. Господа, вы — из Ла-Рошели и вам знакомы законы моря. Вы знаете, что на «Голдсборо» я единственный хозяин после Бога. Все, что находится на борту, офицеры, матросы, пассажиры, должны подчиняться мне. Я повесил этого мавра, моего верного слугу, потому, что он нарушил мой приказ... И если вы когда-нибудь нарушите его, знайте, вас я тоже повешу...

Глава 23

Она не отрывая глаз смотрела на него, она пожирала его взглядом. Как он одинок!

Один на ветру. Таким же она увидела его тогда на берегу.

Одинокий, какими бывают мужчины, непохожие на других.

И однако он носил свое одиночество с той же непринужденностью, с какой носил свой просторный черный плащ. Все тяготы жизни он мужественно вынес на своих плечах и, богатый или бедный, могущественный или гонимый, больной или здоровый, прожил все эти годы не сгибаясь, никому не жалуясь, и, она знала, в этом и проявляется его истинное благородство.

Он всегда и везде оставался знатным сеньором.

Ей хотелось подбежать к нему, чтобы он поддержал ее в эту трудную минуту, и в то же время хотелось прижать его к своей груди, чтобы он наконец отдохнул.

Прозвучал свисток боцмана, и матросы разбежались по своим местам. Их силуэты замелькали на мачтах и реях. На мостике капитан Ясон выкрикивал в медный рупор приказы.

На реях и мачтах вздулись паруса. Корабль снова ожил.

Протестанты молча покинули палубу. Анжелика не пошла с ними. Для нее сейчас существовали только она и он, да еще — со всех, сторон горизонт, без конца и без края.

Повернувшись, Жоффрей де Пейрак увидел ее.

— Эта показательная экзекуция — банальное событие на море, и совершена она ради того, чтобы поддержать на борту дисциплину, — сказал он. — Не из-за чего волноваться, сударыня. Ведь вы плавали по Средиземному морю, побывали и в руках пиратов, и в руках торговцев рабами, так что вы должны это знать.

— Я знаю.

— Власть налагает и тяжкие обязанности. Наладить дисциплину, потом поддерживать ее — дело нелегкое.

— Я знаю и это.

И она с удивлением, словно это была не она, вспомнила, как возглавила восстание, вела на битву мужчин.

— Мавр тоже это знал, — сказала она раздумчиво. — Я поняла, что он сказал вам вчера.

И неожиданно бесстыдство сцены, которая предстала тогда им, вновь возникло перед глазами, и она, смутившись, почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

Она вспомнила, как, стоя рядом с мужем, схватила его за руку и сжала ее. Ей казалось, что она и сейчас еще чувствует под своей ладонью сквозь ткань камзола его мускулистую руку, твердую, как дерево.

Ее любовь! Он здесь! Под жесткой маской — его живые и горячие губы, о которых она грезила.

Она не может больше бесплодно предаваться воспоминаниям.

Он здесь!

То, что так долго преследовало ее в снах, свершилось, и все ее существо пронизало счастье. Она стояла перед ним, не видя ничего вокруг, кроме него, и все же не осмеливалась сделать шаг к нему.

Сегодня вечером с корабля сбросят в море казненного.

Любовь... смерть... Время продолжает ткать свое полотно, вплетая в него нити судьбы, и те, что порождают жизнь, и те, что разрушают ее.

— Я думаю, вам лучше вернуться к себе, — сказал наконец Жоффрей де Пейрак.

Она опустила взгляд и кивнула, показывая, что поняла и повинуется.

Конечно, не все преграды между ними уже разрушены. Но это мелочи. Стены самые неприступные, те, за которыми она столько лет в отчаянии призывала его, стены смерти и разлуки, рухнули.

Какое значение имеет остальное. Наступит день, когда их любовь возродится...

***

Госпожа Маниголь вдруг повернулась к Бертиль не размаху отвесила ей пощечину.

— Грязная потаскушка! Теперь вы удовлетворены? На вашей совести смерть человека.

Поднялся страшный шум. Несмотря на то, что с женой судовладельца она должна была бы держаться осмотрительно, госпожа Мерсело вступилась за дочь.

— Вы всегда завидовали красоте мой дочери, ведь ваши...

— Сколь бы красива ни была ваша Бертиль, она не имела права выставять напоказ свои прелести перед черным. Можно подумать, что вы не знаете, к чему это приводит, моя милая.

Их не без труда развели.

— Успокойтесь, женщины! — прогремел Маниголь. — Выдирая друг другу волосы, вы не поможете нам выбраться из этого осинового гнезда.

И он добавил, повернувшись к своим друзьям:

— Утром, когда он вошел, я подумал, что он раскрыл наши планы. К счастью, оказалось совсем другое.

— И все же он что-то подозревает, — озабоченно отозвался адвокат Карер.

Они замолчали, потому что появилась Анжелика. Когда дверь за ее спиной закрылась, они услышали шум цепи, на которой замкнули висячий замок.

— Не будем питать иллюзий, мы самые обыкновенные пленники! — добавил Маниголь.

Габриеля Берна с ними не было. Два матроса задержали его наверху, получив приказ сопроводить — «вежливо, но непреклонно» — к монсеньору Рескатору.

***

Странно, думал он. Сейчас, когда я разговаривал с ней, она смотрела на меня влюбленными глазами. Можно ли ошибиться, увидев талой взгляд?

Он еще размышлял об этом мгновении, столь мимолетном, что сам засомневался, было ли оно на самом деле, когда вошел гугенот.

— Садитесь, сударь, — сказал Рескатор, указывая ему на кресло против себя.

Габриель Берн сел. Любезность хозяина не предвещала ничего приятного.

После довольно долгого молчания, когда противники оглядывали друг друга, дуэль началась.

— Каковы ваши планы в отношении женитьбы на сударыне Анжелике?.. — не без иронии спросил Рескатор.

Берн не ошибся. Рескатор с пренебрежением подчеркнул свое господство. «Большой шмель полон насмешек, — сказал себе Берн. — И не откажется от этого. Главное, чтобы он не довел меня, чтобы я не сорвался и как-нибудь не оплошал перед ним». Наконец Берн тряхнул головой.

— Я не вижу необходимости обсуждать эту тему, — сказал он.

— А я вижу. Эта женщина меня интересует. И мне приятно говорить о ней.

— Вы тоже предложили ей руку и сердце? — спросил Берн с усмешкой.

— Конечно, нет, — тихо рассмеялся Рескатор.

Смех противника был непонятен гугеноту, и он почувствовал, как его заливают волна ненависти. Но он не дал ей вырваться наружу.

— Возможно, вы позвали меня сюда, сударь, чтобы узнать, поддалась ли сударыня Анжелика вашему циничному натиску и готова ли она поломать свою жизнь и порвать дружеские связи со мной ради того, чтобы понравиться вам?

— Да, в моих намерениях отчасти было и это. Ну так что же вы мне ответите?

— Она слишком разумна, чтобы попасться в ваш капкан, — заявил Берн с тем большей горячностью, что сам он — увы! — сомневался в собственных словах. — Рядом со мной она нашла забвение после стольких потрясений, которые выпали на ее долю. Она ценит этот покой. Она не может легкомысленно отринуть все то, что нас связывает. Дни дружбы, согласия, взаимной помощи... Я спас жизнь ее дочери.

— О, прекрасно. Я тоже. Значит, мы с вами соперники в отношении к двум женщинам.

— Ребенок — это важно! — сказал Берн с грозным видом, словно потрясая огородным пугалом. — Сударыня Анжелика никогда не пожертвует ею! Ни ради кого!

— Я знаю. Но у меня есть чем прельщать барышень. — Откинув крышку ларца, он, как бы играя, пропустил между пальцами жемчужное ожерелье. Мне показалось, что девочке очень понравился блеск драгоценных камней.

Габриель Берн сжал кулаки, В этом человеке ему всегда виделось какое-то исчадие ада. Он считал его виноватым и в том злобном чувстве, которое Рескатор порождал в нем, и в той давящей тревоге, которую он испытывал, когда его демоны завладевали им. Мучительное воспоминание о короткой драме, разыгравшейся минувшей ночью между ним и Анжеликой, неотступно преследовало его.

— Как ваши раны? — слащаво поинтересовался Рескатор.

— Все прошло, — коротко ответил Берн.

— А это? — снова спросил дьявол, показывая на окровавленную тряпку, которой была обернута рука торговца, разодранная зубами Анжелики.

Берн покраснел и резко поднялся. Рескатор тоже встал.

— Укус женщины, — тихо проговорил он, — более ядовит для сердца, чем для тела.

***

Ожесточая этого униженного, Жоффрей де Пейрак знал, что он совершает непростительную ошибку. О итак поступил неразумно, приказав привести к себе Берна, но сегодня утром он обратил внимание на его

перевязанную руку и теперь не смог устоять перед искушением проверить свою гипотезу. И она подтвердилась.

«Она его отвергла, — торжествуя, говорил он себе, — она его отвергла. Следовательно, он не любовник ее. Удовлетворение, за которое он наверняка дорого заплатит, ибо Берн не простит, Берн станет мстить за себя. В хитрых глазах торговца он читал непримиримую злобу.

— Ну и что же вы подумали, монсеньор?

— Да то, что вы и сами не станете отрицать, мэтр Берн. Что сударыня Анжелика женщина свирепая.

— И вы в этом увидели свой триумф? Вы рискуете разочароваться. Я бы удивился, если б она согласилась даровать вам то, в чем отказывает всем мужчинам.

«Меткий удар», — подумал Жоффрей де Пейрак, вспоминая, как Анжелика вырывалась из его объятий.

Он внимательно изучал ставшее бесстрастным лицо противника.

«Что он знает о ней, чего не знаю я?»

Берн почувствовал его смятение. Он решил закрепить свою маленькую победу и начал рассказ о том, что услышал в свое время от Анжелики, — о всем том кошмаре, который она пережила. О замке в огне, об убитых слугах, об истерзанной, изнасилованной этой солдатней, королевскими драгунами, женщине, несущей на руках зарезанного ребенка. После той ледящей души ночи она не могла даже думать о любви. Но случилось еще более ужасное. Родился ребенок, дочь, плод насилия. И она никогда не узнает, кто из этих гнусных наемников был отцом девочки.

— Откуда известны вам эти небылицы? — внезапно спросил Рескатор.

— Из ее уст. Из ее собственных уст.

— Немыслимо...

Берн уже мог смаковать свою месть. Его противник явно был в растерянности, хотя держался уверенно и внешне не проявлял особого волнения.

— Вы говорите, королевские драгуны? Это сказки для непосвященных. Женщина ее ранга, приятельница короля и всех знатных сеньоров королевства, не могла так рисковать собой и стать жертвой солдатни. Почему они напали на нее? Я знаю, что во Франции преследуют гугенотов, но она не принадлежит к их вере.

— Она помогала им.

Торговец задыхался, пот каплями выступил на его лбу.

— Так, значит, бунтовщицей из Пуату была она? — пробормотал он.
— Я всегда подозревал это, а сейчас ваши слова окончательно убедили

меня в этом. Мы знали, что какая-то знатная дама, некогда весьма почитаемая при дворе, взбунтовалась против короля и повела за собой всю провинцию, и гугенотов и католиков. Восстание длилось около трех лет. Но в конце концов они потерпели поражение. Пуату было опустошено. Женщина исчезла. Ее голова была оценена в пятьсот ливров... Это я помню. Так, значит, это была она...

— Уйдите! — едва слышно сказал Рескатор.

***

Так вот чем были заполнены эти пять лет ее жизни, о которых он ничего не знал, когда он считал, что она или умерла или, смирившись, вернулась к королю Франции.

Восстание против короля! Немыслимо! И еще — претерпеть самые жестокие гнусности. Подумать только, в Кандии она была в его руках. Он мог бы избавить ее от всего этого.

В Кандии она еще была такой, какой он ее помнил, и она взволновала его до глубины души, боже, что это был за миг, когда он сквозь дымку, окутавшую восточный рынок, увидел ее, узнал ее.

О торгах его предупредил один купец, когда он бросил якорь у острова Милос. В Кандии было объявлено о продаже восхитительной рабыни, а его, знаменитого Рескатора, знали как большого любителя «лакомых кусочков». На самом деле это было преувеличением, но его положение требовало, чтобы он не пренебрегал арабской пышностью и женщинами.

Он забавлялся, преувеличивая эту страсть, тем самым помогая разрастаться своей легендарной славе. Его вкус в выборе, для наслаждения самых прекрасных женщин был широко известен. Он любил бывать на торгах, ему нравилось под восхитительной телесной оболочкой угадывать в этих униженных робкий огонь души, видеть их ожившими, выслушивать их; рассказ каждой из них о детстве, о нищете, откуда бы они ни были родом — из Черкесии, из Московии, из Греции или из Эфиопии, — развлекал его после суровой и опасной работы. Он отдыхал в их объятиях, находя мимолетное забвение, иногда они забавляли его новизной своей страсти. Они быстро становились его подругами, преданными ему до самой смерти. Маленькие очаровательные куколочки, которыми он иногда развлекался, обнажая и лаская их, или красивые дикие животные, которых с азартом приручал. Но добившись победы, он быстро терял к ним интерес. Он слишком хорошо знал женщин, чтобы мог привязаться к одной из них. Но перед тем как покинуть их, он делал все, чтобы дать им возможность заново начать свою жизнь, отправлял угнанную рабыню на родину, зная,

что бедность с детства толкала их к продажной любви, снабжал деньгами, чтобы она могла свободно выбрать, как жить дальше, при возможности разыскивал и возвращал матерям детей, с которыми их разлучили... Сколько их, этих женщин, не желая расставаться с ним, умоляли: «Оставь меня здесь навсегда, я не стесню тебя... Мне надо мало места... Больше я тебя ни о чем не прошу...»

Он должен был остерегаться всяких колдовских отваров, которые они пытались подsunуть ему, их хитроумных интриг. «Ты такой сильный, — плакали они, когда он разгадывал их плутни, — ты все видишь, ты обо всем догадываешься. Это несправедливо. Я так ничтожна. Я всего лишь женщина, которая хочет жить в твоей тени».

Он целовал красивые пухлые губы — они значили для него не больше, чем плод, который он наспех вкушал, — смеялся и снова уходил в море.

Случалось, что весть о новой красавице возбуждала его любопытство, и он отправлялся на торги.

Купец из Милоса, с восточной страстностью рассказывая ему о пленнице с зелеными глазами, заинтриговала его «достоинствами товара». Неповторимая! Восхитительная! Шамиль Бей, белый евнух, поставщик гарема Великого Турка, уже начеку. Только из-за одного этого монсеньор Рескатор должен вступить в борьбу. Не введен ли он в заблуждение? Ну это как ценить! Раса? Француженка, этим все сказано. Достоинства? Выше некуда! Ведь речь идет об истинно знатной даме, придворной короля Людовика XIV. Тем, кто решил участвовать в торгах и бороться за нее, тайком нашептывали, что она даже была одной из фавориток короля Франции. Ее походка, манера держаться, говорить не могут обмануть, к тому же к ним присоединяются все мыслимые достоинства: золотистые волосы, светлые, как морская вода глаза, тела богини. Имя? В конце концов почему бы и не сказать то, что держится в великой тайне. Маркиза дю Плесси-Белльер, Очень громкое имя, говорили ему. Роша, консул Франции, который видел ее и даже разговаривал с ней, подтвердил это.

Он оцепенел. Убедившись после нескольких торопливых вопросов, что его собеседник не сочиняет, он, бросив все дела, буквально тут же снялся с якоря и пошел в Кандию. По дороге он узнал, какие обстоятельства привели эту молодую женщину в руки работоторговцев. По одной версии она направлялась в Кандию по каким-то делам, а по другой — воссоединиться со своим возлюбленным. Галера, на которой она плыла, потерпела кораблекрушение, и маркиз д'Эскренвиль, этот морской разбойник, подобрал ее на лодке, а вместе с ней — свою самую большую удачу маленького пирата. Было ясно, что торги пойдут по

головокружительным ценам.

И все же, чтобы окончательно поверить в это, ему необходимо было увидеть ее. Несмотря на свое хладнокровие, он до мелочей, помнит ту минуту, когда увидел ее, узнал, но узнал еще и то, что с минуты на минуту она будет продана. Надо назвать такую сумму, которая разом остановит торги! Тридцать пять тысяч пиастров! Настоящее безумие!

И затем — прикрыть ее, спрятать от чужих взглядов.

Только тогда он ощутил ее, коснулся ее — живой, реальной. Он сразу, с первого взгляда, увидел, что она на грани нервного срыва, доведена до крайности, почти до безумия угрозами и грубостью гнусных торговцев человеческим телом, — в общем, такая же, как и все те женщины, которых он, изнемогающих, подбирает на рынках Средиземноморья. Словно потеряв разум, она смотрела на него блуждающим взглядом и не узнавала его... Тогда он решил пока не снимать маску, подождать, сначала увести ее от взглядов жадного и любопытного сборища, где они находились. Он бы привез ее во дворец, приказал заботиться о ней. А завтра, когда она проснется, он будет у ее изголовья.

Увы, его романтический, проект был расстроен самой Анжеликой. Мог ли он хотя бы на секунду допустить мысль, что она, едва выйдя с невольничьего рынка, сумеет ускользнуть от него? У нее были сообщники, которые устроили пожар в порту. Постепенно сквозь дым высветилась истинная причина пожара. В море уплывала лодка с рабами, которые, воспользовавшись суматохой бежали. Она была среди них! Проклятие! Его обуяла такая же ярость, как и сегодня. И он подумал, что если он обязан Анжелике своим самым большим горем, то ей же он обязан и самым сильным своим гневом.

Как и тогда в Кандии, он проклинал судьбу. Она убежала от него, с тех пор прошло пять лет, и этого хватило, чтобы он потерял ее навсегда. Судьба вернула ему ее, да, все это так, но сделала ее совсем иной женщиной, которая ничем ему больше не обязана.

Как далека нежная нимфа из Пуату или даже трогательная рабыня из Кандии от нынешней Анжелики, даже речь которой для него неузнаваема. В ней горит какой-то странный внутренний огонь, которому он с трудом находит объяснение.

Сейчас он спрашивал себя, почему она так страстно желала спасти «своих» протестантов, когда с растрепанными волосами, вся промокшая, но требовательная, примчалась к нему?

Она даже не была сломлена жизнью. Будь так, она по крайней мере могла бы внушить ему жалость. Он бы понял, что только желание спасти

жизнь свою и дочери, и еще страх попасть в руки людей короля — если правда, что за ее голову была назначена награда, — бросила ее к его ногам. Он бы лучше принял ее слабую, охваченную страхом, утратившую свое достоинство, чем такую — совершенно не похожую на себя в прошлом. Утратившую достоинство! Но разве она не утратила его? Женщина, которая докатилась невесть до чего, равнодушна к судьбе сыновей, нянчится с незаконнорожденным ребенком, зачатым неизвестно от кого!

Ей мало было безумной «прогулки» по Средиземному морю в поисках какого-то возлюбленного. И когда он был уверен, что взял ее под свою защиту, она поступила безрассудно и сумела убежать от него, чтобы подвергнуть себя еще большим опасностям: Меццо-Морте. Мулей Исмаил... Можно подумать» что она ради удовольствия коллекционирует самые рискованные приключения. Легкомыслие, граничащее с глупостью. Увы, эту очевидность приходится признать. Да, она глупа, это несчастье большинства женщин. Ей мало было, что она благополучно выпуталась из своих бед, так она подняла восстание против короля Франции. Какой дьявол владеет ею? Откуда эта склонность вести себя к гибели? Разве же дело для женщины, матери — братья за оружие? Не лучше ли ей было сидеть за прялкой в своем замке вместо того, чтобы отдать его на разграбление солдатне? Или, в крайнем случае, продолжать кокетничать, в Версале, при дворе короля?

Никогда нельзя предоставлять женщинам свободу, самим решать свою судьбу. Анжелике, к несчастью, не хватает присущего мусульманкам качества, к которому он относится с уважением; ей не хватает умения иногда положиться на судьбу, отдаться во власть непобедимых сил Вселенной. Нет, Анжелике нужно влиять на события, предвидеть их, вести их по своему усмотрению. Вот где таится в ней зло. Она слишком умна для женщины!

***

Придя к этому выводу, Жоффрей де Пейрак охватил голову руками и сказал себе, что он ничего, ну абсолютно ничего не понимает в женщинах вообще, я в своей жене в особенности.

Большой знаток в искусстве любви, к которому трубадуры Лангедока обращались за советами как к проницательному духовнику, Жоффрей де Пейрак не всегда мог помочь им, потому что сам недостаточно знал жизнь. Книги, философия и научные опыты не всему еще научили его. Да, сердце мужчины всегда остается мягким воском, каким бы ученым он ни воображал себя...

Он заметил, что за эти несколько секунд назвал свою жену и

глупой, и слишком умной, отдавшейся королю Франции и боровшейся против него, неслыханно слабой и невероятно сильной, и он вынужден был признаться, что все его картезианство, которое ему было так приятно считать своим жизненным кредо, оставило его и он, человек ясного ума и истинно мужского характера, неспособен разобраться в себе самом.

Он чувствовал только гнев и горе.

Вопреки всякой логике то насилие, которое над ней учинили, ему казалось самым страшным ее предательством, потому что превыше всего в нем вопияли ревность и инстинкт примитивного собственника. Он был вне себя; от возмущения, он кричал в душе: «Неужели ты не могла вести себя иначе, чтобы сохранить себя для нашей любви?»

Ну хорошо, он был тогда человеком, поверженным судьбой, он не мог защитить ее, но она-то могла вести себя благоразумнее!

Сейчас он пожинал плоды своего поражения. *Vae victis!*^[9]

И вдруг ему стало понятно, почему некоторые дикие африканские племена обезображивают своих женщин, заставляя их носить на губах медные тарелки, — чтобы! победители, которые уводили их жен, получали только уродин...

Она слишком красива, слишком обольстительна. И более опасна тогда, когда не стремилась обольщать и сила ее глаз, ее голоса, ее жестов, казалось, была ключом.

Самое страшное, самое обезоруживающее кокетство!..

***

— Извините меня, монсеньор!

Его друг капитан Ясон стоял передним.

— Я постучал несколько раз; подумал, что вас нет, и вошел.

— Да?

Если его иногда и охватывал сильный гнев, никогда великий властитель морей Рескатор, кем стал Жоффрей де Пейрак, его не обнаруживал. И лишь те, кто очень хорошо знал его, по его внутреннему напряжению, по взгляду, обычно легкому или страстному и вдруг изменившемуся, ставшему застывшим и грозным, иногда догадывались об этом.

Ясон — догадался. Впрочем, он и сам понимал — у хозяина достаточно причин для недовольства. Не все ладно на борту! Но, может, к лучшему, если гром грянет. Может, это спасет от более серьезной опасности и уладит дело прежде, чем все окончательно провалится в тартарары.

Жестом второй капитан угрюмо показал на огромный тюк, его принесли и положили на пол пришедшие с ним матросы, которые тотчас же удалились.

Из старого покрывала верблюжьей шерсти вывалилось самое невероятное добро: необработанные алмазы со смолистым блеском, грубые алмазные пробки от графинов, примитивные золотые украшения, зловонный бурдюк, еще пузатый, с остатками пресной и наверняка уже протухшей воды, весь в пятнах от сырости в грязи Коран, к которому был привязан амулет.

Жоффрей де Пейрак нагнулся, поднял кожаный мешочек и заглянул в него. Там хранилось немного мексиканского мускуса и браслет из меха жирафа с брелоками — двумя крючками рогатой гадюки. — Я помню тот день, когда Абдулла убил эту гадюку, она ползла ко мне, — задумчиво проговорил он. — Я вот думаю...

— Да, я понимаю... — перебил его Ясон, нарушая привычную дисциплину. — Они повесят ему амулет на грудь и завернут его в самую красивую джеллабу.

— Вечером, в сумерках, его опустят в море. Хотя душа его была бы куда счастливее, если б его предали земле.

— Это хоть как-то утешит его собратьев-мусульман, которые находятся у нас на борту, ведь для них повесить мусульманина означает обойтись с ним как с последней собакой.

Жоффрей де Пейрак внимательно разглядывал своего помощника. Изрытое оспой лицо, горькая складка у рта. Холодные глаза цвета агата. Десять лет плавания связывали его с этим приземистым молчаливым человеком.

— Экипаж ропщет, — сказал Ясон. — Конечно, не столько наши старые матросы из восточных стран, эти просто ходят хмурые, сколько новички, особенно те, которых нам пришлось нанять в Канаде и в Испании, чтобы пополнить команду «Голдсборо». Их на корабле около шестидесяти. И держать, в руках столько каналов трудно. К тому же они хотели бы знать, каковы ваши планы. Они ропщут, что стоянка в Кадиксе была намного короче, чем предполагалось, и что они не получили свою долю испанского золота, поднятого с затонувших кораблей нашими мальтийскими ныряльщиками вблизи Панамы... Еще они говорят, что вы запретили им попытаться у женщин, которые находятся на борту... зато для себя выбрали самую красивую...

Этот тягостный упрек — а капитан Ясон никогда не бросал слов на ветер — заставил хозяина «Голдсборо» рассмеяться.

— Потому что она самая красивая, не правда ли, Ясон...

Он знал, что его смех в конце концов только выведет капитана Яссам из себя, но ничто не заставит его улыбнуться.

— Так она самая красивая? — снова спросил он язвительно.

— Не знаю, черт побери! — яростно прогремел Ясон. — Я знаю только одно: на корабле неладно, а ты ничего не замечаете, потому что одержимы этой женщиной.

Жоффрей де Пейрак вскочил. Он перестал смеяться и нахмурился.

— Одержим? Вы когда-нибудь видели меня одержимым женщиной, Ясон?

— Конечно нет. Никакой другой... Но весьма явно — этой. Разве мало она натворила глупостей в Кандии, да и потом тоже? Сколько было хлопот! Сколько незавершенных дел только потому, что вы хотели вновь отыскать ее и не желали заниматься ничем другим.

— Согласитесь, это вполне естественно — попытаться снова изловить рабыню, которая обошлась вам в тридцать пять тысяч пиастров.

— Но есть и нечто другое, — упрямо, сказал Ясон. — То, о чем вы некогда доверительно рассказали мне. Впрочем, что там! Это дело прошлое. Я думал, что она исчезла раз и навсегда, умерла, похоронена. А она снова появилась.

— Ясон, вы закостенелый женоненавистник. И все из-за того, что некогда одна потаскуха, некоторой вы имели неосторожность жениться, отправила вас на галеры, чтобы получить возможность без помех крутить амуры со своим любовником, и с тех пор вы питаете ненависть ко всему женскому роду и упустили множество прекрасных возможностей. Сколько бедных мужей, связанных с унылыми мегерами, позавидовали, бы вашей вновь обретенной свободе, а вы так плохо ею пользуетесь.

Ясон стоял все такой же мрачный.

— Есть женщины, которые вливают в человека яд, и ему уже не излечиться. Да и вы сами, монсеньор, разве вы сами уверены, что надежно защищены от этого! Ваша рабыня из Кандии внушает мне страх... Вот так.

— Однако ее нынешний облик должен был бы успокоить вас. Признаюсь, я был очень удивлен, даже разочарован, увидя ее под чепчиком добродетельной мещанки.

Ясон с силой тряхнул головой.

— Еще одна ловушка, монсеньор. Свободную обнаженную одалиску я предпочту притворщицам, которые прячут лицо под вуалью и, кажется, одним лишь взглядом обещают вам рай земной. Их ад выглядит нежной эссенцией... слишком нежной, чтобы его можно было распознать, и вы

впадаете в заблуждение.

Жоффрей де Пейрак слушал его, задумчиво поглаживая подбородок.

— Странно, Ясон, — пробормотал он, — очень странно. Я считал, что она меня не интересуется больше... но оказалось совсем не так.

— Жаль, — мрачно сказал Ясон, — если такое могло случиться! Но мы часто ошибаемся...

Жоффрей де Пейрак взял его под локоть, чтобы увести на балкон.

— Идемте... «Сокровища» моего бедного Абдуллы провоняли всю каюту.

Они долго смотрели на небо, оно было пастельно-оранжевого цвета, в то время как море сохраняло свои холодные цвета.

— Мы уже приближаемся к концу пути... Вы должны взять на себя труд успокоить людей. Скажите им, что испанское золото находится на борту. Как только мы ступим на землю — а это произойдет через несколько дней, — я прикажу выдать им задаток.

— В том, что они подучат свода долю» они не сомневаются, но им кажется, что мы совершили рейс впустую. Они спрашивают, почему мы в такой спешке покинули Ла-Рошель? Для чего взяли на борт людей, из-за которых команда терпит лишения, а из этих пассажиров не вытянешь ни лиарда, ведь все видят, что у них, кроме рубашки на теле, ничего нет.

И так как Жоффрей де Пейрак продолжал молчать, капитан Ясон принял несчастный вид.

— Вы находите меня слишком нескромным, монсеньор? И даете мне понять, что мы не должны вмешиваться в ваши дела? Во всех нас это очень беспокоит. И команде, и мне, нам всем кажется, что вы отделились от нас... Матросы особенно чувствительны к этому. Вы же знаете, к какой бы расе она ни принадлежали, они, люди моря, все одинаковы. Они суеверны, и их мысли больше занимает то, что невидимо, чем то, что явно... Они твердят, что вы больше не защитник для них... Жоффрей де Пейрак улыбнулся.

— Вот начнется буря, и они увидят, защитник я для них по-прежнему или нет.

— Я знаю... Вы еще с нами. Но они уже догадываются, что ждет их в дальнейшем.

Ясон кивнул в сторону бака.

— Предположим, что вы взяли на борт этих типов, чтобы заселить ваши земли. Но какое отношение это имеет к нам, команде «Голдсборо»?

Граф де Пейрак положил руку на плечо друга, оперся о перила — это была его любимая поза во время бесконечных плаваний. Его взгляд

продолжал блуждать где-то за горизонтом.

— Ясон, дорогой мой товарищ, когда мы совами встретились, я уже перевалил на вторую половину своей жизни. Вы не знаете обо мне всего, как я не претендую на то, что знаю все о вас. Но поверьте, с тех пор как я живу на свете, моя жизнь попеременно занята двумя страстями: сокровищами земли и очарованием моря.

— А красотками?

— Вы преувеличиваете. Скажем так: красотки при случае прилагаются к тому я другому. Земля и море, Ясон. Две сути. Две требовательные владычицы. Если я слишком отдаюсь одной страсти, другая требует своего. Вот уже более десяти лет, с тех пор, как Великий Турок поручил мне монополизировать торговлю серебром, я не покидаю капитанского мостика. Вы предоставили в мое распоряжение свой голос, чтобы я мог командовать нашим своенравным экипажем, и, пробороздив воды от Средиземного моря до океана, от полярных морей до Карибского, мы пережили с вами столько восхитительных часов...

— А сейчас вами снова овладело желание проникнуть в недра земли?

— Совершенно верно!

Фраза упала, словно что-то тяжелое.

Ясон опустил голову.

Именно это он боялся услышать. Его заросшие рыжими волосами сильные руки сжали позолоченные деревянные перила.

Рука Жоффрея де Пейрака крепче сжала его плечо.

— Судно я оставлю вам, Ясон.

Тот кивнул.

— Но это будет уже не то. Чтобы выжить, мне нужна ваша дружба. Меня всегда удивляли ваша страстность, ваша жизнерадостность. Мне нужно это, чтобы жить.

— Ну, довольно! Не будьте таким сентиментальным, старая дубленая шкура! Взгляните на море — ведь оно остается вам.

Но Ясон даже не поднял взгляда на колышущееся серо-зеленое пространство.

— Вам этого не понять, монсеньор. Вы человек, внутри которого огонь. А во мне — лед.

— Так разбейте лед.

— Слишком поздно.

Ясон тяжело вздохнул.

— Мне следовало бы раньше узнать секрет, который помогает вам каждое мгновение смотреть на мир свежим взглядом. Скажите, в чем он?

— Да никаких секретов, — сказал Жоффрей де Пейрак, — или, по крайней мере, они у всех разные. У каждого свой. Что бы я вам посоветовал... Всегда будьте готовы начать Все сначала... Не верьте, что жизнь только одна... Жизней много...

Глава 24

Оно тянулось бесконечно, это плавание, и, выходя в светлеющем утреннем свете на палубу, пассажиры видели пока только море, все время только море, только теперь оно снова стало другим и казалось каким-то безбрежным озером. Несмотря на то, что все паруса были подняты, корабль едва продвигался вперед, и протестантам на нижней палубе как-то даже показалось, будто он стал на якорь. Послышались голоса, вопрошавшие с надеждой: «Мы уже приплыли?»

— Молитесь богу, чтобы это было не так! — вскричал Маниголь. — Мы еще недостаточно спустились к югу, чтобы оказаться в Сен-Доминике. Если мы приплыли, это может означать только одно: мы у пустынных берегов Новой Шотландии, и кто знает, какая судьба нас там ждет.

Когда они увидели перед собой угрюмое безбрежное пространство; они испытали одновременно и разочарование и облегчение. Паруса безжизненно повисли, и единственное, что оживляло реи, это суетливые матросы, которые пытались развернуть самые верхние паруса, чтобы поймать почти неуловимое дыхание ветра.

Сразу мелькнула, мысль о мертвом штиле, которого так боятся моряки. Погода была относительно теплая. День казался долгим. И когда во время вечерней прогулки по палубе пассажиры заметили, что паруса, поникшие и сморщенные несмотря на все усилия экипажа, слабо надулись, они с облегчением вздохнули. Женни, старшая дочь Маниголя, ожидавшая ребенка, разрыдалась.

— Если это судно не сдвинется с места, я сойду с ума. Пусть оно причаливает, пусть причаливает где угодно, лишь бы это плавание закончилось!

Она подбежала к Анжелике:

— Скажите мне... — умоляюще проговорила она. — Скажите мне, что мы скоро приплывем.

Анжелика проводила Женни до ее убогого ложа, попыталась успокоить. Молодые женщины и девушки относились к Анжелике с большим доверием, ища у нее поддержки, и это даже немного тяготило ее, потому что подчас она ничем не могла помочь им. Ведь не в ее власти было приказывать ветру или морю, не в ее власти было распоряжаться судьбой «Голдсборо». Никогда еще будущее не представлялось ей настолько туманным, что она не знала, как должна поступить. И все же

казалось, что от нее все время ждут каких-то решительных действий.

— Когда же мы сойдем на землю? — умоляющим голосом спрашивала Женни, с трудом успокаиваясь.

— Я не могу вам этого сказать, дорогая.

— Ах, почему мы не остались в Ла-Рошели? Посмотрите на нашу нищету... Там у нас были такие прекрасные простыни, их привезли из Голландии для моего приданого.

— Сейчас лошади королевских драгун спят в ваших голландских простынях, Женни. Я уже видела подобное в жилищах гугенотов в Пуату. Солдатня моет им копыта в вине из ваших погребов и обтирает их вашими простынями с малинскими кружевами. Вашему ребенку суждено было родиться в тюрьме, где его у вас сразу бы отняли. Теперь же он родится свободным. Но все надо заработать, за все надо платить!

— Да, я знаю, — согласилась Женни, сдерживая слезы, — но мне так хотелось бы оказаться на твердой земле... От этой постоянной качки меня все время мутит. И потом, на судне беспокойно. Я чувствую, здесь скоро прольется кровь. И кто знает, возможно, мой муж окажется среди павших... Какое несчастье!

— Вы бредите, Женни. Откуда такие страхи?

Женни казалась напуганной, она пугливо огляделась, все еще цепляясь за Анжелику.

— Сударыня Анжелика, — прошептала она, — ведь вы знаете монсеньора Рескатора, вы позаботитесь о нас, правда? Вы сделаете так, чтобы с нами не случилось ничего ужасного?

— Чего вы боитесь? — снова спросила Анжелика.

В это время чья-то рука легла на ее плечо, и она увидела тетущку Анну.

— Пойдемте, дорогая, — сказала старая барышня, — я, кажется, понимаю, что тревожит Женни.

Анжелика последовала за нею в трюм. Тетущка Анна толкнула трухлявую, дверь, за которой в начале плавания, она слышали, блеяли козы и хрюкали свиньи. Козы и свиньи уже давным-давно исчезли, но в клетушке, напоминая о прошлом, сохранился запах стойла.

Откинув набросанные в углу лохмотья и несколько вязанок соломы, тетущка Анна открыла дюжину сложенных в кучу мушкетов, мешочки с пулями и бочку с порохом.

— Что вы думаете об этом? — Это мушкеты...

Анжелика смотрела на оружие с тревогой.

— Чьи они?

— Не знаю. Но думаю, это не место, для хранения оружия на судне, где, как мне кажется, придерживаются неукоснительного порядка.

Анжелика испугалась, собственной догадки.

— Меня беспокоит мой племянник, — снова заговорила тетушка Анна, резко меняя тему разговора. — Его характер очень изменился, и это не без вашей помощи, сударыня Анжелика. Но все же я не хочу, чтобы разочарование привело его к неразумным поступкам.

— Вы хотите сказать, что оружие спрятал здесь мэтр Берн? С какой целью? И как бы он мог воспользоваться им на корабле?

— Не знаю, — сказала тетушка Анна, качая головой, — но я слышала, как недавно мэтр Маниголь сказал, что, мол, грабить грабителя — не грех.

— Возможно ли это? — прошептала Анжелика. — Неужели наши друзья намереваются совершить несправедливость по отношению к тому, кто спас их?

— Они вбили себе в голову, что он желает им зла.

— Им надо бы сначала убедиться в этом!

— Они говорят, что после будет уже поздно.

— Так что же они задумали?

Чувство, что за ними наблюдают, заставило их умолкнуть. Словно чудом возникнув из темноты клетушки за их спинами, за ними с подозрением следили два матроса. Вид у них был недовольный. Они подошли, что-то быстро бормоча по-испански. Анжелика вполне прилично понимала этот язык.

Вместе с тетушкой Анной она отступила, прошептав ей:

— Они говорят, что это оружие их, и не наше дело соваться сюда, и еще что болтливым женщинам они укорачивают языки...

И добавила с некоторым облегчением:

— Ну вот видите! Вы ошиблись! Это оружие экипажа!

— Оружие экипажа не должно валяться под вязанками соломы, — ответила тетушка Анна. — Я тоже знаю, что говорю. Мои предки были корсарами. И к чему бы этим грубиянам пугать нас угрозой, что они укоротят нам языки, если у них добрые намерения. Сударыня Анжелика, вы не могли бы при случае поговорить с монсеньором Рескатором, рассказать ему обо всем этом?

— Вы думаете, что я у него в такой милости, что могу осмелиться пойти к нему давать советы, как ему вести себя с собственной командой? Представляю, как бы он меня принял. Он слишком горд и презрителен, чтобы выслушивать советы женщины, кто бы она ни была.

Ее жгла горечь. Каждый раз, когда к ней обращались как к тайной

сообщнице Рескатора, она особенно отчетливо видела, до какой степени тот, с кем она могла бы снова жить душа в душу, держал ее вне своей жизни.

— Я подумала... — задумчиво начала тетушка Анна. — Все-таки между вами и этим человеком есть что-то такое, что сближает вас. Ваше прошлое, не правда ли?.. Вас что-то связывает с ним. Я поняла это, когда увидела, что мой бедный Габриель утратил все шансы быть рядом с вами. И еще я поняла, что этот человек внушает нашим единомышленникам страх и не дает себе труда рассеять его. Но все равно я бы доверилась ему. Интересно наблюдать за тем, как он ведет себя. Я убеждена, что это поведение человека мудрого, который хочет только добра. И потом... он большой ученый.

Она чуть покраснела, словно застеснялась своего такого неожиданного энтузиазма.

— Он дал мне прочесть поразительные книги!

Она вытащила аккуратно завернутые в шелковый платок два тома в кожаных переплетах и с красными обрезами.

— Это редчайшие экземпляры: «Основы аналитической геометрии» Декарта и «Об обращениях небесных сфер» Коперника. Я давно мечтала прочесть их, еще во Франции, но нигде не смогла найти, даже в Ла-Рошели. И вот монсеньор Рескатор дал мне их прямо посередине океана. Вот смешно!

Тетушка Анна уселась на полу на сложенном плаще и прислонилась худой спиной к жесткой переборке.

— Я не пойду сегодня на прогулку. Хочу поскорее дочитать их. Он пообещал дать мне и другие книги...

Анжелика поняла, что смиренная тетушка Анна редко чувствовала себя такой счастливой.

«Жоффрей всегда умел утешить женщин, — подумала она, — в этом он совсем не изменился».

И еще она узнавала его способность влиять на людей: сделать, к примеру, из такого спокойного мужчины, как мэтр Берн, разъяренного зверя, а из такой мегеры, как госпожа Маниголь, — женщину почти снисходительную.

Все изменилось, все явно стало с ног на голову. На земле мужчины всегда были к услугам Анжелики, а женщины принимали ее с кислой миной. Здесь же, наоборот, женщины приблизились к ней, в то время как во взглядах мужчин она читала враждебность. Инстинкт предупреждал их, что похититель — человек совсем иной, отличный от них, — стал между

нею и ими. До чего же доведет их злоба, к которой прибавляются недоверие и ревность...

***

Маленькую Онорину втайне разбирала гордость. Наконец-то на этом корабле, где ее преследуют одни неприятности, где ее не только все время швыряет из стороны в сторону — у нее лоб и нос и синяках и шишках, — но все, в том числе и мама, вдруг совсем забыли о ней, она нашла себе могущественного покровителя.

Решив убежать из этого злющего мира, где на нее никто не обращает внимания, она прыгнула в воду, чтобы волны унесли ее в страну, где она найдет больших и сильных юношей, которые станут ее братьями, и еще большого, и сильного мужчину, который станет ей отцом.

Но море тоже предало ее, оно провалилось под ее доверчивыми ногами.

Море, по которому все время так легко плавали льды, и птицы, не захотело нести ее. Птицы вокруг стали злыми и пытались выклевать ей глаза. Но тогда вынырнул из волны ее друг с колючим лицом. Это был Каштановая кожура. Он прогнал злую птицу, а ее взял на руки как раз в ту минуту, когда противная, соленая морская вода заполнила ей рот.

Потом Каштановая кожура поднял ее на корабль, где весь вечер от нее не отходила мама. А сейчас ей остался только Каштановая кожура, у него до сих пор черные раздувшиеся шрамы, это его клевала птица. Онорина осторожно гладила их пальцами. «Чтобы ты поправился», — говорила она.

Сицилиец был приятно поражен, увидев на ее шее медальон с изображением Пресвятой Девы.

— Per Santa Madonna, é cattolica, ragazzina carina?^[10]

Онорина не поняла его слов, но это ее мало заботило.

Ласкового тона было достаточно, чтобы наполнить ее радостью.

— Ты мой папа? — спросила она, охваченная неожиданной надеждой.

Сицилиец, очень удивленный, рассмеялся. Он помотал головой, что-то быстро объясняя ей с живой мимикой, из чего она поняла, что он не ее папа и очень сожалеет об этом.

Оглядевшись, он вытащил из-за пояса нож. Из кармана своей белой в красную полоску фуфайки достал какой-то предмет, для которого отрезал кусочек цепочки, и повесил его Онорине на шею. Девочка смотрела на все с большим интересом. Потом, желая насладиться зрелищем при более ярком освещении, он подтолкнул ее под лучи солнца. Эффект удовлетворил его. Он прошептал:

— Никому не говори, кто тебе дал это. Поклянись! Сплюнь! Сплюнь!

Итак как Онорина не поняла его, матрос плюнул на палубу, жестом побуждая ее последовать его примеру, что она и сделала с наслаждением. Заметив Анжелику, которая искала дочь, матрос, приложив палец к губам, удалился.

Онорина была счастлива вдвойне. Ведь у нее появился новый друг и ей начали делать подарки. Она порылась в кармашке своего фартука и достала блестящий камешек, который ей дал Черный человек. Но увидев, что появилась мать, с испуганным видом снова сунула его в карман и сделала вид, что не видит ее.

Луч солнца высветил рыжие волосы девочки, и Анжелика тотчас же заметила на шее ребенка блеск грубой золотой цепочки, на которой висела ладанка, вне всякого сомнения являющая собою святыню: склеенные кусочки дерева от креста или от орудия пыток, которым истязали какого-нибудь мученика.

— Где ты нашла это сокровище, Онорина?

— Мне его подарили.

— Кто же?

— Не Черный человек.

— А кто же?

— Не знаю.

— Не лги. Ведь не с неба же она упала, эта ладанка.

В воображении, Онорины предстал океан, на своих волнах уносящий к небу ее сокровище. Она сказала уверенным тоном:

— С неба. Ее держала в клюве птица. Наверное, она ее нечаянно выпустила, и она упала мне на шею.

И тут она плюнула на палубу и с упрямым видом сказала:

— Клянусь Святой мадонной!

Анжелика не знала, что ей делать — смеяться, сердиться или все же попробовать разобраться. Неужели девочка снова украла?

Она схватила ее и изо всех сил стиснула. Господи, и это ее дитя ускользает от нее.

— Я хочу найти моего папу, — заныла Онорина, — Он, наверное, очень добрый, а ты злая!

Анжелика вздохнула. Решительно, и дочь, и муж не прощают ей ни малейшей несдержанности...

— Ладно, оставь себе свои сокровища! — сказала она. — Видишь, не такая я уж и злая.

— Нет, ты очень, очень злая, — безжалостно твердила Онорина. — Ты

всегда уходишь, или даже тогда, когда не уходишь, твоя голова уходит, и я остаюсь одна. Тогда я думаю, что скоро умру, и мне бывает очень тоскливо.

— Маленьким девочкам никогда не бывает тоскливо. Жизнь прекрасна. Ты видишь, дот уже и птица принесла тебе подарок.

Онорина фыркнула и припала к плечу Анжелики. Ей очень понравилось, что мама оказалась такой доверчивой.

Все шло прекрасно в этот вечер.

— А корабль сегодня хороший. Не качается.

— Верно.

Анжелика снова удержала вздох, бросив взгляд на море, — оно казалось каким-то необычным и местами маслянистым.

Наступил вечер, озаренный оранжевым светом начала мира, густым, нежным и в то же время холодным, словно в нем таилась какая-то угроза.

Словно в мираже, между красно-коричневыми легкими волнами погружались в воду и выныривали черные и серые островки. Их непрерывное движение напоминало танец в балете. «Я грежу», — подумала Анжелика, и ей захотелось протереть глаза.

С вантов послышался голос сицилийца:

— Эй, bambini! Кашалоты!

Дети, которые на «главной улице» пускали в мишень стрелы, бросились на его зов.

Анжелика оказалась в окружении кричащей и визжащей ребятни. Старшие поднимали маленьких, чтобы они тоже могли полюбоваться зрелищем.

Выходит, то, что она сейчас приняла за островки, оказалось кашалотами. Огромные блестящие темные тела выныривали и снова погружались в воду, скользили под водой, прозрачность которой еще больше увеличивала их огромные тела.

И вдруг все увидели еще одного: будто чудо, на поверхности возник черный силуэт с сильным, прямым, как руль, хвостом. Над головой кита кипящим гейзером била вверх струя воды.

— Кит Ионы! — крикнул один из малышей, весь дрожа. — Кит Ионы!

Он прыгал от восторга.

— Я хочу всегда жить на корабле, — сказала одна из девочек.

— Вот хорошо бы никогда не причаливать! — воскликнула другая.

Анжелика, взволнованная прежде всего чудесным превращением островов в кашалотов, с изумлением обернулась к девочкам:

— Так вы рады, что мы плывем на «Голдсборо»? — спросила она.

— Да! — хором закричали малыши.

Более старшие согласно кивнули.

Северина, обычно такая тихая, подала голос.

— Да, здесь нам спокойно. Можно не бояться, что пошлют в монастырь. Здесь нам не надоедают божественными книгами, которые тетушка без конца заставляла меня читать. Здесь мы имеем право думать сами.

Анжелика с облегчением вздохнула. Вот и Северина освободилась от своей тоски, которую испытывала с детства. Теперь она упала с ее хрупких плеч, словно свинцовая накидка.

— И еще нас никто теперь не упрячет в тюрьму, — сказал Марциал.

С самого начала их плавания Анжелика поражалась, как стойко держались дети, прежде всего именно дети.

Они не озлобились, не хныкали, как того побаивались взрослые. Если кто-то из них заболел, у него хватало ума вести себя благоразумно, чтобы поскорее поправиться. А вот родители, наоборот, стенали, жаловались, что их отпрыски совсем разболтались. Да, черт возьми, дети чутьем понимают, что они избежали худшего. К тому же, дома они никогда не чувствовали себя такими свободными, как на этих нескольких арпанах палубы. Ни школы, ни долгого стояния перед конторкой с письменными принадлежностями или с Библией.

— Если бы родители позволили нам немного полазать по вантам и помогать матросам, было бы совсем хорошо, — добавил Марциал.

— А меня один матрос научил вязать узлы, я раньше не умел, — сказал сын адвоката Карера.

Старшие, однако, держались несколько настороженно.

— Сударыня Анжелика, а правда, что монсеньор Рескатор хочет нам зла?

— Не верю.

Она положила руку на хрупкое плечо Северины. Девочка смотрела на нее с надеждой и доверием. Как и в Ла-Рошели, Анжелика испытывала под детскими взглядами чувство какого-то постоянства, которое всегда успокаивало ее в шаткости жизни. Помочь им выжить — вот почему она должна посвятить себя.

— Разве вы не помните, что именно он и его люди спасли вас от королевских драгун, которые преследовали нас?

— Да, верно. Но наши отцы говорят, что они не знают, куда он нас везет.

— Ваши отцы обеспокоены потому, что монсеньор Рескатор и его

экипаж слишком непохожи на нас. Они говорят на другом языке, у них другие обычаи. А когда люди такие разные, иногда трудно бывает понять друг друга.

Марциал очень мудро заметил:

— Но Страна, куда мы плывем, тоже очень отлична от той, где мы жили раньше. И нам будет трудно привыкать к ней. Мы плывем к иным небесам.

Маленький Жермен, которого Анжелика особенно любила, потому что он напоминал ей Шарля-Анри, отбросил спадающий ему на его голубые глаза, светлый вихор и вскричал:

— Он везет нас на Обетованную землю!

Анжелика, почувствовала, как трепетно забилося ее сердце. Как бы в противовес жестокой стихии, с которой им предстояло бороться, и разнузданным человеческими страстями, голоса детей, словно ангельский хор, возвышались, повторяя:

— Мы плывем на Обетованную землю!

— Да, — твердо ответила она. — Вы правы, малыши.

Уже привычным движением она повернулась к корме и вздрогнула, потому что он был там, на капитанском мостике, и ей показалось, что он смотрит на нее.

Глава 25

Анжелика, окруженная детьми, которые оживлено что-то говорили ей и которым она отвечала с улыбкой, — это было для него еще одно открытие в женщине, совсем новой для него, которая все время его озадачивала.

Коричневый плащ, спадавший с ее плеч длинными складками, делал Анжелику выше. Но даже ее поношенная одежда, к которой он уже начинал привыкать, не изменила ее осанки. Она с такой строгостью подчеркивала ее нищету и благородство черт!

Анжелика почти всегда держала за руку маленькую рыжую девочку. Но сейчас он увидел, как она странно сжимала ее в своих объятиях. Правда ли, что ребенок рожденный так драматически, не вызывает у нее воспоминаний об этом ужасе? Где черпает она силы, чтобы улыбаться этой девочке и так страстно ее любить?

Берн рассказывал, что ее младшего сына зарезали у нее на глазах. Так вот, значит, что стало с маленьким маркизом дю Плесси-Белльером...

Почему она доверилась этому протестанту и молчит перед ним, своим мужем? Почему она не рассказала ему, как сделало бы на ее месте большинство женщин, жалостливую историю о тех испытаниях, что выпали на ее долю, ведь они должны были бы извинить ее в его глазах?

Стыдливость души и тела. Он уверен, ему она не рассказала бы об этом никогда. Ах, как он сердит на нее!

И не столько за то, что она стала такой, какая она сейчас есть, как за то, что она стала иной под влиянием других и без него.

Он сердится на нее — да! — за ее суровость, за ее сопротивление и за то, что, встретившись лицом к лицу со столькими опасностями, пережив столько ужасных часов, она осмелилась предстать перед ним с лицом, таким безмятежным и гладким, как прекрасный песчаный берег в очаровательной бухте, на которой морской прилив может накатывать волны и уносить их обратно, не оставляя на нем следа, не затушевывая его жемчужного света.

Та ли она женщина, которая дала отпор Мулею Исмаилу, вынесла пытки, голод, жажду?

И еще теперь он знает, что она подняла вилланов против короля! Она клеймена цветком лилии! И вот она улыбается, вместе с детьми любуясь китами.

Мог ли он утверждать, что она не страдала?.. Кем считать ее теперь? Ведь ее не назовешь ни униженной, ни трусливой, ни равнодушной.

Женщина высокого полета.

Одержимая дьяволом, если он мог снова вселиться в эту незнакомку. Как же он, кого называли магом, мог так оплошать? Как подойти к ней теперь, чтобы снова победить ее?

Одна фраза, сказанная Ясоном, открыла ему глаза на собственную непоследовательность.

«Вы одержимы этой женщиной!»

Одержим, следовательно, она неотвязно с ним. Ему пришлось признаться, что, когда Анжелика стала для него загадкой, ее очарование приобрело еще большую притягательность. И это не то очарование, которое выдыхается, как плохие духи. Каким бы оно ни было — дьявольским, плотским или мистическим, — оно существовало, и он, господин де Пейрак по прозвищу Рескатор, вопреки своей воле целиком и полностью подпал под него, затянутый в ловушку собственными назойливыми вопросами, на которые только она одна могла бы дать ответ, и желаниями, которые она одна могла бы удовлетворить.

Пустое думать, будто можно знать о ком-нибудь все или что можно отказать кому-то в праве следовать своим путем. Те пути, которые Анжелика прошла вдали от него, особенно за последние пять лет, были наиболее удивительными.

Он представлял себе ее верхом во главе отряда крестьян, которых она вела в бой. Он представлял ее поверженной, жалкой, словно раненая птица, преследуемой людьми короля... Вот где начинается тайна, которую он, возможно, никогда не постигнет, и он чувствовал почти негодование при мысли, что в этом превращении она сохранила вечную женственность.

Ревность, которая терзала его, когда он видел, что она целиком посвятила себя своим друзьям, когда узнал, что у нее есть дочь, и увидел, с какой нежностью она относится к ней, и еще — когда он лицезрел ее взволнованной на коленях перед протестантом, ее руку, нежно лежащую на обнаженном плече раненого, его ревность была более жгучей, чем если бы он застал ее в объятиях любовника. Тогда он хотя бы презирал ее и знал, чего она стоит. И принимал бы ее за то, кем она представала бы перед ним.

Из какого нового теста она слеплена? Какая новая краска прибавляет к ее зрелой красоте, словно вдохновленной солнцем лета ее жизни, то нежное и жаркое сияние, которое вызывает желание прижаться измученным челом к ее груди, слушать ее голос, который шептал бы ему что-нибудь нежное и успокаивающее?

Это была минута слабости, а слабость он испытывал редко... Неужели справедливо, что ее впускает ему именно эта неистовая амазонка, эта острая на язык женщина, чувственная и дерзкая, которая бесстыдно обманула его?..

Когда солнце уже скатывалось за горизонт, Жоффрей де Пейрак пришел к выводу, который, к его великому удивлению, во многом раскрывал ему тайну поведение Анжелики.

«В ней есть благородство», — сказал он себе.

Это было как наваждение.

Наступала ночь. Дети уже не могли больше видеть ни моря, ни китов. Слышны были их легкие шаги на ступенях трапа, который вел на нижнюю палубу.

Анжелика стояла, застыв в задумчивости, и смотрела! вдаль.

Он был убежден, что ее взгляд обращен к нему.

«Да, в ней есть благородство. Она добрая. Я расставил свои западни, чтобы она выплеснула мне в лицо свою злость, но она не сплеховала, не попала в них... Вот поэтому она не упрекнула меня в том, что я стал причиной ее несчастий. Она скорее готова страдать от моих несправедливостей и упреков, лишь бы не бросить мне в лицо то ужасное, что она знает, во что она верит, а именно, будто я, отец, виноват в смерти нашего сына Кантора».

Глава 26

В тишине своей каюты и ночи — это так редко случается на море, — в тишине, которая баюкала его, погружая в думы, он снова пережил драматический эпизод, произошедший на мысе Пассеро. Как были бы все удивлены, если бы узнали, что битва на море и поражение французской эскадры, которое так взволновало тогда европейские дворы, были вызваны присутствием на корабле адмирала де Вивонна маленького пажан!

***

Когда он встретился с французской эскадрой в водах Сицилии, его, Рескатора, власть была неоспорима. Бывший искалеченный каторжник из Марсея повсюду имел союзников и единомышленников.

Чтобы добиться этого, ему, хотя он и плавал по торговым делам, пришлось переоборудовать свое легкое парусно-весельное судно в военный корабль. А битвы то с одними, то с другими случались довольно часто. Он подчинил себе несколько пиратов, и не таких уж ничтожных, в том числе и лицемерного Меццо-Морте. К своему великому сожалению, ему пришлось отбивать атаки Мальтийских рыцарей, которые неуклонно видели в этом корсаре в маске, ни имени, ни происхождения которого они не знали, просто ренегата, поступившего на службу к Великому султану Константинополя. Но ведь с виду так все и выглядело. В те времена не было компромисса между Крестом и Полумесяцем. Можно было служить только кому-то одному.

На красном флагдуке его штандарта не было ни Креста, ни Полумесяца, а был чеканный символический серебряный щит.

Выходя в море, он прекрасно знал, что эскадра под командованием герцога де Вивонна отправилась в экспедицию с карательными целями и среди тех, против кого она направлена, он, Рескатор, стоит на первом месте. Потому что его деятельность очень мешает Людовику XIV, она уже разорила несколько богатых французских семей, благосостояние которых зиждилось на меновой торговле с Востоком товарами фабричного производства низкого качества, не имеющими сбыта во Франции.

Он послал своих шпионов разузнать с особой тщательностью, каким путем намерена следовать французская королевская эскадра, какова численность команд на ней, и еще он приказал им как можно точнее составить список людей с французских галер. И вот, изучая список личного состава эскадры адмирала герцога де Вивонна, он обратил внимание на

имя, которое заставило его задуматься: Кантор де Моран, паж, восьми лет.

Кантор! Но ведь его сын, родившийся после его якобы казни, носит такое же имя, о его существовании он узнал из письма отца Антуана, которое получил в Кандии. А до этого много лет, вплоть до получения письма, иногда спрашивал себя, кто же все-таки родился у Анжелики — сын или дочь.

Забота, конечно, не столь, великая среди тех, которые осаждали его тогда. К тому же, весть о рождении сына не слишком взволновала его, так как он был сражен другим сообщением, которое принесло ему невыразимые муки: тем, что его жена снова вышла замуж.

Но тут, перед этим неожиданно возникшим перед его глазами именем, он задумался: Кантор де Моран... Речь могла идти только о его «посмертном» сыне. Он предпринял дополнительные расследования, и сомнения его были рассеяны. Мальчик оказался старше восьми лет. И это был пасынок маршала дю Плесси-Белльера.

***

До этого он думал, не уклониться ли ему от встречи с воинственным адмиралом де Вивонном. Пожалуй, лучше укрыться за Кандией и Родосом, подождать там, пока эскадра, утомившись гоняться за призраком, уберется восвояси, и тогда продолжить свое плавание.

Но присутствие там маленького Кантора изменило его планы. Море посылало ему сына. Каждый час, каждый день он жил лишь одним желанием оказаться рядом с этим живым воплощением его былой жизни. Сын, его и Анжелики сын. Зачатый в одну из тех безумных и нежных тулузских ночей, которые до сих пор не давали ему избавиться от тоски.

Как раз незадолго до его отъезда в Сен-Жан-де-Люз, где он был тайно арестован полицейскими ищейками короля, крохотная жизнь зародилась в ней. Во чреве ее нежного и плодородного тела, волнующую сладость которого он так часто вспоминал.

Увидеть этого сына, рожденного его сломанной любовью!

И главное — забрать его к себе!

Это желание полностью завладело им. Он с ожесточением отметил, что ребенку дали фамилию Моран, а не Пейрак и что ему оказывали уважение не как сыну знатного сеньора Аквитании, а всего лишь как пасынку маршала дю Плесси-Белльера.

Он немедленно отдал приказ готовить свой «Морской орел» к отплытию и прибыл в распоряжение французской эскадры. Он хотел вступить в переговоры, предложить обмен. Но адмирал де Вивонн, узнав, что пират, которого ему было приказано найти и вместе со всем его добром

пустить ко дну, имел наглость явиться сам, приказал бросить пиратского парламентаря в море, а Рескатору без всякого предупреждения залпом послать прямо в лоб пушечные ядра.

Сильно поврежденный «Морской орел» пережил плохие минуты. Мало того, ему пришлось принять бой. К счастью, тяжелые галеры маневрировали, как деревянные башмаки, наполненные булыжниками. На одной из них находился Кантор, его сын. Ведя бой, он старался изолировать эту галеру от остальных, но в пылу битвы она была непоправимо повреждена. Обезумев от беспокойства, зная, с какой стремительностью поврежденный корабль погружается в море, он послал своих янычаров, имевших большой опыт в абордажной битве, среди столпившихся на корме людей, которые уже начинали прыгать в воду» любой ценой отыскать мальчика.

***

Его привел к нему мавр Абдулла. Чистый детский голосок кричал ему: «Отец! Отец!» Он думал, что грезит. А этот мальчик на руках у великана Абдуллы, казалось, не испытывает никакого страха ни перед смертью, из лап которой его только сейчас вырвали, ни перед темными лицами окружавших его людей в белых джеллабах и с огромными кривыми турецкими саблями. Зелеными, как чистый источник, глазами он смотрел в закрытое маской лицо высокого дьявола-пирата, к которому его принесли, и твердил ему: «Отец!», словно это было самое естественное, словно именно этого и следовало от него ожидать.

Как было не ответить на этот зов? Сын мой!..

Маленький Кантор, такой спокойный, такой необременительный, бесконечно довольный своей жизнью на море под крылышком у отца, которым он восхищался. Казалось, Кантор не сожалел о своей прошлой жизни. Но он, его отец, сразу заметил, что его любимый малыш очень скрытен. Он и сам не хотел бы первым заводить с ним разговор, расспрашивать. Его удерживал страх. Какой страх? Страх узнать слишком много и растравить тем самым свои еще плохо затянувшиеся душевные раны.

И правда, первые слова, которые Кантор сказал о семье, о своей жизни во Франции, было заявление, сказанное не без гордости:

— Моя мать — возлюбленная короля Франции. А если еще нет, то скоро будет. — И с наивностью ребенка он добавил: — Так и должно быть. Она самая красивая дама во всем королевстве.

Получив этот удар, он предпочел предоставить ребенку возможность вспоминать то, что ему хочется, а не наводить его на определенные темы.

Из обрывочных сведений, которые он таким образом собрал, составила любопытная картина, в которой проходили Анжелика в роскошных туалетах, Флоримон, герой маршал дю Плесси, холодный и надменный, но к которому, однако, Кантор питал привязанность, королева, дофин — последние, все трое, внушали ему — удивительное дело! — чувство, что покровительствуют ему и немного, его жалеют.

Кантор вспоминал все платья, которые носила его мать, и тщательно описывал и их, и те драгоценности, которые она надевала.

В рассказах маленького пажа мелькали темные истории об отравлениях, прелюбодеяниях, преступлениях, совершенных в кулуарах дворца, о гнусных извращениях и интригах, к которым, казалось, относились как к должному. Королевские пажи познавали жизнь за шлейфами платьев, которые они должны были поддерживать. Их стеснялись не больше, чем своих болонок.

Однако Кантор признавался, что ему гораздо больше нравится на море, чем в Версале. Из-за этого он решил отправиться на его поиски. Флоримон тоже найдет их! Но вот мама вряд ли сможет присоединиться к ним.

Таким образом Кантор создавал перед ним образ матери — легкомысленной и равнодушной к своим сыновьям.

Однажды вечером он решился задать сыну вопрос.

В этот день во время стычки с алжирцами, посланными Меццо-Морте, одним из его злейших врагов, Кантор был ранен пулей в ногу, и он, сидя у постели сына, жестоко упрекал себя за то, что допустил это, хотя мальчонка сиял от гордости: как и все дворяне, Кантор питал страсть к кровавым войнам.

Нет, мальчик еще слишком мал, чтобы его втягивать в жестокие авантюры грубых мужчин!

— Ты не скучаешь по маме, малыш?

Кантор посмотрел на него почти с удивлением. Потом лицо его помрачнело, и он рассказал о том периоде своей жизни, который называл (отец никак не мог понять почему, и ему пришлось спросить) «шоколадным временем».

— В «шоколадное время», — рассказывал Кантор, — мама любила сажать нас к себе на колени. Приносила нам пирожки. Пекла блинчики... По воскресеньям поваренок Давид Шайон брал меня на плечи, и мы шли в Сюрен выпить по рюмочке белого вина... Не мы, конечно, ведь мы были еще слишком малы, а мама и мэтр Буржю пили... Мы тогда жили очень хорошо. А вот потом, когда перебрались в Отель дю Ботрей, нужно было,

чтобы мама бывала при дворе и мы тоже... и вот случилось самое плохое: кончилось наше «шоколадное время».

Он знал, что Анжелика поселилась в Отеле дю Ботрей, который он построил для нее. Но как ей удалось снова стать его владелицей? Этого Кантор не знал.

Впрочем, жизнь с отцом на море вполне удовлетворяла Кантора, и он не чувствовал никакой потребности в воспоминаниях.

А он, чуткий отец, очень быстро с волнением обнаружил, что у сына врожденный дар к пению и музыке. Сам он, некогда — Золотой голос королевства, потеряв возможность петь, в те времена снова с удовольствием начал играть на гитаре. Он сочинял для сына баллады и сонеты, познакомил его с инструментальной музыкой Востока и Запада. Постепенно он пришел к мысли, что надо на несколько месяцев отдать его в итальянскую школу в Венеции или лучше в Палермо на Сицилии, островное положение которой делало ее прибежищем для всех корсаров, в той или иной степени находящихся в разладе со своим государством.

Кантор был невежественный, как осленок. Он едва умел читать и писать, очень плохо считал, и если жизнь при дворе, а потом с корсарами научила его прекрасно фехтовать, обращаться с парусами» если он, когда это было нужно, умел держаться с достоинством и у него были учтивые манеры, то при таком ученом отце этого было явно недостаточно.

Кантор не был ленив. Он обладал жаждой знаний, но учителя, которые занимались с ним до тех пор, не сумели пробудить в нем интерес к занятиям, по-видимому, из-за системы школьного обучения, слишком сухой и абстрактной. Без особого разочарования мальчик согласился поступить пансионером в монастырь иезуитов в Палермо, бывший в те времена своеобразным центром культуры. На берегах этого пропитанного греческой цивилизацией острова еще можно было найти ту прежнюю гуманистическую атмосферу, которая в XVI веке, сформировала так много людей, достойных носить имя гуманистов.

Была и еще причина, которая подтолкнула его поместить сына в надежное убежище и на некоторое время отдалить от себя. Бесконечные опасности, которые подстерегали его на каждом шагу, могли в любой день настичь и ребенка. А ему, Рескатору, нужно было сокрушить своих главных противников» но для этого — предпринять против них решительную кампанию как военными, так и дипломатическими действиями. Разве не чудом избежал он беды, когда зашел в порт в Тунисе и Кантор чуть было не попал в руки людей, посланных Меццо-Морте, алжирским адмиралом, этим извращенным садистом, полубезумным от

мании величия, который не мог простить своему главному противнику, что из-за него ослабло его влияние на Средиземном море?..

Если бы Меццо-Морте удался его замысел, ему, прославленному Рескатору, пришлось бы соглашаться на унижительные, позорные для него условия, ведь он пошел бы на все, лишь бы целым и невредимым вернуть сына, которого успел страстно полюбить.

Похожий на него своей любовью к музыке, Кантор завораживал не этим, а тем, что было чуждо ему, его отцу, и что непреодолимо напоминало Анжелику. В отличие от жителей южной Франции, где были корни Кантора по отцу, он был молчаливый, с ясным умом и бездонным отблеском друидических лесов во взгляде, он умел четко определить свое место в жизни, и невозможно было попытаться угадать его мысли или предвидеть его действия.

Особенно он уважал в своем младшем сыне дар провидения, который помогал мальчику предсказывать некоторые события задолго до того, как они свершались. Он предсказывал так естественно, что это даже казалось подозрительным. Возможно, Кантор не отличал достаточно ясно сон от яви.

Не приведет ли учение к тому, что оно разрушит и сделает банальными черты его необычного характера? Музыка должна предохранить его от этого, музыка и еще атмосфера, которая царит в Палермо. Там по-прежнему его будет убаюкивать синее море, к тому же он оставил с Кантором своего верного Куасси-Ба, чтобы тот ревностно оберегал его.

Глава 27

То, что Меццо-Морте не удалось с похищением Кантора, удалось с Анжеликой после того, как она убежала из Кандии, а потом покинула Мальту.

Он был совершенно подавлен, узнав, что его жена, непонятно каким образом вновь объявившаяся на Средиземном море, попала в руки его злейшего врага. Одновременно его известили, что она на Мальте, и, немного успокоившись, он стал готовиться идти на ее пояски.

Итак, в Алжире ему пришлось предстать перед, Меццо-Морте. Этот ренегат прекрасно понимал, что непобедимый Рескатор будет вынужден согласиться на все, чего бы он ни пожелал. Меццо-Морте знал — и откуда только? — тайну, которую он не доверил никому: что Анжелика была его христианской женой и что ради ее возвращения он пожертвует всем.

Перед непомерными требованиями Меццо-Морте он раз двадцать готов был бросить ему в лицо слова презрения и отказаться. Подумать только, ради женщины он вынужден склоняться перед неотесанным негодяем. Но эта женщина была его женой, его Анжеликой. Он не мог решиться на отказ, который приговорил бы ее к смерти, к ужасной судьбе. «Я пришлю тебе, мой драгоценный, — говорил Меццо-Морте, — один ее пальчик. Я пришлю тебе, мой ненаглядный, прядь ее волос. А в великолепном ларчике — один ее зеленый глазик...». Он, не выдавая своих чувств перед ренегатом, хитрил, призвав все свои таланты, ломал комедию, он растрачивал силы на этого жалкого типа, по происхождению итальянца, который тоже умел вести игру, но изощренную и жестокую.

Вместе со страхом за Анжелику в нем поднималась также, и ярость против нее. Что за проклятое создание, почему ей не сидится на месте? Удрал от него в Кандии, она теперь очертя голову бросилась в очередную авантюру, чтобы попасть в подлые руки Меццо-Морте. О, это уж наверняка не от нее у Кантора дар провидения. Как могла она тогда, в Кандии, не узнать его, не догадаться, что это он? Наверняка она была слишком поглощена мыслями о своем любовнике, в поисках которого носилась по свету. И продолжая бороться за спасение Анжелики, он обещал себе, что даст ей хорошую взбучку, когда вернет ее.

Ради нее он готов был во второй раз поломать свою жизнь. Меццо-Морте требовал для себя полной гегемонии на Средиземном море. Рескатор, говорил он, должен исчезнуть, уйти оттуда. Если Рескатор уйдет,

он, Меццо-Морте, сможет жить по-прежнему; грабить, жечь, опустошать, продавать рабынь, эту такую удобную и выбывающую такое соперничество монету Средиземного моря.

Он попытался сыграть на алчности Меццо-Морте, Он предлагал ему дела, которые принесли бы ему в сто раз больше того, что тот зарабатывал, посылая своих капитанов на фелюгах приступом брать христианские корабли, военные или торговые. Но не этого жаждал ренегат. Ему хотелось стать самым могущественным пиратом на Средиземном море, самым грозным, самым ненавистным для всех...

Перед этим полубезумием любые доводы рассыпались в прах, теряли смысл.

Адмирал Меццо-Морте все предусмотрел, даже то, что перед заключением с ним сделки он мог узнать о том, как Меццо-Морте поступил с Анжеликой и где она находится. Так оно и случилось. До него дошли слухи, что пленница с зелеными глазами была подарена алжирцем султану Мулею Исмаилу. «Разве он не ласковый, твой лучший друг? — усмехнулся Меццо-Морте. — Но берегись, если ты покинешь Алжир, не поклявшись, что отныне не будешь мешать мне спокойно делать свои дела, ты никогда не увидишь ее живой! Один из моих людей находится среди марокканского Эскорта. Мне достаточно предупредить его запиской: он убьет ее той же ночью...»

В конце концов ему пришлось взять на себя обязательства перед Меццо-Морте. Пусть будет так, он покинет Средиземное море! Он, правда, не оговорил, на какой срок, а просто сказал, что собирается плавать у побережья Марокко и Испании, поддерживая связи со своими «Рескаторами» до того времени, пока власть «адмирала» не будет свергнута.

Ренегат, очень счастливый своей довольно быстрой победой, на которую он почти не надеялся, был рад, как ребенок. Эта победа представлялась ему куда большим успехом, чем если бы он освободился от своего соперника, к примеру, убив его. А ведь в свое время он безуспешно пытался сделать это и в конце концов стал с суеверным благоговением относиться к баракке ^[11] мага... Кроме того, он все-таки боялся гнева султана Константинополя, который не замедлил бы узнать, кто лишил его тайного советника, который вел его финансовые дела.

Получив возможность покинуть без помех Алжир, он, непобедимый Рескатор, поплыл к Геркулесовым Столбам ^[12], надеясь там без особых трудностей пройти под испанскими пушками Сеуты. Таким образом он

рассчитывал дойти до Сале, а оттуда перебраться в Мекнес.

Он продолжал оставаться мрачным. Анжелика, отданная похотливому и жестокому Мулею Исмаилу, которого он хорошо знал! При мысли об этом радоваться не приходилось. Он проклинал Меццо-Морте, проклинал Анжелику. Но не мог помешать себе мчаться на всех парусах ей на помощь с нетерпением, причиной которого был не только долг перед безрассудной супругой.

И тогда он неожиданно получил весть от Османа Ферраджи: «Приезжай... Женщина, дарованная тебе звездами, в опасности...»

***

Тут Жоффрей де Пейрак вдруг вскочил. Резкий наклон судна, а затем и второй, чуть не свалил его с ног. Он сказал себе вполголоса: «Буря...»

Буря, которую на закате предсказало спокойное море, приближалась, посылая свои первые предупреждающие удары. Он продолжал стоять, расставив ноги, чтобы сохранить равновесие.

Но мысли его были еще в прошлом — белом от солнца, красном от крови...

«Приезжай, женщина, дарованная тебе звездами, в опасности...»

Так связывались нити, чтобы приблизить их, его и Анжелику, друг к другу...

Но когда он пришел в Мекнес, Осман Ферраджи был мертв, его убил кинжалом раб-христианин. В садах запах трупов смешивался с запахом роз...

В еврейском квартале города все евреи от грудных детей до столетних стариков были перерезаны кривыми турецкими саблями черной стражи султана. Говорили о побеге семи рабов-христиан и, главным образом, одной женщины из гарема.

— Какая женщина, мой друг! — рассказал ему Мулей Исмаил. — Огромные, восхитительные, почти мистические глаза, она даже пыталась прирезать меня. Смотри...

Он показал ему на бронзовой шее след от пореза.

— ...Моим собственным кинжалом! Вот это искусство! Для меня, душа которого столь груба, она, увы... Она стойко перенесла пытки. Я ее пощадил, потому что она и правда очень красива и еще потому, что мой главный евнух настоятельно советовал мне не убивать ее. Какую отраву удалось ей влить в вены этого неподкупного? И вот он, такой сильный и такой мудрый, принял смерти из-за своей снисходительности к ней. Она сумела убежать. Это демон, а не женщина.

Не стоило труда спрашивать имя этой женщины. Он тотчас же

догадался. Подавленный, он повторял про себя слова ошеломленного, восхищенного султана:

«Какая женщина, мой друг!»

Он объяснил Мулею Исмаилу, что эта женщина была во Франции его женой и он, узнав, что она находится у него, приехал выкупить ее. Мулей Исмаил возблагодарил Аллаха за то, что свирепый характер пленницы помог ему не нанести тяжкое, непоправимое оскорбление своему лучшему другу, тем более что для правоверного мусульманина грех обладать женщиной, муж которой жив. Он отдал бы ее ему, не требуя никакого выкупа. Таков закон Корана.

Султан надеялся, что он поймает беглецов. Его эмиссары, посланные во все концы, получили приказ всех рабов-мужчин казнить, а женщину привезти живой.

Наконец получили известие о поимке, а потом и почерневшие от запекшейся крови головы.

— А где же женщина? — спросил Мулей Исмаил.

Солдаты рассказали то, что узнали от христиан, прежде чем убить их. Когда они схватили беглецов, женщины с ними уже не было. Француженка давно умерла от укуса змеи. Ее похоронили в пустыне. Мулей Исмаил разорвал на себе одежды. К его ярости примешивалось сожаление, что теперь он не сможет почтить роскошным подарком друга, которого высоко ценил.

— А ты еще хочешь, чтобы я молчал, — говорил султан своему гостю. — Эти глупые стражи не сумели схватить ее прежде, чем она умерла... дали ей убежать... Один твой знак, и я их всех казню.

Но он отклонил это кровавое предложение Мулея Исмаила, вызванное добрым отношением к нему. Отвращение сжимало ему горло.

В этих дворцах, где не выдыхались запахи пожаров и резни, еще витал дух главного евнуха, и ему казалось, что он слышит его мелодичный голос: «Мы не такие, как все, мы посвящены Аллаху, и кровь, пролитая во имя Его...»

Он вдруг ясно осознал бессмысленность всех своих планов, своих помыслов, своих страстей. Как нелепо! Даже сам язык его был непонятен людям, будь то христиане или мусульмане, которые в действительности подчинялись единственной сверхземной власти — власти Бога.

Итак, он решил, он уедет. Он покинет Средиземноморье не столько потому, что обещал это Меццо-Морте, но потому, что понял — он чужой среди тех, кто многие годы помогал ему вернуться к жизни. Он съездит за Кантором, а потом направится на Запад, к новым континентам. Заново

ломающая ставшую легендарной судьбу, он оставит за спиной две уже подгнивающие цивилизации, которые противостоят; друг другу в кипящем котле, подогреваемом одинаковым фанатизмом. И этот яростный фанатизм уже давно сделал их похожими в бесчинствах и нетерпимости.

Он устал от этой борьбы, бесплодность которой стала очевидной.

Он устоял перед искушением броситься в пустыню, чтобы найти жалкую могилу. Еще одно безумие, которое привело бы только к отчаянию. Убедиться, что она действительно мертва? Какое подтверждение получил бы он? Следы, найденные в пыли? Чтобы искать под ней другую пыль, прах, который мог бы стать всей его жизнью? Суэта.

Рабы, ее компаньоны по побегу, мертвы. Он чувствовал, что она исчезла, тоже исчезла под палящим жестоким солнцем, которое растворяет мысль и вызывает миражи. Его желание найти ее постоянно рисовало мифическую сцену встречи, мимолетный сон.

Судьба, которая разлучила их, неотступно возвращала его к мысли об их воссоединении. Это что-то значит. Но что? Он так силен, и все же у него не хватает ни души, ни выдержки для того, чтобы вновь попытаться разгадать тайну, которую ему откроет только будущее... если оно будет. Его долгое пребывание на Востоке и в Африке сделало из него если не фаталиста, то во всяком случае человека, который знает, что он бессилен перед судьбой... что наша судьба нам неведома. А вот его сын, наоборот, в жизни реалист.

***

Встретившись с сыном в Палермо, он возблагодарил небеса за то, что они оставили ему хотя бы этого мальчика, присутствие которого уводило его от душевных бурь, а их ему так трудно было преодолевать.

Когда он проходил через Гибралтар, направляясь на покорение океана и Америки, у него оставался лишь один корабль, его «Морской орел», и те люди экипажа, кто пожелал разделить с ним его новую судьбу.

Скопище отбросов общества, как сказали бы с презрением господа рошельские буржуа... Что ж, верно. Но он знал их, своих людей, всех, этих неприкаянных. Он знал драмы, которые бросили их, как и его самого, на дороги скитаний. Он оставил у себя только тех, кого не мог отослать назад, тех, кто готов был спать у его ног, лишь бы не оказаться снова в родном краю на мостовой со своими жалкими пожитками, среди враждебных людей. Оставил тех, кому некуда было идти. Они боялись попасть в рабство к мусульманам, боялись попасть на христианские галеры, боялись попасть к другому капитану, жадному до наживы, где они вынуждены будут заставлять себя воровать и совершать безрассудные поступки, за

которые придется расплачиваться еще дороже.

Он с уважением относился к этим заблудшим душам к их угасшим желанием, к их скорбным сердцам, которые скрывались за их нарочито афишируемой грубостью. Он держал их в строгости, но никогда не обманывал, умел пробудить в них интерес к делу или к цели своего путешествия.

Покидая Средиземноморье, он не скрыл от них, что они уже служат у отнюдь не могущественного хозяина. Потому что все для него начиналось сначала. Они пошли с ним. Впрочем, вскоре — и очень быстро — он Смог щедро вознаградить их за доверие.

Он взял с собой группу ныряльщиков, мальтийцев и греков, и, прекрасно экипировав их, отправился бороздить Карибское море, искать на дне его сокровища испанских галеонов, потопленные в этих местах флибустьерами, которые свирепствовали там более века. Его тайная, но активная деятельность, которую, пожалуй, он один был в Состоянии вести, очень скоро обогатила его, и весьма значительно. Он заключил соглашение с известными предводителями пиратов с острова Тортю, испанцами или англичанами, такими, как капитан Фипс, о том, что они оставят его в покое, сам он на них не нападал и даже преподнес им в дар несколько очень красивых вещей, поднятых со дна морского.

Это был его новый способ зарабатывать себе на жизнь? Не только. Искать под разросшимися водорослями произведения искусства инков или ацтеков — в этом, гоже выражалась его страсть к красоте и к поиску.

Постепенно он научился бороться с навязчивой мыслью, которая какое-то время бредила кровоточащую рану его сердца. Анжелика... мертва... он никогда больше не увидит ее...

Он не сердился на нее больше за то, что она прожила свою жизнь безумно, безрассудно. Ее смерть опровергла эту легенду. Она рискнула на подвиг, на который до сих пор не отважилась ни одна христианская, рабыня. Он не мог забыть, что она отвергла Мулея Исмаила и гордо встретила наказание. Безумица! Никто не требует героизма от женщин, в отчаянии говорил он себе. Лучше бы она осталась живой, он бы смог обнять ее, почувствовать тепло ее тела, вновь видеть ее глаза, как в Кандии, и он забыл бы о ее неверности, он бы ее простил!.. Только бы чувствовать, что она жива, вдыхать аромат ее тела, обладать ею сегодня, не думая ни о прошлом, ни о будущем, не видеть больше мысленно это прекрасное тело в песках распростертым, иссохшим, в агонии, с посеревшими губами, беспомощным перед Небом.

«Дорогая» как я любил тебя...»

Бури, усиливаясь, уже сотрясала оконные рамы. Аркбутан и переборки ходили ходуном, словно безумные, а Жоффрей де Пейрак продолжал пребывать в раздумье, слыша только крик в своем сердце.

«Дорогая моя, я тебя любил, я тебя оплакивал... И вот сейчас, когда я нашел тебя живой, ты не в моих объятиях...»

Так уж устроен человек. Он страдает, потом выздоравливает. И тогда утрачивает ясность и мудрость, которые придает горе. Жизнь снова бьет в нем ключом, он торопится вновь окунуться в свои иллюзии, маленькие страхи, губительную злобу. Он подумал о ребенке, которого ей дал другой, о короле, о потерянных годах, о мужчинах, которые ласкали ее... Она стала незнакомой ему. И однако именно эту незнакомку он сегодня любил.

Все те вопросы, которые всегда задает себе мужчина перед тем, как впервые сделать своей пленившую его женщину, он ставил себе сегодня.

«Как ты примешь мою любовь? И твое тело и твои мысли стали для меня тайной. Кто ты? Что они сделали с тобой?..»

Он грезил о ее спадающих на плечи волосах, о том, как она в бессилии прильнет к нему, о свете ее зеленых глаз, смотрящих в его глаза.

Он сумеет покорить ее. «Ты моя, и я сумею заставить тебя понять это».

Но не нужно обольщаться. Не так просто найти в зрелой женщине, прошедшей огонь и воду, уязвимое место.

Но он добьется своего! Он заставит ее смириться. Он сорвет покрывало со всех ее тайн, обнажив их одну за другой, как сорвет с нее ее одежды.

***

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы открыть дверь, удерживаемую ветром. Снаружи, в дикой ночи, в тумане, он на мгновение остановился, цепляясь за перила балкона, которые уже скрипели и стонали, словно готовое рухнуть старое дерево.

«Что же ты, граф де Пейрак, неужели ты отдашь свою жену другому, да еще без борьбы? Проклятье! Нет, вот укрошу эту потаскуху-бурю и тогда... и тогда мы изменим тактику, госпожа де Пейрак!»

Глава 28

В шумной суматохе, в которую повергла пассажиров буря, над всем возвышался крик:

— Палуба обрушивается!

Это походило на кошмар. Зловещий треск бимсов над их головами теперь перекрывал все шумы: удары волн, завывание ветра, вопли несчастных, которых швыряло друг к другу в кромешной тьме.

Анжелика проскользнула вдоль батареи, ставшей вдруг дыбом. Ее прижало к твердому лафету пушки, она ринулась обратно, охваченная ужасом при мысли, что маленькая Онорина тоже втянута в эту кошмарную сарабанду. Где ее искать, как услышать? Крики и стенания сотрясали воздух. Бимсы продолжали трещать. Струя соленой воды ворвалась в помещение. Женский голос прокричал: «Господи, спаси нас... Мы гибнем!»

Анжелика оцарапала руку обо что-то твердое и горячее — это упал один из фонарей. Он погас, но не разбился.

«Нужно зажечь его», — сказала она себе, цепляясь за переборку... Опустившись на корточки, всеми своими силами сопротивляясь адской качке судна, она ощупью добралась до ящика, где лежало запасное огниво, и ей удалось высечь огонь. Красноватый свет разлился по помещению, и сразу стало видно неопишное нагромождение одежды и других вещей среди человеческих тел, которые швыряло во все стороны вслед за яростным безумием килевой качки.

И главное, наверху появилась оцетинившаяся сломанными бимсами зияющая брешь, которая время от времени изрыгала пенистую воду.

— Сюда! — крикнула она. — Над нами рухнула опора фок-мачты.

Первым вынырнул из темноты Маниголь. Словно Голиаф, он встал под треснувшие бимсы. Беря, Мерсело и трое наиболее сильных мужчин присоединились к нему. Они поддерживали тяжелые бимсы, изо всех сил стараясь прикрыть брешь. Вода хлестала уже меньше. Пот струился по напряженным лицам мужчин.

— Нужно бы... плотников... — выдохнул Маниголь. Пусть они принесут стояк и инструменты... Если они смогут выправить мачту... брешь не увеличится.

Шлепая в чавкающей воде, Анжелика все-таки сумела отыскать Онорину. Это было просто чудо, но малышка по-прежнему лежала в своем

хорошо укрепленном гамаке, который повторял безумные движения «Голдсборо». Она проснулась, но не выглядела слишком напуганной.

Анжелика осветила фонарем дантовскую картину, которую представляли Маниголь и его товарищи, поддерживающие на своих плечах тяжелые бимсы. Насколько их хватит? С глазами, налившимися кровью, Маниголь кричал:

— Плотников!.. Идите за ними...

— Дверь закрыта!

— О, проклятье! Они закрыли нас, чтобы мы погибли, словно крысы в норе... Идите... через склад... — Он совсем задохнулся. — Там есть люк.

Анжелика наконец поняла. Она вспомнила про люк, пробравшись через который матросы-испанцы вчера, во время ее разговора с тетушкой Анной, оказались у них за спиной.

Она сунула фонарь в руки стоящему рядом Марциалу.

— Держи его хорошо и держись сам, — сказала она. — Пока он светит, они будут стоять. Я попытаюсь предупредить капитана.

Она проползла на коленях к сходному люку, отодвинула крышку и соскользнула в темную дыру. Она спускалась по ступеням трапа, потом шла через коридор, о переборки которого ее швыряло словно мячик, снова поднималась. У нее болели все кости. И все же она добралась до верхней палубы. Самое трудное позади!

***

Как матросы могут работать на верхней палубе, которую беспрестанно окатывают чудовищные волны? Как они еще держатся на своих ряях и вантах, ведь они висят там, словно фрукты на дереве, и кажется, что сейчас их сорвет ветром и унесет далеко в море?

В свете молний она видела силуэты людей, которые деловито двигались по палубе, изо всех сил стараясь хоть как-то исправить поистине смертельные повреждения, которые наносил судну натиск волн.

Она поползла, цепляясь за тросы, которые были натянуты вдоль борта. Она знала, что Жоффрей де Пейрак сейчас на юте стоит у руля, и она любой ценой должна добраться до него. Это была ее единственная мысль. Промокшая до костей, изо всех сил цепляясь за все, за что только можно было уцепиться, она пробиралась сквозь темень, словно шла по длинному туннелю, который через много лет все-таки приведет ее к нему.

«Умереть подле него. Пусть судьба подарит мне хотя бы это». Наконец она увидела мужа, он почти слился с ночью, он вписывался в эту бурю» на которую походил своим неистовым характером. Среди безумного волнения воли его спокойная неподвижность была, просто удивительна.

«Неужели он не понимает, что все мы погибнем? Никакая человеческая сила не может, противостоять ярости океана. Одна волна, вторая... и наступит конец».

Она поползла до него, коснулась его ноги, которая стояла твердо, словно была привинчена к палубе. Потом с усилием; приподнялась и обеими руками ухватила за его широкий кожаный пояс. Он не шелохнулся, стоял, словно каменное изваяние. Но в свете новой вспышки молнии она увидела, что он повернул голову и взглянул вниз, чтобы посмотреть, кто цепляется за него. Он вздрогнул, и она скорее догадалась, чем услышала сквозь грохот волн его вопрос:

— Что вы тут делаете?

Она прокричала:

— Плотников. Скорее!.. На нижней палубе... обрушивается...

Услышал ли он, понял ли?.. Он не мог оставить руль. Он пригнулся под ударом новой волны, которая, словно скачущее разъяренное животное, перемахнула через высокое Ограждение рубки.. Когда Анжелика сумела наконец вновь вздохнуть — волна наполнила ей рот соленой водой, — она увидела рядом с Пейраком капитана Ясона. Пейрак что-то сказал ему, потом Ясон подошел к перилам и прокричал в рупор приказ.

Снова вспыхнула молния, и Анжелика увидела лицо мужа: чуть склонившись к ней, он... улыбался.

— Все в порядке... Еще немного терпения и конец!

— Конец? — в ужасе переспросила она.

— Буре конец!

Она подняла взгляд. Во тьме, где-то наверху, вырисовывалось нечто странное. Огромная белоснежная гирлянда понемногу расширялась, наползала на них, словно какое-то дьявольское цветение. Она перерезала все неба Анжелика подскочила.

— Смотрите! Смотрите! — завопила она.

Жоффрей де Пейрак тоже увидел. Он знал, что этот повисший в воздухе белый вал — не что иное, как пенистый гребень чудовищной волны, которая накатывается на них.

— Последняя... — тихо сказал он.

Напрягши все мускулы, он переложил руль, поставив судно левым бортом к волне.

— Все на левый борт, — кричал Ясон.

Жоффрей де Пейрак сделал шаг назад. Одной рукой он прижал к себе Анжелику, другой ухватился за бизань-мачту.

Огромная волна опрокинулась на них. Накренившийся на правый борт

«Голдсборо» в бешеном водовороте казался просто деревянной пробкой, подхваченной гигантской волной.

Потом он перекатился через пенящийся гребень, неожиданно, словно песочные часы, развернулся и другим боком соскользнул по покатой волне вниз.

Анжелике казалось, что стремительный поток, который заливает их, никогда не иссякнет.

Она четко осознавала только одно: рука Жоффрея крепко держит ее. Она хотела вздохнуть и хлебнула соленой воды. Ей казалось, что они уже в глубине морской пучины, связанные навсегда, соединенные для вечности, и восхитительное спокойствие охватило ее душу и уставшее тело: «Самое великое счастье... вот так... наконец...» Она едва не лишилась чувств, но от полученного удушающего удара словно отупела и уже не осознавала, что море перестало крутить и вертеть корабль и что вокруг воцарились тишина и спокойствие...

Спокойствие, правда, было весьма относительное. Корабль продолжало потряхивать, но по сравнению с тем, что он только сейчас претерпел, это было пустяком. Но этого Анжелика уже не чувствовала.

***

Каюта Рескатора предстала перед ней как удивительно мирное прибежище.

Она не могла вспомнить, как оказалась там в своей промокшей одежде.

«Надо встать и спуститься вниз, — подумала она. — Плотники... успели они прийти, чтобы предотвратить беду? Судя по всему — да, поскольку судно еще на плаву.

Вдруг она заметила, что в каюте находится какой-то обнаженный до пояса мужчина, он энергично растили себе тело, встряхивая густыми волосами, с которых во все стороны летят брызги.

Ноги у него были тоже голые по колено, а короткие кожаные штаны — единственная его одежда — прилипли к телу.

Свет большой лампы — Анжелика не сразу поняла, где она находится, — позволял видеть необычный рельеф на его теле. Оно, казалось, было сделано из кожи: шрамы, рубцы, глубокие борозды, которые своими беспорядочными линиями нарушали гармонию великолепно развитой мускулатуры.

— А, прекрасно, сударыня вы уже немного пришли в себя? — послышался голос Жоффрея де Пейрака.

Он закончил энергично растирать себе плечи, потом, отбросив

полотенце, подошел к Анжелике и, подбоченившись, принялся разглядывать ее.

Никогда еще он так не походил на грозного пирата — полуобнаженный, со словно прокопченным телом, с насмешливым взглядом из-под упавших на лоб прядей темных спутанных волос. Она увидела прежнюю шевелюру Жоффрея де Пейрака, освобожденную от черного платка, которым он затягивал ее, чтобы она не выглядела такой пышной.

— Это вы? — прошептала она.

— Да, я... на мне сухой нитки нет. Да и вы тоже промокли насквозь... Как вам понравилась буря в водах Новой Шотландии? Великолепно, не правда ли? Не сравнить с бурей в стакане воды, которые случаются в этой луже — Средиземном море. К счастью, мир велик и не скупится на разнообразие...

Он смеялся. Это так возмутило Анжелику, что она вскочила, несмотря на свинцовую тяжесть своей до нитки промокшей одежды.

— Вы смеетесь! — крикнула она с жаром. — Бури вызывают у вас смех. Жоффрей де Пейрак... Попытки тоже вызывают у вас смех. На паперти Собора, Парижской Богоматери вы пели... Что за важность, что плачу я? Что за важность, что я боюсь бурь... даже на Средиземном море... без вас...

Ее губы дрожали. Что скатывается по ее бледным щекам — соленая морская вода или слезы? Она плачет, неистовая Анжелика...

Он протянул к ней руки, крепко прижал к своей теплой груди.

— Успокойтесь же, успокойтесь, сударыня... Не собираетесь же вы впадать в истерику сейчас?.. Опасность миновала, дорогая. Буря кончилась.

— Но она начнется снова.

— Возможно. А мы снова ее поборем. Неужели вы так мало доверяете моему умению в морском деле?

— Вы меня оставили, — жалобно сказала она, не зная сама, на какой из его вопросов дала ответ.

Под своими холодными пальцами она чувствовала его тело, крепкое и горячее... Все было словно во сне. Она обеими руками обхватила его за плечи, почти повиснув на нем, и приблизила свои губы к его губам!

Этот порыв пришел неожиданно, помимо ее воли. Но она тут же рывком отпрянула от него. Он предупредил ее, прежде чем она рванулась к двери.

— Оставайтесь!

Взгляд Анжелики блуждал, она была в смятении.

— Внизу все в порядке. Плотники не опоздали. Пришлось пожертвовать фок-мачтой, но пробоину уже заделали и воду откачали. А вашу дочь я поручил ее преданной няньке, сицилийцу Тормини, он ее обожает.

Он нежно коснулся рукой щеки Анжелики и притянул ее голову к своему плечу.

— Не уходите... Сейчас вы нигде никому не нужны, только мне здесь.

Она вся дрожала. Она не могла поверить, что эта хрупкая нежность — реальна.

Он обнимает ее... Он ее обнимает!..

Она вновь попала в водоворот самых противоречивых чувств, которые пугали ее не меньше, чем только сейчас — буря.

— Нет... — воскликнула она, снова вырываясь из его объятий, — это невозможно!.. Вы не любите меня больше... Вы меня презираете... вы считаете меня теперь уродиной...

— Ого, как вы пришли к такой мысли, красавица моя? — весело спросил он. — Вас бы это обидело?

Он чуть откинулся назад, продолжая удерживать ее кончиками пальцев и разглядывая с язвительной улыбкой, в которой читались и меланхолия, и нежность, а в его черных и блестящих глазах горели искорки.

Она с отвращением коснулась своего мокрого, и шершавого от морской воды лица, своих слипшихся волос.

— Но я ужасна, — простонала она.

— Да, конечно, — согласился он насмешливо, — истинная сирена, выловленная, со дна морского моими сетями. Ее тело застыло в холоде, и она боится любви мужчины... Какую обманчивую внешность вы выбрали дам для себя, госпожа де Пейрак?

Он обеими руками обхватил ее за талию и внезапно поднял, словно соломинку.

— Безумица! Дорогая безумица!.. Кто не пожелал бы вас. Их слишком много, тех, кто желает вас... Но вы принадлежите только мне.

Он понес ее к постели и, уложив, продолжая прижимать к себе, погладил по лбу, словно она была больным ребенком.

— Кто не пожелал бы вас, душа моя?

Оглушенная, она не сопротивлялась. Страшная буря, которая так напугала ее, теперь неожиданно привела их к этой минуте, на которую она уже не надеялась больше, но о которой продолжала мечтать. Почему? Каким чудом?

— Снимите скорее с себя мокрую одежду, если вы не хотите, чтобы я сделал это сам.

С привычной уверенностью он заставил ее снять с себя плащ, прилипшее к телу платье.

— Вот с чего мы должны были начать, когда вы в первый раз отыскиали в Ла-Рошели. Спорить с женщиной — дело бессмысленное... просто трата драгоценного времени... А ведь мы могли использовать его куда лучше... вы согласны со мною?

Обнаженная рядом с его обнаженным телом, она начинала воспринимать его ласки.

— Не бойся... — говорил он шепотом, — я только хочу согреть тебя...

Она больше не спрашивала себя, почему он после всех упреков и злобных выпадов с такой ревнивой властью привел ее к себе.

Он желает ее. Он ее желает!

Казалось он открывал ее для себя, как мужчина, в первый раз обнимающий женщину, о которой долго мечтал.

— Какие у тебя красивые руки, — говорил он восторженно.

Они были уже на пороге любви.

Той необъятной и восхитительной любви, которая связывала их когда-то. От нее к нему снова тянулись связующие нити, сплетавшие их тела, и это наполняло их нежностью и воспоминаниями о том, что сохранило их влечение друг к другу, помогло пронести его через пространства и время.

Анжелика раскрыла ему свои объятия, и они слились в едином порыве, вновь — через столько лет! — переживая привычное и всегда новое восторженное счастье любви. Она чувствовала, сама еще не в силах ответить ему, его жаркие уста на своих устах. Потом на шее, на плечах...

Он все более и более страстно осыпал ее поцелуями, словно хотел с жадностью выпить всю ее кровь.

Все ее страхи улетучились. Мужчина, созданный для нее, соединился с нею. С ним все было естественно, Просто и прекрасно. Принадлежать ему, быть здесь с Ним почти в беспомыслии под его натиском и вдруг, снова придя в себя, осознать со страхом и ослепляющей радостью, что наконец-то они вместе...

***

Рождался новый день, одно за другим снимая покрывала тьмы и восстанавливая перед взором Анжелики черты лица Жоффрея де Пейрака, словно вырезанного из темного дерева, лица фавна, а она еще не могла поверить, что это — не сон.

Она чувствовала, что уже не сможет больше обходиться без его объятий, без его ласки, без его любви, которую теперь читала в его взгляде, еще недавно бывшем таким жестким.

Рождался новый день, день после бури, волны за окном были усталы и полны неги; и Анжелике казалось, будто они тихо плещутся где-то внутри нее. Запах моря отошел на второй план. Теперь Анжелика вдыхала аромат любви, фимиам их единения. И однако страх не вполне оставил ее.

Она хотела бы так много сказать мужу, но то, что переполняло ее сердце, не могло сорваться с ее губ.

Что думает он о ее молчании? О ее неловкости? Что скажет он, когда заговорит? Бросит какую-нибудь шутку, она уверена. Об этом можно догадаться по насмешливой складке у его рта.

— Черт побери! Пожалуй, не так уж плохо для маленькой матушки-аббатиссы. Но, между нами говоря, дорогая, вы не сделали больших успехов в любви со времен школы Отеля Веселой Науки.

Анжелика рассмеялась. Пусть лучше упрекает ее в неловкости, чем в успехах. Ладно, пусть он подшучивай над ней, она не против. Она изобразила смущение.

— Пожалуй! Но у вас будет достаточно времени снова научить меня, мой сеньор. Вдали от вас я не жила, а лишь существовала. Это не одно и то же...

Он скорчил недовольную гримасу.

— Хм! Что-то не верится, лицемерка! Но не важно. Зато как красива сказано!

Он продолжал ласкать ее, словно оценивая мягкие округлые формы под своими пальцами.

— Это просто преступление — прятать такое тело под поношенным платьем служанки. Я вас излечу от этой скромности.

Он поднялся, подошел к рундуку и, достав оттуда платье, бросил в изножье кровати.

— С сегодняшнего дня вы будете одеваться прилично.

— Вы несправедливы, Жоффрей. У моего платья служанки, как вы изволили выразиться, есть и свои преимущества. Как бы, преследуемая королевскими драгунами, я бежала на ваш «Голдсборо», будь я в платье светской дамы? Кстати, я больше не подданная королевства.

Он прилег рядом с нею. Приподнявшись на локте и положив другую руку на ее приподнятое колено, он с нарочито задумчивым видом — это напомнило ей его прежнего, они раньше любил попаясничать — смотрел на нее.

— Королевства?.. Но у меня есть свое королевство. Огромное. Восхитительное. Времена года одевают его в изумруды и золото. Море удивительной голубизны омывает берега цвета утренней зари...

Своим лиризмом он напоминал сейчас трубадура.

— И где же находится ваше королевство, мой дорогой сеньор?

— Я везу вас туда.

Она вздрогнула, вернувшись к действительности. Почти шепотом она осмелилась спросить:

— Так, значит, вы везете нас не на Острова?

Он долго молчал, словно не услышал ее вопроса. Потом пожал плечами:

— Острова?.. Ба!.. Будут вам острова... Больше, чем вам хочется.

Жоффрей перевел взгляд на нее и снова улыбнулся, Его рука машинально перебирала рассыпавшиеся по подушке волосы Анжелики. Высохнув, они снова стали пушистыми.

Он долго их разглядывал.

— Какими светлыми стали ваши волосы. Честное слово, они просто белые!

— Да, — прошептала она. — Каждая седая прядь — память о какой-нибудь муке.

Нахмутив брови, он продолжал со вниманием разглядывать их.

— Рассказывайте, — наконец властно сказал он.

Рассказывать? Что же? О страданиях, которые выпали на ее долю на тех дорогах, что она прошла без него?

Она смотрела на него влюбленным взглядом. Он нежно гладил пальцем ее виски. Она не знала, что он стирает слезы, которые — она даже не замечала этого — катятся из ее глаз.

— Я все забыла, мне нечего рассказать.

Она подняла обнаженные руки, осмелилась обнять его, притянуть к своей груди.

— Вы моложе меня, господин де Пейрак, вы сохранили свою мавританскую шевелюру темной, как ночь. Всего несколько седых волосков.

— Ими я обязан вам...

— Правда?

В неясном свете утра он увидел, как дрогнули в полуулыбке ее губы то ли от счастья, то ли от горечи. Он подумал: «Моя единственная боль. Моя единственная любовь».

— Да, я много выстрадал... из-за вас... вы можете быть довольны,

пожирательница мужских сердец.

Как она красива! В его жизни не было более красивой женщины. Он отдохнет на ее груди. В ее объятиях он забудет все.

Он взял ее тяжелые, с перламутровым оттенком волосы и обмотал их вокруг своей шеи. Уста к устам, они снова исступленно прильнули друг к другу, и в это мгновение утреннюю тишину разорвали звуки мушкетных выстрелов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БУНТ

Глава 29

При звуках выстрелов Анжелике показалось, будто она вновь переживает давно минувшее: неожиданное появление королевских драгун. В глазах у нее померкло.

С ужасом она смотрела на Жоффрея де Пейрака, который вскочил и быстро одевался, натягивая высокие сапоги.

— Вставайте! — крикнул он. — Быстро!..

— Что это?..

***

Она подумала, что какой-нибудь пиратский корабль атаковал «Голдсборо». Взяв себя в руки, она схватила платье, которое бросил ей муж. Никогда, наверное, ни одна женщина не одевалась, так не заботясь о том, как будет выглядеть. Она уже застегивали корсаж, когда тяжелый удар потряс дверь каюты.

— Откройте! — прохрипел снаружи чей-то голос.

Жоффрей де Пейрак отодвинул задвижку, и на него навалилось и рухнуло на ковер тяжелое тело. Между лопатками человека расплзлось огромное темно-красное пятно.

Жоффрей де Пейрак перевернул его.

— Ясон!

Капитан открыл глаза.

— Пассажиры, — пробормотал он, — они напали, на меня... исподтишка... в тумане... Они захватили верхнюю палубу...

Через открытую настежь дверь в каюту тяжелыми белесыми хлопьями вползал туман. Сквозь него Анжелика увидела знакомый силуэт. Габрнель Берн стоял на пороге с еще дымящимся пистолетом в руке.

Его вооруженная рука и рука Рескатора поднялись одновременно.

«Нет!» — хотела крикнуть Анжелика» но крик застрял у нее в горле.

Стремительным движением она ринулась вперед и удержала руку мужа. Выстрел, который предназначался торговцу-протестанту, прогремел, но пуля вошла в позолоченную деревянную обшивку переборки над дверью.

— Дура! — процедил Жоффрей де Пейрак сквозь зубы.

Но не оттолкнул ее. Он знал, что у него в пистолете была всего одна пуля и перезарядить его он не успеет. Анжелика своим телом защищала его, как щитом.

Менее быстрый, чем его противник, Берн не успел выстрелить. С искаженным лицом, он замер в нерешительности. Теперь он не мог сразить ненавистного ему Рескатора, не рискуя, ранить или даже убить женщину, которую любил.

Вошли Маниголь, потом Карер, Мерсело и несколько матросов-испанцев» их сообщников.

— Ну что ж, монсеньор, — сказал с иронией судовладелец, — теперь наша очередь позабавиться! Признайтесь, что вы не ожидали такого неблагодарного поступка от жалких эмигрантов, предназначенных для продажи хищным авантюристом. «Бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время», — как сказано в Священном Писании. Вы позволили Далиле усыпить свою бдительность, а мы воспользовались вашей промашкой, ведь мы уже давно подстерегали подходящий случай. Монсеньор, сообразованно передать мне ваше оружие.

Анжелика, застыв, стояла между ними, как изваяние.

Тогда Жоффрей де Пейрак отстранил ее и протянул свой пистолет Маниголю, а тот сунул его себе за пояс. И рошелец, и его соучастники были вооружены до зубов. Сила была на их стороне, и капитан «Голдсборо» понял, что сопротивление бессмысленно, он просто немедленно будет убит. Потом он очень спокойно повязал жабо и кружевные манжеты своей рубашки.

***

Протестанты с презрительным видом оглядывали роскошные апартаменты, их развратного хозяина, красноречивый беспорядок на восточной тахте. Анжелику не заботило, что они думают о ее нравственности. То, что случилось, превзошло самые мрачные ее предчувствия. Сейчас у нее на глазах граф де Пейрак и мэтр Берн чуть не застрелили друг друга. Вероломное поведение протестантов ее просто сразило...

— Что вы наделали! — прошептала она. — Вы, мои друзья...

Протестанты были готовы к ее гневу, они заранее решили пресечь все грозные и страстные упреки сударыни Анжелики. Но совесть все-таки заставила их посмотреть ей в глаза, и под ее взглядом они на минуту заколебались. Имели ли они право на эти действия? Может быть, они и правда чего-то не знают?

В этой паре, что стояла сейчас перед ними, — мужчине с незнакомым, странным лицом, потому что они впервые видели его без маски, и женщине, тоже незнакомой им в своем новом роскошном, платье, — они чувствовали что-то нерасторжимое, совсем иное, чем случайная плотская

связь, в которой они их обвиняли.

Анжелика в платье с воротником из венецианских кружев, на который спадали ее словно освещенные лунным светом волосы, была уже для них не другом, которого они знали, а знатной дамой, которую Габриель Берн интуитивно угадал под личиной служанки. Она держалась около Рескатора, как около своего сеньора. Гордые, презрительные, они были другой породы, и у протестантов на мгновение возникло чувство, что они заблуждаются, что они сейчас совершат ошибку, за которую Потом жестоко поплатятся. Слова речи, которую приготовился произнести Маниголь; выскочили у него из головы. А ведь он заранее предвкушал, как этот загадочный и презрительный Рескатор будет просить у него пощады. Но при виде этой пары его торжество сникло.

Однако он первым взял себя в руки.

— Мы защищаемся, — сказал он громко. — Это наш долг, монсеньор, — поставить все на свои места, чтобы избежать, той злосчастной судьбы, которую вы нам уготовили. А сударыня Анжелика помогла нам усыпить вашу бдительность.

— Не иронизируйте, господин Маниголь, — сурово сказала Анжелика. — Вы пожалеете, что судили так легкомысленно, когда узнаете всю правду. Но сегодня вы не в состоянии ее выслушать. Я надеюсь, что разум скоро вернется к вам и вы поймете, насколько безумны ваши действия.

Только ее спокойствие и достоинство, с которым она держалась, могли поддерживать, уважение к ней этих взбудораженных людей. Она чувствовала их потребность убивать и тем самым утвердить свое еще шаткое превосходство. Одно движение, одно неосторожное слово, и непоправимое может свершиться.

Она продолжала стоять перед Жоффреем де Пейраком. Не осмелятся же они стрелять в нее. В нее, которая спасла их...

И правда, они колебались.

— Отойдите, сударыня Анжелика, — сказал наконец Маниголь, — всякое сопротивление бесполезно, вы это и сами видите. Отныне хозяин на борту я, а не этот пират, которого непонятно почему вы хотите защитить от тех, кого только сейчас назвали своими друзьями.

— Что вы собираетесь сделать с ним?

— Арестовать.

— Вы не имеете права убить человека без суда, не доказав его вины перед вами. Это будет страшная подлость. Бог вас накажет.

— Мы не собираемся убивать его, — сказал Маниголь после

некоторого колебания.

Но она знала, что они пришли сюда именно с намерением уничтожить его, прежде всего его, и, если бы не она, он уже лежал бы здесь около Ясона. Она почувствовала, что покрывается холодным потом.

Время, казалось, замедлило свой бег.

Надо, заставить себя унять дрожь! Она повернулась к мужу, чтобы увидеть, как он, держится в этой унижительной и опасной ситуации, и не поверила своим глазам. На его лице блуждала та загадочная улыбка, которой он всегда противостоял всем воющим псам, собравшимся в стаю, чтобы погубить его.

Этот удивительный человек всегда умел восстановить против себя тех, от кого зависела его жизнь или смерть. Значит, напрасны ее усилия защитить его, желание быть рядом с ним. Он не нуждается ни в ком, и, быть может, он даже безразличен к смерти, к тому, что снова покинет ее, едва обретя.

— Разве вы не видите, что они сделали? — сказала она почти в ярости. — Они же захватили ваш корабль!

— Это еще не доказано, — сказал он насмешливо.

— Знайте, сударь, — снова обратился к нему Маниголь, — что большая часть вашего экипажа заперла в трюме и не сможет прийти вам на помощь. Мои вооруженные люди охраняют каждый проход, каждый люк, и тот, кто попытается высунуть наружу нос, будет безжалостно убит. Что же касается вахтенных, которые сейчас на палубе, то большинство из них мечтает избавиться от такого алчного хозяина-тирана, и мы уже давно сговорились с ними.

— Рад это узнать, — сказал Рескатор.

Его взгляд остановился на матросе-испанце, который, впервые увидев его богатство, бродил по салону, словно хищник, и уже схватил несколько особенно понравившихся ему золотых-безделушек.

— Ясон предупреждал меня... — сказал Рескатор. — Мы совершили ошибку, поспешно на вербовав экипаж. И как видите, ошибка всегда оплачивается дороже, чем преступление...

Он посмотрел на недвижимое тело капитана Ясона, кровь которого растеклась по ковру с высоким ворсом, по цветам на его узоре. Черты Ясона застыли, под закрытыми ресницами навеки померк блеск его черных глаз.

— Вы убили моего помощника... моего друга, с которым я не расставался десять лет...

— Мы убили всех, кто оказал нам сопротивление. Но как я уже сказал

вам, их было не так уж много, остальные на нашей стороне.

— Желаю вам не иметь слишком больших трудностей с этим блестящим экипажем, набранным среди худших каналов Кадикса и Лиссабона, — усмехнулся Рескатор. — Мануэло! — крикнул он грозно.

Один из бунтовщиков вскочил, и Рескатор что-то бросил ему по-испански. Тот с испуганным видом поспешно принес ему плащ.

Рескатор накинул его на плечи и решительным шагом направился к двери.

Протестанты тотчас же плотно окружили его, на них произвело большое впечатление беспрекословное подчинение матроса.

Маниголь приставил ему между лопаток пистолет.

— Не пытайтесь запугать нас, сударь. Хотя мы еще не решили, как поступить с вами, вы все равно в наших руках и не ускользнете.

— Я не настолько глуп, чтобы не считаться с фактами. Я просто хочу оценить ситуацию de visu ^[13].

Под направленными на него со всех сторон мушкетами и пистолетами он вышел на балкон и облокотился на резные деревянные перила. Часть их была вырвана во время ночной бури.

Глядя сверху, Рескатор мог оценить, какое разорение постигло его корабль. Паруса висели безжизненно. На концах некоторых рей снасти запутались в чудовищные клубки, которые болтались, угрожая до смерти зашибить кого-нибудь, кто будет проходить под ними. На баке обломок фок-мачты упал вместе с парусами, реями и вантами. Доблестный «Голдсборо» выглядел как после кораблекрушения.

К урону, нанесенному бурей, теперь прибавился урон от недавнего сражения, недолгого, но жестокого. На палубе валялись трупы, и матросы, которые присоединились к бунтовщикам, без всяких церемоний бросали их за борт.

— Теперь вижу, — презрительно сказал Рескатор.

Он посмотрел вверх. Между реями двух неповрежденных мачт матросы значительно поредевшего, но довольно активного экипажа пытались починить и поднять паруса, распутать снасти или заменить их новыми. Несколько молодых протестантов выполняли роль марсовых, судя по всему, впервые в жизни. Работа шла медленно, но море, ставшее спокойным и ласковым, словно котенок, казалось, предоставляло новичкам время научиться морскому ремеслу.

На капитанском мостике Ле Галь, который, незаметно проскользнув в предутреннем тумане, убил Ясона, в рупор отдавал приказы. Он был

морским лоцманом, и Маниголь доверил ему вести судно. Ле Галь слыл бывалым моряком.

Бреаж стоял у руля. Все рошельцы, в общем, в той или иной степени были привычны к морю и не чувствовали себя чужими на нем, а потому, даже несмотря на то, что «Голдсборо» был большим кораблем, с помощью присоединившихся к ним двух десятков матросов должны были бы справиться с его управлением, правда, при условии, что будут делать это без отдыха... и еще при условии, что...

Рескатор повернулся и посмотрел на протестантов. Он по-прежнему улыбался.

— Хорошая работа, господа. Согласен, дельце обделано ловко. Вы воспользовались тем, что все мои люди, кроме нескольких вахтенных, вымотанные ночной битвой за спасение судна, своих и ваших жизней, отдыхали, и осуществили свои пиратские планы...

Маниголь покраснел от оскорбления.

— Пиратские! Мне кажется, вы приписываете нам свою роль.

— Ха! А как еще можно назвать действия, когда силой отнимают имущество другого человека; в данном случае — мой корабль?

— Корабль, который вы отняли у других. Вы живете грабежами...

— Вы слишком категоричны в своих суждениях, господа протестанты. Поезжайте в Бостон, там вам подтвердят, что «Голдсборо» сооружен по моим эскизам и был оплачен полновесной монетой.

— Тогда, значит, деньги сомнительного происхождения. Держу пари.

— Кто может похвастаться происхождением золота, которое находится у него в кошельке? Вы сами, господин Маниголь, получили и умножили состояние ваших религиозных предков, корсаров и коммерсантов из Ла-Рошели, а разве оно не орошено слезами и потом тысяч черных рабов, которых вы купили в Гвинее, чтобы перепродать их в Америку?

Он стоял, опершись на перила, и продолжал улыбаться, словно вел беседу в гостиной, а не под дулами взведенных мушкетов.

— Какая тут связь? — удивленно спросил Маниголь. — Не я придумал рабство. Америка нуждалась в рабах. Я их поставлял им.

Рескатор хрипло рассмеялся, и это прозвучало так оскорбительно, что Анжелика закрыла руками уши, убежденная, что Маниголь немедленно ответит на этот вызывающий смех выстрелом. Но ничего не произошло. Протестанты были словно заморожены Рескатором. Анжелике казалось, что от него исходят какие-то флюиды. Он удерживал своих противников неведомой силой. Они словно забыли, где они, почему они здесь.

— О, нерушимая совесть праведников, — продолжал Рескатор, переведа дыхание. — Никогда никакое сомнение не коснется того, кто убежден, что познал истину. Но оставим это, — сказал он непринужденно и презрительно, как истинно знатный сеньора — Чистая совесть предполагает чистые поступки. Если вами не руководили пиратские побуждения, что же, в таком случае, оправдывает ваше желание лишить меня всего моего состояния и даже жизни?

— Потому что вы решили не везти нас к цели нашего путешествия — в Сен-Доминику.

Рескатор промолчал. Горящими глазами он неотрывно смотрел в глаза судовладельца. Словно в этом противоборстве победу должен был одержать тот, кому удастся заставить противника первым отвести взгляд.

— Значит, вы не отрицаете этого, — торжествующим тоном продолжал Маниголь. — К счастью, мы разгадали ваши замыслы. Вы хотели продать нас.

— Уф! Торговля рабами — нечистый и нечестный способ зарабатывать деньги. Но вы ошибаетесь. У меня никогда не было намерения продать вас. Я не торгую людьми. Я не знаю, чем вы владеете в Сен-Доминике, но то, чем владею я там, куда вез вас, превосходит все богатства этого маленького острова. И совсем не ради того, чтобы выудить деньги из ваших бледных протестантских скелетов и увеличить свое состояние, я принял решение взять вас и ваши семьи к себе на борт. Я скорее заплатил бы, чтобы избавиться от вас, — добавил он с пленительной улыбкой. — Несмотря на свой опыт перекупщика человеческих тел, вы преувеличиваете свою рыночную стоимость, господин Маниголь.

— Ну, хватит! — в ярости вскричал Маниголь. — Мы слишком добры, если выслушиваем такие речи. Ваша заносчивость не спасет вас. Мы защищаем свою жизнь, которой распорядились вы. То зло, что вы нам причинили...

— Какое же зло?

Рескатор, скрестив руки на груди, оглядывал их одного за другим, и под его цепким взглядом они молча замирали.

— Я причинил вам большее зло, чем то, какое ждало вас от королевских драгун, мчавшихся за вами с саблями наголо? У вас слишком короткая память, господа, или, во всяком случае, — память неблагоприятная... — Он снова усмехнулся и добавил: — О, не смотрите на меня так, я понимаю ваши чувства. Я понимаю, все понимаю! И знаю то реальное зло, что причинил вам. Я поставил вас лицом к лицу с людьми,

которые непохожи на вас, которые в ваших глазах воплощают Зло. Но ведь эти люди спасли вас. Человека всегда пугает то, чего он не понимает. Помните, эти мавры, враги Христа, что находились у меня на борту, эти средиземноморские разбойники, грубые и нечестивые морские волки, охотно поделились с вами сухарями, которые были запасены для них, уступили вашим детям свежие продукты, а ведь они должны были предохранять их от цинги. У меня в трюме и сейчас лежат два человека, раненные около Ла-Рошели.

Но вы не сочли нужным проявить к ним дружеское внимание, ведь они в ваших глазах «плохие». Самое большее, на что вы оказались способны, это сделать из некоторых из них своих сообщников, как это было раньше с арабскими торговцами рабами, которые приходили к берегам Ла-Рошели перепродать вам чернокожих, взятых в неволю в глубине Африки, которую, в отличие от вас, я хорошо знаю... Но опустим это...

— Вы перестанете попрекать меня рабами? — взревел Маниголь. — Вы обвиняете меня, словно я преступник. Вырвать этих дикарей-безбожников из плена их идолов и разврата, чтобы они познали истинного Бога и уважение к труду, — разве это не полезней было для них самих?

Рескатор, казалось, был удивлен. Он обхватил рукой подбородок и задумался, покачивая головой.

— Я знал, что ваш взгляд на жизнь имеет своих сторонников, хотя, чтобы постичь его, нужен ум глубоко... религиозный. Это не для меня. Возможно, потому, что некогда я тоже ходил в кандалах.

Он поднял кружевные манжеты рубашки и протянул загорелые руки, на которых виднелись беловатые шрамы.

Не было ли это ошибкой с его стороны? Протестанты, которые слушали его в растерянности, вдруг приободрились, и липа их снова приобрели грозное выражение.

— Да, — подтвердил Рескатор, словно наслаждаясь тем, какой эффект произвело его откровение, — и я сам, и мой экипаж на этом корабле — мы почти все носили кандалы. Носили потому, что не любим торговцев рабами, таких, как вы.

— Каторжник! — вскричал Маниголь. — И вы еще хотите, чтобы мы доверились вам и вашим собратьям по галерам.

— Плавать на королевских галерах — разве это позорно в наш век, сударь? На каторге в Марселе рядом со мною были люди, единственным преступлением которых являлась их принадлежность к религии кальвинистов, как называют вас во Французском королевстве, из которого

вы бежали.

— Это совсем другое дело. Они пострадали за веру.

— А разве вы знаете, за какую веру пострадал я? Тогда как же вы можете судить так несправедливо?

Маниголь саркастически ухмыльнулся.

— Скоро вы заставите нас поверить, монсеньор, что марсельская каторга и скамьи на королевских галерах заполнены невиновными, а не ворами, убийцами и бандитами с большой дороги, как тому следует быть.

— Кто знает? Это, пожалуй, соответствовало бы правовым нормам старого разлагающегося мира. Но, увы, «есть зло, которое увидел я под солнцем, — это как бы погрешность, происходящая от властелина: невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко. Видел я рабов на тонях, а князей, ходящих, подобие рабам, пешком». Я процитировал Писание, господа.

Он со значительным, почти пророческим видом поднял палец, и в эту минуту Анжелика поняла.

Он ломает комедию. Не сейчас, не в эту минуту, а во время всего этого ошеломляющего диалога он и не пытался объясниться со своими противниками, «обратить» их в свою веру в обманчивой надежде привести к осознанию своих заблуждений. Анжелика и сама знала, что это бесполезно, и именно поэтому она с таким беспокойством следила за их пикировкой, которая казалась ей почти неприличной в такую минуту. И вдруг она поняла его игру. Зная о пристрастии протестантов к схоластическим дискуссиям, он вовлек их в спор о совести, задавал им вопросы и даже цитировал Библию, чтобы завладеть их вниманием.

«Он пытается выиграть время, — подумала она. — Но на что он надеется? Чего ждет? Верные ему члены экипажа заперты в трюме, а те, кто пытался вырваться, безжалостно убиты».

Мушкетный выстрел, прозвучавший в глубине «главной улицы», подтвердил ее мысль, и она вздрогнула.

Берн, у которого терзающие его при виде Анжелики противоречивые чувства обострили интуицию, глядя на нее, догадался, о чем она думает.

— Друзья! — крикнул он. — Берегитесь! Этот дьявол во плоти хочет усыпить нашу бдительность. Он надеется, что к нему на помощь придут его люди, и пытается своими разглагольствованиями оттянуть исполнение приговора.

Они приблизились к Рескатору и окружили его тесным кольцом. Но никто не осмелился положить ему на плечо ладонь и арестовать, связать ему руки.

— Не пытайтесь больше заморочить нам голову, — угрожающе сказал Маниголь. — У вас нет ни малейшей надежды на спасение. Наши друзья, которых вы приняли в свой экипаж, составили подробнейший план корабля, и мэтр Берн — вспомните, тот, кого вы в оковах бросили в трюм, — сумел определить, что в его карцер воздух поступает через люк. Через него мы пробрались в пороховой отсек. Если потребуются, мы будем сражаться в трюмах, и знайте, у нас есть боеприпасы.

— Возрадуемся!

Рескатор держался как знатный сеньор, и его откровенная ирония выводила их из себя и тревожила.

— Я признаю, что сейчас вы сильнее. Я подчеркиваю: «сейчас», потому что у меня внизу все же есть человек пятьдесят. — Он постучал ногой по полу. — Вы думаете, что, оправившись от первого потрясения, они будут день за днем терпеливо ждать, когда вы выпустите их из клетки?

— Если они узнают, что у них нет больше капитана, чтобы служить ему и бояться его, — сказал Габриель Берн грозным тоном, — большинство из них, возможно, присоединится к нам. А остальные, те, кто останется верным вам... пусть пеняют на себя!

Анжелика возненавидела его только за эту одну-единственную фразу.

Габриель Берн жаждет смерти Жоффрея де Пейрака! Но непохоже было, что его слова повергли Рескатора в смятение.

— К тому же, господа, не забывайте: для того, чтобы добраться отсюда до Американских, островов, вам придется не менее двух недель провести в труднейшем плавании.

— Мы не настолько безрассудны, чтобы пытаться дойти до них, не зайдя ни в один порт, — сказал Маниголь, которого вывел из себя поучительный тон противника, и он не удержался, чтобы не пояснить: — Мы сейчас пойдем к берегу и через два дня будем в Сако или в Бостоне...

— Если вам позволит Флоридское течение...

— Флоридское течение?..

В эту минуту Анжелика утратила нить разговора, потому что, обернувшись в сторону полубака, заметила что-то странное. Ей и до этого казалось, будто туман выползает именно с той стороны корабля, теперь она в этом уже не сомневалась. И это был не туман, а дым. Непонятно было, откуда выходили эти плотные клубы, которые, стелясь понизу, окутывали разгромленную верхнюю палубу. И вдруг она закричала. Протянув руку, она доказала на дверь, ведущую на нижнюю палубу, где находились женщины и дети, из-под которой медленно выползал белый дым. Через щели в обшивке палубы тоже поднимались такие же дымки, угрожающее,

вьющиеся, словно при извержении вулкана. Там, внизу, в чреве корабля, должно быть, находился очаг пожара.

— Огонь! Огонь!

Ее услышали, взгляды всех оборотились в ту сторону, куда она указывала.

— Огонь на нижней палубе... А где женщины?

— Там, — ответил Маниголь, — мы сказали им пока сидеть тихонько... Но... если там огонь... почему они не выходят?

Он завопил что есть силы:

— Выходите! Все выходите!.. Пожар!

— Может, они уже задохнулись, — пробормотал Берн.

И он бросился на, полубак, за ним — Мерсело.

***

Пожар отвлек их внимание от пленника. Тот прыгнул с гибкостью тигра; Послышался глухой хрип. Матрос-испанец, стоявший на часах у двери апартаментов капитана корабля, рухнул, сраженный ударом кинжала Рескатора, который тот быстро выхватил из-за отворота сапога.

Обернувшись, бунтовщики увидели только распростертое тело испанца. Рескатор укрылся в своей каюте и стал недосыгаем для них. Наверняка он уже успел схватиться оружие, и, они понимали, выкурить его оттуда будет делом нелегким.

Маниголь стиснул кулаки, понимая, что на сей раз он проиграл.

— Проклятье! Теперь он может спокойно выждать. Пусть двое останутся здесь, — приказал он прибежавшим вооруженным матросам. — Сейчас мы займемся пожаром, а потом — им. Он не сможет улизнуть от нас. Следите за дверью и чтобы живой он оттуда не вышел!

Анжелика не слышала его последних слов. Мысль, что Онорина находится там, где пылает пожар, заставила ее броситься на нижнюю палубу.

В двух шагах уже не видно было ничего. Берн и Мерсело, кашляя и задыхаясь, пытались выбить дверь.

— Изнутри закрыто на засов.

Кто-то схватил топор, и им удалось приподнять деревянную створку двери.

Пошатываясь, закрывая глаза руками, оттуда стали выходить женщины. Кашель, чиханье, крики и плач поднялись над плотным облаком дыма, которое окутало и Анжелику. Ничего не видя, натываясь на чьи-то тела, которые металась в этом кошмаре, где за нее цеплялись чьи-то руки, она вытолкнула наружу несколько упавших детей. Исподволь она отметила

про себя, что не чувствует ни малейшего запаха дыма. Если не считать рези в глазах, да еще першения в горле, ничего страшного с ней не происходило. И уже не боясь потерять сознание, она вошла в задымленное помещение в поисках Онорины. Вокруг перекликались голоса.

— Сара! Женни! Где вы?

— А ты где?

— Вам плохо?..

— Нет, но мы не могли открыть ни дверь, ни порты.

— У меня дерет горло.

— Берн, Карер, Дари, пойдете со мной. Надо найти очаг пожара.

— Но... нет никакого пожара!

***

Ползая по полу, Анжелика ощупью искала Онорину. Ее тревога немного улеглась. Не было огня, не было пламени. Как она не догадалась раньше — конечно же, это один из фокусов Рескатора, ее мужа, этого ученого графа, научные эксперименты которого повсюду возбуждали вокруг его имени подозрения и страх.

— Откройте порты! — крикнул кто-то.

Здоровые кулаки вышибли крышки портов. Но несмотря на приток воздуха, необычный дым рассеивался с трудом: он словно клеился к вещам и стенам.

Наконец Анжелика различила очертания пушки, возле которой она устроила свое ложе, и где находился гамак Онорины. Гамак был пуст. Она бросилась искать около гамака и столкнулась с Абигаель, которая, закрыв лицо руками, пыталась подойти к одному из открытых портов, чтобы вдохнуть воздуха.

— Абигаель, вы не знаете, где моя дочь?

Абигаель долго откашливалась. Анжелика вместе с ней подошла к порту.

— Ничего. Это не опасно, я думаю. Просто неприятно.

Абигаель, отдышавшись, сказала ей, что она тоже ищет Онорину.

— Я думаю, что ее унес матрос-сицилиец, который приходил к ней еще до того, как появился этот дым. Я видела его издали, он поднимался по трапу, неся что-то, возможно, ребенка. Я недоглядела... Мы обсуждали события... Мы были так встревожены... Извините меня, сударыня Анжелика, что я недоглядела за вашей дочерью. Надеюсь, что с ни ничего не случилось. Этот сицилиец так предан ей.

Она снова закашлялась, вытерла покрасневшие слезящиеся глаза. Словно утренний туман в лучах восходящего солнца, плотный слой дыма

постепенно рассеивался. Уже можно было оглядеться. Они не увидели следов огня, обгоревшего дерева.

— Я боялась, что вы утонули во время этой ужасной бури, сударыня Анжелика. И как это вы отважились выйти в такую ночь. Как раз перед приходом плотников мэтр Мерсело потерял сознание. Мы все бросились помогать поддерживать балку, а она валилась на нас. Да еще нас заливало водой. Мы не смогли бы продержаться долго. Но плотники молодцы, пришли и быстро все сделали.

— И потому утром вы их убили, — с горечью сказала Анжелика.

— А что произошло, я толком так и не знаю? — прошептала Абигаель в ужасе. — Мы так измучились за ночь и, наконец, уснули, потом вдруг нас разбудили, и мы увидели, что все наши мужчины стоят с оружием в руках. Мой отец ужасно спорил с мэтром Маниголем, говорил что это безумие, то, что они собираются совершить.

— Да, они завладели судном, убили капитана Ясона и матросов, которые держали вахту, и заперли в трюмах тех, кто не присоединился к ним. В общем, черт знает что.

— А монсеньор Рескатор?

Анжелика в отчаянии уронила руки. Она до того устала, что у нее уже не было сил думать о судьбе Жоффрея де Пейрака, об Онорине, искать выход из этой ужасной ситуации.

Все случилось так неожиданно, обрушилось на них словно ураган.

— Как бороться с этими потерявшими разум мужчинами, — сказала она, в растерянности глядя на Абигаель. — Я уже не знаю больше... что делать?

— Я думаю, можно не беспокоиться об Онорине, — попыталась утешить ее Абигаель. — Сегодня ночью сюда приходил монсеньор Рескатор, и наверняка это он приказал сицилийцу унести ее. Мне кажется, он относится к Онорине так, словно она его дочь. Может, он привязался к ней из-за вас? Монсеньор Рескатор любит вас, правда?

— О, время ли сейчас рассуждать о любви, — вскричала Анжелика и в отчаянии уткнулась лицом в ладони. Но тут же справилась со своей слабостью. — Вы говорите, что он приходил ночью?

— Да... Мы буквально вцепились в него, кричали: «Спасите нас!», и я даже не знаю, как объяснить это, сударыня Анжелика, но он засмеялся, и мы вдруг перестали бояться и поняли, что избежим смерти. Он сказал: «Буря не поглотит вас, милые дамы. Это совсем маленькая буря, у нее нет аппетита». Мы поняли, что глупо так бояться. Он смотрел, как работают плотники, давая им указания, а потом...

«А потом он пришел ко мне и обнял меня, — подумала Анжелика. — Нет, я не должна терять надежду».

«Это последнее испытание!» — крикнул ей какой-то внутренний голос.

— Судьба не хочет нашей любви, — сказала она вслух, — возможно, потому, что наша любовь слишком прекрасна, слишком необъятна, слишком сильна. Но судьбу можно победить! Так говорил Осман Ферраджи.

Она решительно выпрямилась, лицо ее стало суровым.

— Идемте, быстро, — сказала она Абигаель.

Они пошли, перешагивая через соломенные матрацы и разбросанные вещи. Дым уже почти полностью рассеялся. В воздухе остались лишь легкая вуаль да немного едкий запах.

— Откуда пришел этот дьявольский дым? — спросила Анжелика.

— Да, пожалуй, отовсюду. Вначале я подумала, что засыпаю и меня охватывает... О!.. я вспоминаю... мне показалось, будто я видела, как сюда зашел арабский врач. С огромной бутылкой черного стекла, такой тяжелой, что он сгибался под ее тяжестью... Может, это было на самом деле...

— И мы тоже видели его, — подтвердили сразу несколько голосов.

Женщины и дети собирались на верхней палубе. Они были немного одурманены, но не больше. Выяснилось, что многие видели арабского врача Абд-эль-Мешрата, он, словно призрак, прошел в облаке дыма, который начал окутывать их.

— Как он мог войти и, главное, выйти? Это просто какая-то магия!

Слово было брошено, они с ужасом переглянулись. Страх, живший в них с первого дня на «Голдсборо», обрел реальное воплощение.

Маниголь погрозил кулаком в сторону светящегося окна на полуюте.

— Маг! Он осмелился подвергнуть опасности наших детей, чтобы отвести от себя наш гнев и улизнуть от нас.

Анжелика больше не могла сдерживать себя:

— Глупцы! Вот точно такие же слова пятнадцать лет назад бросили ему в лицо: маг! Колдун! Все такой же вздор! Глупцы! Чего стоит ваша вера и проповеди ваших пасторов, если вы остались такими же скудоумными, как те невежественные крестьяне, которых вы презираете. «Доколе человек будет ненавидеть ведение...» Вы без конца читаете Библию, а задумывались ли вы когда-нибудь над этими словами своих священных книг? До каких пор человек будет ненавидеть то, что превосходит его, ненавидеть другого человека, который поднялся выше его, видит дальше его, которого никакой страх не удержит от жажды

познать Вселенную? К чему ваше стремление к новой земле, если на подошвах своих башмаков вы уносите всю грязь, всю глупость, всю бесплодную пыль старого мира?..

Ей было наплевать, что они смотрят на нее враждебно. Она преодолела страх. Она чувствовала, что одна она может сейчас взять на себя роль посредника между двумя противостоящими друг другу группами людей.

— Вы всерьез думаете, мэтр Маниголь, что столкнулись с колдовством?.. Ведь нет же! Тогда почему вы пытаетесь повергнуть в смятение наивные пугливые души? Смотрите, пастор, — крикнула она, повернувшись к Бокеру, который молча слушал, — что осталось у вашей паствы от стремления к справедливости и истине, которыми они кичились в Ла-Рошели, когда жили в богатстве и спокойствии. Теперь же их поступками движет зависть, самая низкая злоба. И ведь не только из страха потерять свои денежки вы решились на сегодняшнюю акцию, мэтр Маниголь, но еще потому, что вы боитесь, как бы там, на Островах, не оказалось, что их слишком мала и великолепный корабль искушал вас. А себе в оправдание вы придумали, что ограбить тех, кто находится вне закона, — дело богоугодное.

— А я и сейчас остаюсь при том же мнении. Мало того, эти люди вне закона внушают опасение, и я не уверен в их добрых намерениях в отношении нас. Я знаю, что вы не одобряете наши действия, пастор. Вы советовали нам подождать. Но чего ждать? Когда нас высадят где-нибудь на пустынном берегу без денег, без оружия? Как мы тогда сумеем защитить себя? Я слышал много рассказов о несчастных, поехавших в Новый Свет и проданных капитанами кораблей владельцам земель, который колонизировали их. Мы боремся за то, чтобы нас не постигла такая судьба. И еще мы боремся против ренегата, нечестивца, человека, для которого не существует ни морали, ни веры. Мне рассказывали, он был тайным советником султана Константинополя. И он такой же жестокий, скрытный, как эти басурмане. Вот даже сейчас, разве не пытался он безжалостно погубить наших жен и наших невинных детей?..

— Он пытался отвлечь ваше внимание, потому что вы угрожали его жизни. Это была военная хитрость...

— Несчастливая! Окуривать, словно крыс, наши семьи — на такое способен только беспощадный человек, который не остановится ни перед чем.

— Поступок безобидный, на мой взгляд, если, судя по выражению ваших лиц, жертв нет.

— Но как мог этот Рескатор послать дым одним... одним взглядом? — с сомнением а голосе спросил кто-то из крестьян. — Мы разговаривали с ним там, на корме, а потом вдруг появился дым. Разве это не колдовство?

Маниголь пожал плечами.

— Глупая ты голова, — пробурчал он. — Это-то как раз не хитрость понять... У него есть сообщники, о которых мы не подумали. Старый арабский врач, который вроде бы лежал больной... и еще, возможно, сицилиец. Я предполагаю, что Рескатор послал его сюда нарочно, он что-то подозревал. Этот сицилиец пытался предупредить своего хозяина. К счастью, мы его опередили. На Рескатор, должно быть, заранее все обговорил с арабским: врачом, на случай, если дело обернется плохо... Вы говорите, что этот сын Мухаммеда, будь он трижды проклят, нес с собой какую-то бутылку?

— Да! Да! Я видела ее! Но подумала, что это мне показалось.

— Какой же яд мог быть в ней?

— Я знаю, — вмешалась тетушка Анна. — Это нашатырный спирт, который смешали с соляной кислотой, — вот и получился дым без огня, совсем безвредный, хотя он и раздражает глаза и дыхательные пути, и это может напугать.

Она тихонько покашляла и вытерла глаза, еще раздраженные «безвредным дымом».

— Вы слышали это? Слышали? — спросила Анжелика.

Но бунтовщики не хотели слышать, что говорила срывающимся голосом ученая старая дева. Ее такое простое объяснение не только не успокоило их, но, наоборот, привело в еще большую ярость. В то время как они считали себя господами положения, Рескатор обвел их вокруг пальца, да так ловко, что они не могли это объяснить иначе как дьявольщиной. Он их отвлек, разговорами и спорами, в которые они неразумно позволили втянуть себя. А время работало на него. Его сообщники тем временем устроили имитацию пожара. А сам Рескатор, воспользовавшись неизбежной в подобных случаях суматохой, ускользнул от них.

— Ну почему мы не убили его сразу! — воскликнул Берн, совсем обезумев от ярости.

— Если вы тронете хоть один волос на его голове... — сказала Анжелика сквозь стиснутые зубы, — если, вы только осмелитесь тронуть его...

— И что вы тогда сделаете? — спросил, подходя к ней, Маниголь. — Мы еще в силе, сударыня Анжелика, и, если вы станете на сторону нашего врага, вас мы тоже обезвредим.

— Только попробуйте поднять на меня руку, — гневно бросила она.
— Только попробуйте, и тогда вы увидите!

Этого они не посмеют. Они попытаются запугать ее угрозами. Им захочется увидеть ее поверженной, молчащей, насколько это возможно, потому что каждое ее слово было словно пущенная в них стрела, но они не посмеют причинить ей зло. Это им самим покажется святотатством. Хотя ни один из них не смог бы объяснить почему.

Анжелика цеплялась за мысль, что она все же еще сохраняет свое хрупкое влияние на них. Она снова скрестила жесткий взгляд с Маниголем и решительно сказала:

— Вернемся наверх. Нужно любой ценой договориться с ним.

Они послушно последовали за ней. Проходя по палубе, они бросили взгляд на море. Туман словно отодвинулся от их одинокого корабля, образовав на несколько кабельтовых вокруг него замкнутое кольцо цвета серы. Море было тихое и ласковое, и потрепанный бурей «Голдсборо» шел ровно. Можно было подумать, что природа решила дать людям время решить свои споры.

«Если он ринется на нас в атаку, — подумал вдруг Маниголь, — что я тогда буду делать с теми, кто заперт в трюме? Надо добиться, чтобы они немедленно присоединились к нам... А для этого надо их убедить, что Рескатор... Нужно заставить их поверить, что он мертв. Это единственное, что может поколебать их. Ведь пока они будут считать, что он жив, они будут ждать от него чуда... Пока он жив!..»

Глава 30

То, что они увидели, когда поднялись на балкон с резными позолоченными перилами, заставило их остановиться как вкопанных, а Анжелика едва не лишилась чувств. Нарушив приказы Маниголя, мятежники-испанцы, которых он, уходя, оставил охранять апартаменты Рескатора, высадили окна и двери. Главной их целью было расправиться с хозяином корабля, которого они боялись и против которого осмелились восстать. И еще — грабеж.

Один из них, Хуан Фернандес, которого Рескатор как-то приказал привязать к бушприту за неповиновение, особенно жаждал мести. Он тоже чувствовал, что, Пока хозяин жив, победа может ускользнуть от них. И тогда — горе мятежникам! Реи согнутся под тяжестью повешенных...

Высадив дверь, они ожидали, что из салона тут же последуют выстрелы. Но было тихо. Тогда они сунули в окна стволы мушкетов и зажатые в кулаки кинжалы. Ничего.

Они ворвались в салон. Пусто!

Это так потрясло их, что они даже забыли о своем намерении награть добро, которое видели, в салоне Рескатора. Они, все перевернули, все обшарили. Тщетно.

Где же он прячется? Не мог же он вползти, как ниточки дыма, в этот пористый медный сосуд инков? Пришедший Маниголь разразился проклятиями, в ярости принялся ногами крушить все подряд.

С большим трудом он кое-как объяснился с испанцами. Мы вошли, говорили они, И никого не увидели. Мы уже подумали, не превратился ли он в крысу? От такого человека можно всего ожидать...

Поиски возобновились. Мерсело открыл огромные окна, через Которые Анжелика в тот восхитительный вечер, когда они отплывали из Ла-Рошели, смотрела, как темнеет заходящее солнце. Склонившись к воде, они вгляделись в кипящие под кормой волны... Нет, он не мог убежать через окно, и к тому же, если подумать, он не смог бы снова закрыть его.

Ключ к разгадке они нашли в маленькой прилегающей к салону каюте. Хам под сдвинутым в сторону ковром они обнаружили крышку сходного люка. Они молча переглянулись. Маниголь с трудом удержался, чтобы не выругаться.

— Выходит, мы знаем еще не все тайные ходы на этом корабле, — сказал подошедший Ле Галь. — Корабль похож на того, кто его

конструировал.

В голосе Ле Галя звучали горечь и беспокойство. Анжелика еще подбавила жару в огонь.

— Вот видите! Вы лжете самим себе, когда обвиняете монсеньора Рескатора в пиратстве. Вы же признали, что корабль принадлежит ему. Вы бы поступили куда разумнее, договорившись, с ним. Я убеждена, он не желает вам зла. Сдайтесь, пока не поздно!

Анжелика тут же сообразила, что последние слова могли принести, только вред. Рошельцы были очень самолюбивы.

— Нам? Сдаться? — крикнули они хором.

И демонстративно повернулись к ней спиной.

— Вы еще более глупы, чем налипшие на скалу устрицы, — сказала она вне себя.

Ну что ж, Жоффрей сейчас недосыгаем для них. Это хорошо... для нее. А для них?.. С разными чувствами смотрели они на крышку люка в паркете из ценных пород дерева. Мерсело пришла в голову мысль дернуть за кольцо, и, к их удивлению, она с легкостью поднялась. Веревоочная лестница спускалась в темный колодец.

— Он забыл задвинуть изнутри задвижку, когда закрывал люк, — с удовлетворением отметил Маниголь. — Этот лаз сможет пригодиться и нам! Мы должны, заблокировать все лазейки.

— Я сейчас взгляну, куда он ведет, — сказал один из протестантов, молодой булочник Ромен, мужественно покинувший Ла-Рошель с корзиной бриошей и горячего хлеба, которая составляла весь его багаж.

Высекли огонь, зажгли фонарь, и, прицепив его к поясу, булочник по веревочной лестнице начал спускаться вниз.

Он добрался до середины люка, когда из глубины прогремел выстрел: Они слышали, как Ромен закричал, словно раненое животное, и потом они где-то внизу слышали ужасный звук упавшего тела и звон разбитого фонаря, который тут же погас.

— Ромен! — дико закричали они.

Никто не ответил им. Далее эхо. Берн, решив спуститься к нему, бросился к веревочной лестнице.

Маниголь удержал его.

— Закройте люк! — приказал он.

И так как все стояли, словно громом пораженные, он сам закрыл его ударом ноги и задвинул наружный засов.

Теперь они начинали понимать. Война на корабле между палубой и трюмами была объявлена.

***

«Я должна была удержать Ромена, — подумала Анжелика. — Я должна была бы помнить, что Жоффрей никогда ничего не забывает, что никакие его действия, никакие его поступки не бывают случайны, непродуманны, они всегда продиктованы точным расчетом. Он не закрыв люк изнутри намеренно: чтобы случилось то, что случилось. И эти безумцы решили меряться с ним силами! Почему они меня не слушают?»

Она выскользнула на палубу, растерянно оглядела беспорядок на «Голдсборо», впрочем, корабль и сам покачивался на поверхности спокойного моря словно в забытьи.

Бунтовщики-испанцы, сверкая лезвиями кинжалов, с дикими криками гнались за каким-то человеком, следом за ними мчались протестанты. Хрупкая фигура, укутанная а белый бурнус, карабкаясь по трапам, пыталась убежать от этой своры.

— Это он! Это он! — стоял крик. — Соучастник! Басурман! Сарацин! Он хотел удушить наших детей!

Человек обернулся. Это был Абд-эль-Мешрат. Он стал лицом к лицу с изменниками. Среди них были одетые в черное христиане из секты и испанцы, этих было четверо, вечные враги ислама. Что ж, прекрасная смерть для сына Мухаммеда! Под ударами испанцев старик упал.

Протестанты притихли. Но испанцы неистовствовали, возбужденные видом крови и вековой ненавистью к маврам.

Анжелика бросилась в самую гущу.

— Остановитесь! Остановитесь! Вы трусы!.. Он же старик!

Один из испанцев ударил ее ножом, но, к счастью, только разорвал ей рукав платья и оцарапал руку. Увидев это, Габриель Берн, подскочив к испанцу, оглушил его рукояткой пистолета и, пригрозив остальным, заставил их отойти.

Анжелика, опустившись на колени перед стариком, приподняла его окровавленную, распухшую голову.

— Эфенди, о, эфенди, не умирайте, — тихо шептала она по-арабски. — Вы слишком далеко от своей родины. Вы еще увидите Мекнес и его розы... и Фес, золотой город, вы помните!

Старик с усилием открыл глаза.

— Что за важность — розы, дитя мое, — с горькой иронией прошептал он по-французски, — я связал себя с иными берегами. Здесь или там, какая разница! Мухаммед сказал: «Черпай знания, а где — неважно...»

Она хотела поднять старика и перенести его в салон Жоффрея де

Пейрака, но увидела, что он уже отходит.

«Это и есть тот самый его „друг“, я уверена в этом...

Он спас его, он его вылечил. Без него Жоффрей умер бы. И они его убил!»

Она уже не знала больше, кого ненавидеть и кого любить. Мужчинам, всем мужчинам нет прощенья. Теперь она понимала рога, который время от времени посылает огонь на города и потопаы на землю, чтобы истребить племя неблагодарных.

***

Она нашла, наконец, Онорину: девочка спокойно сидела около лежащего сицилийца, который, казалось» спал. Его они тоже забили до смерти, На его голове среди взлохмаченных волос зияла кровавая рана.

— Они сделали очень больно Каштановой коже, — сказала Онорина.

Эта девочка, первым словом которой было слово «кровь», не сказала «они его убили», хотя и догадывалась, что означает этот холодный сон ее взрослого друга.

Анжелике, к сожалению, не всегда удавалось уберечь ее от сцен насилия.

— Ой, какое у тебя красивое платье, — сказала Онорина. — А что там нарисовано наверху? Цветочки?

Анжелика потянула ее за руку. Ей хотелось уйти отсюда куда-нибудь далеко-далеко вместе со своей дочерью. Какое счастливое было время, когда она могла бегать с ней по лесу, бродить там по бесчисленным тропинкам.

Теперь нельзя убежать никуда. Теперь они могут только ходить по кругу на этом злосчастном корабле, который, если так будет продолжаться, скоро наполнится трупами... пропитается кровью.

— Мама, это цветочки?

— Да, это цветочки.

— Твое платье синее, как море. Значит, это морские цветочки. Если нырнуть глубоко в море, мы их там увидим, правда, мама, мы их увидим?

— Да, мы увидим их, — машинально ответила Анжелика.

***

Остаток дня прошел более спокойно. Корабль плыл тихо. Матросы экипажа, запертые в глубине трюма, к которым теперь присоединился и их капитан Рескатор, никак ее проявляли себя. Одно это должно было бы насторожить бунтовщиков, но они, уставшие после ночной битвы, пребывали в эйфории. Им хотелось верить, что и спокойствие на море и

спокойствие на судне будут длиться вечно. По крайней мере до тех пор, пока они не придут к Американским островам.

«Протестантам в их безумии, — думала Анжелика, — помогает почти вековая привычка рошельцев жить в Сообществе, которое постоянно находится под угрозой, к тому же в сообществе очень замкнутом. Во Франции фи с юных лет вступают на путь тайной борьбы. К тому же все они знают друг, друга, знают слабости и недостатки каждого, как, впрочем, и достоинства, и сейчас они использовали это с умом, сумели, несмотря на свою малочисленность, захватить большой корабль, оснащенный дюжиной пушек. Что же касается тех примерно трех Десятков матросов, которые присоединились к ним, Предав своего капитана, то ведь их почти так же опасно иметь союзниками, как и врагами. Ведь матросы уже попытались показать, будто это они подняли бунт, иными словами, это означало, что они рассчитывают быть первыми при распределении добычи. Правда, Берн, уложив на месте одного из них ударом рукоятки своего пистолета, очень разочаровал их, и при виде мертвого товарища они поняли, что с новыми, хозяевами шутки Плохи, И, смирившись на какое-то время, начали довольно четко исполнять их приказы. Но все равно за ними, нужен глаз да глаз...»

Итак, на корабле установился кажущийся мир.

Женщины постепенно возвращались к своим обязанностям хозяек, вместе с детьми помогали мужчинам расчищать палубу и чинить порванные паруса.

Но вечером глухие мушкетные выстрелы заставили тех, кто находился на палубе, броситься к кладовой, где хранились запасы пресной воды. Войдя туда, они увидели продырявленные бочки. Часовые, что охраняли их, исчезли.

Пресной воды осталось только на два дня.

На рассвете «Голдсборо» вошел во Флоридское течение.

Глава 31

Только через несколько часов, они пришли в себя после такого потрясения. Анжелика услышала приближающиеся мужские голоса, узнала протестантов.

— Прекрасная возможность для вас, Ле Галь, воспользоваться этим недолгим просветом в тумане. Но вы уверены в своих словах?

— Абсолютно уверен, сударь. Даже молодой юнга, пользуясь арбалетом вместо секстана, не ошибся бы. Почти за целый день, держа при хорошем ветре курс на запад, мы продвинулись более чем на пятьдесят миль на север. Боюсь, что нам не справиться с этим проклятым течением, оно несет нас куда хочет...

Маниголь задумался, потирая переносицу: Они не смотрели друг на друга, но оба думали об одном и том же, о фразе, брошенной Рескатором. «Если вам позволит Флоридское течение!..»

— А вы уверены, что на ночной вахте ваш рулевой по неопытности или из предательства не взял курс на север?

— Я сам был этим рулевым, — сказал Ле Галь раздраженно, — а утром — Бреаж. Я уже сказал это и вам, и мэтру Берну.

Маниголь откашлялся.

— Да, Ле Галь, мы обсудили с мэтром Берном, с пастором и членами нашего штаба план действий, ведь скоро у нас не будет питьевой воды. И поскольку ситуация тяжелая, мы решили посоветоваться с нашими Женщинами, пусть и они выскажут свое мнение, какой выход они предпочитают.

При этих словах Анжелика, дрожа и кусая себе губы, немного отступила назад, чтобы не выдать своего присутствия. И почувствовала облегчение, услышав, как госпожа Маниголь вслух высказала то, что думала она сама.

— Наше мнение? Не очень-то вы интересовались им, когда брались за оружие и захватывали корабль. Вы только попросили нас сидеть тихо, что бы ни произошло, и больше ничего. А теперь, когда дело обернулось неважно, пришли просить совета у глупых женщин. Знаю я вас, мужчин, вы всегда поступаете так в делах. К счастью, уже много раз рядом с вами оказывалась я, чтобы исправить ваши глупости.

— Как, Сара? — делая вид, что он в изумлении, запротестовал Маниголь. — Разве не вы столько раз говорили мне, что Рескатор везет нас

совсем не туда? Что интуиция подсказывает вам... А теперь, когда мы стали хозяевами «Голдсборо», заявляете, что мы поступили неразумно.

— Вот именно, — сказала Сара Маниголь, не боясь показаться непоследовательной.

— Значит, вы предпочли бы, чтобы вас, как девицу, продали в Квебеке колонистам? — прорычал Маниголь.

— Ну и что? Почему бы и нет? Это судьба не хуже той, что ждет нас благодаря вашей кипучей деятельности.

Адвокат Карер вмешался с кислой миной.

— Сейчас не время ни для сомнительных шуток, ни для семейных сцен. Мы обратились к вам за советом, женщины, чтобы принять решение сообща, как всегда было принято в нашей среде, с самого начала Реформации. Что нам делать?

— Прежде всего привести в порядок нашу разбитую дверь, — сказала госпожа Карер. — Мы сидим на сквозняке, и дети уже простудились.

— Вот они, женщины, с их птичьими заботами. Мы не станем чинить эту дверь, — снова крикнул Маниголь, выходя из себя. — Сколько раз с начала нашего плаванья ее вышибали — два, три раза?.. Такова ее участь. Нам некогда возиться с гвоздями, время не терпит. Мы должны пристать к берегу через два дня пути, если...

— К какому берегу?

— Вот тут-то и зарыта собака! Если бы мы знали точно, где этот берег! Но мы не знаем, в каком месте проходит течение, отходим ли мы от берега или приближаемся к нему, не знаем, где бы мы могли причалить, чтобы найти воду и провизию... В общем, мы не знаем даже, где находимся.

Наступила тягостная тишина.

— Кроме того, над нами нависла угроза — Рескатор и его экипаж... Вот я и подумал, чтобы скорее избавиться от них, не выкурить ли их из трюма смоляными соломенными факелами, так поступают с взбунтовавшимися рабами-неграми на невольничьих судах. Правда, поступать так по отношению к людям своей расы — даже если это принесет нам победу — все же недостойна нас...

— Скажите лучше, что у них в распоряжении достаточно открытых портов, так что они не слишком рискуют задохнуться от вашего выкуривания, — сказала Анжелика, не в силах сдержать иронии.

— Да, пожалуй, — согласился Маниголь.

Он искоса бросил на нее взгляд, и она подумала, что, наверное, он все же доволен тем, что она осталась с ними, и даже не против получить от нее

совет.

— А еще, — продолжил судовладелец, — у этих запертых в трюме людей нашлись там и оружие, и порох. Конечно, его мало для того, чтобы сражаться с нами в открытом бою, но хватит, чтобы отразить наш удар, если мы попытаемся спуститься в трюм и взять их приступом. Впрочем, это было бы трудно сделать. Через якорный шлюз мы попытались сверлом сделать дырки в переборках и наткнулись на бронзовую обшивку.

— Можете не сомневаться, что он предусмотрел это на случай бунта! — вставила Анжелика.

— Конечно, мы могли бы попытаться пробить обшивку с помощью пиццали или прострелить ее, но корабль уже и так слишком пострадал во время бури, и мы не можем рисковать им, а то, чего доброго, все вместе пойдём ко дну. Не забывайте также, что корабль уже принадлежит нам и что монсеньор Рескатор... — он пронзил Анжелику испепеляющим взглядом, — ...обеспечен не лучше, чем мы, и, поскольку ему тоже не хватает воды, провизии и пороха, он живет как медведь в своей берлоге. Он и его люди умрут от жажды еще раньше нас. Это ясно как божий день.

Женщины недоуменно пожимали плечами. Они толком ничего так и не поняли. Море было спокойно, и корабль весело скользил по волнам сквозь легкий туман, который, правда, все же скрывал горизонт. Они не разбирались, плывут ли на юг или на север, и не видели, какие усилия прилагал рулевой, чтобы справиться с течением и идти прямым курсом. И дети пока не просили пить.

— Возможно, они умрут раньше нас, и это послужит нам утешением, — сказала наконец тетушка Анна, — но я бы предпочла, чтобы мы спаслись все. Монсеньор Рескатор, как мне кажется, хорошо знает эти места, которые нам совсем незнакомы, и у него в экипаже наверняка есть рулевые, они могли бы повести корабль так, чтобы мы наконец причалили к берегу. Я вот что предлагаю: надо переговорить с ним и попросить о помощи.

— Прекрасная мысль, тетушка, — отозвался Берн, и лицо его оживилось, — вот уж, право, не ожидали от вас такой мудрости! Ведь это, пожалуй, действительно, выход, мы можем прийти к соглашению. Только поймите нас правильно: речь пойдет не о капитуляции. Мы поставим нашему противнику условие: он ведет нас к спасительной земле, а мы взамен возвращаем ему и тем его людям, которые пожелают остаться ему верными, свободу.

— И возвратите ему его корабль? — спросила Анжелика.

— Разумеется, нет. Этот корабль мы завоевали оружием, и он нужен

нам, чтобы добраться до Сен-Доминики. Но разве мало того, что мы даруем ему жизнь и свободу, ведь он в наших руках.

— И вы воображаете, что он согласится?

— Он согласится! Ведь сейчас наши судьбы неразрывно связаны. Я отдаю должное Рескатору, он превосходный мореплаватель. И он не может не знать, что сейчас корабль плывет к гибели. Мы держим курс на запад, а он упорно двигается на север, что бы мы ни делали. И если так будет продолжаться, скоро мы окажемся у берегов холодных, покрытых льдом земель. К тому же нам угрожают опасности; мы можем сесть на мель или потерпеть кораблекрушение у берега, поскольку мы не знаем безопасного прохода к нему, у нас мало провизии и спасательных средств, нам грозит холод... Рескатор все это знает, и он поймет, что наше предложение в его интересах и интересах его людей.

Затем завязался спор, кому взять на себя нелегкий труд вести переговоры, кто найдет в себе смелость лицом к лицу встретиться с пиратом. Короткая расправа с бедным булочником служила предостережением. Не придя к согласию, протестанты стали думать, как иначе можно войти в контакт с экипажем, с теми, кто находится в трюме.

Наконец решили, что надо через люк спуститься в пороховой погреб, охраняемый их часовыми. Оттуда они по перегородке отстучат на морском коде свои предложения послать парламентаров. Ле Галь, который знал морской код, спустился туда вместе с вооруженным матросом. Когда примерно через час его подняли, он был мрачен, как туча.

— Он требует женщин, — сказал он.

— Что? — воскликнул Маниголь.

Ле Галь вытер пот, который катился по его лицу, так как внизу почти не было воздуха.

— О, не думайте ничего плохого. Речь совсем не о том. Я с трудом установил с ним контакт, но мы не могли подробно все обговорить через переборку. Ясно я понял только одно: Рескатор согласен принять наших парламентаров при условии, что придут только женщины.

— Почему?

— Он сказал, если придет хоть один из наших мужчин или из испанцев, он не сможет удержать своих людей, и они растерзают их на клочки. Он требует также, чтобы среди парламентаров была сударыня Анжелика.

Глава 32

Госпожа Маниголь очень хотела войти в число парламентариев, но солидная комплекция лишила ее этой возможности.

Во время переговоров Рескатор посоветовал дамам воспользоваться для прохода к нему люком и веревочной лестницей, которые находятся в его апартаментах.

— Еще одна непристойная выходка этого типа, — возмущенно проворчали протестанты.

Они не слишком верили в дипломатические способности своих женщин, а потому сомневались в благоприятном исходе переговоров.

Мадам Карер, хотя и была матерью многочисленного семейства, сохранила природную гибкость, и она взяла на себя неблагодарную роль рупора их сообщества. Что ж, эта невысокая жизнерадостная женщина, привыкшая энергично вести дом и командовать служанками, пожалуй, не даст запугать себя и до конца исполнит свою миссию.

В том, что касается условий, напутствовал ее Маниголь, будьте тверды безоговорочно. Жизнь, свобода — и ничего больше!

Анжелика, стоя в стороне, пожала плечами. Никогда Жоффрей не согласится на такие условия. Тогда кто же из них уступит? Обе стороны будут тверды, как гранит. Если говорить о хитроумности, то в этом Жоффрей де Пейрак, пожалуй, более искусен, чем его неожиданные противники, а вот в упрямстве ему и его людям рошельцев не переплюнуть.

Абигаель мэтр Маниголь сначала отверг. Неодобрение пастором Бокером бунта настроило протестантов против него, и это отношение перешло на его дочь. Потом Маниголь спохватился. Ведь Рескатор проявлял к Абигаель внимание. Тогда, возможно, он выслушает ее с симпатией. Что же касается Анжелики, то ему не хотелось думать о том, какую роль могла бы сыграть она. Никто не смог бы ответить на вопрос, почему все они в душе надеялись только на нее. Никто не признался бы в этом вслух, но многим женщинам хотелось тайком схватить ее за руки и умолять: «Спасите нас!», потому что они начинали понимать, в каком тяжелом положении оказался «Голдсборо», когда попал в руки неопытных мореплавателей.

***

Спустившись вниз, три женщины вынуждены были ждать, когда над

ними закрывается крышка люка. Они находились в крошечной тьме. Наконец в конце узкого прохода, прямо перед ними, засветился крохотный огонек, и, когда он приблизился, они увидели боцмана Эриксона, который провел их в довольно просторное «убежище», где собрались все члены команды, оставшиеся верными Рескатору. Иллюминаторы были отдраены и пропускали дневной свет. Матросы играли в карты, в кости, покачивались в гамаках. Они выглядели бесстрастными и бросали на вошедших женщин непроницаемые, почти равнодушные взгляды. Оружия у них было мало, это Анжелика сразу отметила, и сердце ее сжалось. Она и сама не знала, хотела бы она, чтобы люди Маниголя и люди Жоффрея де Пейрака сошлись в битве. Да, у Жоффрея де Пейрака людей немало, но без оружия они, пожалуй, будут побеждены.

Через открытую дверь камбуза до нее донесся голос графа де Пейрака. У нее подскочило сердце. Ей казалось, что она не слышала его целую вечность.

Рескатор в своей маске показался ей неумолимым, и если он любезно приветствовал трех дам, то сестры он им все же не предложил. Сам он, скрестив руки, стоял около порта, и суровый его вид отнюдь не обнадеживал.

Никола Перро, покуривая трубку, стоял в углу небольшой каюты.

— Прекрасно! Сударыни, ваши супруги довольно успешно изображают из себя воинов, но в своих способностях мореплавателей они, кажется, начинают сомневаться? Не так ли?

— Клянусь, монсеньор, — храбро ответила госпожа Карер, — мой муж-адвокат не преуспел ни в том, ни в другом... Это, правда, мое мнение, не его... Тем не менее они хорошо вооружены и твердо решили удержать свое превосходство, чтобы добраться до Американских островов и никуда больше. И возможно, для обеих сторон было бы разумным попробовать договориться, чтобы каждый нашел свою выгоду.

И она с большим мужеством пересказала предложения Маниголя.

Молчание Рескатора породило в них надежду, что он с интересом обдумывает их предложение.

— Значит, вы требуете лоцмана, который помог бы вам подойти к берегу, а в обмен даруете жизнь мне и моим людям? — повторил он раздумчиво. — Неплохо придумано. Лишь одно не позволит осуществить этот сногшибательный план: берег, вдоль которого Мы идем, неприступен для кораблей. Чудесное Флоридское течение навсегда уносит смельчаков, которые жаждут пристать к берегу, защищаемому подводными скалами вровень с поверхностью воды. Я уже не говорю о несущем смерть длинном

баре...^[14] Две тысячи восемьсот миль скалистых излучин, поворотов на двухстах восьмидесяти милях, если считать по прямой.

— Но любой берег, каким бы плохим он ни был, все же имеет несколько гаваней, где можно причалить, — сказала Абигаель, пытаясь заставить не дрожать свой голос.

— Безусловно. Только нужно их знать.

— Но разве вы их не знаете? Ведь вы так уверенно вели судно. Вы утверждали, что мы придем к берегу через несколько дней, нам сказали это матросы.

От волнения щеки Абигаель покрылись красными пятнами, но она держалась отважно. Такой Анжелика ее никогда не видела.

— Вы их не знаете, монсеньор? Вы их тоже не знаете?

Мягкая улыбка тронула губы Рескатора.

— Мне трудно лгать вам в глаза, мадемуазель. Хорошо, предположим, я достаточно знаю берег, чтобы попытаться, — я говорю, теперь уже именно попытаться — благополучно пристать к берегу, но вы думаете, что я настолько глуп, что стану спасать вас и ваших друзей после того, что вы сделали? Одумайтесь, верните мне оружие, верните мне корабль. И тогда, если еще не будет слишком поздно, если это будет в моих силах, я займусь его спасением.

— Но когда мы со своими мужчинами обсуждали нашу, миссию, даже речи не было о капитуляции, — сказала госпожа Карер, — мы хотели только вместе с вами подумать, как избежать судьбы, которая подстерегает нас всех: ведь мы или медленно погибнем здесь от жажды, или разобьемся о незнакомые скалы, или замерзнем во льдах, к которым несет нас это сумасшедшее течение. Продырявив бочки с пресной, водой, вы тем самым приговорили и себя тоже... И у нас нет иного выхода, кроме как пристать где угодно, чтобы начать там новую жизнь... или погибнуть...

Рескатор учтиво поклонился ей.

— Я ценю вашу логику, госпожа Карер. — Он продолжал улыбаться, его глаза оглядели одно за другим три женских лица, очень разные, но обращенные к нему с одинаковым выражением тревоги. — Прекрасно! Значит, умрем вместе! — заключил он.

Он повернулся к открытому иллюминатору, через который до них доносился более слышный, чем на нижней падубе, шум торопливых волн, они с силой бились о скорлупку несомого течением корабля.

Анжелика увидела, как дрожат руки госпожи Карер.

— Монсеньор, вы не можете так хладнокровно решать...

— Мои люди согласны со мной.

Он говорил, не глядя на женщин, может быть, потому, что на это у него просто не хватало мужества.

— Вы, христиане, посвятившие себя Богу и уверенные, что он вас любит, боитесь смерти. А мне и моим людям, в особенности тем, кто исповедует ислам, странно видеть, что в вас живет такой животный ужас. Я смотрю на это иначе. Конечно, жизнь — нелегкая штука, в ней иногда можно почувствовать себя уставшим от текущих дней и от людей, с которыми она сталкивает тебя. К счастью, речь идет не о жизни, а о смерти, а там, на небесах, нас ожидает блаженство — воплощение всех истин, все то, о чем мечтали мы во время всего нашего земного существования.

Они слушали его в полной растерянности, словно безумца.

Госпожа Карер протянула к нему умоляюще сложенные руки.

— Сжальтесь! Сжальтесь над моими одиннадцатью детьми.

Он отвернулся, охваченный внезапным гневом.

— Об этом нужно было думать раньше. Вы не колеблясь втянули их в эту авантюру. Вы заранее примирились с тем, что им придется платить за ваше поражение. Слишком поздно. Каждый выбирает то, что ему подходит. Вы хотите жить. А я предпочту сто раз умереть, чем уступить вашим грозным требованиям. Это мое последнее слово. Донесите его до ваших мужей, до ваших пастырей, до ваших отцов и ваших детей.

Сраженные этим решительным заявлением, госпожа Карер и Абигаель, опустив головы, удалились, их пошел проводить Никола Перро, потому что они уже не видели, куда ступают. Они почти ничего не видели. Их слепили слезы.

Анжелика за ними не пошла.

***

— Есть только два выхода. Или уступаю я, или уступают они. На первое можете не рассчитывать. Вы думаете, что я сяду, весь дрожа, за решетку под мушкетами ваших друзей, чтобы потом оказаться на пустынном берегу с несколькими верными мне людьми? Вы оскорбляете мою честь, сударыня, вы слишком плохо знаете меня.

— О, нет, я вас знаю! — сказала она вполголоса.

Неожиданно для себя самой она положила руки ему на плечи.

— Я начинаю узнавать вас, и именно поэтому вы меня пугаете. Вы иногда кажетесь мне немного безумным, но на самом деле ваш ум, как ни у кого, предельно ясен.

Вы единственный человек, который всегда знает, что делает... Вы

знаете, что вы делаете, когда цитируете Священное Писание... Вы ждете момент, когда ваши сообщники начнут действовать по вашей подсказке... Вы все предусмотрели заранее, даже то, что вас предадут. И когда вы говорили этим женщинам о загробном мире, чего вы добивались? Вы беспрестанно играете какую-то роль, преследуете какую-то цель. Когда же вы искренни?

— Когда вы держите меня в своих объятиях, моя красавица. Только тогда я не знаю, что делаю. И за эту промашку я уже заплатил слишком дорого. Однажды, пятнадцать лет назад, я уже имел слабость пожелать провести еще одну ночь с вами, моя слишком обольстительная супруга, и потому не сумел вовремя убежать от полицейских ищущих, посланных арестовать меня. И вот сегодня я снова утратил бдительность, и ваши гугеноты, воспользовавшись случаем, загнали меня в западню.

Говоря, он снял маску. Она с удивлением увидела, что лицо его совершенно спокойно. Он даже улыбался и с любовью смотрел на нее.

— Если бы я сосчитал все те несчастья, которые вы принесли мне, я должен был бы питать к вам неприязнь. Но я не могу сердиться на вас.

Он склонился к ней. Анжелика почувствовала, как у нее закружилась голова.

— Жоффрей, умоляю вас, подумайте, насколько серьезно наше положение. Вы же не допустите, чтобы мы все погибли?

— Какие мелочные заботы преследуют вас, моя красавица! Я вот при виде вас забываю обо всем.

— Но вы согласились на переговоры!

— Это был предлог заставить вас прийти сюда, чтобы вы были в моей власти.

С волнующей нежностью он обнял ее, привлек к себе, коснулся губами ее щеки.

— Жоффрей, Жоффрей, прошу вас... Вы играете в какую-то опасную игру...

— Разве все это кажется вам комедией? — спросил он, теснее прижимая ее к себе. — Можете верить мне, сударыня, вы даже не представляете, в какое смятение ваша красота повергает мужчину, который желает вас.

Его страсть была неподдельна. Анжелика теряла голову, видя его дрожащие губы, вдыхая его аромат, который, хотя уже становился привычным, пьянил ее.

Сомнение, которое постоянно терзало ее, рассеялось: «Значит, он любит меня... Это правда... Он еще любит меня?»

— Я люблю тебя, ты же знаешь, — тихо шептал он. — Я грезил тобой после той ночи... Все произошло стремительно, и ты была так взволнована... Мне не терпелось увидеть тебя снова, убедиться... что то был не сон... ты снова принадлежишь мне... больше не боишься меня. — Его слова прерывались поцелуями, он целовал ее волосы, виски. — Почему ты еще противишься мне... Поцелуй меня... Поцелуй меня, прошу...

— Я не могу... С такой тоской в сердце... О, Жоффрей; что же вы за человек? Сейчас не время говорить о любви!

— Если бы я ждал, когда время даст мне передышку от опасности, чтобы поговорить о любви, едва бы я за эти пятнадцать лет хоть раз вкусил наслаждение. Любить между двумя бурями, между двумя сражениями, между двумя предательствами — вот мой удел, и, черт побери, я сумел извлечь из этой приправы особое удовольствие.

Его упоминание о находениях вдали от нее, на Средиземноморье или где-то; еще, возмутило Анжелику. Ее вдруг охватила жгучая ревность, которая сразу погасила все нежные чувства.

— Вы грубиян, господин де Пейрак, вы ошибаетесь, путаете меня с глупыми, одалисками, с которыми, вы отвлекались от ваших битв. Отпустите меня.

Он рассмеялся. Он снова решил вывести ее из себя, и это ему удалось. Анжелика взвилась от возмущения. Они все в таком ужасе, а он забавляется!

— Отпустите меня! Я не хочу больше видеть вас. Вы просто чудовище.

Она с такой силой рвалась из его рук, что он отпустил ее.

— Нет, право, вы так же упрямы и непримиримы, как ваши гугеноты.

— «Мои» гугеноты — не мальчики из церковного хора, и, если б вы, не провоцировали их, мы не оказались бы в таком положении. Это правда, что вы и не собирались везти их на Американские острова?

— Правда.

— Я поручилась за вас, оказав им, что вы везете их туда, а вы обманули меня.

— А разве мы заключили контракт с обозначением точно места, куда я должен их привезти? Вы думаете, что, когда вы пришли ко мне в Ла-Рошели и умоляли меня спасти этих гугенотов, которые лишились всего, кроме жизни, и которые никогда бы не отдала мне ни единого су за все мои старания, я согласился взять их к себе на борт за одно лишь удовольствие слушать, как они поют свои псалмы? Или за ваши прекрасные глаза? Я не святой Павел, милосердный апостол.

И так как она продолжала молча смотреть на него, он добавил более мягким тоном:

— Вы слишком идеализируете мужское великодушие, сударыня, если поверили в это. Я давно уже не галантный рыцарь. Мне самому пришлось слишком много бороться, чтоб выжить. Но только не приписывайте мне черных мыслей. Я не собирался «продать» этих несчастных, как они вообразили себе, а просто хотел привезти их как колонистов на мои земли в Америке, где они смогли бы разбогатеть гораздо быстрее, чем на Островах, куда они так стремятся.

Она довернулась к нему спиной и пошла к двери.

Он преградил ей путь.

— Куда вы?

— К ним.

— Для чего?

— Чтобы попытаться защитить их.

— От кого?

— От вас.

— Разве они недостаточно сильны? Разве не они хозяева положения?

Она помотала головой.

— Нет. Я чувствую, я знаю, что их судьба в ваших руках. Вы всегда будете самым сильным.

— Вы забыли, что они хотели убить меня? Это, как мне кажется, взволновало вас меньше, чем весть о том, что сейчас в опасности их жизни.

Неужели он так хочет довести ее до безумия, что задает вопросы, которые разрывают ей сердце? Но он неожиданно обнял ее.

— Анжелика, любовь моя, почему мы так далеки друг от друга? Почему нам никак не удастся быть вместе? Ты не любишь меня? Поцелуй меня... Поцелуй... Остайся со мной.

Она отбивалась от него с тем большим упорством, чем больше чувствовала, что слабеет, что ей хочется прижаться к нему, все забыть, довериться ему, положиться на его силу и не желать ничего другого.

— Оставьте меня, я не могу.

Лицо его помрачнело.

— Именно это я и хотел узнать... вы меня не любите больше. Мой голос отталкивает вас, мои чувства пугают... В ту ночь вы были скованны и холодны, и, кто знает, уж не согласились ли вы сыграть со мною эту сцену, чтобы дать возможность своим друзьям исполнить их замысел.

— Как все это несправедливо и смешно, — сказала она дрожащим голосом. — Вспомните, ведь это вы меня удержали. Так почему же вы

сомневаетесь в моей любви?

— Оставайтесь со мною. Тогда я поверю.

— Нет, нет. Я не могу. Я хочу вернуться наверх. Я хочу быть с детьми.

Она — и откуда только силы взялись! — вырвалась из его объятий.

Несмотря на его искусство обольщать, которое он оттачивал на ней, на охватившее ее искушение броситься в его объятия, на боль, которую причиняли ей его упреки, она не смогла бы жить здесь, рядом с ним, когда там, наверху, Онорина и другие дети находились в смертельной опасности.

Этого ему не понять. Дети заполняют ее сердце, они словно часть ее самой. И они слабы и незащищены. Их подстерегает жажда, им грозит смерть в морской пучине. Они одни заслуживают, чтобы она целиком посвятила себя им.

***

Позже, сидя с детьми на палубе «Голдсборо», она снова вспоминала слова, которые он шептал ей. Никогда он не говорил с ней с такой нежностью. Она держала Онорину на коленях. Лорье и Северина пристроились у ее ног. Некоторые дети играли и тихонько смеялись, но большинство молчали. Они сгрудились около нее, словно птенцы, спрятавшиеся под крылом матери во время бури, и ей казалось, что в каждом из «их она видит черты Кантора, Флоримона. «Мама, надо уезжать! Мама, спаси меня, защити меня...» Ей казалось, будто она снова видит окровавленное, безжизненное лицо малютки Шарля-Анри...

Взрослых она уже не жалела.

Они все стали ей безразличны, даже справедливая Абигаель, даже сам Жоффрей де Пейрак, ее супруг, которого она так искала все эти годы.

«Я все больше начинаю понимать, что мы никогда уже не сможем быть вместе. Он слишком изменился. А может, он всегда таким и был, только я не осознавала этого.

Я тоже предпочту самое худшее, но не уступлю. Он достаточно пожил, и ему наплевать, что он тянет за собой детей. Мужчины могут себе позволить такое, но не мы, женщины, мы ответственны за эти юные жизни. Нельзя сознательно отнимать жизнь у ребенка. В мире нет ничего дороже. Ребенок уже любит жизнь и знает ей цену».

— Госпожа Маниголь, — сказала она громко, — вы должны пойти к своему мужу и убедить его умерить аппетит и изменить условия перемирия. Только не старайтесь внушить мне, что вы боитесь его вспышки. Вы видели противников, и он должен понять, что Рескатор никогда не уступит, если ему не вернут «Голдсборо».

Госпожа Маниголь молчала, но Анжелика увидела две скупые

слезинки, появившиеся в уголках ее глаз.

— Я не могу требовать от мужа, чтобы он отступил, сударыня Анжелика, — наконец сказала бедная женщина. — Это значит приговорить его. Если Рескатор вернет себе власть, разве он пощадит его?

Наступило тягостное молчание. Анжелика снова требовательно проговорила:

— И все же попытайтесь, госпожа Маниголь... И я тоже попытаюсь. Я спущусь в трюм и сделаю все, чтобы побудить Рескатора к уступкам.

Жена судовладельца поднялась и шумно вздохнула.

После возвращения женщин штаб протестантов собрался в рубке, чтобы с опытными матросами-испанцами изучить карты и поискать возможность пристать к берегу.

Испанцы разволновались. Страх закрался в их души. По коротким фразам, которыми они обменялись на своем гортанном языке, Анжелика поняла, что они подумывают о том, чтобы на шлюпке бежать с обреченного корабля.

Безумцы! Течение, с которым тщетно боролся корабль, понесет их той же дорогой смерти, и их слабых сил не хватит, чтобы одолеть ее.

***

Туманное пустынное пространство с далекими обледеневшими берегами, по которому люди неслись к своей гибели...

Неожиданно послышался крик, на палубе снова началась какая-то суета. Что-то случилось. Надежда? Женщины вскочили, ожидая вестей.

Перед ними, задыхаясь, появился Марциал.

— Он согласился... Он согласился... монсеньор Рескатор!.. Он приказал передать, что посылает лоцмана и трех матросов, которые знают эти места, они выведут судно из течения и приведут его к берегу.

Глава 33

Боцман Эриксон вынырнул из люка. Лицо карлика было непроницаемо. На своих коротеньких ножках он вразвалку добрался до трапа и взошел на полуют.

Анжелика, стоя в окружении детей, ждала, что сейчас появится и долговязая фигура ее мужа. Но он не появился. Вышли Никола Перро и его индеец, с десятков матросов — англичане и трое мальтийцев. Один из матросов пошел на корму к Эриксону, остальные с бородатым канадцем сели около большой шлюпки. Все они были спокойны и, казалось, не обращали на малейшего внимания на направленные на них мушкеты. Никола Перро достал трубку и небрежно набил ее. Потом огляделся.

— Если вам нужны еще марсовые, чтобы справиться с парусами, — сказал он, — внизу есть люди, они могут помочь.

— Нет, — резко ответил Маниголь, — мой экипаж прекрасно справляется с этим сам.

— А кто будет переводить марсовым приказы Эриксона? — спросил канадец и, так как никто ему не ответил, добавил, вздохнув и встряхивая свою трубку, словно демонстрируя, что добровольно отказывается от счастливых минут безделья: — Ладно, я возьму это на себя. Я, правда, ничего не смыслю в морском деле, но зато могу объясняться здесь с любым. Он мне сказал, чтобы я помог вам своими познаниями. Они, правда, не слишком велики, но все же.

Он взял свою меховую накидку и направился на корму. Оставив часовых около сидящих матросов, Маниголь последовал за ним. В глубине души каждый из бунтовщиков был и разочарован, и рад тому, что сам Рескатор не появился. Разочарован потому, что его знания в навигации и мастерство капитана, в которых они уже множество раз успели убедиться, были для насмерть напуганных пассажиров гарантией, что они снова выйдут из трудного положения. А радость — потому, что одно его присутствие внушало им страх. При нем он, Маниголь, так бы не торжествовал. Для этого дьявола не хватило бы и шести направленных на него мушкетов. Люди, которых Рескатор послал, принесут им куда меньше хлопот. Впрочем, они выглядят усталыми и безразличными ко всему. Без сомнения, они предпочли бы оказаться на берегу и лучше потерять свою часть добычи, обещанной Рескатором, чем жизнь. Должно быть, это они убедили непримиримого Рескатора, который намеревался стоять насмерть,

и подтолкнули его к этой удивившей даже самих бунтовщиков полукапитуляции, которая сулила им спасение.

— Главное — уметь проявить твердость, — разглагольствовал возбужденный адвокат Карер, — перед нашей стойкостью этот фанфарон спустил флаг.

— Умоляю вас, дорогой, не размахивайте так своим пистолетом, — успокаивала его жена.

Она зябко сжала под шалью руки.

— Если бы вы поговорили с этим человеком, как разговаривала я, вы бы поняли, что отнюдь не страх смерти — у него или у его людей — побудил его послать нам лоцмана.

— Тогда что же?

Женщины недоуменно пожали плечами. Волосы Анжелики словно потяжелели от влаги, не она, как и ее подруги, не решалась спуститься на нижнюю палубу. Они ждали, когда Эриксон станет у румпеля. На «Голдсборо» румпель, соединенный с рулем, находился на полуюте, а не внизу, и стоящий у него рулевой мог, в крайнем случае, вести судно без приборов, просто глядя на море. Под прицелом мушкетов, которые не сводили с него бунтовщики, карлик взялся за штурвал. Он стоял с каменным лицом, не проявляя ни малейшего беспокойства. Твердо держа в руках румпель, он не то грезил о чем-то, не то просто спал с открытыми глазами. Рядом с ним на расстоянии вытянутой руки лежал рупор капитана Ясона. В нескольких шагах от него пожевывал свою трубку канадец, бороду которого трепал ветер.

Но прошло несколько часов, и в души, пассажиров и обновленного экипажа снова закралось подозрение. Матросы, несущие вахту на марсе, утверждали, что судно все-таки движется прямо на север, причем еще быстрее, чем раньше, поскольку, заняв место капитана, Эриксон приказал поставить паруса так, что ветер гонит корабль именно в этом направлении.

Они решили, что вероломный Рескатор прислал им лоцмана специально, чтобы как можно скорее погубить их всех.

— Неужели это возможно? — шептала Абигаель Анжелике. — Неужели он способен на такое?

Анжелика решительно помотала головой, но в душе ее тоже терзали сомнения. От нее снова требовали, чтобы она поручилась за помыслы этого человека. И она вынуждена была признаться себе, что не знает их. Всем сердцем она хотела верить ему, ведь когда-то она была связана с ним тесными узами, обожала его. Но даже тогда разве она знала его так уж хорошо? Жизнь не дала ей времени по-настоящему узнать богатый,

разносторонний, кипучий ум своего мужа, или, наоборот, не дала времени утратить свои иллюзии и за время их совместной жизни, которая, казалось, была их общей жизнью, понять, что мужчина и женщина, находясь даже так близко, тщетно ищут друг друга, словно в плотном морском тумане, и что их единение всего лишь мираж, оно не может произойти в земном мире... «Кто ты, в чьих глазах ищу я свое счастье? И для тебя я тоже бездонная тайна?..»

Если Жоффрей тоже задает себе подобные вопросы, если он, несмотря на свой твердый панцирь, которым он защитил себя, в душе призывает ее, тогда еще не все потеряно.

Ведь они призывают друг друга, они тянут друг к другу руки сквозь разделяющий их густой туман, который так нелегко рассеять...

А может, они отдаляются друг от друга с такой же головокружительной быстротой, с какой это сумасшедшее течение, с виду совсем незаметное, влечет за собой в какую-то неведомую даль их корабль?

«Нет, он не любит меня, — шептала она. — В его сердце нет больше любви ко мне. А то, что произошло, — это просто мимолетное желание, которое я внушаю ему... Да, этого слишком мало для того, чтобы он поступился чем-то, вняв моей мольбе, послушался меня... как ужасно чувствовать себя бессильной, беспомощной... Но он так одинок... И я все же жена ему...»

На нее смотрели, как она шевелит губами, что-то бормочет, качает головой. На нее смотрели, и в глазах людей она прочла мольбу.

— О, молитесь же скорее, — порывисто сказала она им, — пришло время молиться, а не ждать от такой несчастной, как я, сама не знаю какого чуда!..

***

Ночь принесла только усилившийся шум моря и ветра, которые через каждую Минуту прерывал удар сигнального колокола, в него, дрожа от усталости, били новоиспеченные юнги Тома и Марциал.

«До чего же они наивны, эти гугеноты, несмотря на свой воинственный вид. Звонить в сигнальный колокол в тумане где-нибудь на широте Ла-Рошели, Бретани или Голландии — там еще можно на что-то надеяться. Так предупреждают о своем приближении другие корабли, призывают на помощь землю, просят подать сигнальный огонь. Но здесь, в этом бесконечном безмолвии, колокол звонит только для того, чтобы ввести нас в заблуждение, заставить поверить, что мы в море не одни...»
Она поднялась.

«Я сейчас спущусь вниз... да, спущусь. Я поговорю с ним. Мы должны знать!»

В эту минуту прозвучал звонкий голос Никола Перро, и, подняв глаза, она с трудом разглядела в тумане, что паруса безвольно повисли вдоль мачт и рей. Корабль трещал, качался, вздрагивал, фыркал, подчиняясь маневру. Приказы следовали один за другим, звучали требовательно. Матросы носились по палубе. Испанцы тоже засуетились, стараясь быть исполнительными, что было им отнюдь не свойственно.

Люди Рескатора, до тех пор сидевшие около шлюпки, мигмом вскочили. Они внимательно следили за тем, что происходит с парусами. Должно быть, их послали на случай, если понадобятся крепкие руки в трудном маневре, но, увидев, что без особых усилий обходятся без них, они не стали вмешиваться. Постояв, снова уселись, с понимающим видом покачивая головами. Один из них высек огонь, зажег фонарь и начал что-то мурлыкать себе под нос.

— Я думаю, наши парни не такие уж плохие моряки, — сказала госпожа Маниголь и кивнула в сторону матросов Рескатора. — Видите, эти не вмешиваются в их действия. И все же я немножко сожалею, мэтр Карер, что вашим пленникам не пришла в голову мысль поразмяться на вантах, вот было бы любопытно посмотреть, как бы вы снова ловили их. Это вам не спор о мастерстве судовождения, о чем вы так охотно рассуждаете, хотя никогда не держали в руках руля.

Адвокат, который, не выпуская из одной руки мушкета, а из другой пистолета, уже начинал потихоньку дремать, вскочил и расхохотался. Если снова началась пикировка, значит, надежда возродилась! И в эту минуту что-то произошло. Они снова слышали хлопанье натянутых парусов.

***

Рассвет принес уставшим женщинам только разочарование. Стало еще холоднее, чем было накануне, и, как им казалось, их по-прежнему неумолимо несло течение. Вода, которую им раздали понемногу, имела привкус гнилого дерева. Ее черпали уже с самого дна бочек. Но никто не осмелился сказать им ни слова» и, когда Ле Галь с радостным выражением лица спустился на нижнюю палубу, на него посмотрели как на сумасшедшего.

— Хорошие новости, — сказал Ле Галь, — я пришел вас успокоить, сударыни. Только сейчас яри помощи приборов, хотя и не без труда, потому что солнце едва просвечивает в тумане, я определил наш курс. И могу вас заверить, что мы его изменили и теперь плывем на юг.

— На юг?.. Но сегодня холоднее, чем вчера.

— Это потому, что в течение двух суток нас несло теплое Флоридское течение и оно нас согревало. А сейчас, держу пари, мы попали в холодное течение залива Гудзон.

— Проклятая страна! — пробурчал пастор Бокер, утратив свою обычную сдержанность. — Поди разберись во всех этих теплых и холодных течениях. Я уже начинаю думать, не лучше ли мне было оказаться в королевской тюрьме, чем в этих злосчастных местах, где я люди и природа вывернуты наизнанку.

— Отец! — с упреком воскликнула Абигаель.

Пастор Бокер тряхнул убеленной сединами головой.

«Все равно это еще не конец нашим бедам, — думал он. — Ведь самое главное не перейти из теплого течения в холодное, а избежать новых смертей»;

Его паства совсем отделилась от него, да он и сам не знал, что бы стал им говорить. Ну, а уж что касается нечестивых, то тем более, разве тронули бы их проповеди старого пастора, его призывы к Справедливости, к Милосердию?

— Я никогда не стремился бросить всех нас в океанский простор. Теперь мы видим, куда это ведет...

— Но сейчас-то мы уже пристанем к берегу?

— К какому берегу?

— А что говорят Эриксон я канадец?

— Ничего! Попробуйте заставить заговорить этого угрюмого медведя-канадца и этого проклятого боцмана, более замкнутого и тупого, чем устрица. Но ничего не скажешь, рулевой он отличный! Вчера он, должно быть, воспользовался слиянием течений, чтобы вырваться и из того, и из другого. Ловко, особенно в таком густом тумане.

— На этот раз я скажу вам точно, — сказал Мерсело, — он голландец. Я считал, что он шотландец, из-за его шотландской шпаги, но только голландцы так разбираются в течениях. Они просто читают их в море, нюхом угадывают...

Пока он говорил, Анжелика вспомнила, как он стоял перед своей конторкой в Ла-Рошели и гусиным пером каллиграфическим почерком на прекрасной веленовой бумаге писал дорогие его сердцу «Анналы Реформации». Сейчас его белый воротник походил просто на тряпку, сюртук на спине расплзался по швам и, несмотря на холод, из-под коротких штанов виднелись голые ноги. В пылу битвы он утратил последние признаки внешней благопристойности...

— Я умираю от жажды, — сказал он, — есть хоть глоток чего-нибудь?

— Не желаете ли рюмку шарантской водки, мой друг? — откликнулась его жена печальным и каким-то дребезжащим голосом.

Напоминание об утраченном комфорте и о родной земле вновь погрузило их в грезы, они вспоминали аромат золотистой шарантской водки, созревшие гроздья винограда на стенах домов и оград в Коньяке. А здесь морская соль разъедает им горло, тело стало липкое, словно конченная селедка.

— Скоро мы причалим к берегу, — сказал Ле Галь, — и на суше найдем воду.

Его слова вызвали всеобщий вздох облегчения.

Анжелика держалась в стороне. Они делали вид, что не замечают ее. Когда дела пошли на лад, к ней никто не обратился ни с единым словом. Ее умоляют вмешаться, только когда что-нибудь не ладится. Она уже начинала привыкать к этому.

Глава 34

В середине дня ее внимание привлекла дискуссия на палубе.

Перед большой шлюпкой Маниголь и Никола Перро что-то бурно обсуждали.

— Мы должны спустить шлюпку на воду, чтобы исследовать берег, — говорил канадец.

— Где мы находимся?

— Я это знаю не больше, чем вы. Могу только заверить вас, что берег близко. Мы были бы безумцами, если бы поплыли дальше, не убедившись в безопасности прохода для корабля. Мы должны найти залив, бухточку, чтобы причалить без риска. Ведь надо войти в нее, не повредив корабля. Послушайте... скорее...

Он сдвинул на затылок свою меховую шапку, приподнял наушники и склонил голову, словно прислушиваясь к отдаленному шуму, колоши улавливал только он один.

— Слушайте...

— Что слушать?

— Шум бара, который мы пересекаем.

Все внимательно прислушались к неясному шуму.

— Мы ничего не слышим.

— А я слышу, — сказал канадец. — И этого достаточно.

Он вдохнул туманный воздух, такой плотный, что казалось, когда открываешь рот, глотаешь что-то весомое.

— Земля близко. Я чувствую ее.

Теперь и они чувствовали землю. Какие-то неопределимые запахи в этой белой водной пустыне вселяли в них уверенность, что она, такая привычная, такая восхитительная, рядом. ЗЕМЛЯ!

***

Берег — песчаный или каменистый, а может быть, поросший травой и деревьями...

— Не очень-то обольщайтесь, — усмехнулся канадец. — Здесь, знаете ли, встречаются приливы в сто двадцать футов, которые поднимаются за два часа.

— Сто двадцать футов! Да вы смеетесь над нами. Таких не бывает в природе!

— Ваше дело верить или не верить. Но имейте в виду, главное — не

пропустить час, когда можно пройти. Я посоветовал бы вам уже сейчас прыгать в воду, пока ваша скорлупка не начала скоблить днищем грунт и не развалилась на части. Самый скалистый берег в мире, тут уж ничего не скажешь. Да что вы можете понять, когда ничего кроме вашей Ла-Рошели и жалкого прилива в двенадцать футов не видели!

Прищурив глаза он, казалось, смеется над ними. Со стороны юта слышался скрежет якорной цепи.

— Я не давал приказа! — крикнул Маниголь.

— Но другого выхода нет, сударь, — сказал Ле Галь, — все верно, земля близко... Но узнать, сколько кабельтовых до нее... это необходимо... Да еще в таком тумане!

Пришел матрос сказать, что якорь коснулся дна на глубине сорока футов.

— Самое время!

— Нам ничего не остается, как последовать их совету, — повторил Ле Галь.

И кивком головы он показал на Никола Перро и людей Рескатора, которые продолжали готовить шлюпку.

Они воспользовались высокой волной, чтобы спустить шлюпку на воду, потом спустились в нее сами.

Маниголь и Берн растерянно переглянулись, не зная, как поступить, боясь, нет ли здесь подвоха.

— Подождите, — сказал Маниголь. — Я должен переговорить с Рескатором.

Глаза канадца вдруг сузились, стали суровыми. Он с силой опустил руку на плечо Маниголя.

— Вы совершаете ошибку, друг. Не забывайте, что внизу, в трюмах, тот порох, что у нас остался, — пусть его немного — припасен для вас, как и вы храните свои запасы для нас. Вы хотели войны, вы ее получили... И помните... не ждите от нас пощады, если вы хоть чуть утратите свое преимущество...

Он шагнул на наружный трап и по пеньковому тросу соскользнул в шлюпку. Она танцевала на волнах среди белых гребней, море сквозь дымку тумана казалось восхитительно сине-сиреневым. Несколько взмахов веслами, и шлюпка взлетела на гребень волны и исчезла. Но трос, который, словно нить Ариадны, связывал ее с кораблем, продолжал раскручиваться.

Эриксон остался на борту. Он занимался своим делом, не обращая внимания на то, что его окружали вооруженные протестанты, эти презренные пассажиры, так называемые моряки, не выдавшие ничего,

кроме пресной воды, которые спутались с бандой испанцев, чтобы завладеть «его» верхней палубой.

С помощью свистка и пинков он поставил десять человек к кабестану ^[15].

Трос разматывался быстро, таща за собой еще более толстый, толщиной в руку, который раскручивался с кабестана. Его уже оставалось немного, когда кабестан перестал вращаться и трос змеей выполз из воды. Шлюпка вдалеке бросила якорь. Натянутый трос сильно дрожал.

— Они крепят трос к скале, чтобы удержаться самим и потом тянуть нас к проходу, — прошептал Ле Галь.

— Это невозможно, мы на мелководье.

— Вы так полагаете?.. Я бы скорее думал, что речь идет о затопленном пороге, который можно миновать при высокой воде. По моему, это как раз тот самый случай. Но в какое время здесь бывает прилив?

Они молча ждали, боясь поверить, что пришел конец их испытаниям.

Хриплый крик боцмана Эриксона оторвал часть людей от кабестана, и они бросились закрепить трое вокруг кнехтов. А еще до этого прозвучал приказ поднять якорь. «Голдсборо» тихо качнулся, словно его потянула невидимая рука.

Матросы у кнехтов кряхтели, обливались потом, хотя было отнюдь не жарко. Натянутый трос дрожал и, казалось, готов был лопнуть.

В тишине Ле Галь показал Маниголю на что-то вдали. Там на поверхности воды сквозь туман можно было различить черные оцетинившиеся верхушки скал, они выступали со всех сторон, окруженные гребешками морской пены.

Однако огромный корабль, ведомый каким-то чудесным образом через узкий, но глубокий фарватер, спокойно следовал своей дорогой. Каждую минуту они ожидали удара, зловещего треска, крика, возвещающего о беде: «Мы сели на мель!», что так часто случается, когда проходят через узкий фарватер. Но все было спокойно, «Голдсборо» продолжал плыть вперед, а туман — снова сгущаться. Вскоре и пассажиры уже с трудом передвигались по палубе. Казалось, будто корабль поднимается, поднимается все выше и выше. А потом начался спуск, падение, они даже ощутили легкий удар. «Голдсборо» спускался, слегка накренившись на левый борт, потом стал ровно, плавно покачиваясь.

— Мы миновали бар, — сказал Ле Галь.

И одинаковый вздох облегчения вырвался из стесненной груди всех —

и друзей, и врагов.

Прозвучал суровый голос Эриксона, затем послышалось позвякивание якорной цепи. «Голдсборо» снова стоял на якоре, продолжая мирно покачиваться. На какое-то время протестанты и их сообщники расслабились, ожидая, когда послышится мягкое пошлепывание весел — знак возвращения шлюпки.

Ничего не услышав, Ле Галь поднял рупор и окликнул шлюпку, потом приказал звонить в колокол.

Охваченный неожиданным предчувствием, Маниголь бросился к тросу, потянул его, и тот безжизненно повис у него в руках.

— Трос лопнул!

— Если только они его не обрубили!..

Гугенот из Сен-Мориса, которого они оставили у кабестана, подошел к нему.

— Они улизнули в тот момент, когда мы проходили бар. Должно быть, трос обрубили парни в шлюпке. Может, это было необходимо, чтобы мы налетели на скалы? Но как корабль прошел, какой прекрасный маневр! Теперь мы в безопасности!

Они подтянули остатки троса, который действительно был перерублен топором.

— Какой прекрасный маневр! — повторил Ле Галь восхищенно.

Но Анжелика услышала, как он шепотом добавил:

— Да, слишком прекрасный маневр для незнакомого фарватера...

Маниголь вдруг встрепенулся:

— Но кто, кто стоял у руля, когда мы проходили фарватер? Ведь Эриксон, был здесь, рядом с нами.

Они поспешили на корму. Анжелика последовала за ними. Она предчувствовала опасность и потому хотела быть везде сразу, чтобы ничего не упустить. Казалось бы, самое страшное позади, однако на сердце у нее было тревожно. Солидарность мужчин, в борьбе с морем кончилась. Между протестантами и Жоффреем де Пейраком начиналась решающая партия.

***

Возле румпеля, теперь заблокированного, они наткнулись на распростертое тело испанца, самого неумелого моряка среди бунтовщиков. Удар кинжала, с силой вонзенного ему в спину, похоже, подвел черту под его никчемной жизнью.

— Неужели Эриксон поручил, ему стать у румпеля?

— Невозможно. Разве только он знал, что? кто-то придет сменить

его!..

Они долга смотрели друг на друга, не зная, что думать, как объяснись себе это, как себя успокоить.

— Сударыня Анжелика, — сказал наконец, Маниголь, поворачиваясь к Анжелике, — ведь это т, не так ли, стоял у руля, когда мы проходили бар?

— Откуда ж мне это знать, господа? Разве я была с ним в трюме? Нет. Я была здесь, с вами, но не потому, Поверьте мне, что одобряю ваши действия, а потому, что еще надеюсь на спасение.

Они молча опустили головы. Такой счастливый выход казался им, уже маловероятным. Слова канадского медведя Никола Перро: «Не ждите от нас пощады!» — теперь обрели для них смысл.

— А часовые у трапов на местах?

— Будем надеяться! Но мы не знаем всех западней, в которые можем попасть на этом чертовом корабле.

Маниголь горестно вздохнул:

— Боюсь, что по сравнению с ними мы оказались не слишком искусными воинами и моряками... Ладно, вино созрело, пришла пора его пить. Будем на страже, братья, и, если это потребует, подготовимся дорого продать свои шкуры. Может быть, судьба все-таки окажется благосклонной к нам. Мы вооружены. Когда туман рассеется, мы определим, где находимся. Земля недалеко. Она вот с этой стороны: слышите эхо? Должно быть, мы спокойно стоим на рейде. Даже если шлюпка не вернется, мы сможем доплыть до берега на лодке, что осталась у нас на борту. Нас много, и мы вооружены. На судне есть даже пушки. Мы обследуем местность, привезем пресной воды — ее надо обязательно найти, — потом под конвоем высадим Рескатора и его людей на берег, а сами подготовимся к отплытию на Острова.

Однако его слова не успокоили их.

— Мне кажется, где-то позвякивает цепь... — сказал Мерсело.

— Это эхо.

— Эхо чего?

— Может быть, другой корабль? — взволнованно воскликнул Ле Галь.

— Вы бредите.

— Я тоже слышу, — сказал кто-то еще.

Они прислушались.

— Проклятый туман! То ли дело наш благородный туман в Ла-Рошели... Но никогда, никогда не видел я такого тумана, как здесь.

— Он, должно быть, вызван слиянием этих двух течений, холодного и

теплого, которые влекли нас за собой.

— Но вот странно: звуки не приглушенные, как обычно бывает в густом тумане...

— А где Эриксон? — спросил вдруг Маниголь.

Эриксон бесследно исчез.

Когда стемнело, юный Марциал зажег первую свечу и вдруг закричал:

— Идите сюда! Посмотрите!

Все прибежали на его зов, и Марциал показал им на удивительное сияние, рожденное в тумане скромным светом единственной свечи. Кристаллы льда излучали множество огней — зеленых, зеленых с золотым отливом, желтых, красных, розовых и синих. Люди стали зажигать все фонари подряд. Появление каждого нового пламени порождало новые многоцветные фантазмагии; на которые они смотрели с недоумением, без ужаса и без восхищения, и только спрашивали себя: «Где же мы? Что это?»

Как ни старалась Анжелика уснуть, сон не шел к ней, и она вышла, на палубу. После стольких дней плавания, качки было странно чувствовать, что корабль стоит на якоре, слышать шум прибоя на песчаном берегу, где-то совсем близко.

Эта бесконечная ночь напомнила ей ее бессонные ночи в Бокаже во время восстания, когда она в тревожном ожидании бодрствовала с оружием в руках. И сейчас у нее тоже было ощущение приближающейся битвы.

«По сути дела, я женщина войны... Жоффрей не знает этого. Он тоже не знает обо мне всего, не знает, какой женщиной я стала».

В туманном сиянии она различала кутающихся в черные плащи протестантов, которые во все глаза глядели на эту странную ночь. Временами неожиданный порыв ветра бросал на их плечи сверкающие крупинки инея.

«Зачем я здесь, — думала она. — Я не люблю их. Я не люблю их больше. Я почти ненавижу Берна, хотя он был мне лучшим другом. Я могла бы простить ему многое, но он хотел убить Жоффрея. Этого я не прощу ему никогда. И все же я здесь, с ними. Я чувствую, что мне надо быть здесь... Дети, да... Онорина. Я не могла оставить их. Жоффрей — он сильный. Он пережил в жизни все, что может пережить мужчина. Он тверд. В нем нет слабости, он не позволяет себе даже слабости любить меня...»

Она жаждала быть рядом с ним, она чувствовала себя насильно оторванной от него. В прошлую ночь он был как близок, так нежен. Что это было — сон или явь? Она уже и сама не знала...

На рассвете, когда она снова поднялась на верхнюю палубу, вдруг чья-то рука сзади легла ей на плечо. За ее спиной стояли два матроса, и она их узнала: те самые, что вместе с Никола Перро сопровождали ее в Ла-Рошели. Неужели они тоже с бунтовщиками? Но они быстро вывели ее из заблуждения.

Один из них, скорее, всего мальтиец, прошептал на средиземноморском жаргоне:

— Хозяин послал нас, чтобы защитить тебя и ребенка.

— Зачем меня защищать?

— Не двигайся!

И они крепко схватили ее за руки. Она услышала глухой шум. Протестант, который стоял на часах у самого ближнего к ним люка, упал замертво. А над ним Анжелика, увидела какое-то странное существо, которое одновременно походило на человека, животное и птицу. Какой-то великан. Он появился в сумраке утра с огромным красным кошачьим хвостом на голове, который словно танцевал вокруг него. Его поднятые руки отливали медным блеском. Он снова размахнулся и ударил. Еще одна часовой упал. Анжелика не слышала, как он появился. Он действовал со стремительностью призрака. А со всех сторон, через фальшборт на палубу бесшумно прыгали другие призраки и, разбежавшись во все стороны, заполнили корабль.

Огненно-рыжие перья и голубые или рыжие накидки из меха, развевающиеся за их спинами словно пушистые крылья, движения их поднятых, рук придавала им вид карающих архангелов.

Анжелика уже готова была закричать, думая, что это ей снится. Но люди Рескатора предупредили ее:

— Молчи... Это индейцы... наши друзья!

Один из них прыгал перед ней, словно исполнял акробатический танец. Он потрясал очень широкой, украшенной красными перышками короткой саблей, а в другой руке у него было нечто вроде деревянного шипа с железным шаром на конце, напоминающего кастет. Анжелика увидела перед собою загадочное, разрисованное синими полосками лицо цвета красной глины.

Матросы окликнули индейца на каком-то певучей языке, Они указали ему на Анжелику и на дверь, ведущую на нижнюю палубу, подле которой они дежурили. Индеец согласно кивнул и исчез.

Послышалось еще несколько возгласов, выстрелы, йогом пронзительные крики, гвалт, словно в портовой таверне по вечерам, когда там идет пирушка. Шумные, жизнерадостные мужчины европейского типа,

бородатые, в меховых шапках, как у Никола Перро, перекликаясь друг с другом, перепрыгивали через фальшборт и заполняли палубу «Голдсборо».

Анжелика увидела двоих мужчин, которые походили на дворян: со шпагами на боку, а европейских камзолах и шляпах с широкими полями, правда, уже несколько старомодных, — но они явно носили их с гордостью. Они уверенным шагом прошли на корму и скрылись из глаз. Палуба лихорадочно кипела. Через несколько минут Анжелика увидела, что все кончено. Победа перешла в другой лагерь, недолгое превосходство протестантов рухнуло.

Маниголя, Берна и их приспешников со связанными за спиной руками вывели наверх. Они были бледны, с заросшими подбородками, в разорванной одежде. Атака индейцев была столь неожиданна, что они не успели оказать сопротивление.

Оглушенные каменным оружием индейцев, приближения которых они даже не заметили, бунтовщики только теперь с трудом начинали приходить в себя. Лица многих болезненно морщились.

Анжелика почувствовала жалость к ним. Хотя она была очень сердита на них, ей все же хотелось, чтобы Переход власти на корабле в руки ее мужа произошел без кровопролития.

В глубине души она всегда верила» что Жоффрей в конце концов одолеет своих противников, людей, конечно, решительных и смелых, быть может, даже хитрые, но неопытных.

Он сделал вид, будто признал свое поражение, чтобы выиграть время. С его знанием море и прибрежных районов там, куда он их привел, он без труда ввел их в заблуждение. Укрывшись в чреве корабля, он привел сумасшедший марш «Голдсборо» через Флоридское течение, потом пришел час послать Эриксона и Никола Перро. Те, сделав вид, будто не знают, где можно пристать к берегу, завели судно в ловушку, в логово пирата. На берегу люди со шлюпки предупредили своих старых компаньонов, да еще срочно призвали на помощь Индейцев из дружественного племени.

Вот так протестанты, пленники этой незнакомой им туманной пустыни, оказались в их власти. На свет фонарей, зажженных на судне, к ним подошли из бухты легкие каноэ из березовой коры с краснолицыми воинами, трапперами, матросами и корсарами-дворянами, странными обитателями этих диких берегов, короче, всеми людьми Рескатора.

А вот появился и он сам, вынырнув из тумана. Даже рядом с высокими индейцами он выигрывал в росте, и индейцы склонились перед ним в земном поклоне мягкими кошачьими движениями, и это впечатление еще

больше усиливали накидки роскошного меха, болтающиеся за их спинами, и украшающие бритые головы полосатые кошачьи хвосты, которые спадали им на плечи. Рескатор что-то сказал им на их языке. И здесь, в этой стране на краю мира, он тоже был у себя дома.

Казалось, он не заметил Анжелики и остановился около пленников. Он долго оглядывал их, потом вроде бы даже вздохнул.

— Вот и кончилось приключение, господа гугеноты, — сказал он. — Мне жаль вас, жаль, что ваши достоинства не были проявлены в делах, более полезных для всех нас. Вы плохо выбираете врагов и не умеете распознавать друзей. Обычная ошибка таких, как вы, ошибка, за которую расплачиваются слишком дорогой ценой.

— Как вы намерены поступить с нами? — спросил Маниголь.

— Так, как поступили бы со мною вы, если б одержали победу. Вы недавно цитировали мне Писание. Теперь моя очередь дать вам возможность поразмышлять над словами Великой книги: «Око за око, зуб за зуб!»

Глава 35

— Сударыня Анжелика, вы не знаете, как он намерен поступить с ними?

Анжелика вздрогнула и подняла глаза на Абигаель! В сумраке утра лицо девушки выглядело изможденным! В первый раз она выглядела неопрятно одетой. Она так и не сняла грязный передник, испачканный прошедшей ночью, когда им поручили заряжать и чистить мушкеты протестантов, не надела на голову белый чепчик, и ее длинные льняные волосы спадали на плечи, что придавало ей непривычно юный вид. Анжелика смотрела на нее, почти не узнавая. Безжизненный взгляд Абигаель, выражение тоски в нем удивляли ее тем больше, что дочь пастора Бокера могла не опасаться за своего отца и за кузена, ведь они не принимали участия в бунт!

Среди тех, чья судьба пока была неясна, у нее не было ни сына, ни мужа.

А неясна была судьба Маниголя, Берна, Мерсело, Ле Галя и еще троих протестантов, которые предложили свои услуги в качестве матросов, чтобы войти в состав экипажа Рескатора и шпионить за ним. Их со вчерашнего дня никто не видел. Остальные вернулись к своим женам и детям. С понуренными головами, усталые, полные горечи, они едва прикоснулись к странным фруктам и овощам, которые им в достаточном количестве принесли вместе с пресной водой.

— Я уже начинаю думать, не безрассудно ли мы поступили, — сказал доктор Парри, опускаясь на охапку соломы. — Прежде чем послушаться Маниголя и Берна, нам надо было бы поговорить с этим пиратом, ведь, в конце концов, он принял нас к себе на корабль, когда наше положение было весьма и весьма плачевно.

Адвокат Карер, дурное настроение которого усиливала боль в руке — его ранили во время стычки, — пробурчал:

— Да и какая разница — плыть туда или сюда, на Острова или куда-нибудь в другое место... Просто Маниголь боялся лишиться своих денег, а Берн — потерять любовь некой вскружившей ему голову особы... — Адвокат процедил это сквозь свои острые зубы, бросив злобный взгляд в сторону Анжелики. — Мы позволили двум безумцам втянуть нас в эту авантюру... А теперь посмотрите, в каком положении я оказался... с одиннадцатью детьми...

Подавленные протестанты сидели молча, и даже дети, которых напугали и все последние события, и особенно краснокожие люди, утратили свою обычную беспечность и притихли, растерянно поглядывая на озабоченные, печальные лица родителей.

Легкое покачивание стоящего на якоре корабля, тишина за его бортом, где, они чувствовали, по-прежнему все окутывал плотный белесый туман, который держал «Голдсборо» в плену, после дней бури и битвы создавали ощущение, будто все они погружены в какой-то тревожный сон. Абигаель тоже почувствовала угрозу, которую несло это утро, поэтому она, едва проснувшись, еще не выйдя из кошмарного сна, который мучил ее всю ночь, рывком поднялась и пошла к Анжелике.

А Анжелика и вовсе не сомкнула глаз, она была настолько взбудоражена, что враждебность тех, кого она еще недавно считала своими друзьями, уже не трогала ее. Она осталась среди них скорее для того, чтобы постараться защитить их, а не для того, чтобы найти среди них успокоение. Ее мысли от Жоффрея де Пейрака перебежали к тем, за кого она продолжала чувствовать себя ответственной. Склонившись к Лорье, который сидел с побелевшим личиком, она пыталась его успокоить, расшевелить, но с плотно сомкнутых губ ребенка не слетело ни еденного слова, молчали и Северина с Марциалом.

Дети страдали, снова втянутые в непонятный для них конфликт взрослых.

«Разве для того я спасла их от королевской тюрьмы, чтобы они стали двойными сиротами... на краю света? Нет, это невозможно!»

Абигаель продолжала стоять перед Анжеликой. Анжелика поднялась и не спеша оправила платье. Развязка приближалась. Она должна быть готова к ней, должна собрать все свои силы, чтобы побороть отчаяние; которое охватывает их всех.

За спиной Абигаель уже стояли другие женщины. Жены Бреажа, Ле Галя. Бедные деревенские женщины, не осмеливаясь смешаться с богатыми дамами из Ла-Рошели, подталкиваемые беспокойством, боязливо жались друг к другу в сторонке. Госпожа Мерсело, госпожа Маниголь и их дочери, словно вдруг решившись на что-то, с суровыми лицами подступили к Анжелике.

Они молчали, но в их глазах Анжелика прочла тот же самый вопрос, который ей задала Абигаель:

— Как он намерен поступить с ними?

— Посмотрите, до чего вы довели себя, Абигаель, — тихо проговорила Анжелика, обращаясь только к ней, имея в виду ее вид. —

Слава Богу, ваши отец и кузен проявили мудрость, и не вмешались в действия, с которыми не были согласны. С ними не может случиться ничего плохого.

— Но Габриель Берн! — воскликнула Абигаель почти в истерике. — Сударыня Анжелика, неужели он совсем безразличен вам и вы дадите ему погибнуть? Неужели вы забыли, что он принял вас в свой дом и что это из-за вас, из-за вас...

В ее горящих, глазах, которые она не сводила с Анжелики, читалась почти ненависть. Маска безмятежности слетела с лица обычно такой мягкой Абигаель. Анжелика вдруг поняла.

— Абигаель, вы его любите?..

Абигаель закрыла лицо руками.

— О да, я люблю его! Уже столько лет, столь»» лет... я ее хочу, чтобы он умер, даже если вы отберете его у меня.

«Какая же я дура, — думала Анжелика, — мы были подругами, а я даже не подозревала, что творится в ее сердце. А вот Жоффрей все вонял сразу, в первый же вечер, как только увидел Абигаель на „Голдсборо“. Он прочел в ее глазах, что она любит мэтра Берна».

Абигаель подняла к ней свое залитое слезами лицо.

— Сударыня Анжелика, вмешайтесь, ради Бога, пусть он пощадит его... Вы слышите... там, наверху... что это?

Уже не пытаясь скрыть ужас, который охватывал ее, она, отменяя стыдливость, добавила:

— Слышите топот и стук топора? О, я уверена, они сооружают виселицу. Если он умрет, я убью себя!

Недавняя сцена разом всплыла перед глазами обеих, и они снова пережили тот неожиданный ужас, который испытали, увидев в похожее на это утро тело мавра Абдуллы, раскачивающееся на рее фок-мачты. Тогда им продемонстрировали, что суд капитана и хозяина этого корабля скорый и приговор обжалованию не подлежит.

Они подняли головы, напряженно вслушиваясь в шаги над головой.

— Далеко завело вас воображение, Абигаель, — сказала наконец Анжелика как могла спокойно. — О какой виселице может идти речь, если фок-мачта рухнула во время бури?

— Да, но на «Голдсборо» есть еще достаточно мачт и рей, чтобы погубить их, — вскричала госпожа Маниголь, с ненавистью глядя на нее. — Несчастливая, это вы втянули нас в эту авантюру, вы продали нас своему любовнику, своему сообщнику... Впрочем, я никогда не доверяла вам.

Щеки ее вспыхнули, и она, замахнувшись, шагнула к ней. Властный

взгляд Анжелики остановил ее.

С тех пор как Анжелика предстала перед ними в новом платье и с рассыпавшимися по плечам волосами, к некоторому уважению к ней примешалось злобное чувство. В этом одеянии особенно проявлялись благородство Анжелики, ее манера держаться, ее речь.

И сейчас буржуазная гордость неожиданно склонилась перед знатной дамой. Рука госпожи Маниголь повисла в воздухе: жена Мерсело схватила ее за запястье.

— Успокойтесь, матушка, — сказала она, тяня ее назад. — Вы забываете, что только она одна еще может хоть немного помочь нам, вызволить нас отсюда? Поверьте мне, мы и так уже натворили немало глупостей...

— Что верно, то верно, — резко сказала Анжелика. — Вы неправы, желая, как всегда, переложить ответственность за свои ошибки на других. Вы сами чувствовали, госпожа Маниголь, что монсеньор Рескатор заслуживает доверия, но не сумели удержать от неверного шага заблудшие умы ваших мужей, ведь каждый из них преследовал интересы, которые, пожалуй, не менее непристойны, чем интересы пиратов, которых вы так презираете. Да, правда, я была рядом с капитаном, когда они порвались к нему. И я все видела. Они угрожали ему смертью, они у него на глазах убили его помощника... Какой мужчина смог бы забыть подобные оскорбления?.. А он — еще меньше, чем кто-либо другой!.. И вы это знаете. Вот поэтому-то все вы и боитесь!

Она дрожала от негодования.

Они смотрели на нее, начиная осознавать всю глубину трагедии. И сама госпожа Маниголь теперь уже смиренным голосом повторила мучивший всех вопрос:

— Как он намерен поступить с ними?

Анжелика опустила взгляд. Она тоже всю ночь спрашивала себя о том же.

Неожиданно госпожа Маниголь тяжело рухнула на колени перед Анжеликой. Остальные женщины, движимые теми же чувствами, последовали ее примеру.

— Сударыня Анжелика! Спасите наших мужчин!..

Они тянули к ней сложенные в мольбе руки.

— Вы одна можете это, — с жаром молила Абигаель. — Вы одна знаете, как проникнуть в сердце монсеньора Рескатора, и вы найдете слова, которые помогут ему забыть оскорбление.

Анжелика побледнела, услышав эту просьбу.

— Вы ошибаетесь, я не имею над ним власти... Его сердце неумолимо.

Но они цеплялись за ее платье.

— Вы одна можете это!

— Вы можете все!

— Сударыня Анжелика, сжальтесь над нашими детьми!

— Не оставляйте нас! Пойдите к этому пирату!

Она с силой тряхнула головой.

— Как вы не понимаете! Я ничего не могу! О, если бы вы знали! Ничто не тронет его стальное сердце!

— Но для вас! Страсть, которую вы ему внушаете, смягчит его!

— Увы, я не внушаю ему никакой страсти.

— О! — воскликнули они хором. — Что вы говорите! Еще ни один мужчина не был так заморожен женщиной. Когда он смотрит на вас, у него глаза огнем горят.

— У всех нас это вызывало ревность и раздражение, — призналась подошедшая к ним госпожа Карер.

Они окружили ее, они в слепой вере цеплялись за нее.

— Спасите моего отца, — умоляла Женни. — Он глава нашей семьи, что станется с нами без него на незнакомой земле?

— Ведь мы так далеко от Ла-Рошели!

— Мы совсем одни!

— Сударыня Анжелика! Сударыня Анжелика!

В этом хоре умоляющих голосов Анжелика, как ей казалось, слышала только два, тоненькие и печальные голоса Северины и Лорье, которые, однако, не издали ни единого возгласа, не произнесли ни единого слова. Они пробрались к ней и обняли ее своими ручонками. Она прижала детей к груди, чтобы не видеть тревогу в их глазах.

— Бедные малютки, брошенные на край света!

— Чего вы боитесь, сударыня Анжелика? Вам-то он не причинит зла, — сказал наконец Лорье тоненьким детским голоском, правда, не очень уверенно.

Но разве могла она поведать им, что их разделяет какая-то ранящая горечь. Страстный спор, который вспыхнул между ними в день их краткого примирения, свидетельствовал именно об этом.

Разве можно рассчитывать только на то, что она внушает своему мужу желание? Этого слишком мало. Силой чувств Жоффрея де Пейрака не удержишь. Она знает его лучше, чем кто-либо здесь. На свете немного таких мужчин, способных одновременно утонченно наслаждаться

женщиной и легко отринуть ее. Сила его ума и его вкус, которыми природа наделила его для самых возвышенных наслаждений, позволяют ему подавлять свои желания и, если это действительно необходимо, безболезненно отказываться от мимолетных плотских утех.

Неужели они, эти добродетельные женщины, стоящие сейчас перед ней на коленях, простодушно надеются, что она своими чарами отвратит гнев хозяина моря от их мужей-мятежников, которые втянули в бунт его экипаж...

Жоффрей де Пейрак никогда их не простит!

Умеющий быть любезным, он, согласно неписаным законам своих предков, не колеблясь, всегда мог пролить кровь или обречь на смерть, если считал это необходимым.

Так осмелятся ли она предстать перед ним, чтобы просить за виновных, которые нанесли ему смертельное оскорбление?

Ее вмешательство вызовет у него только гнев. Он просто грубо выгонит ее, да еще бросит ей упрек в том, что она спелась с его врагами.

Женщины и дети с тревогой следили за ее лицом, пытаясь угадать, что происходит в ее душе.

— Сударыня Анжелика! Вы одна можете смягчить его сердце! Пока еще есть время!.. Еще немного, и будет слишком поздно.

Они чувствовали, догадывались, что наверху идут приготовления к казни, хотя шум не достигал их ушей. Каждая минута приближала к трагической развязке. Анжелика дрожала при мысли, что сейчас откроется дверь... Тогда их заставят выйти, заставят подняться на палубу и... они увидят! Будет слишком поздно кричать, умолять. Придется смириться с неизбежным, и тогда она навеки станет такой же сумрачной женщиной, как Эльвира, молодая вдова булочника Ромена, который погиб во время бунта. С тех пор она сидит безучастная ко всему, прижав к себе двух своих сыновей.

Анжелика тряхнула головой.

— Хорошо. Я пойду, — сказала она вполголоса, — это нужно, но... о, Боже! Как это трудно, как тяжело!

Она чувствовала себя безвольной, опустошенной, потому что сама порвала тонкую нить, вновь соединившую ее с Жоффреем, когда не захотела остаться с ним. «Останься со мной», — шептал он. Она крикнула «нет» и ушла. Он не из тех мужчин, что прощают. Однако она повторила:

— Я пойду, — и отстранила их. — Дайте мне пройти.

Быстро поднявшись с колен, женщины молча окружили ее. Абигаель накинула ей на плечи свой плащ. Госпожа Мерсело дружески сжала ей

руки.

Они проводили ее до двери.

Два матроса из команды «Голдсборо» стояли у их двери на часах. При виде Анжелики они заколебались, потом, видимо, вспомнив, что хозяин расположен к ней благосклонно, не стали ее удерживать, и она прошла.

Медленным шагом она поднялась по трапу, который мл на полуют. Эти липкие деревянные ступени, пропитанные соленой водой после бури, кровью после сражения, стали ей настолько привычны, что она одолела их, словно и не заметив. Туман продолжал окутывать еще стоящее на якоре в невидимой бухте судно. Сейчас, правда, он был не очень плотный, но белый, как молоко. В нем сверкали какие-то розовые отблески и неожиданные золотые звездочки, на которые Анжелика смотрела, не видя.

Она столкнулась с каким-то высоким статным человеком, одетым в костюм с золотыми галунами и в шляпе, украшенной красивым султаном. Сначала она приняла его за мужа и в растерянности застыла на месте. Но он очень галантно раскланялся:

— Сударыня, разрешите представиться: Ролан д'Урвиль, младший сын дома Валонь, нормандский дворянин.

Несмотря на дубленое морем и ветром лицо пирата, в его прекрасном французском языке и светских манерах было что-то успокаивающее. Он спросил ее, не желает ли она повидать графа де Пейрака, и предложил проводить ее до его апартаментов. Анжелика с радостью согласилась. Да, конечно, она боится нос к носу столкнуться с кем-нибудь из индейских воинов.

— Вам нечего бояться, — сказал Ролан д'Урвиль. — Индейцы, хотя они и страшны в бою, в жизни люди мягкие и преисполнены достоинства. Граф де Пейрак готовится сейчас сойти на берег... У вас какое-то дело к нему?

Выйдя на балкон полуюта, Анжелика вскинула взгляд.

То, что она увидела, было ужасно: около грот-мачты между небом и землей болтались голые ноги.

— О да, это повешенные, — сказал д'Урвиль, проследив ее взгляд. — Пустяки, кучка испанских мятежников, которые, кажется, доставили несколько неприятных минут господину графу и его людям во время обратного плавания. Не обращайтесь внимания, сударыня. Суд на море, да и в наших суровых краях тоже, должен быть скорым и беспощадным. Эти несчастные, кстати, даже не были нисколько заинтересованы в бунте.

Анжелике хотелось спросить его, что сделали с остальными, с гугенотами, но она не осмелилась.

Войдя в апартаменты графа де Пейрака, она побледнела. Когда приведший ее нормандский дворянин закрыл за нею дверь, она, чтобы прийти в себя, прислонилась к косяку и какое-то время стояла так в полумраке. Этот салон, где очаровательные ароматы восточной роскоши смешивались с сильным запахом морской воды, уже стал привычен ей.

Сколько событий, сколько драм разыгралось здесь с того вечера, когда они отплывали из Ла-Рошели, когда капитан Ясон провел ее к Рескатору!

Она не сразу увидела мужа: он стоял в глубине салона около большого окна. Мерцающий свет, струящийся через стекла, освещал стоявший на столике ларец, из которого Жоффрей де Пейрак выложил всевозможные драгоценности, жемчуг и бриллианты.

Господин д'Урвиль сказал, что капитан «Голдсборо» готовится сойти на берег. И конечно же ради этого он надел сегодня особенно пышный костюм. Разглядывая красный плащ Жоффрея, расшитый огромными цветами из бриллиантов, камзол и темно-синие короткие бархатные штаны, без украшений, но изящного кроя, костюм, который придавал его высокой фигуре необыкновенную элегантность, Анжелика почувствовала себя словно перенесенной в прежние дни дворцовых празднеств. Даже хромой, разве не он слыл некогда одним из самых элегантных французских сеньоров! На нем были испанские сапоги, очень высокие, из кожи красного цвета, такого же, как и перчатки с крагами, лежащие на столе, и пояс, на котором висели его пистолет и кинжал.

Единственное, что отличало его от знатного придворного сеньора, это отсутствие шпаги. Ее заменял длинный пистолет с инкрустированной перламутром серебряной рукояткой.

Она увидела, как он надел на пальцы два перстня? потом через плечо, поверх камзола, украшенную золотыми пластинами и бриллиантами перевязь — такие носили еще при дворе Людовика XIII знатные сеньоры-воины, которые презирали ставшие бесполезными кирасы и переделывали их в украшения.

Он стоял почти спиной к ней. Слышал ли он, что она вошла? Знает ли, что она здесь? Наконец он закрыл шкатулку и повернулся к ней лицом.

— Я пришла... — начала она.

— Я вижу.

Он не помог ей, и взгляд его был отнюдь не любезен.

— Жоффрей, — сказала она, — что вы собираетесь сделать с ними?

— Вас интересует только это?

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Сударыня, вы приплыли из Ла-Рошели, вы немало поборождали

Средиземное море и, как я слышал, знакомы с морскими нравами. Следовательно, вы знаете законы моря. Какая судьба уготована тем, кто во время плавания нарушает порядок, установленный капитаном, и пытается лишить его жизни? Их вешают... Высоко и быстро, без суда. Следовательно, я их повешу.

Он сказал это спокойно. Но решение его было бесповоротно.

Анжелику бросило в дрожь, все поплыло перед ее глазами. «Невозможно допустить, чтобы это случилось! — твердила она себе. — Что сделать, чтобы спасти их? Я брошусь к нему в ноги...»

Она пересекла каюту и, прежде чем он успел предупредить ее движение, рухнула перед ним на колени, обняла его.

— Жоффрей, пощадите их, прошу вас, мой любимый, прошу вас... Я прошу не столько ради них, сколько ради нас с вами. Я боюсь, я трепещу при мысли, что это погубит мою любовь к вам. Я никогда не смогу забыть, чья рука послала их на смерть. Между нами станет кровь моих друзей...

— Но между нами уже есть кровь моих друзей: Ясона, моего верного сподвижника в течение десяти лет, старого Абд-эль-Мешрата, жестоко убитого ими...

Его голос все еще дрожал от гнева, глаза лихорадочно горели.

— Ваше требование несправедливо по отношению ко мне, сударыня, боюсь, что на этот шаг вас толкнула ваша злосчастная привязанность к одному из этих мужчин, предавших меня, вашего супруга, которого вы якобы любите.

— Нет, нет, не это, и вы же прекрасно знаете. Я люблю только вас... я всегда любила только вас... я всегда готова была умереть... пожертвовать своей жизнью ради вас...

Ему хотелось оттолкнуть ее, но он боялся показаться грубым, потому что она в отчаянии цеплялась за него, и он чувствовал тепло ее рук, тепло ее прижатого к нему лица.

Он стоял неподвижно, глядя куда-то поверх нее, он избегал ее умоляющего взгляда, но не в силах был заставить себя не слышать ее волнующего голоса. Из всех слов, которые она произнесла, его жгло только одно: «Мой любимый». Он считал себя в надежной броне, которая не даст ему смягчиться, но этот столь неожиданный для него возглас и то, что она, такая гордычка, стояла перед ним на коленях, потрясли его.

— Я знаю, — говорила она тихо, — их поступок заслуживает смерти.

— В таком случае я ничего не понимаю, сударыня. Почему вы продолжаете упорно просить за них, если признаете их предательство, и главное, почему вас до такой степени волнует их судьба?

— Я и сама не знаю... Я чувствую себя связанной с ними, несмотря на их заблуждения и измену. Может быть, потому, что когда-то они спасли меня, а я в свой очереди спасла их, помогла им бежать аз Ла-Рошели, где их ждала смерть. Я жила среди них и делила с ними хлеб, Я была так несчастна, когда мэтр Берн приютил меня в своем доме. Если бы вы знали... В краю, где я провела детство, в те дни не было ни дерева, ни куста в роще, которые не прятали бы врага, алчущего моей гибели. Я была как загнанный зверь, без пощады гонимая, преданная всеми...

Движением руки он прервал ее.

— Какое значение имеет то, что миновало, — сказал он. — Добро, сделанное в прошлом, не может извинить зло, причиненное теперь. Вы женщина. Мне кажется, вы не понимаете, что для мужчин, за которых я ответственен на этом корабле или в тех странах, куда мы пришли, нет иного закона, кроме того, который устанавливаю я, и за попрание его я заставлю их ответить. На корабле должны царить дисциплина и справедливость, иначе начнется анархия. Иначе я ничего здесь не сделаю, лишь бесполезно потрачу свою жизнь. Там, где мы находимся, слабость недопустима.

— Речь идет не о слабости, а о милосердии.

— Опасный нюанс! Ваш альтруизм ведет вас к заблуждению, а это так на вас непохоже.

— А какой вы хотели бы меня видеть? — крикнула она и от возмущения дернулась. — Жестокой? Злой? Неумолимой? Да, несколько лет я была воплощением ненависти. Но теперь я не хочу... Я не хочу больше зла, Жоффрей. Зло — это смерть. А я же люблю жизнь.

Он внимательно смотрел на нее.

Этот крик, кажется, был ее последней защитой.

В эти бурные дни мысль об Анжелике не покидала его, все время будоражила, возвращала его к тайне той, которую он любил. Он верил: в ней нет ни лицемерия, ни расчета. С обычной женской логикой, своеобразной, им» справедливой, она сейчас поставила его перед фактом, потребовала, чтобы он выразил свое мнение о ней. И правда, разве хотел бы он видеть ее амбициозной, злой, эгоистичной, как те женщины, которые в жизни думают только о себе?.. Зачем ему сейчас светская маркиза, капризная и ветреная, ему, авантюристу, который в очередной раз готовится кинуть игральные кости своей судьбы, устремляясь в эти девственные земли?..

Какое место предоставить в новой жизни прежней Анжелике, очаровательной юной девушке, которая широко открытыми, наивными

глазами смотрела на полный обольщения мир, горя желанием испытать свои женские чары, или этой Анжелике, которая, властвуя над сердцем короля, сделала развращенный мир королевского дворца ареной борьбы, театром военных действий, где она совершала свои подвиги?

Дикой и суровой земле, куда он ее вез, не нужны сердца мелочные и пустые. Ей требуются самопожертвование и преданность.

И именно эту преданность он читал в обращенном к нему взоре. Это удивительно, вынужден был он отметить, для женщины, которая повидала столько великих мира сего и столько околдовала. Но Анжелика, пройдя по неведомым ему дорогам, растеряв все свои прежние иллюзии, добрела до него.

Она опустошенным взглядом смотрела на него, ожидая приговора» не подозревая, о чем он думает.

А он думал: «Самые красивые глаза в мире! За такие глаза тридцать пять тысяч пиастров — это совсем не дорого. Сам король не устоял перед их блеском... Даже кровожадный султан склонился перед их властью».

Он положил руку ей на лоб, словно ограждая себя от мольбы. Потом осторожно погладил ее волосы. Удары судьбы немного посеребрили их, чтобы придать новый оттенок блеску ее зеленых глаз. Неуловимое сочетание светлого золота и перламутра. Богини Олимпа могли бы ей позавидовать.

Он втайне восторгался ею, видя, как она красива даже в душевном смятении, охваченная беспокойством, вспоминал, как красива она была в ту ночь бури и любви. Ее красота не была красотой, достигнутой искусством кокетки. Строгая простота и ее удивительная жажда жизни — вот облик новой Анжелики! — придавали ей необыкновенную притягательность.

Он так долго шел к тому, чтобы разгадать это, принять ее такой. И его опыт общения с женщинами потому до сих пор никак не помогал прийти к разгадке, что он никогда не встречал женщин, подобные ей. И не оттого, что она пала так низко и оказалась за гранью его понимания, а оттого, что она поднялась слишком высоко... И когда он понял это — все прояснилось.

Она могла бы предстать перед ним одетой в грубую бумазею, как раньше, измученная, истерзанная морем и подавленная усталостью, как сегодня, или обиженная, слабая и податливая, как той ночью, когда он заключил ее в свои объятия, а из ее глаз катились слезы, которых она не замечала, и она все равно оставалась бы прекрасной, как источник, к которому приникают, чтобы утолить жажду.

Он не сможет больше быть один, без нее. Нет, никогда!

Жизнь без нее станет для него испытанием, которого он не перенесет. Даже когда она находилась всего лишь на другом конце судна, чувство, что он разлучен с нею, было для него непереносимо. А сейчас, когда он увидел ее дрожащей у своих ног, он был, потрясен.

Видит Бог, ему не доставляет радости вешать «ее» протестантов. Они, конечно, не вызывают большой симпатии, но люди храбрые, стойкие и, по правде сказать, заслуживают лучшей доли. Однако приговор вынесен. За свою полную опасностей жизнь он уже немало заплатил за то, чтобы узнать: слабость — причина самых страшных ударов, она несет за собой тысячу бедствий. Если вовремя отсечь гниющую ткань, можно спасти человеку жизнь...

Анжелика молча ждала.

Рука, ласкавшая ее волосы, давала ей надежду, но она не встала с колен, зная, что еще не победила его.

Какой аргумент привести еще?.. Ее мысль блуждала в какой-то пустыне, где ей виделись и рошельцы, повешенные на реях грот-мачты, и каменная фея, увиденная ею однажды морозным утром в Ньельском лесу. Молчаливые, раскачивающиеся, поворачивающиеся на ветру безжизненные тела рошельцев, окружив ее, вели какой-то головокружительный погребальный хоровод. Она видела среди них и похудевшие личики Лорье и Марциала, и трагическое и бледное под маленьким чепчиком лицо Северины.

Когда она заговорила, ее голос срывался, словно он подчинялся ударам сердца.

— Жоффрей, не лишайте меня единственного, что у меня осталось... чувства, что я нужна детям, которые находятся в беде... Все случилось по моей вине. Я хотела их спасти от судьбы, более страшной, чем смерть. Им убивали души. Когда-то, в Ла-Рошели, они видели, как их отцов унижали, преследовали, притесняли, бросали в тюрьмы, заковывали в кандалы... Неужели нужно бы потащить их так далеко, на край света, чтобы они увидели их позорно повешенными? Какое потрясение для них!.. Не лишайте меня надежды, Жоффрей!.. Я не смогу перенести их горе. Помочь этим юным душам победить судьбу стало целью моей жизни... Неужели вы отнимете ее у меня?.. Разве я так богата?.. Что останется мне, кроме надежды спасти их... привести их, доверчивые и наивных, на обещанный им зеленый лужок. Я все потеряла... свои земли, состояние... положение в обществе... имя, честь... сыновей... вас... вашу любовь... Мне не останется больше ничего... кроме этих проклятых Богом детей. — Рыдания

душили ее. Она кусала себе губы. Пальцы Жоффрея до боли сжимали ее затылок.

— Не надейтесь разжалобить меня слезами.

— Я знаю, — прошептала она, — я такая неумелая...

«О нет, напротив, слишком умелая», — подумал он.

Он не мог видеть ее слез. При виде ее дрожащих плеч у него начинало разрываться сердце.

— Встаньте, — сказал он наконец. — Встаньте... я не могу видеть вас в такой позе предо мною.

Она повиновалась, она слишком устала, чтобы сопротивляться. Он отвел ее руки, которые обнимали его. Они были холодные, как лед. Он на минуту взял их в свои. Потом, отстранив ее, зашагал по каюте. В ее глазах, которые следили за ним, он прочел муку. Ресницы были мокрые, веки помертвевшие, на щеках пролегли бороздки от слез.

В это мгновение он так любил ее, что ему казалось, сейчас он сдастся, стиснет ее в объятиях, осыплет поцелуями, со страстью шепча: «Анжелика, Анжелика, душа моя!» Он не хотел больше, чтобы она боялась «го, трепетала перед ним... Но ведь совсем недавно она вела себя с ним так заносчиво, и теперь ему было трудно простить ее.

Жак могла она быть такой сильной и такой слабой, такой надменной и такой униженной, такой жесткой и такой нежной?.. В этом был секрет ее очарования. А ему оставалось или уступить, или обречь себя на бесплодное одиночество, в котором уже не блеснет ни единого лучика света.

— Садитесь, госпожа аббатисса, — сказал он вдруг, — и скажите же мне наконец, чего ради вы так жаждете поставить меня в трудное, невысказанно трудное положение. Ведь именно так будет, если я уступлю вам? И не получится ли, что мой корабль, берег и мое пристанище на нем вскоре станут театром новых кровавых столкновений между вашими вспыльчивыми друзьями и моими людьми — индейцами, трапперами, испанскими наемниками, всей «фауной» Нового Света?

Его легкая сдержанная ирония дала Анжелике надежду. С глубоким вздохом она буквально рухнула в кресло.

— Не считайте себя победительницей, — сказал Жоффрей де Пейрак. — Я просто спросил вас, что с ними делать? Если я поступлю, как решил, это хотя бы послужит предостережением для тех, кто надумает последовать их примеру. А получив свободу, они выждут и попытаются взять реванш. Но мне не нужно, чтобы на этой земле, которая сама по себе уже полна всяких западней, среди нас оказались опасные, враждебно настроенные люди... Конечно, я мог бы избавиться от них, как они хотели

поступить с нами, оставив их вместе с семьями где-нибудь на пустынном берегу, к северу отсюда, например. Это так же верно привело бы их к смерти, как и повешение. Что же касается того, чтобы в благодарность за вероломство отвезти их на Острова, то это абсолютно исключено, я этого не сделаю даже ради вас. Я лишу себя уважения не только в глазах моих людей, но и в глазах всего Нового Света. На этой земле не прощают глупцов.

Опустив голову, Анжелика задумалась.

— Вы хотели предложить им остаться здесь, чтобы заселить ими часть ваших земель? Зачем отказываться от этой мысли теперь?

— Зачем?.. Дать оружие в руки тем, кто объявил себя моими врагами? Где гарантия, что они будут лояльны по отношению ко мне?

— В том деле, которое вы им предложите. Вы мне говорили в прошлый раз, что они заработают больше денег, чем в любой торговле на Американских островах. Это правда?

— Правда. Но здесь пока еще ничего нет. Все надо создавать заново. Порт, город, торговлю.

— Не потому ли вам пришла в голову мысль выбрать именно их? Ведь вы безусловно знали, что гугеноты в подобных делах незаменимы. Мне рассказывали, что протестанты-англичане, которые называли себя пилигримами, основали недавно прекрасные города на берегу, который до этого был пустынным и диким. И рошельцы смогут сделать то же самое.

— Не отрицаю. Но какая-то упорная их враждебность заставляет меня думать, что и в дальнейшем они будут вести себя не лучше.

— Но как раз их упорство и может послужить залогом успеха. Конечно, с ними нелегко договориться, но они хорошие коммерсанты, люди образованные, и к тому же не трусливого десятка. Уже сам факт, что они, не имея здесь ни оружия, ни золота, чтобы подкупить матросов, почтит незнакомые с морем, разработали план, как завладеть таким большим кораблем, — разве это не примечательно?

Жофfrey де Пейрак рассмеялся.

— Вы требуете от меня большего благородства, чем я за собой числю.

— Вы способны на любое благородство, — с жаром воскликнула она.

Он перестал вышагивать по каюте и, остановившись, внимательно посмотрел на нее.

Восхищение и преданность, которые выражал взор Анжелики, не могли обманывать. Это был взгляд из ее юности, в котором она, не скрывая, признавалась ему в страстной любви.

Он знал, что в мире для него не существует другой женщины.

Как мог он сомневаться в ней? Его охватила внезапная радость. Он едва слышал Анжелику, которая все еще продолжала умолять его.

***

— С виду, наверное, кажется, что я простила им проступок, который терзает мое сердце, Жоффрей, и последствия которого — смерть ваших верных друзей — непоправимы. Нет, конечно же, нет, меня возмущает их неблагодарность по отношению к вам. И все-таки я умоляю вас: пусть не будет больше смерти, пусть будет только жизнь. Бывает иногда непримиримая вражда. Но это не тот случай. Мы все люди доброй воли. Только мы стали жертвами недоразумения, и я буду чувствовать себя вдвойне виноватой, если не сделаю все для того, чтобы рассеять это.

— Что вы хотите сказать?

— Жоффрей, когда я отыскала вас в Ла-Рошели, еще не зная, кто вы, и умоляла взять на борт этих людей, которых через несколько часов должны были арестовать, вы сначала отказали мне, а потом, спросив, кто они по профессии, согласились. Я поняла, вам пришла в голову мысль привезти их сюда и сделать колонистами. Я была убеждена тогда, что у вас нет ни малейшего намерения причинить им вред, даже совсем наоборот, ваши планы открывали этим изгнанникам неожиданную удачу.

— Да, все правильно...

— Почему же вы сразу не рассказали им о ваших намерениях? Откровенный разговор, мог бы отвлечь подозрение, которое временами вы внушали им. Никола Перро говорил мне, что он не встречал людей, язык которых вы не понимаете, что вы сумели сделать своими друзьями столько индейцев и трапперов, и даже пилигримов, обосновавшихся в колониях Новой Англии...

— Возможно, эти рошельцы сразу же породили во мне неприязнь, полную и взаимную.

— Но почему?

— Не из-за вас ли?

— Из-за меня?

— Да, пожалуй. Только сейчас я начинаю понимать, откуда взялась та антипатия, которая сразу же противопоставила нас друг другу. Представьте себе, — оживился он, — я видел вас буквально растворившейся среди них, словно это ваша семья. Как же мне было не заподозрить среди них возлюбленного или, еще хуже, супруга? Мало того, я знал, что у вас есть дочь. А ее отец на борту? Я видел вас, нежно склонившейся к раненому, судьбой которого вы были так поглощены, что даже не догадались, кто я.

— Жоффрей, он же спас мне жизнь!

— А тут вы объявляете мне, что выходите за него замуж!.. Я привел вас к себе, но не отважился снять маску, ибо чувствовал, насколько далеки от меня ваши мысли. Ну как мне было не возненавидеть этих непреклонных и подозрительных гугенотов, которые словно околдовали вас? Во мне появилось яростное желание шокировать их, а тут еще безумная ревность Берна, которого вы просто свели с ума.

— Кто бы мог подумать! — сокрушенно вздохнула Анжелика. — Ведь он был такой спокойный, такой уравновешенный... Какое проклятье висит надо мною, что я постоянно вношу разлад среди мужчин?..

— Красота Елены вызвала Троянскую войну.

— Жоффрей, вы говорите, что я — причина стольких ужасных несчастий.

— В самых больших, самых непоправимых, самых не объяснимых бедствиях всегда виноваты женщины. Разве не говорят: «Ищите женщину!»?

Он приподнял ее подбородок и нежно провел рукой по лицу, словно снимая с него все заботы.

— И в самом большом счастье тоже. Иногда. В глубине души я понимал Берна, когда он хотел убить меня. Я прощаю его только потому, что он побежден, и побежден не столько оружием моих индейцев, сколько вашим выбором... Пока я сомневался в исходе этого выбора, он тщетно взывал бы к моему великодушию. Вот чего стоят мужчины, моя дорогая. Немногого... Ну что ж, попытаемся же исправить ошибки, в которых, я признаю это, есть доля вины каждого из нас. Завтра все пассажиры будут на каноэ перевезены на землю. Маниголь, Берн и другие поедут с нами, но в кандалах и под охраной. Я изложу им свои предложения... Если они согласятся, потребую от них поклясться мне в верности на Библии... я думаю, они не осмелятся преступить такую клятву.

Он взял со стола шляпу.

— Вы удовлетворены?

Анжелика не ответила. Она еще не могла поверить в свою победу. Она отвернулась.

Потом встала и вместе с ним прошла к двери. Там она неожиданно схватила его за руку.

— А если они не согласятся? Если вам не удастся убедить их? Если их мстительность окажется сильнее?

Он отвел глаза. Потом пожал плечами:

— Ну что ж, тогда им дадут проводника-индейца, лошадей, повозки и оружие, и они пойдут, чтобы их там повесили, в другое место... к

дьяволу... пусть хоть в Плимут или Бостон, где их примут единовѣрцы...

Глава 36

Анжелика стояла на корме, слушая сквозь туман доносящиеся с земли отдаленные крики. Что это, там воют или просто перекликаются? Незнакомый мир, который находился в нескольких кабельтовых от них, был миром Жоффрея де Пейрака, здесь он бросил якорь и выбрал место для жизни. И только поэтому Анжелика уже привязалась к нему.

Она прислушивалась, и ее охватывало возбуждение, как ей казалось, от усталости. Она уже давно отвыкла от слова «счастье», иначе сразу разгадала бы природу своего состояния. Это было мимолетно, хрупко, но в ее душе царила безмятежность, чувство неопишуемой полноты жизни. Наступил ее звездный час. Он не будет вечен, но навсегда останется в ее памяти, как светлая веха на дороге ее судьбы.

Теперь Анжелика жила ожиданием. Она была одна с Онориной на корме, куда поднялась после того, как передала утешительную весть сходящим с ума от тревоги женщинам.

Ей нужно было побыть одной. Сколько всего всколыхнулось в ее душе. Но давящее ощущение несчастья, которое жило в ней постоянно, покинуло ее.

Жоффрей де Пейрак еще только отплыл на берег, а она уже прислушивалась, не возвращается ли он. Прислушивалась, не звучит ли в тумане его голос? Прислушивалась, не бормочет ли вода, стекая по веслам, оповещая ее о приближении шлюпки, прислушивалась, не раздаются ли его шаги. Она хотела быть рядом с ним, смотреть на него, слушать его. Делить с ним его жизнь, его заботы, его мечты, его устремления. Быть в его тени, быть в его объятиях.

Вдруг она рассмеялась.

— Я влюблена! Влюблена! Без памяти влюблена!

Радость любви переполняла ее сердце. Хотелось петь, куда-то бежать. Но ей еще предстояло ждать в тумане на пороге Эдема пленницей корабля, на котором они пересекли море Тьмы. Сейчас она вновь переживала каждый жест Жоффрея, каждое сказанное ей слово. Вспоминала его руку, тонкую руку знатного сеньора, ласкающую ее волосы, его приглушенный голос, который вдруг; стал мягким: «Садитесь, госпожа аббатисса».

«Он не уступил бы моей просьбе так быстро, так безоговорочно, если б не любил меня... Он пощадил их! Он бросил мне прощение, как королевский подарок, а я позволила ему уйти, как в тот вечер, когда он

непринужденно дарил мне сказочные драгоценности, а я не осмеливалась не только взять их, но даже поблагодарить его. Не странно ли?.. Он всегда немного внушал мне страх. Может быть, потому, что он так непохож на других мужчин?.. Или потому, что я чувствую себя перед ним слабой?.. И боюсь, что он возьмет власть надо мной? Ну и пусть, пусть берет! Я женщина... я его жена.

Священные узы брака, соединяющие нас, позволили вам найти друг друга. Несмотря на то, что Жоффрей назвал моим предательством, он не мог совсем не интересоваться мной, ведь я была его супругой. Он поспешил мне на помощь в Кандии, потом, когда Осман Ферраджи предупредил его, тотчас же направился в Мекнес. И конечно же, ради того, чтобы помочь мне, он оказался в Ла-Рошели...»

Анжелика вздрогнула. Теперь она была убеждена, что отнюдь не случайность привела графа де Пейрака под стены Ла-Рошели. Он знал, что она там. Кто-то известил его об этом!

«Он всегда пытался мне помочь, когда знал, что я в трудном положении... Значит, он дорожил мною, а я, я доставляла ему только неприятности...»

— Мама, почему ты дрожишь? Ты спишь, да? — просила Онорина с упреком в голосе.

Вид у нее был недовольный.

— Тебе не понять, — сказала Анжелика, — но все так восхитительно!

Онорина скорчила мину, которая явно показывала, что на сей счет у нее иное мнение. Анжелика, чувствуя в душе угрызения совести, погладила рыжие волосы девочки. Онорина интуитивно ощущала, что всегда, когда мама начинала ладить с Черным человеком, ее, Онорины, благополучие оказывалось под угрозой. Мама словно забывала о ней или даже раздражалась от ее присутствия... Почему?

— Ничего не бойся, — тихо сказала Анжелика, — я не покину тебя, дитя мое, ведь ты так нуждаешься во мне, я всегда буду с тобой. Твое маленькое сердечко тоже умеет страдать. Да, я всегда буду с тобой... — И, лаская круглую головку, она переживала минуты какого-то удивительного единения матери и дочери, той таинственной, нерушимой связи, природу которой она и сама не смогла бы определить. — Я хочу сказать тебе что-то, Онорина, радость моя. Ты у меня самая любимая. Я люблю тебя гораздо больше, чем любила других моих детей. И мне кажется — увы! — что только ты научила меня быть матерью. В этом трудно признаться, но я хочу, чтобы ты знала это. Ведь моя любовь — это единственное, что ты получила при рождении.

Она говорила совсем тихо. Онорина не понимала смысла ее слов, но по звучанию ее голоса угадывала, что мама говорит что-то очень серьезное.

И все-таки счастье Анжелики не могло быть полным. Между ними, ею и мужем, еще стояло прошлое: их сыновья, которых, как обвинил ее Жоффрей, она не сумела защитить, ее измены, самую тяжкую из которых он, однако, не ставил ей в вину.

Она должна наконец собрать все свое мужество и сказать мужу, что никогда не была любовницей короля.

Что тот, кто стал отцом Онорины, никогда не был ее возлюбленным.

Еще надо рассказать ему о Флоримоне. Они, его родители, должны попытаться отыскать юношу, который, к счастью, вовремя убежал из Плесси, чтобы избежать смерти. Нужно набраться мужества и вернуться к этим! ужасным дням. Но рассказывать ли ему о Канторе? Это причинит ему страдание! Почему Жоффрей, который всегда знает, что он делает, не знал, атакуя королевский флот, что его сын находится на борту одной из галер? Это была единственная военная акция, которую он когда-либо напрямую вел против короля Франции... Надо ж было — такая неудача... Неудача? Или что-то другое?..

Она в смятении задумалась. Потом подняла глаза к небу, и ее вдруг охватил животный страх. Какое-то странное сияние, постепенно меняющее окраску — сначала фиолетовое, затем красное и, наконец, оранжевое, — озаряло небосклон.

Анжелика невольно подняла взгляд выше. Большой оранжевый шар сиял над ее головой, она даже почувствовала его жаркое тепло и пригнула голову.

Онорина показала пальцем:

— Мама, солнце!..

Анжелика чуть не рассмеялась.

— Это всего-навсего солнце!

Однако ее страх был не так уж смешон. Солнце и в самом деле выглядело странно. Теперь оно становилось красным и огромным, хотя стояло высоко в небе. Над ним нависало несколько разноцветных полос, напоминающих полупрозрачные, жемчужного цвета занавеси, слегка изогнутые, расположенные одна над другой.

Тепло этого светила внезапно сменилось холодом, принесенным порывом ветра. И Анжелика, которая только что прятала голову от солнечного жара, почувствовала, что от холода превращается в ледышку. Она закутала Онорину в свой плащ и сказала: «Пойдем скорее», — но не сделала ни шагу. Зрелище, представшее ее взору, словно пригвоздило ее к

месту.

Туманные многоцветные занавеси то растворялись в небе, то словно падали или расходились в стороны, словно они были из кисеи.

А под ними возник огромный изумруд, который расширялся, становился чудовищно большим, протягивая свои щупальца с ярко-розовыми когтями. И вдруг туман исчез. Сметенный ледяным дыханием ветра, упал последний занавес. Очищенный воздух дрожал. Побледневшее солнце сверкало в сине-голубом небе, а то, что Анжелика сравнила с чудовищным изумрудом, оказалось холмами, покрытыми густым лесом, который простирался, насколько видел глаз, до самых вершин, и многочисленными утесами, окаймляющими покрытый красным и розовым песком берег.

Словно отлакированный лес даже издали сверкал каким-то живым и причудливым блеском, прочерченный темными елями, сине-бирюзовыми соснами с высокими зонтами крон, красными и золотыми кустами, кое-где уже возвещающими приближение осени. Уже! А ведь они даже не видели начала лета. Повсюду, и в заливе, и дальше, в море цвета лаванды, возвышались своими густолиственными шапками островки, окаймленные розовым песком. Она увидела в прозрачной воде гряду скал, защищающую прелестный берег от посягательства недругов своими ершистыми хребтами... Пробраться между ними, чтобы достичь убежища, где покачивался на волнах корабль, представлялось просто невысказанным.

После многих дней мертвенно-бледного тумана, который окутывал их, эта живость красок восхищала глаз, казалось, такое можно увидеть только во сне, и Анжелика, замороженная зрелищем, даже забыла, что ждет возвращения шлюпки.

Она не заметила, что за ее спиной уже стоит Жоффрей де Пейрак. А он, внимательно глядя на нее, прочел на ее лице восхищение. Нет, поистине в жилах этой женщины течет благородная кровь. Холод и дикость этих мест взволновали ее меньше, чем их неопределимая красота.

Когда она обратила взгляд к нему, он широким жестом повел вокруг.

— Вы хотели на Острова, сударыня. Вот они.

— Как называется эта страна?

— Голдсборо.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
СТРАНА РАДУГ**

Глава 37

— Мы что, в Америке? — спросил кто-то из детей Кареров.

— А кто его знает, — отозвался Марциал, — наверное, да.

— Но это совсем не то, о чем нам рассказывал пастор.

— Зато здесь очень красиво.

Только детские голоса звучали на палубе, а стоящие группой взрослые пассажиры тягостно молчали.

— Мы сойдем на берег?

— Да.

— Наконец-то!

Они все смотрели в сторону леса. Из-за плывущего тумана, то совсем густого, то легкого и пушистого, было трудно определить, насколько он далеко. Анжелика впоследствии поняла, что здесь редко можно увидеть залив, полностью открывшийся взору, как это было в первый день, — то зрелище она не забудет никогда. Чаще всего туман поднимается хлопьями, всегда оставляя что-то невидимым, чтобы возбуждать беспокойство или любопытство.

Сейчас было достаточно светло, чтобы различить землю и множество тянующихся от берега к кораблю каноэ, выкрашенных в красный, коричневый или белый цвет.

А в открытом море жизнь проявлялась главным образом в яростном шуме прибоя, обрушивающегося на узкую каменную гряду, которая словно охраняла залив.

Именно туда смотрели Маниголь, Берн и их товарищи, когда они выходили из трюма. На каменной гряде кипела стена воды, урчащая и задыхающаяся, и это апокалиптическое пенящееся чудовище давало пленникам ясно понять, что они никогда не смогут убежать из этого так хорошо защищенного логова.

И тем не менее они вышли твердым шагом. Анжелика поняла, что они еще не знают, для чего их расковали и вывели наверх. Рескатор продолжал мстить им, держа их в неведении. Они были напряжены до предела и заботливое внимание, которым их окружили два молчаливых матроса, должно быть, приняли за заботы о приговоренных к смерти. И правда, им дали все необходимое, чтобы они могли побриться, принесли свежее белье и их одежду, изрядно потрепанную, но чистую и поглаженную.

В общем, когда протестанты вышли, выглядели они как обычно.

Анжелика с волнением отметила, что они не в оковах, как сказал ей муж. Ее сердце наполнилось благодарностью к нему, ведь она знала, почему он избавил пленников от этого унижения в присутствии их детей.

Это ради нее, чтобы угодить ей. Она отыскала его главами. Он только что появился, по своему обыкновению внезапно, в том же широком красном плаще, что и накануне. Красные и черные перья на его шляпе прибавились к колышущимся перьям индейцев, которые мелькали повсюду. Индейцы поднялись на борт молча, с ловкостью обезьян. Они были везде, куда ни посмотришь. Их молчаливость, загадочный взгляд прищуренных глаз действовали угнетающе.

«Я видела однажды красного человека на Новом мосту, — вспомнила Анжелика. — Старый матрос показывал его как диковину. Могла ли я тогда подумать, что тоже попаду на Новый Континент и окажусь среди них, быть может, даже буду зависеть от них».

Индейцы вдруг схватили на руки самых маленьких детей и исчезли с ними. Потрясенные, перепуганные матери закричали.

— Эй! Спокойно, мамыши! — весело вскричал господин д'Урвиль, который взошел на борт с большой шлюпки, пришедшей из Голдсборо. — Вас слишком много, мы не можем взять всех сразу. Наши друзья могикане отвезут детей на берег на своих каноэ. И нечего так волноваться! Они ведь не дикари!..

Его добродушие и французский язык успокоили женщин. Нормандец внимательно рассматривал лица женщин.

— А среди этих дам, скажу вам, есть очаровательные мордашки, — заметил он, обращаясь к графу де Пейраку.

— В свою очередь скажу тебе, друг мой, — спокойно сказал Жоффрей де Пейрак, — не забывай, что ты женат на дочери нашего великого сашема и должен хранить ей верность, если не хочешь оказаться с метко пущенной стрелой в твоём ветреном сердце.

Господин д'Урвиль скорчил гримасу, потом крикнул, что всем уже пора решиться и сесть в шлюпки и что он готов принять в свои объятия самую храбрую из дам.

Его веселость развеяла напряженную атмосферу. Понимая, что путешествие окончено, каждый покидал корабль со своим скудным скарбом, захваченным перед бегством из Ла-Рошели.

***

Анжелика получила приглашение занять место в самой большой шлюпке. В нее же сели пленники, а также пастор Бокер, Абигаель, госпожа Маниголь с дочерьми, госпожа Мерсело с Бертиль, госпожа Карер со

старшими детьми из своего выводка.

Жоффрей де Пейрак прыгнул в шлюпку последним и стал на носу, пригласив пастора занять место рядом с ним.

В других шлюпках, где у руля сидели матросы, разместились остальные гугеноты.

Ни у кого из них не дрогнуло сердце, никто из них не обернулся в сторону «Голдсборо», который со сломанными мачтами покачивался на волнах. Все смотрели только на берег.

Шлюпки двинулись вперед, сопровождаемые целой флотилией индейских каноэ, откуда неслась ввысь песня — глухая, нечеткого ритма. Монотонный протяжные речитатив настраивал на торжественный лад, и все прониклись этим чувством. После долгих бурных дней, проведенных между небом и водой, пред ними представала самобытная страна.

Приблизившись, они увидели на узкой полоске усыпанного песком и розовыми ракушками берега всю пестроту красок. Разных оттенков красные скалы — от почти розового до пурпурного — выступали из воды около берега и вереницей поднимались на штурм гранитного склона, на котором высились огромные сосны, темная зелень которых чередовалась с костяной белизной березовых стволов и кипящими листвою зелеными шапками огромных дубов.

У подножья этил гигантов снующие там люди выглядели муравьями. Издали казалось, будто они появляются из-под земли между корней деревьев. Но присмотревшись внимательно, можно было различить крутую тропинку, которая поднималась к поляне, раскинувшейся на небольшом плато на середине склона, обращенного к морю. Там виднелись лачуги, хижины индейцев. Потом тропинка вела дальше на гранитный: хребет, где путешественники увидели нечто вроде форта, построенного из бревен. Длинный деревянный палисад в десять футов высоты окружал стоящее за ним строение, по бокам которого высились две квадратные башни.

В толстых стенах палисада видны были четыре бойницы, в глубине которых можно было различить настоженные жерла пушек.

Несмотря на эти признаки жизни» место выглядело первозданным и безлюдным из-за своей девственной красоты. Его словно покрытые лаком краски, яркие и в то же время затененные проплывающими хлопьями тумана, придавали всему вокруг вид чего-то нереального. И — необъятного. Все казалось огромным, слишком большим, подавляющим.

Они молча смотрели. Впитывали в себя глазами вид этой страны.

Шлюпка, подхваченная пенящейся волной, стукнулась днищем о кроваво-красный гравий. Матросы, по пояс в воде, потянули ее на берег.

Жоффрей де Пейрак, все еще стоя на носу, повернулся к пастору.

— Господин пастор, эта маленькая затерянная среди скал бухта, надежно спрятанная от посторонних глаз, была и есть убежище пиратов... С тех давних пор, когда мореплаватели с севера, которых называли викингами и которые обожали туземных богов, высадились на этих берегах, все европейцы, которые нашли здесь приют, были или разбойниками, или авантюристами, людьми вне закона, и себя я причисляю к ним, хотя не стремлюсь ни к преступлениям, ни к войне, но единственный закон, которому я подчиняюсь, — мой закон. Я хочу сказать, господин пастор, что вы будете первым человеком, посвятившим себя Богу, Богу Авраама, Иакова и Мелхиседека, как гласят тексты Священного Писания, который ступит на эти земли и утвердится на них. Вот поэтому я прошу вас, господин пастор, сойти первым и повести свою паству на новую землю.

Старик, никак не ожидавший такой просьбы, рывком поднялся. Он крепко прижимал к груди толстую Библию, единственное свое богатство. Не дожидаясь помощи, он с неожиданной живостью выпрыгнул из шлюпки и прошел по воде несколько шагов, отделявших их от берега.

Его седые волосы трепетали на ветру, потому что шляпу он потерял еще во время плавания. Худой, весь в черном, он прошел вперед я, прежде чем ступить на землю, остановился, поднял над головой Библию и запел псалом. Гугеноты хором подхватили его.

Уже несколько дней она не пели свои псалмы во славу Господа. Их обожженные солью глотки, их разбитые печалью сердца отказывались от общей молитвы. И сейчас, сбившись в кучку около своего пастора, они пели нетвердыми голосами выздоравливающих. Некоторые из них, пройдя два или три шага по воде, сделали вид, будто они упали и преклонили колена. Индейцы на руках переносили детей с каноэ. На фоне их медно-красной кожи какими бледными и несчастными выглядели маленькие европейцы в своих потрепанных одеждах, слишком широких для их исхудалых тел. Дети таращили сияющие глаза.

На берегу, стоя полукругом, смотрела на вновь прибывших «фауна» Нового Света, как сказал бы Жоффрей де Пейрак, представляя собою весьма удивительную смесь человечества. Индейцы — землепашцы или воины — с плюмажами, в меховых накидках, со сверкающим раскрашенным оружием; индеанки с похожими на маленькие коконы детьми за спиной, затем пестрое сборище матросов команды «Голдсборо» — от темнокожих жителей Средиземноморья до бледнолицых рыжих северян, коротышка боцман Эриксон, жующий свой табак около

неаполитанца в красном колпаке, два араба в развевающихся бурнусах, и все — с саблями, кинжалами, шпагами. Двое или трое мужчин, такие же бородатые, как Никола Перро, в куртках из кожи, в меховых шапках, смотрели издали, опершись на мушкетеры, а небольшой гарнизон, состоящий из солдат-испанцев в поблескивающих черных стальных касках и латах, словно на военном параде, стоял навтыяжку с длинными пиками в руках.

Худой идалго с иссиня-черными усами, судя по всему, был их командиром. Анжелика уже видела его на «Голдсборо» во время абордажа, когда были начисто разбиты все надежды протестантов. Сейчас он то яростно сжимал губы, то вдруг с кровожадным видом оскаливал зубы. Было очевидно, что этот верноподданный его католического величества смертельно страдает при виде высаживающихся на берег еретиков. Из всех, кто собрался на берегу, он показался Анжелике самым неуместным персонажем. Что делает он здесь, этот по виду знатный кастильский сеньор?

Она так внимательно смотрела на него и его словно деревянных солдат, что, спускаясь из шлюпки, оступилась. Она хотела уцепиться за борт. Но что такое? Все вдруг пошло кругом. Земля перевернулась и ушла из-под ног. И она тоже чуть было не упала на колени.

Чья-то крепкая рука поддержала ее, и она увидела мужа. Он улыбнулся.

— Твердая земля вас не держит. Еще несколько дней вам будет казаться, будто вы на палубе корабля.

Вот так она и взошла на берег рука об руку с ним. И хотя это произошло случайно, она подумала о добром предзнаменовании.

Однако мушкетеры, направленные матросами с «Голдсборо» на мужчин-протестантов, не давали повода для слишком большого оптимизма.

Возбуждение, вызванное высадкой на берег, улеглось, и теперь эти мужчины и их семьи с тревогой ждали решения своей судьбы. Суровые к другим, они были суровы и к себе и не питали иллюзий в отношении своего будущего. В этих краях закон возмездия должен властвовать еще более твердо, и они не надеялись на милосердие человека, быстроту решений которого уже имели возможность оценить. Они даже были почти удивлены, что еще живы.

Индейцы подошли ближе и положили неподалеку от Маниголя и его сподвижников связанные в снопики колосья маиса, поставили корзинки с овощами и различные напитки в странных сосудах, круглых или удлиненных, оплетенных прутьями, а также всевозможные вареные кушанья на березовой коре.

— Первые дары земли от великого сашема, — объяснил граф де Пейрак. — Он еще не прибыл, но скоро будет здесь.

Маниголь вопрошающе смотрел на Рескатора.

— Как вы намерены поступить с нами, монсеньор? — спросил он. — Вам уже пора бы объявить нам это, сударь! Если нас ждет смерть, к чему эта комедия?

— Посмотрите вокруг себя. Это не смерть, а жизнь... — ответил граф де Пейрак, широким жестом показывая на пышный пейзаж.

— Должен ли я понимать, что вы отсрочили нашу казнь?

— Да, я отсрочил ее.

Мертвенно-бледные усталые лица протестантов порозовели. Они уже приготовились мужественно умереть и сейчас, вспоминая брошенное им Рескатором безжалостное: «Око за око, зуб за зуб», еще не верили в свое спасение.

— Хотел бы я знать, что кроется за вашим милосердием, — громко спросил Мерсело.

— Я вам открою это без прикрас, и ваше любопытство будет удовлетворено. Ибо, что ни говорите, господа, но вы должны заплатить мне за кровь убитых вами моих людей, двое из которых были мне самыми дорогими друзьями.

— Какова же будет цена?

Граф де Пейрак ударил красным сапогом по красному песку.

— Живите здесь и стройте порт, который станет богаче, больше, знаменитей, чем Ла-Рошель...

— Это условие нашего спасения?

— Да... поскольку спасение мужчин — в настоящем деле...

— Вы превращаете нас в своих рабов?

— Я дарю вам чудесную землю.

— Где мы, прежде всего? — спросил Маниголь.

Граф де Пейрак ответил им, что они находятся в одной из бухт восточного берега Нового Света, местности, протянувшейся от Бостона до Пор-Руайала в Новой Шотландии, граничащей на севере с Канадой и составляющей часть одной из тринадцати английских колоний.

Маниголь, Берн и Ле Галь, подавленные, переглянулись.

— То, что вы требуете от нас, — безумие. Этот скалистый берег издавна слыет неприступным, — сказал Ле Галь. — Он — смертельная ловушка для всех кораблей. Ни одно цивилизованное существо не может пустить здесь корни.

— Все верно. Кроме того, что я привел вас сюда. То, что вы считаете

непроходимой преградой, всего лишь горный порог, проходимый для судов во время прилива, и он обеспечивает надежное убежище в этой спокойной бухте.

— Убежище для пиратов, я не отрицаю. Но рассказы бывалых мореплавателей не оставляют надежды на то, что здесь возможно построить порт. Сам Шамплен потерпел здесь неудачу, вспомните. Какие страшные рассказы! Было несколько попыток послать сюда колонистов, все эти несчастные погибли. Голод, холод, вызванные штормами внезапные сильные приливы, какие не встречаются нигде в мире, снег, который ветер надувает зимой до самой кромки моря. Так вот какую судьбу вы нам уготовили! — Он посмотрел на свои обнаженные руки. — Вы приговариваете нас вместе с нашими женами и детьми к смерти от голода в этой холодной пустыне?

Выслушав его, Жоффрей де Пейрак внезапно сделал знак рукой матросам, оставшимся в шлюпке. Потом пошел к красным скалам, выступающим в море, бросив на ходу протестантам:

— Пойдемте.

Они понуро последовали за ним. Уже поверив в то, что сейчас им накинута на шею веревку, они, однако, увидели, что этот дьявол всего лишь приглашает их на прогулку по побережью. Они догнали его в том месте, где причалила шлюпка. Матросы уже сноровисто разворачивали сети.

— Есть среди вас настоящие рыбаки? Вы, наверное, — сказал Жоффрей де Пейрак, похлопав по плечу двух крестьян из деревни Сен-Морис, — и особенно вы, Ле Галь. Поднимитесь на борт шлюпки, выйдите в море и забросьте сети.

— Нечестивец! — в негодовании прогремел Мерсело. — Вы осмеливаетесь пародировать Писание.

— Глупец! — с юмором парировал граф де Пейрак. — Нет двух способов посоветовать что-либо, чтобы получить один и тот же результат.

Когда рыбаки вернулись, им всем пришлось взяться за сеть, чтобы поднять ее, столько там было поистине чудесной пищи.

Огромное количество рыбы, разнообразие видов, величина рыб изумили их. Рядом с обычными видами, которые ловили и на берегах Шаранты, были почти совсем незнакомые им — лосось, белый палтус, осетр. Но они знали их ценность в копченом виде. Огромные серо-голубые омары бились меж блестящих рыбьих тел.

— Вы сможете каждый день ловить столько рыбы. А в определенное время косяки трески ищут убежище в тысячах расщелин у берега. Лосось поднимается в реки, чтобы метать икру.

— Если солить и коптить эту рыбу, можно снабжать провизией суда, которые будут заходить в порт, — сказал Берн, который до тех пор не раскрывал рта.

Вид у него был мечтательный. В его воображении на берегу уже высились склады с запахом солений, в полутьме которых рядами стоят бочки.

Граф де Пейрак внимательно взглянул на него.

— Конечно... Что бы ни случилось, вы всегда будете уверены, что голод вам не грозит. Не говоря, уже о том, что здесь изобилие дичи, ягод, кленового сахара и превосходных индейских культур, я расскажу вам о них. Позже, и у вас еще будет время оценить их...

Глава 38

Вернувшись, они увидели, что берег превращается в праздничный стол. Туземцы все несли и несли новые блюда с кушаньями, корзины с маленькими, душистыми фруктами, огромными тыквами и томатами. На разложенных кострах жарилась свежая рыба, и в воздух поднимался вкусный запах. Индейцы исполняли, свои тайны, манипулируя украшенными перьями томагавками и булавами с каменными или железными шарами на концах — своим боевым оружием.

— А где дети? — закричали вдруг матери» напуганные этой дикой сценой.

Но тут появилась Онорина, за нею — другие дети.

— Мама, — завопила Онорина, спеша к Анжелике, — иди посмотри, каких креветок я наловила вместе с господином Кроулеем.

Ее мордашка была вся испачкана чем-то синим.

— Можно подумать, она выпила чернила!

Но и все другие дети выглядели так же.

— Мы ели strawberries^[16] и whortleberries^[17] ...

«Так, глядишь, через несколько дней они заговорят по-английски», — подумали родители.

— Вот еще и ягоды на случай голода, — сказал граф де Пейрак, кивнув на детей, — а на случай, холода есть меха и дрова, чтобы согреться, этого здесь, предостаточно.

— И все-таки Шамплен потерпел неудачу, — повторил Маниголь.

— Верно. Но вы знаете почему? Он не знал о каменной гряде под водой, его привела в ужас высота прилива — сто двадцать футов! — и еще суровая зима.

— А вы упразднили эти трудности? — усмехнулся Мерсело.

— Конечно нет. Прилив по-прежнему сто двадцать футов высотой, но не здесь, а с другой стороны мыса Голдсборо, ведь Шамплен основал свой лагерь там. Он уцепился за это проклятое место, в то время как в получасе езды на лошади, если идти галопом, он нашел бы бухту, где мы сейчас находимся, а здесь прилив не выше сорока футов.

— Но сорок футов тоже слишком много для порта.

— Это заблуждение, в Сен-Мало прилив тоже сорок футов, а это весьма процветающий бретонский порт.

— Там нет таких узких проходов, — позволил себе заметить Габриель

Берн.

— Конечно, но зато там есть Раис с его отливами и илом.

— Да, ила здесь нет, — сказал Маниголь и пошел опустить руку в прозрачную воду.

— У вас шансов гораздо больше, чем было у ваших предков, когда они решили строить неприступный порт на скале, ставший впоследствии Ла-Рошелю. Он, как и здесь, защищен узостью проливов, но ему угрожает ил, он скоро окончательно задушит его. Если не вы, рошельцы, то кто еще может построить порт в этом месте, которое так напоминает ваш родной город, кто же его построит?

Анжелика отмстила, что протестанты тесным кольцом окружили того, кого они по-прежнему знали под именем Рескатора. И как все мужчины в истинно мужском разговоре с человеком, в компетентности которого не сомневаются, забыли о своем непрочном положении, оживились. Слова Маниголя вернули их к действительности.

— Что ж тут рассуждать, мы в ваших руках, — с горечью сказал он. — У нас нет выбора...

— Выбора между чем и чем? — спросил Жоффрей де Пейрак, глядя ему прямо в глаза. — Идти в Сен-Доминику? Но что знаете вы об этом острове, до которого невозможно добраться, не заплатив выкупа пиратам в Карибском море, а их в свою очередь то и дело грабят морские разбойники с острова Тортю? Что могут делать там такие, пусть деятельные, люди, как вы, — ремесленники, рыбаки и торговцы? Заниматься рыболовством? Да там кроме пескарей в жалких ручейках да акул в прибрежных водах ничего нет.

— Но у меня там есть отделение моей фирмы, — сказал Маниголь, — и деньги.

— Нет, я в этом не уверен. Ваши отделения даже нуждаются в набегах пиратов, чтобы больше не принадлежать вам. *Vae victis*^[18], господин Маниголь. Вы надеетесь, что, приплыв на Американские острова, сохраните крепкий фундамент в Ла-Рошели и еще сможете возместить какую-то часть своего состояния. Но уверены ли вы, что те, кто некогда были — как в Сен-Доминике, так и в Ла-Рошели — вашими дорогими и преданными служащими, такими угодливыми, уже не разделили ваше богатство?

Маниголь вздрогнул. Его собственные опасения подтвердились словами Рескатора. А тот продолжал:

— Вы сами настолько не убеждены в этом, что одной из причин,

приведшей вас к мысли захватить мой корабль, был страх прибыть на Острова нищим, да еще с кучей обязательств по отношению ко мне за то, что я доставил вас туда. Ваш корсарский план обещал вам две выгоды. Уничтожив меня, вы уничтожили бы тем самым своего кредитора, а заодно и владельца корабля, и заставили бы дорого поплатиться моих людей, к которым вы, несчастные эмигранты, относились бы там хуже, чем к собакам.

Маниголь не возразил ни слова. Скрестив на груди руки, он продолжал в глубоком раздумье стоять с опущенной головой.

— Вы говорите, сударь, что мои опасения в отношении моих старых служащих на Островах и в Ла-Рошели справедливы? Это предположение или уверенность?

— Уверенность.

— Откуда вы это знаете?

— Мир не так велик, как думают. Как-то в испанском порту я встретил одного из самых болтливых людей во все времена, его зовут Роша, я познакомился с ним в Ливане.

— Это имя мне что-то напоминает.

— Он был коммерческим представителем в Ла-Рошели. Рассказывая мне об этом городе, откуда он только приехал, и о том, каким образом власть и богатство в Ла-Рошели должны перейти из рук крупных буржуа-протестантов в руки буржуа-католиков, он, кстати, как наглядный пример, привел вас. Уже тогда вы были приговорены, господин Маниголь. Но в то время, слушая его, я и подумать не мог, что буду иметь... честь, — он не без иронии слегка поклонился, — предложить людям, о которых шла речь, приют на своем корабле.

Маниголь, казалось, не слушал его. Потом он глубоко вздохнул.

— Почему вы раньше не сказали нам об этом? Может быть, тогда бы и кровь не пролилась.

— Я думаю, у вас появилось бы еще большее желание ограбить меня, чтобы взять реванш за поражение от ваших недругов.

— Хорошо, пусть мы были приговорены нашими бывшими друзьями, остались без средств, но разве это дало вам право распоряжаться нашими жизнями?

— Но вы прекрасно распорядились нашими. Мы квиты. А теперь подумайте-ка: заняться культурой сахарного тростника и табака, в чем вы не имеете ни малейшего опыта, вы не смогли бы, оставалось бы одно — торговать неграми. Но я никогда не взялся бы помогать торговцам рабами. Здесь же у вас не будет надобности в этом пагубном занятии, вы сможете

основать общество, которое с самого начала не будет нести в себе зародыша истребления.

— Но в Сен-Доминике можно было бы выращивать виноград, этим мы и собирались заняться, — сказал один из рошельцев, который раньше делал винные бочки для шарантских вин.

— Виноград не может расти в Сен-Доминике. Испанцы попытались — тщетно. Чтобы вырастить виноград нужно приостановить движение растительного сока, как это происходит при смене сезонов, в зимнее время. А на Островах сок всегда в движении. Листья никогда не опадают. Нет смены сезонов. И нет винограда.

— Однако пастор Рошфор написал в своей книге...

Граф де Пейрак покачал головой.

— Пастор Рошфор — достойный и храбрый путешественник, у нас иногда скрещивались с ним дороги, — правда высказывал в своих трудах особый взгляд на жизнь. Это были поиски земного рая и земли Ханаанской. Но в его рассуждениях бросаются в глаза ошибки...

— Ха!.. — воскликнул пастор Бокер, с силой хлопнул ладонью по толстой Библии. — И мое мнение таково же. Я никогда не мог полностью согласиться с этим просвещенным Рошфором.

— Давайте попробуем разобраться! Просвещенные люди приносят пользу. Они служат прогрессу человечества и вырывают его из вековой косности. Они видят символы. И разъясняют их другим. Если пастор Рошфор допустил прискорбную географическую ошибку и описал со слишком простодушным восхищением богатство Нового Света, все равно факт остается фактом — эмигранты, которых он своей книгой привлек сюда с другой стороны океана, тем не менее не были обмануты в своих ожиданиях. Конечно, в порослях диких виноградников не находят сочных гроздьев, так же как и румяных булок на хлебном дереве, но богатство» счастье, покой души и ума могут дать ростки и расцвести всюду. Расцвести для тех, кто сумеет обнаружить истинные богатства, которые предлагает эта земля, посвятить себя ей и не привнеси туда бесплодную злобу Старого Света. Разве вы все приехали сюда не за этим?

Во время этой длинной речи голос Жоффрея де Пейрака то звучал глухо, то хрипло, но ничто не заглушало страстности его слов. Он не щадил свое больное горло, как некогда, дерясь на дуэли, не щадил больную ногу. Его горящие под густыми бровями глаза покоряли собеседников, передавали им его убежденность.

Мавр, который заменял ему Абдуллу, подошел к нему и протянул одну из смешных пузатых тыкв, принесенных индейцами, — золотисто-

желтую, наполненную загадочным напитком. Он залпом опорожнил ее, не слишком заботясь о содержимом.

Послышалось ржанье лошадей. Вскоре на холме появились два индейца. Осыпая ногами камешки, они сошли на берег. Все устремились к ним. Индейцы передали графу де Пейраку послание. Великий сашем Массасва уже направляется сюда, чтобы приветствовать новых белых. И сразу же на всех языках послышался приказ поскорее снести с «Голдсборо» подарки. Мало-помалу они нагромождались на берегу. Новые сверкающие мушкеты, некоторые еще даже в промасленных тряпках, холодное оружие, стальные инструменты.

Габриель Берн не мог удержаться, чтобы, вытянув шею, не постараться заглянуть в открытые сундуки.

Жоффрей де Пейрак проследил за его взглядом.

— Кинжалы шеффилдской фабрики, — заметил он. — Это самые лучшие.

— Я знаю, — подтвердил Берн.

И впервые за долгие дни лицо его расслабилось, взгляд оживился. Он забыл, что разговаривает с презренным соперником.

— Не слишком ли прекрасно для дикарей? Они были бы довольны и чем-нибудь попроще.

— Индейцы очень тонко разбираются в качестве оружия и инструментов. Обмануть их — значит в зародыше уничтожить выгодную торговлю. Подарки, которые вы видите, должны обеспечить нам здесь, в Мэне, на территории большей, чем королевство Франции, мир. Поэтому мы не можем обменять все это на меха или продать за золото или драгоценные камни, которые индейцы хранят с тех давних пор, когда возникли их таинственные города. Драгоценные камни или благородный металл сохраняют свою стоимость на побережье, даже если золото не отчеканено в европейскую монету.

Берн задумчиво вернулся к своим друзьям. Те держались тесной группой, молчаливо. Эта огромная земля, которая принимала их, обездоленных, в свое лоно, подавляла их. Они смотрели на море, на подводные скалы, потом их взор обращался к холмам с гигантскими деревьями, и каждый раз перед ними предстала иная картина, которой наплывающий туман придавал то приветливую мягкость, то какую-то нечеловеческую дикость.

Держа руку на поясе, граф де Пейрак смотрел на них. Его насмешливо прищуренный глаз казался вытянутым из-за шрама на щеке. Вид у него был язвительный, но теперь Анжелика знала, что кроется за этой суровой

внешностью, и сердце ее переполняло пылкое восхищение.

Совсем тихо, даже не обернувшись к ней, он вдруг сказал:

— Не смотрите на меня так, моя красавица. Вы наводите меня на мысль расслабиться... Но сейчас не время.

Потом он обратился к Маниголю:

— Ну, каков ваш ответ?

Судовладелец провел рукой по лбу.

— Но это правда, что здесь можно жить?.. Все здесь так странно. Созваны ли мы для этой страны?

— А почему бы и нет? Разве человек создан не для всей земли? Тогда для чего вы принадлежите к самой высокой особи среди живых существ, наделенной душой, одухотворяющей смертное тело, дающей веру, которая, как говорят, сворачивает горы, если не можете взяться за дела с такими же мужеством и смекалкой, с какими делают свое дело муравьи или слепые термиты? Кто сказал, что человек может жить, дышать и мыслить только на одном месте, как ракушка на скале? Если ум человека принижает его, а не возвышает, тогда пусть человечеству исчезнет с лица земли и уступит место кишашим повсюду насекомым, их в тысячи раз больше и они деятельней, чем род человеческий, и пусть в будущих веках они населяют землю своими крохотными расами, как было в самом зачатке бесформенного мира, когда еще не появился ни один человек и только-только появлялись гигантские чудовищные ящерицы...

Взрослые протестанты, не привыкшие к такому выражению мыслей, настолько отличному от их мышления, смотрели на него с ошеломленным видом, а дети слушали, разинув рот. Пастор Бокер прижимал к груди Библию.

— Я понимаю, — задыхаясь от волнения, сказал он, — я понимаю, что вы хотите сказать, сударь. Если человек не способен повсюду, где бы он ни оказался, стремиться к созидательной работе, к чему тогда быть человеком? И для чего живут на земле люди?.. Я понимаю совет Бога, когда он сказал Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе».

Маниголь вскинул свои крепкие руки, словно прося слова.

— Вы заблуждаетесь. У нас есть душа, у нас есть вера, но нас всего пятнадцать мужчин, а дело, которое вы нам предлагаете, огромно.

— Вы плохо считаете, господин Маниголь. А ваши жены, а ваши дети? Вы всегда говорите о них, как о стаде блеющих беспомощных овец. Но они доказали, что превзошли своих мужей и отцов и в здравом смысле, и в мужестве, и в выносливости. Все, вплоть до вашей малютки Рафаэль,

ведь она выжила, несмотря на лишения и тяготы плавания, которые редко переносят дети ее возраста. А она даже не прихворнула ни разу... Вплоть до ребенка, которого носит под сердцем одна из ваших дочерей, господин Маниголь, благодаря выносливости своей матери он не расстался с жизнью, едва зародившись. Он родится здесь, на американской земле, и он посвятит себя новой стране, потому что не будет знать никакой иной, и он будет любить ее, как свою родную землю. У вас здоровое потомство от здоровых женщин, господа из Ла-Рошели. И вас здесь не просто пятнадцать мужчин. Вы — уже народ.

Принесенные кушанья распространяли какие-то очень сложные, незнакомые и аппетитные запахи. Протестантов окружили, пригласили к трапезе. Индеанки, такие же гордые, как и их мужья, но улыбающиеся, ощупывал в одежду женщин, переговаривались, что-то восклицала. Каждой из женщин они клали на живот руку, потом, отскочив в сторону, поднимали ее, глядя на них вопросительным взглядом.

— Они спрашивают, сколько у каждой из вас детей и какого они возраста, — объяснил Никола Перро.

Обследование семьи Кареров, начатое с талии матери семейства, вызвало бурю восторга. Вокруг нее они исполнили настоящий танец, хлопали в ладоши и что-то выкрикивали.

Но слова о детях вернули женщин к их обычным заботам.

— А где же дети?

На этот раз почти все дети пропали окончательно и бесповоротно. Лишь самые маленькие были подле матерей. Никола Перро пошел узнать, где остальные.

— Кроулей увез их в лагерь Шамплена, — вернувшись, сказал он.

— Кто такой Кроулей и где этот лагерь Шамплена?

***

За этот день, который должен был стать историческим в анналах Мэна, произошло столько всяких событий, что у эмигрантов просто не хватило времени уследить за всем.

После трапезы все отправились в лагерь Шамплена.

Анжелика ехала верхом на лошади, которая галопом шла по узкой тропинке, поросшей сухим мохом, под тенью достойных Версаля деревьев, высящихся вдоль ощетилившегося скалами берега, на который с яростью рычащего животного накатывались волны. Шум моря и ветра, яркий цвет листвы, ощущение, что ты находишься то в густо населенной стране, то — в пустыне, придавала этим местам особое очарование.

Трапперов послали сопровождать женщин. Для тех, кто не умел даже

сесть на лошадь, нашлись тележки и носилки. В последнюю минуту к женщинам присоединились несколько протестантов-мужчин.

— Вы думаете, я отпущу вас с бородатыми разбойниками! — крикнул адвокат Карер жене. — Нет уж, эти краснолицы так превознесли вас из-за ваших одиннадцати детей, которые, между прочим, в какой-то степени и мои, что я не могу дать вам волю. Я еду с вами.

Поездка затянулась почти на час, так как пришлось переправляться через реку, да и тропа была узкая. Прогулка оказалась очень приятная, все были в восторге, что можно наконец немного размять ноги. Вскоре показались полуразрушенные хижины. Они были сооружены около пятидесяти лет назад несчастными колонистами Шамплена. Зброшенные, они еще стояли на опушке леса на довольно большой лужайке, которая чуть склонялась к красному коралловому берегу. Но в отличие от того берега, где они высадились, а он находился всего в нескольких милях отсюда, этот берег казался сплошным нагромождением скал, на которые одна за другой беспрестанно накатывали яростные волны.

Они увидели детей, гоняющихся друг за другом между хижинами.

— Мама! — крикнула Онорина, подкатываясь к ней, словно шарик. — Я нашла для нас дом. Идем посмотрим, он самый красивый. Там вокруг розы. И господин Кро отдает его нам, для тебя и для меня, только для нас.

— И для нас тоже! — сердито крикнул Лорье.

— Тише, тише, маленькие рычащие койоты, — вмешался какой-то забавный на вид человек, который стоял у тропинки, как хозяин, встречающий дорогих гостей.

Свою огромную меховую шапку он держал в руке, и потому можно было видеть его красивые ярко-рыжие волосы. Он был чисто выбрит, но носил бакенбарды, которые начинались не от висков, а на скулах, образуя нечто вроде оцетинившейся маски огненного цвета, и для тех, кто никогда не встречался с шотландцами, выглядел весьма впечатляюще.

Он говорил, мешая французскую и английскую речь, дополняя это перенятой у индейцев мимикой, и понимать его было трудно.

— Дети правы, milady. My inn is for you.^[19] Меня зовут Кроулей, Георг Кроулей, и в my store^[20]. вы найдете every Furniture for household...^[21]
Взгляните на мои дикие розы.

Но уже не было видно ничего, потому что вдруг набежавший туман растекся вокруг них мириадами сверкающих капелек.

— Ох уж этот туман, — вздохнула мадам Карер, — никогда я к нему не привыкну. Дети, где вы?

— Мы здесь! — откликнулись дети, которых совсем не стало видно.

— Представляю, какие шуточки они будут выкидывать со мной в этой стране тумана.

— Come in!.. Come in!..^[22] — повторил шотландец.

Пришлось смело последовать за ним.

— Но^[23], тумана, — говорил он снисходительно. — Тумана нет today^[24]. Он приходит, он уходит. Зимой, yes^[25], зимой нигде нет такого тумана, как здесь.

Как он и сказал, туман вдруг рассеялся, унесенный порывом ветра.

Анжелика увидела деревянный дом с соломенной крышей, вокруг которого росли розы перламутрового цвета. От них исходил тонкий аромат.

— Вот мой дом, — объявила Онорина.

И она два раза обежала его, крича, словно ласточка.

В доме жарко пылал огонь. В нем было две комнаты, обставленные мебелью, сделанной из добротных досок или из грубо отесанных стволов деревьев. Среди нее они не без удивления увидели стол черного дерева на резных ножках, который вполне был бы уместен и в гостиной.

— Подарок графа де Пейрака, — с довольным видом сказал шотландец.

Он также указал Анжелике на стекла в окнах — роскошь, незнакомая другим хижинам, где никогда не было ничего, кроме рыбьих пузырей, через которые едва проникал свет.

— А когда-то и у меня в окнах были рыбьи пузыри.

Это «когда-то» восходило к временам весьма далеким.

Кроулей был помощником капитана на одном корабле, который тридцать лет назад разбился на непреодолимых скалах берега Мэн. Единственный оставшийся в живых из потерпевших кораблекрушение, Кроулей, едва живой, ступил на негостеприимный берег. И берег так ему понравился, что он решил остаться там навсегда.

Считая себя хозяином бухты Голдсборо, он, сидя на высоких деревьях, встречал меткими стрелами всех пиратов, которые пытались в ней высадиться. Индейцы не предлагали ему своей помощи. Люди миролюбивые, они никогда бы не осмелились сами проявить враждебность к незванным гостям, но этого и не требовалось. Шотландец гнал незваных гостей сам.

Жоффрей де Пейрак из дружеских чувств к вождю могикан — он встретился с ним во время торговых сделок в Бостоне — решил

обследовать неприступное убежище Голдсборо и разобраться, почему оно считается проклятым местом. Ему удалось найти общий язык с хитрым Кроулеем, и Кроулей с тем большей радостью принял его предложение о сотрудничестве, что нуждался в сбыте мехов. И действительно, поселившись один среди заброшенных хижин лагеря Шамплена, он почувствовал, что просто одержим мыслью о торговле. Заманчивая деятельность, с помощью которой, не владея ничем, извлекаешь из этого «ничего» целое состояние. Для начала он стал продавать индейцам советы, как лечить различные болезни, которые не давались их колдунам. Потом мастерил из камыша и из мочевых пузырей или желудков убитых животных волынки и тоже продавал их. Устраивал концерты, играя на волынке. Канадские трапперы, приходя в эти места, обычно просили разрешения остановиться у него и за добрую беседу и музыкальный вечер оставляли ему часть добытых мехов. Жоффрей де Пейрак забирал у него эти меха, расплачиваясь безделушками, дешевыми украшениями или игрушками, и это сделало Кроулея королем торговцев в этом краю.

Вот что рассказал Кроулей Анжелике, сидя в доме у огня. Он еще не знал, как относиться к вновь прибывшим, но, будучи по характеру человеком общительным, говорил себе, что по крайней мере у него появилась возможность с кем-то перемолвиться словом. И как приятно видеть женщин с белой кожей и светлыми глазами. У него жена была индеанка, и она нарожала ему целую кучу малышни, «папуасов», как он говорил.

Пришли дети, принесли маленькие корзиночки со смородиной, земляникой и лесными ягодами, а Кроулей продолжал хронику этих мест: господин д'Урвиль, рассказывал он, горячая голова, он оказался в Америке после темной истории с дуэлью. Отличный малый, он сумел завоевать дочь вождя абенаков Каку. Господин д'Урвиль охраняет форт, защищая подступы к Голдсборо в отсутствие господина графа де Пейрака.

Испанец? Дон Хуан Фернандес и его солдаты? Несколько уцелевших из экспедиции в Мексику, которая сгинула в непроходимых лесах Миссисипи. Все остальные были перерезаны, а эти оказались здесь, пришли, словно скелеты, худые, полумертвые, даже не помня толком, что с ними произошло.

— У этого дона Фернандеса свирепый вид, — заметила Анжелика. — Он все время скалит зубы.

Кроулей улыбнулся. И объяснил, что гримасы испанца — просто тик, он остался у него после пыток, которым подвергли его ирокезы, народ жестокий, «народ Длинного дома», как их называют здесь из-за длинных,

хижин, где они живут по несколько семей.

Когда господин граф де Пейрак в очередной раз отправлялся в Европу, он хотел отвезти испанцев на родину. Но, странное дело, они наотрез отказались. Большинство этих наемников уже прижились в Америке и не знают иного ремесла, кроме как ходить на поиски легендарных городов и рубить в мелкий паштет ирокезов. Если не считать последнего, они вовсе не злые.

Анжелика по заслугам оценила юмор рассказчика.

Кроулей предложил выйти из дома. Сейчас он покажет свои владения.

— Есть четыре или пять хижин, которые можно приспособить под жильё. Come in! Come in!

***

Онорина удержала Анжелику за платье.

— Я очень люблю господина Кро. У него волосы такие же, как у меня, и он покатал меня на лошади.

— Да, он очень славный. Какое счастье, что мы сразу же нашли такой красивый дом.

***

Онорина явно хотела задать какой-то вопрос. Но она колебалась, возможно, боясь услышать ответ.

— Он мой папа? — спросила она наконец, подняв свою перепачканную синим мордочку к Анжелике, и взгляд ее был полон надежды.

— Нет, не он, — сказала Анжелика, страдая от разочарования девочки, как, впрочем, и от всего, что касалось ее дочери.

— Ах, какая ты злая, — тихо сказала Онорина.

Они вышли из дома, и Анжелике хотелось показать ей розы. Но девочка продолжала думать о своем.

— Но ведь мы уже приплыли на другую сторону моря? — спросила она, помолчав.

— Приплыли.

— Тогда где же мой папа? Ты мне сказала, что на другой стороне моря я встречу с папой и еще с моими братьями.

Анжелика не припоминала, чтобы она говорила нечто подобное, но спорить с Онориной, если она вбила себе что-то в голову, было делом нелегким.

— Северине хорошо, — сказала девочка, топнув ножкой, — у нее есть и папа, и братья, а у меня никого.

— Не будь завистливой. Это нехорошо. У Северины есть папа и

брatья, но нет мамы. А у тебя есть.

Аргумент, казалось, поразил маленькую добрую душу. После некоторого раздумья ее забота рассеялась, и она помчалась к своим друзьям.

***

— Вот эта хижина выглядит совсем крепкой, — говорил Кроулей группе рошельцев, с силой ударяя сапогами по сваям строения, продуваемого всеми ветрами. — Поселяйтесь здесь!

Было примечательно, что эти когда-то добротные дома, которые еще смогли противостоять непогоде и иным испытаниям, отдаются им.

И тем не менее рошельские буржуа в растерянности смотрели на руины, и они вызывали у них мысли о смерти, болезнях, отчаянии людей, заброшенных на край света, людей, которые один за другим зачахли здесь, раздавленные враждебной природой. Но что было удивительно, так это розы, которые тянулись вверх и сплетались повсюду, заставляя забыть и о недавнем рычании океана, и о грядущей зиме со злыми ветрами, снегом, льдом, который покрывает скалы, о той самой зиме, которая когда-то убила людей Шамплена.

Шотландец смотрел на них, не понимая, почему так вытянулись их лица.

— Вы приглашаете нас сюда, но разве здесь найдется сейчас по крайней мере четыре хижины, готовые для того, чтобы провести в них ночь?

— Правда, где же мы будем спать ночью? — забеспокоились протестанты.

— Да кроме как здесь, больше нигде, уж как-нибудь, — сказал Никола Перро. — Форт полон, как яйцо, и если не здесь, то придется возвращаться на корабль.

— Ни за что! — воскликнули хором протестанты.

Бедные хижины тотчас показались им дворцами. Кроулей сказал, что он может дать им доски, инструменты, гвозди. Взяв дело в свои руки, он послал индейцев за соломой на крыши. Все лихорадочно принялись за работу.

Отливающий всеми цветами радуги туман то наползал, то рассеивался, то окутывал вуалью море вдаль, то окружал поляну, где они работали, и можно было видеть дрожащие розовые и зеленые отблески. Правда, у них не было времени любоваться этой красотой.

Пастор Бокер, тихонько напевая псалмы, манипулировал молотком так, словно занимался этим всю свою жизнь.

Каждую минуту на тропинке появлялись, индеанки, неся яйца, маис, рыбу и омаров, а также, на длинных жердях, великолепную дичь, еще не ощипанную, — дроф и королевских индюшек. Все это сносилось в дом Кроулея и смежную с ним «лавку».

Вскоре первый, а затем и второй дома были закончены. В одном из очагов уже сумели развести огонь, труба тянула хорошо. Наполнили водой котел и подвесили его над очагом, чтобы сварить омаров. Потом усадили трех девушек ощипывать индюшек.

На подставки положили деревянные рамы с натянутыми полосками березовой коры, и получились кровати, на которые бородачи бросили тяжелые меха.

— Вы будете прекрасно спать эту ночь, маленькие бледные рыбки, вышедшие из моря, прекрасные белые чайки, пересекающие океан, — сказали они.

Пришедшие с севера, из канадских провинций, где привыкли к длинным и витиеватым разговорам с индейцами, они говорили по-французски медленно, но очень поэтично, отыскивая пространные сравнения, цветистые образы...

— Рошельцы! Рошельцы! Смотрите! — воскликнула Анжелика, показывая на очаг.

Огромный омар, который не хотел умирать, приподнимал крышку котла. Он поднял две свои клешни над котлом и распухал, распухал, окруженный паром, словно символ изобилия.

Это вызвало всеобщее ликование. Дети визжали от восторга. Они выскочили на поляну и, захлебываясь от смеха, кувыркались там, катались по земле.

— Они пьяные, — крикнула в ужасе госпожа Маниголь, — кто их напоил?

Матери бросились осматривать стаканчики, из которых дети пили воду. Но они опьянели только от сочных ягод, от воды из источника, от танцующего в очаге огня...

— Они опьянели от земли, — сказал умиленно пастор Бокер. — От вновь обретенной земли. Как бы она ни выглядела, в какой бы точке мира она ни находилась, разве могла она не очаровать их после долгих мрачных дней, проведенных в истинном потопе...

Он указал на радугу, которая проглядывала сквозь листву и спускалась к подножью прибрежных скал, чтобы отразиться в волнах.

— Смотрите, дети мои, смотрите, вот знак Нового Союза.

Он протянул руки, и слезы скатились по его пергаментному лицу.

Глава 39

Уже наступила ночь, когда граф де Пейрак в сопровождении солдат и индейцев появился в лагере Шамплена. Он ехал верхом, следом вели шести оседланных лошадей, чтобы передать их в распоряжение протестантов. — Лошади здесь редкость. Заботьтесь о них. Не слезая с седла, он с середины поляны оглядел хижину и отметил воодушевление, царившее в лагере, который еще недавно стоял в руинах и выглядел зловеще. Над крышами поднимались дымки. Пришедшим с ним индейцам он дал знак поставить на землю тяжелые ящики. Из них вытащили оружие, совсем новое, тщательно завернутое в ветошь.

— По мушкету для всех, и для мужчин, и для женщин. Если кто-то не умеет стрелять — научится. Завтра прямо на рассвете начинайте обучение стрельбе.

Маниголь вышел вперед и недоверчиво взял в руки один из мушкетов.

— Это нам?

— Я уже сказал. Вы также распределите между собой сабли и кинжалы, а для тех из вас, кто хорошо стреляет, есть шесть пистолетов. Больше дать вам я пока не могу.

Маниголь высокомерно ухмыльнулся.

— Как я должен понимать это? Еще утром мы в цепях ожидали, когда нас вздернут на корабельной рее, а вечером вы нас вооружаете до зубов, — сказал он, задетый такой, как он считал, непоследовательностью. — Вы наносите нам оскорбление, так быстро зачислив себе в союзники. Мы находимся здесь против своей воли и пока еще, насколько я помню, не дали ответа на ваши скоропалительные предложения, которые вы силой навязываете нам.

— Не слишком затягивайте свой выбор, ибо я, к несчастью, вынужден вас вооружить. Мне принесли весть, что банда кайюгов, индейцев из рода ирокезов, которые враждуют с нами, посланы к нам, чтобы снять с нас скальпы.

— Снять с нас скальпы! — в ужасе повторили последние слова протестанты, хватаясь руками за головы.

— Это враги, и они в любую минуту могут заявиться сюда. Англичане и французы еще не договорились между собой, какой короне будут принадлежать эти земли. Это, тем не менее, не мешает нам, колонистам, жить и работать в мире, а вот администраторы Квебека время от времени

оплачивают какой-нибудь набег приграничных племен, чтобы изгонять белых, решивших обосноваться там без разрешения короля Франции. Англия действует так же, но им очень трудно вербовать себе союзников, потому что меня поддерживает вождь могикан Массасва. И все же ни один белый в этих лесных дебрях не считает себя абсолютно, защищенным от резни, которую могут учинить те или иные индейские племена, а им здесь несть числа.

— Замечательно! — саркастически воскликнул Мерсело. — Вы превозносили нам богатство и очарование своих «владений», которые великодушно предлагаете нам, но забыли сказать об опасностях, которые нас здесь подстерегают, и о том, что нас всех здесь могут перерезать голые дикари.

— Кто сказал вам, господа, что на земле существует место, где человек может без борьбы обеспечить неприкосновенность своей жизни? Земной рай — это сказки. Единственная свобода человека — возможность выбирать, как и почему он хочет жить, бороться и умереть. Евреи сражались во главе с Иисусом Навином, чтобы завоевать Землю обетованную.

Он дернул поводья и скрылся в темноте.

На фоне заката проплывали словно окрашенные серой облака, похожие на огромные дымы гигантских пожаров.

Море было гладкое, словно позолоченное, и отлив обнаруживал все новые черные острова, похожие на стаю акул, залегшую вдоль берега.

Подошел Кроулей и сказал, что надо воспользоваться последними лучами солнца и организовать посты охраны, расставить часовых.

— Так это серьезно — истории про индейцев?

— Всякое может случиться. Лучше проявить осторожность, чем оказаться со стрелой между лопаток.

— А я думал, монсеньор Рескатор шутит, — сказал задумчиво Маниголь, глядя на оружие, лежащее у его ног.

Пастор Бокер стоял, застыв, с закрытыми глазами, словно пораженный молнией.

— Он шутит, но он хорошо знает Священное Писание, — пробормотал он. — Такие шутки наводят на многие размышления. Братья мои, не знаю, заслуживаем ли мы Земли обетованной? Отнюдь не упрекая Господа в том, что он послал нам такие испытания, я думаю, сумеем ли мы принять их как справедливую кару за наши грехи, как цену, которую мы должны заплатить за нашу свободу...

***

Анжелика слушала стихающий в ночи топот лошади. Шум ветра и моря. Тайну ночи на незнакомой и опасной земле.

Те, кто стоял в эту ночь на часах, готовые уловить малейший шорох, были удивлены окружавшей их тишиной. Ответственность за эти несколько арпанов земли, на которых они только что обустроили свои временные жилища, придала им уверенность. Не выпуская из рук мушкетов, вглядываясь в темноту, протестанты сменяли друг друга на посту, и их силуэты вырисовывались на фоне костров рядом с мохнатыми силуэтами трапперов. Трапперы витиеватыми живописными фразами приобщали протестантов к еще очень далекому от цивилизации миру, в котором им предстояло жить. Прошлое все дальше уходило от рошельцев.

До утра время прошло спокойно, и это даже несколько разочаровало их.

Анжелика очень хотела вернуться в Голдсборо, но не знала, можно ли ей взять одну из лошадей.

Наверное, никто сегодня не пребывал в такой растерянности, как она. Жоффрей де Пейрак по-прежнему продолжал держать ее на расстоянии. Появившись у них вечером, он даже не подъехал к ней, не справился о ней. Он все время то держался с ней с дружеской фамильярностью, то словно не замечал.

Анжелика понимала; что он вынужден так вести себя, ведь никто здесь не знает, какими узами они связаны. Но она начинала терять терпение. Она не могла больше быть вдали от мужа. Ей страстно хотелось видеть его, слышать его.

Узнав о ее намерении, Кроулей посоветовал ей остерегаться кайюгов. Она пожалала плечами. Индейцы-кайюги! Она была в отвратительном настроении и уже готова была обвинить Жоффрея де Пейрака в том, что он просто выдумал этот предлог, лишь бы держать ее подальше от себя.

— Господин граф запретил кому-либо выходить из лагеря, — добавил шотландец.

Анжелика с недовольным видом отмахнулась. Ей нужно, объяснила она, быть в Голдсборо.

Но едва она села в седло, Онорина завопила, и пришлось взять ее с собой.

— О, Онорина! Онорина, дорогая моя крошка, не могла бы ты хоть один день вести себя пристойно?

И тем не менее она усадила девочку в седло и, крепко прижав к себе, ускакала. Это напомнило ей, как она вместе с Онориной носилась верхом по Ньельскому лесу.

Она ехала по дороге, покрытой сухой листвой, которая приглушала звук лошадиных копыт. Уходящее лето пахло орехами и созревшими хлебами. Привычный, чудесный запах. А под листвой, должно быть, прячутся ягоды.

К знакомой ей с детства красоте дубрав и каштановых роц здесь прибавлялись экзотическое очарование светлых берез, сочная листва кленов. Анжелика с наслаждением впитывала в себя лесные ароматы. Но таинственность здешнего леса была иной, нежели таинственность Ньельского, она отличалась своей завораживающей девственностью. Ньель был отягощен своим друидическим прошлым. Здесь же память о белых людях, о викингах, которые когда-то давно высадились в этих краях, осталась лишь на береговой линии, где они построили свои странные сооружения из огромных камней.

В лес же нога завоевателей даже не ступала. Лес знал только следы многочисленных зверей и редкие следы от скользящего шага молчаливых индейцев.

Анжелика не заметила, как лошадь перешла на другую тропинку, ведущую к вершине холма. Она застыла перед внезапно открывшимся видом. Перед нею раскинулось маисовое поле. Среди высоких, скрипящих под ветром листьев на деревянном помосте, сделанном в виде беседки, сидел на корточках индеец, отгоняя своей длинной жердью грабителей-птиц.

Справа виднелась деревянная ограда индейской деревни, из хижин тянулись дымки. Еще дальше сменяли друг друга поле пшеницы, поле тыквы, и еще одно, на котором росли зеленоватые толстые листья — таких она никогда не видела, но подумала, что это, наверное, табак. Почти повсюду желтели головки подсолнухов. Но очень скоро лес скрыл эту сельскую идиллию.

Зачарованная зрелищем, всадница не подумала о том, что надо было бы спросить дорогу. Лошадь продолжала подниматься вверх, словно этот путь был ей хорошо знаком. Достигнув вершины холма, она сама остановилась, Анжелика бросила жадный взгляд на местность, которая раскинулась внизу. Повсюду между скалами и деревьями серебрились бесчисленные озера и пруды, обрамленные утесами, откуда срывались белые каскады водопадов — неповторимая мозаика белого, синего и зеленого.

Затаив дыхание, она впитывала глазами красоту этой величественной и безмятежной страны, которою ей предстояло завоевывать.

Онорина повернулась к ней.

— Вон, смотри, — сказала она, протягивая руку.

Птица стремительно взлетела где-то внизу и с хриплым криком проскользнула мимо нее.

Но Онорина продолжала тянуть руку. Ее заинтересовала не столько птица, сколько то, что вызвало ее стремительный взлет.

Анжелика скользнула взглядом вниз и увидела длинную цепочку индейцев, которые двигались вдоль ручья. Расстояние и кроны деревьев не позволяли ей как следует разглядеть их, но она заметила, что их очень много и это явно не крестьяне, возвращающиеся с поля. У них не было никаких крестьянских орудий труда, а только луки и колчаны.

«Охотники?» — попыталась она успокоить себя, но тут же у нее мелькнула мысль о кайюгах. Она чуть отодвинулась в тень деревьев, чтобы не рисковать, и не обнаружить себя.

Индейцы плавным шагом осторожно двигались вдоль ручья. Красные и синие перья, венчавшие их головы, дрожали среди листвы, словно длинные разноцветные змеи. Их и правда было очень много... слишком много! Отряд направлялся прямо к морю. Она посмотрела туда, в туманном далеке увидела очертания форта Голдсборо, берег залива, сверкающая гладь которого под лучами солнца сливалась с беловатым небом. Дорога, которая вела из Голдсборо в лагерь Шамплена, вся просматривалась.

«Если индейцы пройдут туда, мы окажемся отрезанными от форта и не сможем оказать друг другу помощь. Счастье, что Жоффрей раздал оружие...»

И стоило ей только подумать о нем, как она увидела всадника европейского типа, который выехал из форта и поскакал по дороге. И прежде чем он приблизился настолько, чтобы его можно было разглядеть, инстинкт подсказал ей, кто это. Черный развевающийся плащ, плюмаж на широкополой шляпе... Да это же граф де Пейрак! Один!

Она едва сдержала крик. С высоты ей было видно, что индейцы уже добрались до тропинки, ведущей к берегу, и сгруппировались там. Через несколько минут скачущий во весь опор всадник окажется лицом к лицу с ними. И ничто не предупредит его об опасности.

Она закричала что было мочи. Но ее голос не мог долететь до Жоффрея, он затерялся в безграничном пространстве. Однако или его предупредил инстинкт человека, который столько раз встречался со смертью на дорогах, или, скорее, один из индейцев поторопился выпустить первую стрелу, а может, другой издал воинственный клич — она увидела, как он вдруг с силой натянул поводья, лошадь поднялась на дыбы, сделал

полоборота, свернула с дороги и скрылась за небольшой скалой, которая возвышалась над деревьями.

Потом Жоффрей де Пейрак снова показался из-за скалы, чтобы бросить быстрый взгляд и оценить обстановку. И в эту минуту его лошадь снова без всякой видимой причины вдруг вздыбилась и рухнула на землю. Анжелика поняла, что бедное животное настигла стрела. Значит, это те самые страшные кайюги. К счастью, Жоффрей вовремя сумел вытащить ноги из стремян и одним прыжком укрыться за скалой. Анжелика увидела маленькое белое облачко, и тут же до нее донесся звук выстрела. Он стреляет, а значит, каждый его выстрел будет уносить одну жертву. Но вряд ли у него достаточно патронов, чтобы долго отражать атаку врагов, которые уже начинают окружать его! Она снова увидела облачко дыма.

Онорина все еще показывала ей пальчиком.

— Смотри.

— Да, — повторила Анжелика в отчаянии от своей беспомощности.

До нее опять донесся выстрел — словно раскололи орех.

«В Голдсборо никто ничего не услышит. Это слишком далеко».

Она хотела подъехать поближе к месту сражения, но ветви деревьев не пускали ее. Впрочем, что бы она там делала без оружия. Она развернула лошадь и, выехав на тропинку, которая привела ее сюда, галопом спустилась с холма. Ее лошадь летела, словно на крыльях. Пронесясь мимо маисового поля, она крикнула индейцу-сторожу.

— Кайюги! Кайюги!

Словно ураган, влетела она в лагерь Шамплена.

— Кайюги напали на моего мужа на дороге в Голдсборо. Он укрылся за скалами, но у него скоро кончатся патроны. Идите скорее!

— На кого напали? — спросил Маниголь, решив, что он ослышался.

— На моего... монсеньора Рескатора...

— Где он? — спросил прибежавший Кроулей.

— Примерное милье отсюда.

Она машинально передала Онорину в чьи-то руки.

— Пистолет... скорее.

— Пистолет для леди? — воскликнул в смущении шотландец.

Она вырвала у него из рук пистолет, проверила его и быстро, явно со знанием дела, зарядила.

— Порох! Пули! Скорее!

Шотландец, уже не споря, схватил мушкет и прыгнул в седло. Анжелика помчалась вслед за ним вдоль берега.

Вскоре они уже слышали выстрелы и воинственные кличи кайюгов.

Шотландец обернулся к ней и радостно крикнул:

— Он еще стреляет! Мы успели!

За одним из поворотов они налетели на группу кайюгов. Захваченные врасплох, те не успели натянуть стрелы на своих луках. Кроулей проскакал сквозь толпу врагов, круша их направо и налево прикладом мушкета, Анжелика промчалась за ним.

— Давайте остановимся! — приказал он чуть погодя. — Несколько человек убежали, я видел. Нам надо укрыться за деревьями.

Они едва успели сделать это. Стрелы, вонзившиеся в стволы деревьев, дрожали вокруг них. Анжелика и Кроулей стреляли поочередно. В конце концов индейцы стали взбираться на деревья, чтобы укрыться в листве и держать под наблюдением тропинку. Но Кроулей настигал их выстрелами еще на нижних ветках, и их тела тяжело падали вниз.

Анжелика решила продвигаться дальше, но Кроулей посоветовал ей не делать этого, Ведь их всего лишь двое.

И тут со стороны лагеря Шамплена они услышали стук лошадиных копыт. Перед ними появились шестеро вооруженных всадников. Это были Маниголь, Берн, Ле Галь, пастор Бокер и два траппера.

— Скачите дальше, господа, — крикнул им Кроулей, — надо вызволить монсеньора. Я прикрою вас, с тыла вам ничего не угрожает.

Всадники ринулись во весь опор. Анжелика снова вскочила в седло и помчалась за ними. Немного дальше они снова столкнулись с кайюгами, но под яростным натиском белых те быстро разбежались. Однако некоторые, подняв томагавки, бросились на своих врагов, но тут же упали с пробитыми пулями черепами, в упор расстрелянные из пистолетов.

Итак, снова победа. С облегчением Анжелика увидела, что они уже приближаются к месту, где укрылся Жоффрей, который все еще продолжал обороняться. Они спрыгнули на землю и тоже укрылись. Их появление сильно поколебало ряды нападающих. Зажатые с одной стороны огнем графа де Пейрака, который стрелял с высоты, с другой — протестантов, трапперов и Кроулея, они, несмотря на свою многочисленность, начинали проявлять признаки беспокойства.

— Я тебя подстрахую, — сказал Маниголь Ле Галю, — а ты скачи в Голдсборо, бей тревогу и приводи подкрепление.

Ле Галь вскочил на лошадь и, воспользовавшись минутой, когда, спасаясь от пуль, кайюги попрятались, поскакал по тропинке, прижимаясь к земле. Одна стрела просвистела у него над ухом и сбила с головы шляпу, не задев всадника.

— Проскочил, — сказал Маниголь. — Теперь им его не догнать. А

нам надо продержаться, пока не придет господин д'Урвиль со своими людьми.

Кайюги начинали понимать, что им угрожает. Вооруженные только стрелами и томагавками, они не могли противостоять огнестрельному оружию белых, которых: собралось слишком много. Набег не удался. Надо было убираться восвояси.

Они начали отползать к лесу, к ручью. Оттуда они, хотели пробраться к реке, где их ждали каноэ. Прибывшее из Голдсборо подкрепление превратило их отступление в паническое бегство. К тому же путь им преградили индейцы из деревни, которые прибежали на крик Анжелики, они изрешетили кайюгов своими стрелами. У оставшихся в живых не осталось надежды добраться до реки, и, не имея иного выхода, они бросились в чащу леса, чтобы бежать куда глаза глядят. Они даже не задумывались над тем, какая судьба ожидает их там.

Анжелика поспешила к скале, чуть не спотыкаясь о длинные красно-медные тела, которые валялись, поверженные, словно огромные птицы с королевским плюмажем. Жоффрея она нашла склонившимся над лошадью. Он только что из сострадания застрелил ее.

— Вы живы! — воскликнула она. — О, я ужасно испугалась. Вы скакали им навстречу. И вдруг резко остановились. Почему?

— Я почувствовал их запах. Они натирают тело жиром, и ветер донес запах до меня. Когда я поднялся к скале, я решил посмотреть, не отрезан ли мне путь к отступлению. И тут они ранили мою лошадь. Бедный Солиман! Но как вы, неразумная, оказались здесь, и откуда вы узнали об этой перестрелке?

— Я была там, на холме. Я увидела, что вы попали в засаду, и помчалась в лагерь Шамплена, чтобы позвать на помощь. И они пришли.

— Но что вы делали на холме? — спросил он.

— Я хотела вернуться в Голдсборо и свернула не на ту тропинку.

Жоффрей де Пейрак скрестил на груди руки.

— Когда же, — сказал он сдержанно, — вы будете уважать мои приказы и порядок, который я установил? Я же запретил выходить из лагеря. Это так неблагоприятно.

— Но разве вы поступили не так же?

— Да, верно. И дорого заплатил за это. Я потерял лошадь. Но зачем вы вышли из лагеря?

Она ответила, не таясь.

— Я не могла больше не видеть вас. Я шла к вам.

Жоффрей де Пейрак расслабился. Его лицо осветила улыбка.

— И я тоже, — тихо сказал он.

Он взял ее за подбородок и склонил свое черное от пороха лицо к такому же перепачканному лицу Анжелики.

— Мы оба немножко безумные, — прошептал он нежно. — Вы не находите?

— Вы не ранены, монсеньор? — слышался голос д'Урвиля.

Граф обогнул скалу и спустился к собравшимся у ее подножья людям.

— Благодарю вас, господа, за помощь, — сказал он протестантам. — Набег этих бандитов не вышел бы за рамки словесной перепалки, если бы я не сделал глупости и не выехал из форта без охраны. Пусть это всем нам послужит уроком. Вообще-то набег враждебных племен не представляют особой опасности, да и мы, обычно во время уведомленные, всегда собираемся и организуем отпор. Я надеюсь, никто из вас не ранен?

— Нет, но могло статься и это, — ответил Ле Галь, разглядывая свою шляпу, которую он уже успел подобрать.

Маниголь не знал, как ему держаться. События разворачивались слишком стремительно для такого тугодума.

— Не стоит благодарности, — сказал он не без иронии, — все, что мы делаем, настолько лишено логики...

— Вы так думаете? — ответил граф де Пейрак, глядя ему прямо в глаза. — А я, напротив, нахожу, что все случившееся сейчас в логике этой страны. Позавчера вы хотели меня убить! Вчера я хотел вас повесить. Но в то же вечер я вооружил вас, чтобы вы могли защитить себя, а сегодня утром вы спасли мне жизнь. Что может быть более логичным?

Он сунул руку в свою кожаную сумку и показал лежащие на ладони два маленьких блестящих шарика.

— Смотрите, — сказал он, — у меня оставалось только две пули.

***

Ближе к вечеру весь лагерь Шамплена получил приглашение собраться в Голдсборо для встречи великого сашема Массасвы. Вооруженные мужчины шли по обеим, сторонам колонны, сопровождая женщин и детей. Проходя мимо того места, где утром разыгралась короткая схватка с кайюгами, они остановились.

Повсюду чернели запекшиеся пятна крови. Птицы кружили над трупами.

Эту картину смерти делали еще более печальней жизнь колышущихся под легким ветерком деревьев и песнь близкого моря.

Они долго молчали.

— Вот такая судьба ждет и нас, — сказал Габриель Берн, отвечая

собственным мыслям.

Они не были ни печальны, ни напуганы. Они уже смирились со всем.

Граф де Пейрак ждал их около форта. Как и в первый день, он отвел всех на берег. Вид у него был озабоченный. Любезно приветствовав дам, он, глядя на бухту, казалось, погрузился в свои мысли.

— Господа, — сказал он наконец, — сегодняшнее происшествие заставило меня задуматься о вашей судьбе. Опасности, которым вы подверглись, мне представляются серьезными. Не посадить ли вас снова на корабль и не отвезти ли на Американские острова?

Маниголь подскочил, словно его укусила оса.

— Ни за что! — почти прорычал он.

— Спасибо, сударь, — сказал граф де Пейрак, поклонившись, — вы дали мне ответ, который я и ожидал услышать. Я отчасти даже благодарен бравым кайюгам, набег которых на вашу землю так неожиданно заставил вас осознать ее значимость, и это уже привязало вас к ней. Итак, вы остаетесь...

Маниголь понял, что он снова попал в расставленные сети, но не знал, стоит ли вступать в пререкания.

— Да, мы остаемся! — прогремел он. — Не думаете ли вы, что нами можно помыкать, как вам вздумается. Мы остаемся, и чего-чего, а работы здесь по горло.

Молодая вдова булочника робко вмешалась в разговор.

— Я думаю, монсеньор, если бы мне дали хорошее зерно и помогли соорудить печь, земляную или из камней сложить, я могла бы выпекать хлеба столько, сколько потребуется, ведь я помогала мужу в его деле. А мои мальчишки уже умеют делать из теста бриоши и молочные хлебцы.

— А я, — вскричала Бертиль, — могла бы помогать отцу изготавливать бумагу. Он научил меня своим секретам, ведь я его единственная наследница.

— Бумагу! Бумагу! — закричал Мерсело, почти рыдая. — Ты сошла с ума, бедное мое дитя. Кому нужна бумага в такой пустыне?

— Вот в этом вы заблуждаетесь, — сказал граф де Пейрак. — После лошади бумага — самое прекрасное завоевание человека. Ведь человек не может жить без бумаги. Он не может познать себя, если не имеет возможности выразить свою мысль и придать ей форму, менее преходящую, чем слово. Листок веленовой бумаги — это отражение, в котором он созерцает себя, как женщина — в зеркале... Кстати, я забыл, милые дамы, что приготовил для вас небольшие подарки, чтобы вы смогли уверенно войти в новую жизнь... Мануэле, Джованни!..

Матросы, которых он окликнул, приблизились, осторожно неся сундучок, который они сняли со шлюпки. Открыв его, граф де Пейрак откинул слой сухой травы — под нею лежали зеркала самых разных форм и размеров.

Жоффрей де Пейрак взял их и, церемонно раскланиваясь, как это было в их первый вечер на «Голдсборо», вручил каждой из женщин и девушек по зеркальцу.

— Путешествие окончено, сударыни. Пусть оно было бурным и иногда трудным, но тем не менее мне хотелось бы, чтобы вы не помнили дурного, а на память о нем сохранили бы эти безделицы, в них вы сможете любоваться собой. Пусть маленькое зеркальце станет вам верным другом, ведь я забыл осведомить вас об одном удивительном свойстве этой страны. Она возвращает красоту. Я не знаю, в чем здесь секрет, то ли из-за влажных туманов, то ли из-за чудесного воздуха, насыщенного влагой и запахами моря и леса, но все, кто здесь живет, слынут людьми с отличным здоровьем и прекрасным цветом лица. И вы, конечно же, не опровергнете эту молву. Смотрите на себя! Любуйтесь собою!

— Нет, я не решаюсь, — сказала госпожа Маниголь, поправляя чепчик и волосы. — Мне кажется, моей головы можно испугаться.

— Да нет, мама, право, вы самая красивая, — хором воскликнули ее дочери и конфузливо потупили взоры.

— Давайте останемся! — умоляюще сказала Бертиль, играя зеркальцем с серебряной ручкой, в которое она только что любовалась собой.

Глава 40

Великий сашем Массасва появился верхом на белой лошади, и бледнолицые женщины в странных одеждах, демонстрируя ему свое радушие, размахивали зеркальцами, озаряя сашема солнечными зайчиками.

Это принесло ему огромное удовлетворение. В окружении вооруженной стражи и индейцев, которые набежали со всей округи, он спускался по тропинке шагом, удерживая лошадь поводьями. Казалось, что он восседает в зарослях разноцветных перьев. Впереди, под ритмичный стук барабана, который как бы задавал ритм этой процессии, танцоры легкими прыжками исполняли, какой-то танец.

Подъехав к подножию склона, Массасва сошел с лошади и торжественным шагом медленно направился к встречающим его людям. Это был высокий старик с красно-медным лицом, испещренным множеством морщин. Над его бритым синим черепом, словно гейзера возвышались разноцветные перья, а два густых длинных хвоста в серую и черную полоску, должно быть, хвосты дикой кошки, ниспадали на спину.

Его голое по пояс тело, руки в браслетах, голые ноги были покрыты густой и изящной татуировкой, словно он был обтянут тонкой синей сеткой. Несколько рядов крупных жемчужин и разноцветных стеклянных бус, надетые крест-накрест на плечи, свисали до самых бедер. Такие же жемчужины и бусы украшали вместе с перьями запястья и щиколотки. Его короткая набедренная повязка и висящая за спиной широкая накидка из белой ткани натурального шелка были с большим вкусом обшиты черным кантом. В ушах он носил странные подвески, сделанные из надутых и раскрашенных красной краской мочевого пузыря животных.

Жофfrey де Пейрак подошел к нему, приветствуя его иератическим жестом — поднятая рука с раскрытой ладонью. После нескольких минут беседы вождь направился к протестантам, но теперь он бережно нес в руках украшенную двумя белыми крыльями чайки длинную палку с чашечкой на конце, из которой тонкой нитью тянулся дымок.

Он остановился перед пастором Бокером, на которого ему указал Пейрак.

— Господин пастор, — сказал граф де Пейрак, — великий сашем Массасва предлагает вам то, что индейцы называют трубкой мира. Это всего лишь длинная трубка, набитая табаком. Вы должны по очереди с ним в знак дружбы сделать несколько затяжек.

— Но я никогда не курил, — растерянно сказал старик.

— И все-таки попытайтесь. Отказ будет расценен как выражение враждебности.

Пастор поднес трубку ко рту, стараясь, насколько было в его силах, скрыть отвращение. Великий сашем, я свою очередь взяв трубку, глубоко затянулся и, выдохнув длинный завиток дыма; передал ее стройному юноше с большими черными глазами, который неотступно следовал за ним, а сам сел с графом де Пейраком на ковер, расстеленный под кроной столетнего дуба — его корни, словно щупальца, тянулись почти до самого моря.

Никола Перро передал пастору Бокеру и мэтру Маниголю приглашение занять место слева от сашема.

Вождь продолжал демонстративно выказывать полную невозмутимость. Казалось, ничто особо не притягивает его внимания. Но его лишенная растительности морщинистая кожа на лице едва заметно дрожала.

Вид у него был немного застывший, но в то же время и настороженный. Одна рука его небрежно лежала на ларце с жемчугом и блестящими камешками, который преподнес ему граф де Пейрак, но другая поглаживала топорик, лезвие которого было сделано из великолепной мексиканской яшмы, а топорнице из вишневого дерева украшал огромный изумруд. Судя по всему, это было не столько оружие, сколько украшение.

Временами взгляд сашема тайком останавливался на его белом боевом коне, и тогда легкое подергивание делало его косые глаза еще уже, а потом его острый, словно лезвие бритвы, взгляд переходил — от одного к другому — на стоящих вокруг протестантов, заставляя вздрагивать не только впечатлительного адвоката Карера, но и такого воинственного мужчину, как Габриель Берн.

Анжелика испытывала такой же необъяснимый страх, и он не проходил даже тогда, когда вождь с деланным равнодушием и снисходительной скукой отворачивался.

Два индейца, с головы до ног покрытые татуировкой, стояли за его спиной.

Никола Перро представил их, когда вышел вперед, чтобы переводить слова сашема. Обращаясь к протестантам, он счел своим долгом сначала кое-что пояснить.

— Великий сашем Массасва прибыл сухопутным путем из окрестностей Нового Амстердама, иначе говоря, Нью-Йорка. Массасва ни разу не согласился ступить на Корабль, хотя он охотно месяцами

путешествует на пироге. Здесь — самая дальняя окраина его владений, и он редко посещает эти места, но встречу со своим дорогим другом по его возвращении из Европы он предусмотрел уже давно... Очень хорошо, что вы присутствуете при ней, если вы намереваетесь жить на этой земле... Два человека, которых вы видите здесь, — местные вожди. Каку, вождь абенаков, прибрежных рыболовов и охотников, и Мулофуа, вождь могикан, земплепашцев и воинов, которые живут в глубине страны.

Поприветствовав небо и солнце, великий сашем начал свою речь. Его голос звучал как монотонная молитва, но иногда в нем слышалась глухая угроза.

— ...Это редкий случай, что такой великий вождь, как я, Массасва, владения которого тянутся от далекого Запада, где растет табак и где я против своей воли воевал с лживым испанцем, который пообещал нам поддержку со стороны своих колонистов, но сам решил превратить нас в рабов или заставить скитаться... до самых дальних границ великого Севера, за которыми простирается только туман, — я имею в виду ту местность, где мы сейчас находимся и где мой наместник-абенак Каку, замечательный рыболов и охотник на тюленей, он здесь, со мной рядом, так же как и другой мой наместник, не менее доблестный воин и охотник на северных оленей, лосей и медведей, вождь могикан... И не мне, великому вождю могущественных и грозных вождей, надо представлять перед Бледнолицым, каким бы знатным он ни был, чтобы договориться о мире или о войне между нами...

Он сделал паузу, во время которой канадец переводил его слова, а сам сашем, казалось, задремал.

— ...Но я никогда не забуду, что разделил свое могущество с этим сеньором, который пришел с другой стороны моря; не забуду потому, что он ни разу не поднял свое оружие на моих краснокожих братьев... Я дал ему власть с помощью бледнолицых сделать процветающими мои земли, но я, согласно нашей традиции, сохраняю власть над своими братьями... Таким образом, в моем уставшем от стольких битв и разочарований сердце родилась надежда... В знак уважения к нему я принимаю его друзей, потому что он меня еще ни разу не обманул...

***

Путаная, нудная речь сашема была бесконечна. Анжелика видела, что Жоффрей слушает его с большим вниманием, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Ей казалось, что она правильно поняла: сашем беспокоится о том, как поведут себя вновь прибывшие с индейцами, которые живут в прибрежной зоне, когда сашем и его приближенные

отбудут.

— ...Но не нарушат ли они те обещания, которые ты дал мне, не появится ли у них жажда, неутолимая жажда, которая живет в сердцах бледнолицых, крушить и убивать другие человеческие существа, что живут рядом с ними, когда я уеду? Когда ты сам уедешь далеко?

«О каком отъезде он говорит?» — подумала Анжелика.

Жгучий взгляд великого сашема иногда останавливался на ней, но даже самый внимательный человек не мог бы сказать, что сашем как-то отметил ее.

«Я обязательно должна всем своим видом выражать чувство симпатии к нему, иначе мы все пропали, — добавила она про себя. — Если он почувствует во мне страх или недоверие, я стану для него врагом».

Но когда Никола Перро перевел фразу, где сашем говорил о жажде крушить, которая живет в сердцах бледнолицых, она начала проникаться симпатией к этой незнакомой расе, как некогда проникся ею Жоффрей де Пейрак.

«Он задает этот вопрос, потому что в душе сам боится. Этот гордый человек пришел сюда с угощениями к людям, у которых есть железные латы и огнестрельное оружие, которые высадились на его берегах...»

Сидевший у ног сашема юноша с огромными черными глазами, на которого она обратила внимание еще по прибытии Массасвы, поднялся, взял топорик из яшмы, который протянул ему великий сашем, и сильным ударом загнал его в красный песок.

Это был сигнал к следующей церемонии. Все пошли к берегу моря. Массасва несколько раз смочил себе голову ледяной водой, потом, окунув пучок маисовой соломы в наполненный водой калebas, он, словно кропилом, широким жестом обрызгал землю вокруг своих подданных, а также своих старых и новых друзей, приветствуя их на своем языке. На берегу началось пиршество.

Глава 41

Прошедший день принес Жоффрею де Пейраку не только удовлетворение, но и серьезное беспокойство. Он думал о старом сашеме Массасве.

Связи, которые пока еще удерживают Массасву от борьбы против европейцев, показались графу де Пейраку в этот день как никогда хрупкими, и он был тем более обеспокоен этим, что понимал те тысячи причин, которые могли побудить великого вождя начать ожесточенную борьбу с пришельцами, ведь иного выхода у него нет. Массасва никогда не поймет, что белые, с которыми он заключал союзы, не были свободными людьми и, отринутые своим правительством, оказывались доведенными до того, что вынуждены были предавать его.

К счастью, здесь, на этой почти никому не ведомой земле, которая находится в стороне от больших дорог, он, французский дворянин, еще мог действовать так, как считал нужным. Массасва знал цену его слову. Ведь он не без умысла передал свой боевой топорик юному приемышу-испанцу, родители которого были изрублены одним из его племен, и Массасва взял его ребенком на воспитание, чтобы научить «счастливой жизни». Поручив ему символически «похоронить» топорик в песке, он вновь подтвердил свою надежду на мир.

Нагруженный подарками, Массасва отправился в обратный путь. После суматошного дня наступила давящая тишина. Люди разошлись, вокруг снова царил величественный девственный пейзаж.

Жоффрей де Пейрак один шел по берегу. Твердим шагом он взбирался на красные скалы, которые вечер сделал лиловыми, иногда останавливался, обводил взглядом залив и его отроги.

Острова дремали в покоем на бесчисленные облачка тумане, который хлопьями плыл по сиреневому небосклону. Бревенчатый форт наверху сливался с лесом. В заливе на якоре покачивался корабль. Шум прибоя постепенно усиливал свою звонкую симфонию. Мере, властный хозяин берега, который оно каждый сезон переделывало по своему вкусу, снова утверждало свои нравы. Скоро наступит зима, на американской земле время лирическое и немисливо трудное: ураганы, страшный холод, стаи изголодавшихся волков. Он, Жоффрей де Пейрак, будет бороться с такой же суровой зимой среди лесов и озер далеко отсюда, внутри страны.

«Голдсборо» тоже отсюда уйдет. Эриксон, которому он передаст

корабль, в последние дни осени поднимет паруса и возьмет курс на Европу, увозя меха, единственный пока пригодный для торговли товар в этой девственной стране.

Граф де Пейрак задавал себе и еще один вопрос. Что будет с сокровищами инков, которые его ныряльщики достали с испанских галионов в Карибском море? Сумеет ли Эриксон выгодно совершить сделку? Или лучше закопать их в песке на опушке леса в ожидании другого рейса? А может, передать протестантам, они сумеют извлечь из них выгоду, постепенно меняя золотые вещицы на товары, которые привозят корабли, иногда заходящие в залив? Но и тут могут быть нежелательные последствия. Пожалуй, гоняющихся за золотом лучше встречать «винцом». Ведь кроме пиратов в эти воды почти никто не заходит, а для них нет ничего святого. Он снабдил рошельцев мушкетами, а д'Урвиль в форте между двумя кружками кленового или маисового пива обеспечит защиту колонистов своими пушками. Несколько человек из команды останутся в распоряжении д'Урвиля, а «Голдсборо» отвезет обратно в Старый Свет средиземноморцев, мавров и наберет новую команду, желательно северян, и новых колонистов. Он посоветует Эриксону плыть к себе на родину, — правда, он и сам не знает точно, откуда боцман родом, но ясно, что с севера, — и набирать там преимущественно протестантов, им будет легче войти в новое сообщество.

А как быть с испанцами Хуана Фернандеса? Если они по-прежнему упорно не хотят возвращаться на свои выжженные плато Кастилии, не могут жить в суровых лесах Нового Света, что же тогда с ними делать? Оставить их с д'Урвилем? Они не будут лишними, если придется подносить запал к пушке, или, что еще важнее, если упорная враждебность индейцев к белым захватит абенаков и могижан. Но совместная мирная жизнь с доном Хуаном Фернандесом, большим человеком, и его людьми, подозрительными, словно арабы, и мрачными, как инквизиторские судьи, тоже не сулит ничего хорошего. Д'Урвиль и вождь Каку уже сетовали по этому поводу. Что будет, если у дона Хуана начнутся стычки с пастором Бокером, еретиком?

Пожалуй, надо увести испанцев с собой. Выносливые воины, ловкие и умелые в непредвиденных обстоятельствах и опасностях экспедиции; они к тому же говорят на многих индейских диалектах и оченьгодились бы для защиты каравана. Но испанцев здесь так ненавидит, что одно их присутствие может вызвать недоверие к нему самому и помешать выполнению его планов. Правда, там, куда он направляется, хорошо знают не только его, но и то, каким покровительством он пользуется со стороны

великого Массасвы. Итак, испанцев он заберет с собой. Возможно, они первыми умрут там. Маленькая свистящая стрела, пущенная каким-нибудь индейцем, спрятавшимся между деревьями...

Почему они не хотят возвращаться в Европу? В этих отбросах общества, которых он взял под свое покровительство, ему виделся прообраз грядущего упадка самой великой нации цивилизованного мира, Испания, страна, которая была близка ему, лангедокскому дворянину, своими пристрастиями — рудники, драгоценные металлы, морские авантюры, завоевания, — скатывалась в пропасть, где ее превосходство разлетится вдребезги. Как ей, ответственной за резню трех миллионов индейцев в обеих Америках, противостоять разброду в умах людей, вызванному этими чудовищными преступлениями? Испания исчезнет вместе с принесенными ею в жертву расами. Старый Массасва будет отомщен!

Кто заменит Испанию в Новом Свете? Каким будет народ, призванный собрать разъединенные силы, установить порядок в этой богатой стране, разграбленной алчными пиратами, изгладить из памяти людей тяжелые последствия резни? Будущее уже вырисовывается. Похоже, что удача открывается не сыновьям одной нации завоевателей, а наоборот, представителям разных стран, объединенным одной целью: сделать новую страну процветающей и процветать вместе с нею. Владения Массасвы уже почти целиком заселены белыми американцами, но испанцев в этих краях еще не было. Там живут англичане, голландцы, которые сравнительно недавно потеряли власть в Новом Амстердаме и уже привыкают к новому названию Нью-Йорк. Есть там также шведы, германцы, норвежцы и много деятельных финнов, бесстрашно приплывших с дальних границ Европы в страну, которая по своим климатическим условиям напоминает им родину. Он, Пейрак, один из немногих французов, кто надумал обосноваться в Мэне, на севере страны, где влияние англичан, и даже Бостона, почти не ощущается.

Встреченный сначала с подозрением, он завоевал доверие английских колонистов своей безупречной коммерческой честностью, которой они не ожидали от человека, чья величественная осанка и тонкий ум сразу же позволили этим северным адептам реформы причислить его к опасным авантюристам.

Однако он стал им верным другом. И в течение многих лет, когда доставал сокровища со дна Карибского моря, он частенько заходил в бостонский порт сделать передышку, ибо там был совсем иной климат, как в прямом смысле, так и в переносном. Этот контраст притягивал его.

Никакое постоянное дело, думал он, не может быть создано на Карибском море. Состояния там наживаются игральными костями, спекуляцией, там каждый день рискуют, лишиться всего, потому что никому нет спасения от флибустьеров или пиратов, которые часто входят в сговор друг с другом. Платить дань каждому было слишком дорого. Золотая лихорадка испанцев поддерживала войны. И как ни привлекательна была авантюра, как ни великолепны острова, игра быстро наскучивала своей бесплодностью.

Конфликт с испанскими властями заставил его отказаться от мысли доверить воспитание своего сына иезуитам в Каракасе.

Расположенный на севере Гарвард, который тридцать с лишним лет назад основали пуритане, имел репутацию заведения, где преподают высокообразованные профессора. К своему удивлению, там он обнаружил глубокую терпимость «к различиям рас и регионов», как гласили статьи хартии, которую составили для себя английские колонисты.

И именно один седовласый квакер, профессор математики этого университета Эдмонд Андрос, первым посоветовал ему отправиться в Мэн.

— Эта страна словно создана для вас. Непокоренная, в глуши, она слишком одарена природой, чтобы остаться незамеченной. Я уверен, вы выберете ее. Ее богатства огромны, но их нелегко найти. На мой взгляд, это единственное место, где привычные законы вселенной не имеют точного применения и где человек не чувствует себя связанным целой кучей установлений, мелочных, но обязательных. И тем не менее, вы сразу заметите, что эта странность скорее отражает высший порядок, а отнюдь не анархию. Вы долгое время будете властвовать там один, долгое время будете чувствовать себя свободным, потому что лишь немногие правительства попытались там утвердиться. Эта страна пугает. Она слывет страной, сулящей гибель, страной бедствий. Люди послушные и мягкие, робкие и слабые, неискренние или эгоисты, умы слишком примитивные или слишком непримиримые духом здесь беспощадно терпят поражение. Эта страна требует настоящих мужчин с оригинальными помыслами. Да иначе и быть не может: страна сама весьма оригинальна, и не только своими разноцветными туманами.

Эдмонд Андрос представил его старому Массасве. Один из сыновей вождя числился среди воспитанников университета.

Вот тогда его планы основать колонию на берегу сменились планами основать ее в глубине страны. Но ни одна земля не может процветать, если она не обеспечена богатствами недр. Необходимость иметь деньги неизбежно ставила колонию в подчинение далеким великим народам,

которые жили в четырех тысячах миль отсюда, в королевствах Англии и Франции...

И как раз в это время Никола Перро рассказал ему о залежах сереброносного свинца в истоках Миссисипи...

***

Тут Жоффрей де Пейрак прервал свои раздумья, поднял голову. Он долго мечтательно смотрел, почти не видя, на бурную игру темно-синих волн, что набегали к его ногам, потом постепенно вернулся к действительности, и с его губ сорвалось имя: Анжелика.

И тотчас его сердце учащенно забилось, беспокойство рассеялось, как капризный туман, вера вернулась к нему.

Он несколько раз повторил: «Анжелика! Анжелика!» — и задумался, пытаясь осмыслить этот удивительный феномен. Каждый раз, когда он произносил ее имя, горизонт словно светлел, вмешательство королей Англии или Франции казалось невозможным и самые непреодолимые преграды исчезали, словно отброшенные щелчком.

Он рассмеялся. Она здесь, и мир посветлел от ее присутствия. Она здесь, и все становится прекрасным. Она любит его, и ему больше нечего бояться. Он снова видел нежный свет ее глаз, когда она воскликнула: «Вы способны на благородство!» Эта фраза наполнила его счастьем, словно юного рыцаря, которому избранная им дама бросила на турнире перчатку со своей руки.

Тщеславие? Нет. Но возрождение чувства, которое угасало в нем, лишенное пищи и достойного предмета: радости любить и быть любимым.

Анжелика была возвращена ему в тот час, когда его подстерегала болезнь мужчин, особенно тех, которые имеют большой жизненный опыт: имя этой болезни — горечь. Ты идешь через весь мир, повсюду созидание открывает свои чудеса, но всегда и повсюду ты видишь одни и те же угрозы смерти, таящиеся за делами жизни, неиспользованные богатства, нераскрывшиеся таланты, несправедливые судьбы, красоту преданной природы, попорченную справедливость, запуганную науку, глупость, слабость, бездарность, иссохших, словно пустыня, женщин.

И тогда в какие-то минуты горечь переполняет твое сердце. Цинизм проскальзывает в слова, яд превращает их в отравленные плоды. Это значит — смерть уже касается тебя своим крылом.

«А я люблю жизнь», — сказала ему Анжелика.

Он снова увидел ее бледное лицо с пылающими щеками, ее восхитительные глаза, и ему казалось, что он чувствует под своими пальцами шелк ее волос.

«Как ты красива!.. Как ты красива, сердце мое!.. Твои уста — : скрытый источник. Источник наслаждения».

Анжелика воплощала в себе всех женщин. Нельзя было ни сравнивать ее с другими, ни пресытиться ею.

В любом облике она всегда находила способ возбудить его любопытство, возродить его чувства.

Когда в Кандии он думал, что ее предательство по отношению к нему погубило его любовь к ней, ему достаточно было увидеть ее, чтобы снова всю его душу перевернули желание и нежность. Он думал, что освободился настолько, что может без сожаления отдать ее другим, но одна лишь мысль о том, что Берн попытался обнять ее, вызвала у него яростную ревность.

Он хотел презирать ее и вдруг обнаружил, что она единственная женщина, характер которой его поистине восхищает. Он думал, что не желает ее больше, и непрерывно мечтал о ее нежном теле, о ее устах, о ее бездонных зеленых глазах и искал способ вызвать в этой сдержанной красоте страсть.

Разве раздражение, которое всегда внушала ему мрачная одежда рошельцев, вызвано было не тем, что она слишком хорошо скрывала то, что он горел желанием вновь обрести.

Его попытки унижить ее, ранить ее — это всего лишь лихорадочное желание обладать ею.

Она заставила его утратить свое привычное господство. Его мужской расчет, его знание женских плутней разбились, словно стекло, и ничем не помогли ему.

Она заставила его потерять голову, вот так-то!

И за это он снимал перед нею шляпу и низко кланялся с тем большим уважением, что она, кажется, не замечала своей победы.

Она удерживала его еще и этим.

Победить ее сдержанность было нелегко.

Она не принадлежала к числу болтливых женщин, которые кому попало доверяют свои самые сокровенные чувства. Ее считали натурой непосредственной, цельной, но несчастья еще больше развили ее врожденную гордость. Из гордости или из стыдливости она не желала раскрывать свою душу, зная, сколь никчемна затея искать отклик в сердцах других.

Она опускала длинные ресницы и молчала. Она спасалась в себе самой. В каком тайном саду? В каких воспоминаниях? Или в какой боли?

Анжелика заставила его утратить дар читать чужие мысли, ведь

раньше ему удавалось делать это много раз.

Не потому ли это случилось, что он слишком любит ее? Или потому, что переполнявшие его мысли о ней заглушили его способность угадывать?

Это было одной из причин, почему он во время пребывания Массасвы с таким нетерпением ждал его вердикта.

Массасва, как и многие из тех, кто живет в постоянном общении с живой природой, был обогащен опытом, обострившим его интуицию, и он не ошибется.

Он сделал так, что на берегу, когда все собрались там, Анжелика оказалась в первом ряду, среди протестантов. Массасва, казалось, ничего и никого не видит, но он-то по собственному опыту знал, что великий сашем замечает все.

После церемоний он долгое время беседовал с Массасвой обо всем понемногу: об испанцах на юге, о квакерах в Бостоне, о короле Англии, о том, что в округе появилось очень много лосей, и о морских божествах, которых нелегко приручить.

— Сумеешь ли ты заключить союз с земными божествами, как заключил с божествами морскими, друг мой? Правильно ли ты поступаешь, что покидаешь тех, кто согласился с твоим господством, и идешь к другим духам, ревнивым и незнакомым? — вопрошал Массасва.

Они сидели на скале около форта, откуда открывался вид на море. Великий сашем пришел издалека, чтобы побеседовать с тем, кого называли Человеком-который слышит-вселенную. Великий сашем говорил с долгими паузами. Он не торопил его, уважая его молчание, отвечал спокойно.

Наконец великий сашем сказал:

— Женщина-с-волосами-как-свет-солнца — почему она среди Белых-с-холодной-душой? — И после минуты размышления добавил: — Она принадлежит не им. Почему она среди них?

Он молчал. Он ждал этого и почувствовал, как по-юношески тревожно забилось его сердце. Массасва затянулся своей трубкой и выпустил длинную струйку дыма. Казалось, он подремал немного, потом его взгляд снова оживился.

— Эта женщина твоя. Почему ты сослал ее к ним? Почему ты убиваешь желание, которое она внушает тебе?

Как всегда, когда Массасва сталкивался с необъяснимым для него поведением белых, он почти пылал негодованием. И тогда его лицо утрачивало, свою бесстрастность.

— Ум белых непроницаем и негибок, как плохо выделанная шкура. Я не обладаю твоей проницательностью, о великий сашем, и я сам в смятении. Я не знаю, достойна ли эта женщина разделить со мною мой кров и мое ложе.

Старый индеец с одобрением кивнул.

— Твоя осмотрительность делает тебе честь. Она имеет тем большую цену, что это редкий дар. Женщина — единственная дичь, которую самый осторожный охотник считает безопасной. И только получив много ран, снова обретешь мудрость. Тем не менее, я скажу тебе слова, которые надеется услышать твое сердце, уже охваченное любовью. Эта женщина может разделить твое ложе. Она не лишит тебя твоей силы, не замутит твоего ума, потому что сама она сильная и светлая. Ее сердце — чистое золото, нежное пламя горит в нем, как пламя очага в хижине, к которому приходит присесть усталый воин.

— Великий сашем, я не знаю, не ослепил ли этот свет и тебя, — смеясь, сказал он. — Твои слова превзошли все мои ожидания, но не является ли нежность, которой ты наделил ее, хитростью, в которую она рядится? Эта женщина, я доверюсь тебе, заставляла трепетать государей.

— Разве я сказал, что для врагов у нее нет коготков более острых, чем кинжалы? — сердито сказал старый Массасва. — Но ты сумеешь завоевать ее и тебе нечего опасаться: ты навеки ее господин.

Старый индеец изобразил на своем лице нечто вроде улыбки.

— Ее тело из меда. Вкуси его...

«Спасибо, старый Массасва, — подумал он, вспоминая этот разговор, — ты не только прояснил мой ум, „непроницаемый и негибкий“, который сам себя отравил подозрениями, но ты тем самым оказал услугу своему народу. Потому что пока я жив, я всегда буду защищать его. И если она будет рядом со мною, я приложу все свои силы, чтобы жить и приносить добро».

Раньше, когда он страдал оттого, что потерял ее, он создал себе образ фривольной, жестокой и неверной жены. Кантор рассказал ему, что никогда его мать не говорила о нем. Теперь он начинал понимать, что не забвение, а совсем иные причины побуждали ее к этому.

Ночь на «Голдсборо» окончательно убедила его: они созданы друг для друга.

Жажда обладать ею отринула все его опасения, оказалась сильнее. И хотя ее уста были замкнуты, он сумел уловить признания ее тела. Он, пожалуй, был единственным мужчиной, способным взволновать ее, сломать ее сопротивление. И для него она навсегда останется

единственной женщиной, которая — пусть холодная, дрожащая, как в ту ночь, — могла привести его к неопишуемому наслаждению, близкому к экстазу.

Он знал весьма умелых возлюбленных. Но с ними всегда была просто очаровательная игра.

С Анжеликой все иначе. Когда же он заключает ее в свои объятия, ему кажется, будто он попадает на какой-то божественный остров, в огненный край, и проваливается в какую-то темную бездну, где уже не помнишь себя, в мимолетный рай.

Во власти ее нежного золотистого тела над его телом было что-то от волшебства.

Он испытал эту власть еще в те далекие годы, и тогда его даже удивляло то непреодолимое влечение, которое вызывало у него это красивое и неопытное в любви создание.

Он вновь обрел ее, и то же самое удивление, то же восхищение почувствовал теперь, много лет спустя, во время одной так непохожей на те, давние, ночи, когда они, словно два изгнанника, почти чужие друг другу, познали любовь на бушующем море.

Охваченный воспоминаниями, он шептал: «Только ты!..»

Жизнь представлялась ему ослепительной. Мэн страна необыкновенная, она многое сулит. Анжелика самая страстная из женщин. Ему не хватит дней и ночей, чтобы любить ее, приручить ее, завоевать и вместе с нею воссоздать тройственный союз: мужчина, женщина, любовь.

Охваченный страстью, он шагал широким шагом, его плащ развевался на ветру, он с восхищением смотрел вокруг.

Этот берег супеском цвета утренней зари своей необыкновенной красотой вызывал у него почти исступление. Эта красота сейчас сплелась с его необоримой страстью, и ему казалось, что никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Пламя любви разгоралось в его сердце.

Все, что жизнь некогда отняла у него, он вернул сторицей. Богатство, замки, титулы? Насколько все это ничтожно по сравнению с богатством быть человеком, быть сильным на новом берегу, жить с великой любовью в сердце...

***

Вернувшись в форт, он тотчас же сел в седло.

Анжелика, конечно, должна быть в лагере Шамплена. Впрочем, она всегда поступает как ей вздумается. Годы самостоятельной жизни приучили ее решать все самой. И будет не так-то просто заставить ее подчиняться супругу. Старый Массасва сказал уверенно: «Ты ее

господин», сказал тоном, не допускающим возражений, но, когда имеешь дело с Анжеликой, следует держаться с предельной осмотрительностью.

Он, улыбаясь, ехал по каменистой тропинке, совсем уже темной из-за смыкающихся крон деревьев и наступившей ночной темноты.

«Трудная победа делает любовь особенно сладостней», — учил мэтр Ле Шаплен, старый учитель искусства любви. В далекое прошлое ушел счастливый Отель Веселой Науки, где граф де Пейрак с наслаждением возрождал традиционные любовные состязания, которыми некогда славился его край. Нет, он не сожалел об этом. Вкусив наслаждение, исчерпав его, он всегда умел быстро все забыть, перенести свое внимание на другой предмет. «Новая любовь убивает старую...»

Только Анжелика могла сделать так, что философия этой поговорки оказалась лживой.

Вот так, постепенно, то источником радости, то источником горя, она окончательно вошла в его жизнь.

Недалеко от лагеря Шамплена он встретил вереницу людей с факелами в руках.

Это Кроулей с женой, детьми и слугами переселялся на ночь в индейскую деревню.

— Я отдал свой дом в распоряжение той очаровательной леди, которая так ловко обращается с пистолетом. Индейцы дали ей имя Летнее солнышко. Простите меня, господин де Пейрак, я хочу вас поздравить. Говорят, она ваша возлюбленная?

— Она не возлюбленная, она моя жена.

— Вы... женились? — воскликнул его собеседник. — Немыслимо... она... ваша жена? Когда же это произошло?

— Пятнадцать лет назад, — ответил граф де Пейрак и пустил лошадь в галоп.

Глава 42

Прискакав в лагерь Шамплена, он соскочил с лошади, передал ее сопровождавшему его солдату-испанцу и незаметно проскользнул к дому Кроулея. Пляшущий огонь освещал крохотные окошки с драгоценными стеклами. Он наклонился и заглянул внутрь. Чувствительный к красоте, он замер, пораженный сценой, которая открылась его взору. Это было так просто и так гармонично.

Стоя на коленях около очага, Анжелика мыла стоящую в лохани Онорину. Голый ребенок, в розовом отблеске пламени с горящими огнем, рассыпавшимися по плечам волосами являл собой чистую и волнующую грацию, прелесть маленьких эльфов, о которых так любят рассказывать всякие истории. Эти маленькие хитрые существа, живущие на берегу или в лесах, которые украшают себя ракушками или листьями, говорят, любят попоказывать, пошалить с заблудившимися в лесу, а потом исчезают, оставляя человеку грустное ощущение, будто он расстался со своим детством.

Около девочки Анжелика казалась безоружной. В ее красоте уже не было угрозы, а было только очарование, и у него мелькнула мысль, что именно Онорина сделала из нее эту новую женщину, к пониманию которой он так долго и трудно шел.

Сколько же в ней обаяния! Впервые в тех простых движениях, которые она делала, он увидел нечто совсем естественное. Он вспоминал, что она была воспитана в провинции, в знатной семье, но почти в крестьянской бедности. «Маленькая дикарка», — шипели в Тулузе, когда он привез ее туда и представил как свою жену. Она сохранила этот дар — ко всему относиться просто и довольствоваться малым.

Плескать родниковую воду на маленькое тельце дочери, смотреть, как она струится по нему, было для нее счастьем.

Хотел бы он видеть ее злой, ожесточившейся из-за того, что судьба привела ее к крушению; что после того.

как она блистала в Версале, жизнь лишила ее всего, швырнула на берега полудикой страны? Наложит ли свой отпечаток на ее красоту ожесточение, разочарование? Ненависть пристала только юности. Анжелика могла бы жаловаться на жизнь... Но она не потеряла вкуса к ней. Узы, которые связывали мать и ребенка, были прекрасны. Ни он и никто другой не сможет порвать их. Некоторые народы Востока верят в

перевоплощение существ. Барышня Онорина, кто вы? Откуда вы пришли? Куда направляетесь?

Девочка повернула головку к окну, и он увидел на ее лице улыбку. Жоффрей де Пейрак обогнул дом и постучал в дверь.

***

Анжелика вымыла голову себе. Потом вымыла голову Онорине и всем детям, которые попались ей под руку. Она могла бы двадцать раз сходить из дома к роднику за водой и не жаловаться на усталость, такую неистощимую энергию вызвали у нее вкус и обилие пресной воды.

Тельце Онорины немного загрубело от соленой морской воды. Да и сама девочка, раньше пухленькая, была неестественно бледна и худая и выставляла напоказ все свои косточки.

— Господи, — постоянно твердила госпожа Карер, — еще немного, и все они умрут у нас на руках.

Но все они добрались до Земли обетованной целыми и невредимыми.

В доме Кроулея, наиболее благоустроенном, вместе с Анжеликой разместились госпожа Карер со своими младшими, жена булочника с двумя сыновьями и трое детей Габриеля Берна.

— Вон Черный человек, — сказала Онорина. И добавила, расплывшись в улыбке: — Я очень люблю Черного человека.

Анжелика не сразу сообразила, о каком черном человеке она говорит.

Появление мужа сконфузило ее, особенно когда он, поклонившись дамам, направился прямо к ней и негромко сказал:

— Я искал вас, сударыня...

— Меня?

— Да, вас, как бы странно это ни выглядело. Когда вы были у меня на борту, я хотя бы знал, где вас можно найти, но теперь, когда в вашем распоряжении целый континент, дело очень затруднилось.

Она засмеялась, но взгляд у нее был грустный.

— Должна ли я расценить ваш приход как желание видеть меня рядом с собой?

— А вы в этом сомневаетесь? Разве я еще не убедил вас?

Анжелика отвернулась. Она вытащила Онорину из лохани и завернула в простыню.

— Я занимаю слишком ничтожное место в вашей жизни, — сказала она вполголоса. — Я значу для вас так мало, я всегда значила для вас мало. Я ничего не знаю о вас, о вашей прошлой жизни, о вашей жизни настоящей. Вы все от меня таите. Этого вы хотя бы не отрицаете?

— Нет, не отрицаю. Я и раньше был немножко мистификатором. Вы

снова сделали меня им. К счастью, великий сашем уверил меня в том, что вы — самое чистое из созданий. Правда, я вот думаю, не есть ли его ясновидение лишь следствие того, что он, как многие другие, попался в ту же западню...

Анжелика отнесла Онорину в кровать, которую та делила с Лорье. Заправив одеяло, она дала дочери ее коробочку с сокровищами. Вечные на все времена жесты.

— Великий сашем?.. Вид у него внушительный, почти грозный. И в то же время, сама не знаю почему, он вы звал у меня чувство сострадания.

— Вы тоже ясновидящая.

— Монсеньор, правда, что все леса вокруг — ваши владения? — спросил Марциал.

— В союзе с Массасвой я имею права на все, что не принадлежит местным индейцам. Владения индейцев — это их деревни и поля, которые они возделывают, остальная же часть края абсолютно девственна. Здесь никогда не были исследованы недра земли... Возможно, там есть золото, серебро, медь.

— Так вы богаче короля?

— Что такое богатство, дети? Если оно заключается во владении такой же территорией, как королевство Франции, то да, я богат. Но у меня нет больше ни мраморного замка, ни золотой посуды. У меня всего несколько лошадей. И когда я отправлюсь в глубь страны, меня будут укрывать только звездное небо да кроны деревьев.

— Вы собираетесь уехать? — перебила его возмущенная Анжелика. — Куда? Почему? Это, конечно, меня не касается?.. Я не имею права знать это, ни даже поинтересоваться, намерены ли вы взять меня с собой.

— Помолчите, — тихо сказал Жоффрей де Пейрак, очарованный ее неистовством. — Вы подаете дурной пример остальным дамам.

— А мне все равно! И потом, разве это дурной пример — желание женщины последовать за своим мужем? Я ваша жена и сейчас буду всюду кричать об этом. С меня хватит этой комедии. И если вы не возьмете меня с собой, я соберу свой отряд. И последую за вами. Я привыкла жить в лесу под звездами. Взгляните на мои руки. На них уже давно нет драгоценностей. Но зато они умеют печь хлеб в золе и обращаться с мушкетом.

— Да, мне это говорили. Сегодня утром вы с кайюгами составили великолепную сцену охоты. Покажите-ка мне ваши таланты, — сказал он, вытаскивая из-за пояса один из своих тяжелых пистолетов с серебряной рукояткой с таким скептическим видом, что Анжелика сразу вспыхнула.

Она взяла пистолет, с вызовом бросила взгляд на мужа, осмотрела оружие. Потом взвела курок.

— Где шомпол?

— Зачем он вам?

— В дуле всегда остается копоть, это может разорвать его.

— Мои пистолеты всегда в порядке, сударыня, но ваша забота выдает в вас хорошего стрелка.

Он расстегнул свой пояс и бросил его на стол вместе со всем, что на нем было: пистолетами, кинжалом, кожаными мешочками с порохом, с пулями и прочим.

Анжелика отыскала среди этого шомпол, четким движением вставила его в дуло и несколько раз прочистила. Потом, отойдя в темный угол, проверила курок, убедилась, что он дает искру.

Насыпав в дуло пороху, она выбрала пулю, покрутила ее между пальцами, проверяя, абсолютно ли она круглая.

— Но где же тонкий порох для искры?

— А вы положите вместо него турецкие запалы.

Анжелика так и сделала.

— Открой окно, Марциал.

Ночь была необычайно ясная из-за света луны, смягченного туманом.

— Вон там, на дереве, сидит птица, которая все время так противно кричит...

Жоффрей де Пейрак с любопытством смотрел на нее. «Выходит, правда, она воевала, — думал он. — Но против кого?.. Против короля?..»

Тонкая рука, крепко сжимая серебряную рукоятку пистолета, умело поднимала тяжелое оружие.

Прозвучал выстрел. Пронзительный крик птицы; смолк.

— Вот это выстрел! И какая сила! — вскричал Жоффрей де Пейрак, сжимая ей руку. — Честное слово, у вас стальные мускулы. Суждение нашего великого сашема, похоже, все более удаляется от истины.

Но он смеялся. Ей даже казалось, что он гордится ею. Дети, которые сначала зажали уши, крикнули «браво» и хотели побежать за принесенной в жертву ночной птицей. Но женщины, прибежавшие из соседней комнаты, не пустили их.

— Что такое? Что еще случилось? Индейцы? Пираты?

Ничего не понимая, они смотрели на Анжелику с дымящимся пистолетом в руке.

— Это просто игра, — успокоила их она.

— Ничего себе игра, — слышались недовольные голоса.

— Сударыни, вы довольны тем, как разместились? — учтиво спросил граф де Пейрак тоном хозяина, принимающего гостей.

Бедные женщины ответили ему, что все прекрасно. Они взирали на него со смешанным чувством восхищения и страха. Его слова о том, что рошельские женщины превосходят своих заносчивых мужей, покорили их навсегда.

А Абигаель набралась храбрости и высказала то, о чем думала каждая из них.

— Будьте благословенны, монсеньор, за ту милость, которую вы оказали нам, несмотря на наши заблуждения. Гонения, которым мы подверглись, боль и горечи оттого, что нам пришлось покинуть наши очаги, страх никогда больше не встретить братской руки, которая протянула бы тебе помощь, наполнили наши души сомнением, повергли в растерянность. Но вы сумели все понять и пощадили нас.

Граф де Пейрак ответил ей приветливой улыбкой. Перед Абигаель он всегда был безоружен. Глядя на него, Анжелика почувствовала почти ревность. А он церемонно поклонился девушке.

— Вы сострадательны, мадемуазель, и берете на себя ошибки, которых не совершали. Я знаю, сударыни, что вы пытались отговорить своих супругов от преступных планов, возможно даже догадываясь, что их ждет поражение. Как бы там ни было, но именно вы проявили трезвость ума. Умело используйте ее и здесь и будьте решительны, потому что вы находитесь на земле, в общении с которой нельзя лгать.

Совет был оценен по достоинству. Граф де Пейрак пожелал дамам приятного отдыха, и они удалились. Госпожа Карер поспешила к своим старшим детям, чтобы в темноте шепнуть им новость, которую — она была уверена в этом — проницательно разгадала: монсеньор Рескатор и сударыня Анжелика уже давно, женаты, или скоро, поженятся, или только что поженились... Наконец-то в воздухе запахло свадьбой.

— Не уверена, что ваши советы сделают завтра счастливыми их супругов, — задумчиво произнесла Анжелика, когда они ушли.

— Конечно нет. И я в восторге от этого. Это моя коварная месть. Отдать их на растерзание собственным женам, разве это не более ужасно, чем передать в руки палача?

— Вы неисправимы! — сказала она, улыбаясь.

Он схватил ее в охапку, поднял и закурился с нею по комнате.

— Смейтесь... Смейтесь... моя маленькая матушка аббатисса... У вас такой чудесный смех!

Он держал ее на руках легко, словно соломинку.

— Вы сошли с ума! — вскричала Анжелика.

Когда он опустил ее на пол, у нее кружилась голова, и она могла только смеяться, больше ничего.

Дети были очарованы. Никогда им не приходилось видеть ничего подобного, да еще в час, когда надо спать. Эта страна нравилась им все больше и больше. Никогда они не уедут отсюда!

— Мама! — крикнула Онорина. — Снова началась война?

— Война? Нет! Спаси нас Бог! Что тебе в голову взбрело?

— Ты стреляла из пистолета.

— Да просто чтобы позабавиться...

— Война — это так интересно, — сказала Онорина с разочарованным видом.

— Как, тебе нравится, когда стреляют, когда ты видишь раненых, убитых? — воскликнула ошеломленная Анжелика.

— Да, мне нравится, — подтвердила Онорина.

Анжелика растерянно смотрела на нее — взгляд всех матерей, которые вдруг обнаруживают у своего ребенка что-то недоступное их пониманию.

— Но... мне показалось, что ты была опечалена, когда увидела Каштановую кожуру...

Девочка словно что-то вспомнила. Ее личико вдруг омрачилось. Она вздохнула.

— Да, это грустно, что Каштановая кожура умер...

Но лицо ее снова озарила улыбка.

— Зато очень интересно, когда все взрослые кричат, бегают, падают. Все такие злые... И дым хорошо пахнет. И ружья стреляют! Клак! клак! клак! Ты споришь с господином Маниголем, а он весь красный... и ты меня повсюду ищешь и прижимаешь к себе... Ты меня очень любишь, когда война... Защищаешь, чтобы солдаты не убили меня. Потому что не хочешь, чтобы они меня убили. Я ведь еще совсем мало живу, а ты уже долго...

Анжелика не знала, что ей делать — беспокоиться за дочь или гордиться ею.

— Не знаю, может, это просто материнское чувство, но мне кажется, она необыкновенно рассудительна для своего возраста.

— Когда я вырасту, — продолжала Онорина, пользуясь тем, что наконец-то ее со вниманием слушают, — я всегда буду делать войну. У меня будет лошадь, сабля и два пистолета... Как у тебя, — добавила она, обращаясь к Жоффрею де Пейраку. — Но только у моих ручки будут из

золота, и я буду стрелять еще лучше... еще лучше, чем ты, — заключила она, с вызовом глядя на мать.

Подумав, она добавила:

— Кровь красная. Это очень красивый цвет.

Глядя на мать и дочь, Жоффрей де Пейрак весело улыбался и с удивлением отмечал про себя, насколько же они разные. Нежность, материнское чувство делали Анжелику безоружной перед дочерью, ей словно передавалась ее детская наивность. Нет, она никогда не была, просто не смогла бы быть властной соперницей госпожи Монтеспан или бунтовщицей, стоящей во главе отряда, с хладнокровной уверенностью поднимающей в руке тяжелый пистолет!

Анжелика посмотрела на него, словно спрашивая его мнение, как ей реагировать на непостижимые ее уму признания дочери, и вдруг нашлась, чем утешить себя.

— Она любит войну... В конце концов, это благородное чувство. Мои предки не отказывались участвовать в войнах...

Она настолько забыла о черных днях своей жизни, связанных с рождением Онорины, что, говоря о предках, Думала только о своих предках, словно только они могли передать ее дочери такую восторженную и в то же время тревожащую любовь к войне. Жоффрей де Пейрак тоже подумал об этом, но промолчал.

Он снял с пальца искусно сделанный, украшенный большим бриллиантом золотой перстень и протянул Онорине. Девочка с жадностью схватила его.

— Это мне?

— Вам, барышня.

Анжелика вмешалась.

— Это слишком дорогая вещь. Она не может служить игрушкой.

— Дикая природа, что окружает нас, заставляет пересмотреть наше отношение к вещам, иначе оценивать их значимость. Маисовая лепешка, жаркий огонь имеют гораздо большую ценность, чем перстень, за который в Версале заложили бы душу.

Онорина и так и сяк вертела в руках перстень. Она приложила его ко лбу, потом надела на большой палец и наконец зажала в ладошках.

— А почему ты подарил мне его? — вдруг спросила она с жаром. — Потому что ты меня любишь, да?

— Да, барышня.

— А почему ты любишь меня? Почему?

— Потому что я твой папа.

От этого признания личико Онорины сразу изменилось. Она замолчала. На круглой мордашке отразилась целая гамма чувств: и неимоверное удивление, и бурная радость, и невыразимое облегчение, и безграничная нежность.

Задрав головку, она с любовью смотрела на темную фигуру страшного пирата, стоящего у изголовья ее кровати, на его загорелое со множеством шрамов лицо, и оно казалось ей самым прекрасным из всех лиц, которые она когда-либо видела.

Вдруг она повернулась к Анжелике.

— Вот видишь, я же тебе говорила, что на другой стороне моря я найду папу!..

— Не думаете ли вы, барышня, что теперь вам уже пора спать? — спросил ее Жоффрей де Пейрак так же уважительно, как разговаривал с ней до сих пор.

— Да, папа.

С неожиданной покорностью она скользнула под одеяло, сжимая в вытянутой ручке перстень, и почти тотчас же уснула с блаженным выражением на лице.

— Господи, — сказала растерянная Анжелика, — как вы догадались, что ребенок ищет себе папу?

— Меня всегда интересовало, какие мечты таят в своем сердце маленькие женщины, и, насколько это в моих силах, мне нравится их исполнять.

Анжелика отодвинула масляную лампу в деревянном тигеле, чтобы свет не мешал спать Лорье и Онорине.

В соседней комнате две женщины укладывали остальных детей. Жоффрей де Пейрак подошел к очагу.

Анжелика тоже подошла и подбросила в огонь полено.

— Как вы добры, — сказала она.

— Как вы красивы!

Она одарила его признательной улыбкой, но тут же со вздохом отвернулась.

— Мне было бы приятно, если бы вы иногда смотрели на меня так, как смотрите на Абигаель. С дружбой, с доверием, с симпатией. Временами мне кажется, что вы опасаетесь с моей стороны какого-то предательства.

— Вы заставили меня страдать, сударыня.

Анжелика сделала протестующий жест.

— Неужели вы способны страдать из-за женщины, сударь? — скептически спросила она.

Анжелика присела у очага. Он придвинул скамеечку и тоже сел, глядя на пламя. Ей хотелось снять с него сапоги, спросить, не голоден ли он, не хочет ли пить, хотелось обнять его. Она не осмеливалась. Она уже не знала больше, что может понравиться ее странному супругу, которого она чувствует иногда таким близким, а иногда — далеким, даже враждебным.

— Вы созданы для жизни свободной и одинокой, — горестно сказала она. — И все равно наступил бы день, теперь я знаю это, когда вы покинули бы меня, покинули бы Тулузу, чтобы пуститься в новую авантюру. Ваше любопытство познать мир неутолимо.

— Вы покинули бы меня первой, дорогая. Извращенный мир, который окружал нас, не принял бы вашей верности, ведь вы были одной из самых прекрасных женщин королевства. Тысячью способами вас побуждали бы испытать свою власть, свою обольстительность.

— Но разве наша любовь не была достаточно крепка, чтобы все победить?

— Ей не хватило бы времени утвердиться.

— Это верно, — согласилась она. — Стать настоящей супругой — дело долгое.

Обхватив руками колени, она не отрывала взгляда от пламени в очаге, но до кончиков ногтей ощущала чудо его присутствия, которое возвращало ее к тем далеким вечерам в Лангедоке, когда они, сидя рядышком, сумерничали. Она клала голову ему на колени и, зачарованная его рассказом, — а он всегда открывал ей что-то новое для нее, — поднимала к нему страстный взгляд. Потом он незаметно перескальзывал от серьезных тем к шутке, а от шутки — к любви. Но как редки были эти полные очарования часы...

Она столько мечтала о невозможном — о его возвращении! Даже тогда, когда она считала его мертвым, в часы печали в ее воображении рисовались картины его чудесного возвращения. Король Людовик прощает Жоффрея де Пейрака, возвращает ему титул, земли, состояние, и вот она — рядом с ним, полная счастья, полная любви... Очень скоро жизнь рассеяла наивные мечты. Можно ли было представить независимого графа де Пейрака, просящего прощения за единственную ошибку, которую он совершил: за то, что вызвал ревность своего государя... Покоренного Жоффрея де Пейрака, приехавшего на поклон в Версаль? Нет, немислимо, никогда король не дал бы ему снова стать властным сеньором, никогда Жоффрей де Пейрак не склонился, бы перед королем, Слишком живо его стремление созидать, действовать. Он всегда вызывал бы враждебность одних, подозрение других.

Усталая улыбка чуть тронула ее губы.

— В таком случае мы, может быть, должны радоваться жестокой разлуке, она, по крайней мере, избавила нас от ненависти, которая так часто приходит на смену любви?

Он протянул руку и тихонько погладил ее затылок.

— Вы печальны сегодня. Вы совсем выбились из сил от усталости, неукротимая!

Его ласка, его голос словно вернули ее к жизни.

— Нет, я чувствую себя готовой построить еще несколько хижин, если потребуется, следовать за вами — вскочить в седло. Но меня неотступно преследует страх. Вы хотите уехать без меня?

— Давайте поговорим по-хорошему, милая моя жена. Я боюсь, не создали ли вы себе иллюзии. Я богат, но мое королевство в девственном виде. Мои дворцы — всего лишь бревенчатые форты. Я не предлагаю вам ни роскошных платьев, ни драгоценностей, поскольку они бесполезны в этой пустыне! Я не могу обещать вам ни безопасности, ни комфорта, ни славы, ничего из того, что так нравится женщинам.

— Женщинам нравится только любовь.

— Это всего лишь слова...

— Но разве я не доказала вам, что меня не страшат ни суровая жизнь, ни опасности?.. Украшения, драгоценности, слава... Я вдосталь имела все это. Я вкусила и опьянение, и горечь, которые они приносят. В одиноком сердце все имеет привкус пепла. Мне важно только одно — что вы меня любите, что вы больше не оттолкнете меня.

— Я начинаю верить вам.

Он взял ее руку и задумчиво разглядывал ее.

В его длинной и жесткой руке эта хрупкая рука-пленница дрожала. Он подумал, что когда-то она была в кольцах и браслетах и ее целовал сам король, что она с холодной решимостью сжимала оружие, стреляла, убивала. В его ладони она отдыхала, словно уставшая птица. На ее палец он когда-то надел обручальное кольцо. Это воспоминание заставило его вздрогнуть, но Анжелика не знала, о чем он думает.

Она тоже вздрогнула, когда внезапно услышала его вопрос:

— Почему вы восстали против короля Франции?

Он тотчас же почувствовал, что она убрала свою руку.

Возвращаться к прошлому, к ее личной жизни было для него все равно, что сыпать соль на рану. Но он хотел знать.

Он понимал, что мучает ее, но требовал ответа. Он должен был любой ценой прояснить какие-то темные для него места, даже если это принесет

новые страдания.

Он увидел мимолетный ужас в глазах Анжелики. Решимость потребовать всю правду, должно быть, читались на его лице.

— Почему? — повторил он почти сурово. — Откуда вы знаете это?

Он сделал жест, как бы отменяя праздные вопросы.

— Знаю. Рассказывайте.

Ей стоило больших усилий начать.

— Король хотел, чтобы я стала его любовницей. Он не принял моего отказа. Чтобы добиться своей цели, он не останавливался ни перед чем, приказывал своим солдатам сторожить меня в моем замке, угрожал арестовать и упрятать в монастырь, если к определенному сроку, который он дал мне на размышления, я не соглашусь ответить на его страсть.

— И вы ни разу не уступили ему?

— Ни разу.

— Почему?

Глаза Анжелики потемнели.

— И это спрашиваете вы? Когда же наконец вы поймете, что я любила вас, что ваша гибель довела меня до отчаяния? Отдаться королю! Могла ли я предать вас, своего мужа, который был так несправедливо осужден? Отобрав вас, он отнял у меня все. Все удовольствия, все придворные почести не могли мне заменить этой потери. О, как я призывала вас, любовь моя!..

Она снова переживала ту жестокую пустоту, ту тоску по потерянной любви, которая притуплялась, угасала в ее сердце, но ее мог возродить любой пустяк, и тогда она доходила до отчаяния. В порыве страсти она обвила его руками, прижалась лбом к его коленям. Да, вопросы, которые он задавал, причиняли ей боль, но он был здесь, с ней. И это — главное.

Какое-то время он молчал, потом заставил ее поднять голову.

— Но вы все же были на грани того, чтобы уступить?

— Да, — ответила она. — Я женщина, слабая женщина, и перед всемогущим королем... была беззащитна. Он снова мог поломать мне жизнь. И он это сделал... Не помогло мне и обращение за поддержкой к знатным сеньорам Пуату, у которых были свои причины восстать против него. Но время сильных провинций миновало... Он нас разбил, сокрушил... Его солдафоны разграбили мои земли, сожгли замок... В одну ночь, они перерезали моих слуг... убили моего младшего сына... А меня...

Она замолчала. Она не решалась говорить дальше. Она хотела бы промолчать, не говорить ему о своем позоре. Но из-за Онорины, своей незаконнорожденной дочери, само существование которой могло вызывать

только горечь у любящего супруга, надо было рассказать все, до конца.

— Онорина — дитя той ночи, — сказала она еле слышно. — После того, что вы сделали для нее сегодня, я хочу, чтобы вы это знали. Вы понимаете, Жоффрей?.. Когда я смотрю на нее, я вспоминаю не мужчину, которого любила, как вы вообразили себе, а только ужас той кошмарной ночи и насилие, оно преследует меня все эти годы, хотя я хотела бы навсегда забыть его... Я не взываю к вашей жалости. Это чувство с вашей стороны ранило бы меня. Но я хочу отогнать тучи, которые омрачают нашу любовь, и для себя оправдать существование этой несчастной девочки, которая стала между нами, и в то же время дать понять вам, что я отношусь к ней с нежностью. Да и как могла бы я не любить ее? Свои самые страшные преступления я совершила по отношению к ней. Я хотела убить ее еще во чреве. Едва она родилась, я ее покинула, ушла, не оглядываясь... Судьба вернула мне ее. Ненависть матери встретила ее появление на свет. Это вечный укор моей совести. Нельзя ненавидеть невиновных. Вы это поняли и поэтому приняли ее, дитя без отца. Вы поняли, что она не помешает чувству, которое связывает нас с вами, и ничто, ничто, клянусь вам, не сможет ослабить мою любовь к вам.

Жоффрей де Пейрак рывком поднялся. Она почувствовала, что он отдаляется, отстраняется от нее. Она говорила в едином порыве, не подыскивая слов, ив раздумывая над тем, как она говорит, настолько ее исповедь была искренней, была криком ее души. И вот он стоит и холодно смотрит на нее, он, который только сейчас шептал ей нежные слова. Ей стало страшно. Разве не сам он принудил ее к этим опасным признаниям, которые никогда не простит ей? Перед ним она утрачивала свое хладнокровие, свое благоразумие. Этот человек всегда был для нее загадкой. Насколько он сильнее ее!.. С ним невозможно хитрить, лгать. В жизни неуязвимый дуэлянт, забияка, он никому не позволял нанести удар ему в сердце, всегда четко парировал его.

— А ваш брачный союз с маркизом дю Плесси?

Анжелика тоже вскочила. В том возбуждении, до которого он довел ее, она была особенно ранима. К Ней вернулось самообладание, ее ум снова стал ясен, и, возможно, Жоффрей де Пейрак догадался о ее состоянии. Это был момент истины. Она рассердилась на него за то, что он довел до этого.

«Нет, — сказала она себе в эту минуту, — от Филиппа я не отрекусь. Ни от него, ни от сына, которого он подарил мне».

Она с вызовом посмотрела на мужа.

— Я любила его.

И тут же, поняв, насколько это слово, относящееся и чувству, которое внушал ей Филипп, неизмеримо с той любовью, которую она испытывала к нему, своему первому мужу, она лихорадочно пояснила:

— Он был красив, я грезил о нем все свои юные годы, и вдруг в том океане тоски, одиночества, в котором я оказалась, он предстал предо мною. Но совсем не поэтому я заставила его жениться на мне. Да, я силой заставила его пойти на это, да, я принудила его к этой женитьбе безобразным шантажом, но я была способна на все, лишь бы вернуть своим сыновьям то положение в обществе, которое они должны были занимать. Только один он, маркиз дю Плесси-Белльер, главный маршал и друг короля, мог открыть для меня дорогу в Версаль и получить для них должности и титулы... Теперь я знаю, я вижу — все, что я сделала, было продиктовано страстным желанием спасти их, вырвать из губительной судьбы, которая так несправедливо нависла над ними. И я добилась своего, я увидела их при дворе пажами, к ним был благосклонен сам король. Тогда мне неважно было, что Филипп издевается надо мной, ненавидит меня...

Нечто вроде иронии и удивления мелькнуло в черных глазах, которые смотрели на нее.

— Неужели маршал дю Плесси сумел ненавидеть вас?

Она смотрела на мужа и ничего не видела. В этом затерянном в американских лесах доме она вспоминала тех, кто прошел через ее прошлую жизнь, и среди них — самого удивительного, самого непонятного, самого красивого, самого злого несравненного маршала дю Плесси, разгуливающего на красных каблуках среди знатных сеньоров и дам и прячущего под атласным камзолом свое жестокое и печальное сердце.

— Он ненавидел меня до... до любви... Бедный Филипп!

Она не могла забыть, как он стремительно шел к смерти, без единой жалобы, разрывающийся между любовью к ней и любовью к королю, не имея сил сделать выбор, и... «ему снесло голову ядром...»

Нет, она не отречется от него. И тем хуже, если Жоффрей де Пейрак не сможет понять ее.

Она опустила ресницы, словно прикрывая свои воспоминания той полугорестной, полунежной маской на лице, которую он уже научился узнавать у нее. Она была удивлена, когда, ожидая нового саркастического допроса, почувствовала его руки на своих плечах... Он бросил ей вызов и он же вновь принял ее в свои объятия. Он смотрел на нее, и взгляд его смягчился.

— Так что же вы за женщина, сударыня Анжелика? Гордая,

воинственная, неуступчивая и в то же время такая нежная, такая слабая...

— Вы же умеете угадывать чужие мысли, почему же вы сомневаетесь?

— Ваше сердце для меня — сплошные потемки... Может быть, потому, что оно имеет слишком большую власть над моим. Анжелика, душа моя, что же нас разделяет: гордость, ревность или слишком большая любовь, чрезмерная взыскательность, какая сила не пускает нас друг к другу?..

Он тряхнул головой, словно отвечая самому себе.

— Однако я не откажусь от своего. У меня к вам еще много вопросов.

— Вы знаете обо мне все.

— Еще нет.

— Вы знаете о моих слабостях, о моих сожалениях. Лишенная вашего тепла, я старалась хоть немного согреться в нежности, в дружбе. Между мужчиной и женщиной это называется любовью. Чаще всего я расплачивалась этим за право жить. Вы это хотели узнать?

— Нет, кое-что еще. Но скоро я узнаю... когда прибудет караван из Бостона...

И он сильнее прижал ее к себе.

— ...событие тем более удивительное, что для вас оно будет совсем не тем, что я представлял себе... О моя странная жена, самая красивая, незабываемей, неужели это вас я заполучил в тот цветущий день в тулузском соборе?..

Она видела, как изменилось склоненное к ней лицо и его чувственные, но твердые губы тронула, бесконечно грустная улыбка.

— Я оказался плохим сторожем, мое бедное сокровище... мое драгоценное сокровище... я столько раз терял вас...

— Жоффрей... — прошептала она.

Она хотела сказать ему что-то, крикнуть ему, что надо все забыть, раз они нашли друг друга, но тут до ее сознания дошло, что в дверь стучат, и она услышала зов проснувшихся детей.

Жоффрей де Пейрак сквозь зубы пробормотал проклятие.

— Черт возьми! Мир еще недостаточно пустынен, чтобы мы могли побыть наедине...

Однако он рассмеялся и пошел открывать дверь.

Юная Ребекка Маниголь, задыхаясь, словно она пробежала несколько лье, с растерянным видом стояла на пороге комнаты.

— Сударыня Анжелика, — умоляюще сказала она срывающимся от волнения голосом, — идемте... идемте скорее... Женни... у нее скоро появится ребенок...

Глава 43

Ребенок Женни родился на рассвете. Это был мальчик.

Всем, кто собрался в эту ночь около хижины, где молодая мать произвела его на свет, казалось, что он — самый необыкновенный ребенок в мире, и тот факт, что это был мальчик, принимался как доброе предзнаменование.

Когда начались роды, госпожа Маниголь, первая дама в салонах Ла-Рошели, совсем утратила свое обычное хладнокровие перед событием, которое могла себе представить только в привычной ей обстановке.

— Ну почему мы здесь! — причитала она. — Здесь нет ни грелки, чтобы согреть постель, ни акушерки, которая помогла бы моей бедной девочке. Когда я вспоминаю о прекрасных простынях на моей широкой постели... О, Господи!

— Королевские драгуны в сапогах спят на ваших кружевных простынях, — сурово напомнила ей Анжелика. — Вы это знаете не хуже меня. Радуйтесь, что малютка родится не в тюрьме, — там обстановка еще более убогая, чем здесь, — а свободным, в окружении своих.

Женни, вся дрожа, судорожно цеплялась за нее. Анжелика терпеливо сидела у нее в изголовье, и ей удалось успокоить ее. К середине ночи в доме появилось странное существо. Это была старая индеанка, местная повивальная бабка, она принесла в мешочке лекарственные травы. Монсеньор, объяснила она, послал за нею в деревню.

Ребенок родился легко, с первыми лучами солнца. Своим энергичным криком он словно приветствовал сияющую тысячью огней утреннюю зарю, которая соткала вокруг полуразрушенных хижин роскошное покрывало из тумана.

После стольких тревог все, и мужчины и женщины, которые толпились снаружи в ожидании исхода, взорвались радостью, некоторые даже разрыдались. И это тоже было так естественно. Новорожденный, безразличный к убогой обстановке, в которой он появился на свет, преподнес им урок, издав свой первый крик с необычайной силой.

Анжелика еще держала на согнутой руке младенца, завернутого в индейскую пань невозмутимой повитухой с кожей цвета меди, когда граф де Пейрак пришел засвидетельствовать свое почтение молодой матери.

Он появился в сопровождении слуг, которые поставили на край кровати два ларца, в одном из них был жемчуг, а в другом пеленки из

ткани золотистого цвета. Сам же он протянул молодой матери футляр, в котором сиял перстень с сапфиром.

— Более роскошного подарка от вас эта земля не могла и ожидать, сударыня. Там, где мы находимся, предметы, которые я дарю вам, имеют чисто символическую ценность. Рожденный в убогости, ваш сын начнет свою жизнь под знаком богатства. Я предсказываю это для него и для вас, его родителей.

— Сударь, я не могу поверить... — бормотал стоящий рядом взволнованный молодой отец. — Такой великолепный перстень...

— Храните его в память об этом знаменательном дне. Я уверен, ваша жена будет с удовольствием носить его, даже если она не получит от этого полного удовлетворения, не имея возможности блистать с ним в городе, но все впереди... Как называли это прекрасное дитя?

Родители, бабушка с дедушкой переглянулись.

Будь они в Ла-Рошели, они давно бы уже решили это, имя не без жарких споров было бы выбрано. Все повернулись к Маниголю, но тот ничего не соображал. Он перебирал в памяти портреты, своих предков, которые украшали стены его дома, и не смог вспомнить ни единого имени. Его память затмилась от непобедимого желания спать, какое может испытывать отец, прошедший ночь в ожидании смерти дочери. Он признался в своей бессилии и сложил оружие.

— Выбирайте сами, дети мои. Впрочем, какое значение здесь, в этом краю, имеют наши обычаи, которые мы свято соблюдали на родине. Теперь ваша очередь решать...

Женни и ее муж запротестовали. Нет, пусть лучше это сделают бабушка с дедушкой. Они не могут взять на себя такую ответственность! Нельзя же первым попавшимся именем назвать такого восхитительного ребенка!

— Сударыня Анжелика, подскажите нам, — решила вдруг Женни. — Да... Я хочу, чтобы вы дали нашему сыну имя. Это принесет ему счастье, ведь это вы привели нас сюда, благодаря вам мы здесь... Сегодня ночью, когда я просила позвать вас, я чувствовала, что со мною не может случиться ничего дурного, если вы будете рядом. Дайте ему имя, сударыня Анжелика... Дайте ему имя, которое вам дорого... которое вам будет приятно слышать, знать, что его носит маленький мальчик... жизнерадостный...

Она осеклась, и Анжелика вдруг подумала, что знает о ней Женни, почему она смотрит на нее глазами, полными слез и нежности? Эта молодая женщина была очень деликатна. Она была очень привязана к

Анжелике, восхищалась ею.

— Вы ставите меня в затруднительное положение, Женни.

— Прошу вас...

Анжелика перевела взгляд на младенца, что лежал у нее на руках. Беленький, пухленький. У него, наверное, будут синие глазки... Он будет походить на нашего Жермена... И на другого ребенка, румяного, со светлыми волосиками, которого она когда-то так же прижимала к своей груди...

Она нежно погладила маленькую пушистую головку.

— Назовите, его Шарлем-Анри, — сказала она. — Вы правы, Женни, мне будет приятно, если он станет носить это имя.

Она наклонилась, чтобы передать ребенка в руки молодой матери, и ей даже удалось заставить себя улыбнуться.

— Если он будет походить на него, вы станете счастливой матерью, — добавила она тихо, — потому что он правда был самый очаровательный из всех маленьких мальчиков.

Она поцеловала Женни и вышла на порог дома. Солнце ударило Анжелике прямо в лицо, и ей показалось, что перед ней стоит огромная гудящая толпа. Она покачнулась и прикрыла глаза рукой. Ее охватила бесконечная усталость. Чья-то сильная рука поддержала ее.

— Пойдемте, — властно прозвучал голос Жоффрея де Пейрака.

Она сделала несколько шагов. Голова перестала кружиться. Перед ней не было толпы, а стояла кучка протестантов и рядом с ними матросы из команды «Голдсборо», трапперы, Кроулей, господин д'Урвиль, несколько индейцев и даже испанские солдаты в своих черных доспехах.

Чрезвычайное событие — рождение белого ребенка — привело сюда всю округу.

— Слушайте меня... — граф де Пейрак обратился к ним. — Вы пришли сюда все, люди белой расы, чтобы созерцать это каждый раз новое чудо: рождение ребенка. Обещание жизни всегда отодвигает на задний план мысли о смерти. Это хрупкое существо своим появлением на свет объединило вас, заставило забыть взаимную ненависть. Вот почему именно в этот час я решил обратиться ко всем вам, кто несет на своих плечах судьбу народа, среди которого предстоит расти этому новорожденному младенцу... Я обращаюсь к вам, пришедшие из Ла-Рошели, к вам, пришедшие из Шотландии или из Германии, из Англии или из Испании, к вам, коммерсанты или знатные дворяне, охотники или солдаты... Пора положить конец ссорам. Мы всегда должны помнить, что связаны общими узами. Мы все — изгнанники... Мы все отвергнуты своими братьями.

Одни из-за своей веры, другие из-за бедности. Так давайте же объединимся, ведь не каждому выпала честь создавать Новый Свет... Некогда я, граф де Пейрак, был сеньором Тулузы и Аквитании. Мои владения были необозримы, мое состояние — огромно. Зависть короля Франции, который страшился могущества провинциальных феодалов, сделала из меня скитальца, человека без имени, без прав. Обвиненный в тысяче преступлений, приговоренный к смерти, я вынужден был бежать. Я потерял все — земли, замки, власть, я навсегда был разлучен со своей семьей. С женщиной, которую любил и которую выбрал себе в жены, которая подарила мне сыновей...

Он на минуту умолк, обвел взглядом стоящих перед ним таких разных людей в лохмотьях, которые слушали его, затаив дыхание.

— Теперь я рад этим испытаниям. Мне остались жизнь и бесценное чувство, что ты нужен в этом мире. К тому же счастливая судьба, которую вы называете Провидением, господа, — он церемонно поклонился протестантам, — вернула мне женщину, которую я любил. Он поднял руку, в которой была рука Анжелики.

— Вот она... Вот женщина, с которой я сочетался браком пятнадцать лет назад в Тулузском соборе в окружении всех знатных господ Тулузы, осыпанный почестями. Вот графиня де Пейрак де Моран д'Иристрию, моя жена.

Анжелика была потрясена этим неожиданным заявлением почти так же, как и те, кто стоял перед ними. Она бросила на мужа растерянный взгляд, он ответил на него улыбкой заговорщика. И ей показалось, будто она снова видит, как он в Тулузском соборе тщетно пытается успокоить свою испуганную юную супругу.

Он сохранил свой горячий южный темперамент, любовь к некоторой театральности. Непринужденно, с упоением предвкушая, какой эффект вызовут его слова, он вывел ее к этим бедным людям и представил так, как представил в свое время знатым сеньорам Тулузы.

«Вот моя жена... Графиня де Пейрак».

Жизнерадостный нормандский дворянин первым, пришел в себя и подбросил в воздух шляпу.

— Виват графине де Пейрак!

Это был сигнал к бурным овациям, которые все усиливались.

Они прошли среди дружески улыбающихся им людей, которые сердечно приветствовали их. И сейчас, как когда-то давно, рука Анжелики дрожала в ладони графа де Пейрака. Анжелика тоже улыбалась. Она чувствовала себя в тысячу раз более-счастливой, чем в те годы, когда он

вел ее в лучах славы по дороге, усыпанной розами.

Глава 44

Весь день Габриель Берн искал случая подойти к Анжелике, чтобы поговорить с ней. Заметив это, она постаралась избежать встречи. Но когда вечером сидела одна около родника, обернувшись, увидела, что он приближается к ней. Это ее раздосадовало. Во время их путешествия он вел себя так, что она начала думать, уж не помутился ли он рассудком, и побаивалась его. Кто знает, до чего может довести его досада.

Но он держался спокойно и с первых же слов развеял ее опасения.

— ...Я искал вас, сударыня, чтобы выразить вам мое сожаление. Неведение, в котором вы держали меня, о тех узах, что связывают вас с господином де Пейраком, толкнуло меня на ложный путь. Несмотря на... — он колебался и продолжал с усилием, — ...мою любовь к вам, я никогда не сделал бы попытки порвать священные узы, но боль, которая терзала меня, когда я видел, насколько вы обольщены другим, удваивалась тем, что я считал вас достойной презрения... Теперь я знаю, я возводил на вас напраслину. Я счастлив, что заблуждался.

Кончив, он снова вздохнул и опустил голову.

Анжелика была незлопамятна. Конечно, она не забывала, что он чуть не убил ее мужа и немало навредил ей, но и его можно понять. Вот и сейчас — она счастлива, а он страдает.

— Спасибо, мэтр Берн, но в этом есть и моя вина. Я не была откровенна с вами, мне казалось невозможным объяснить вам то драматическое положение, в котором я оказалась. После пятнадцати лет, когда я считала себя вдовой, случай свел меня с тем, кто некогда был моим супругом, и мы... не узнавали друг друга. Знатный сеньор, образ которого я хранила, в своем сердце, стал авантюристом морей, а я... была вашей служанкой, мэтр Берн, и вы сами прекрасно знаете, при каких плачевных обстоятельствах вы приняли меня в свой дом. Вы отыскали в лесу моего ребенка и вырвали меня из тюрьмы. Это нельзя вычеркнуть из жизни. Мой муж с подозрением отнесся к чувству, которое я питала к вам и вашим детям. Ссоры чуть не сделали нас врагами. Сейчас все позади, и мы можем наконец признаться в нашем прошлом, в нашей любви.

Лицо Берна скривилось словно от боли. Его страсть еще жила в нем. Он бросил на Анжелику тоскливый взгляд, и она почувствовала, насколько он взволнован. Многие изменилось со времен Ла-Рошели. Тучный торговец, который целые дни проводил за конторкой, превратился в

крепкого широкоплечего мужчину, и теперь в нем проглядывало его крестьянское происхождение. Она подумала, что такие плечи созданы совсем не для того, чтобы в полутьме лавки гнуться над счетами, а для покорения нового мира. Она уверена, Габриель Берн нашел здесь свою судьбу. Просто он этого еще не знает. И потому страдает.

— Сердце мое кровоточит, — говорил он глухим голосом. — Я никогда не думал, что можно потерять столько крови и не умереть. Я никогда не подозревал, что можно так страдать от любви. Мне кажется, теперь я понимаю мужчин, когда они, терзаемые плотской страстью, идут на безумства и преступления... Я больше не узнаю себя, страшусь самого себя... Да, тяжело смириться, оказаться наедине с собой. Я все потерял. У меня не осталось больше ничего...

Раньше она ответила бы ему, искренне убежденная в том, что утешит его: «У вас есть ваша вера». Но она чувствовала, что сейчас Габриель Берн пересекает ту безнадежную черную пустыню, которую сама она уже миновала. И она только сказала:

— У вас остается Абигаель.

Мэтр Берн с удивлением посмотрел на нее.

— Абигаель?

— Да, Абигаель, ваша приятельница по Ла-Рошели, ваша давняя приятельница. Она втайне любит вас, и уже давно. Может быть, она любила вас еще тогда, когда вы только женились. И вот долгие годы она живет в вашей тени и тоже страдает от любви.

Мэтр Берн был потрясен.

— Это невозможно. Мы друзья с самого детства. Я привык к ней, она частенько по-соседски заходила ко мне. Очень преданно ухаживала за моей женой во время ее последней болезни, вместе со мной оплакала ее... Но я никогда и подумать не мог...

— Вы просто не замечали ее привязанности. А она слишком стыдлива и скромна, чтобы признаться вам. Женитесь на ней, мэтр Берн. Именно такая супруга вам нужна — добрая, набожная, красивая.

Неожиданно Берн рассердился.

— За кого вы меня принимаете? За ребенка, потерявшего игрушку, которому, чтобы утешить его, дают другую? Ну, хорошо! Пусть Абигаель меня любит. Но разве это дает основание говорить, что мои чувства изменчивы, как капризная погода, когда дождь сменяется солнышком? Я не ветреник. У вас есть несносная привычка самонадеянно судить о жизни. Пора вам забыть свою независимость, которая, хотя вы получили ее и не по своей воле, стоила вам дорого, и направить все усилия на то, чтобы

склонить свою чрезмерно блестящую и легкую персону к супружескому долгу.

— Да, мэтр Берн, — сказала она смиренным тоном, как отвечала ему в Ла-Рошели, когда он давал ей указания.

Он вздрогнул, видимо, вспомнив о ее новом статусе, и пробормотал извинения. Потом долго и внимательно смотрел на нее. Он хотел навсегда запечатлеть в своей памяти образ женщины, которая прошла через его жизнь падающей звездой, женщины своей судьбы, которую он в молодости увидел как-то вечером в трущобах Парижа, а потом, много позднее, снова встретился с ней, и она вошла в его жизнь, чтобы потом спасти их, его и детей, от гибели. Он понимал, что она исполнила свой долг по отношению к ним, но теперь их пути разошлись. Лицо Берна стало суровым, отстраненным.

— Прощайте, сударыня, — сказал он, — и простите меня.

Он ушел широким шагом, и Анжелика услышала, как он спрашивает у лагерных ворот, где найти Абигаель. Она сидела в задумчивости. Абигаель будет счастлива. С того дня, как Габриель Берн станет ее мужем, он запретит себе думать о ней, Анжелике. Впрочем, ее нежная подруга именно та женщина, которая ему нужна, чтобы исполнять все его желания, желания мужчины, мучимого щепетильной совестью.

***

— Вы беседовали со своим другом Берном, — услышала она за спиной голос Жоффрея де Пейрака. Он подчеркнуто произнес слово «друг». Анжелика сделала вид, что не поняла его намека.

— С тех пор как он вам угрожал, он больше не друг мне.

— Но любая женщина испытывает грусть, когда ее покидает страстный возлюбленный.

— О, как вы глупы! — воскликнула, смеясь, Анжелика. — Я никогда не знала, должна ли верить вашей ревности, настолько она казалась мне беспредметной. Я пыталась убедить мэтра Берна, что есть достойная женщина, которая его любит и ждет уже много лет. К сожалению, он из тех мужчин, которые проходят мимо своего счастья, потому что убеждены, что женщина для них — всегда опасная и предательская западня.

— И ваша беседа заставила его изменить свое мнение? — насмешливо спросил Жоффрей де Пейрак. — Не думаю, если верить той безумной ярости, в какую недавно вы привели его.

— Вы всегда преувеличиваете, — ответила Анжелика, скрывая досаду.

— Пистолет, направленный на меня, красноречиво показал, до чего вы

доводите тех, кто имел несчастье влюбиться в вас.

Он обнял ее.

— Неуловимая моя властительница, я благодарю небо за то, что вы моя жена. По крайней мере, я могу по праву держать вас при себе на цепи. Итак, вы передали ему Абигаель?..

— Она сумеет привязать его к себе. К тому же она очень красивая;

— Я это заметил.

Анжелика почувствовала укол в сердце.

— Да, я знаю, что вы обратили на нее внимание... в первый же день на «Голдсборо».

— Наконец-то ревность?.. — с удовлетворением спросил Жоффрей де Пейрак.

— На меня вы так не смотрели, как на нее. К ней вы относились с доверием, а во мне все время сомневались. Почему?

— Увы, этого я и сам толком не знаю! Вы делаете меня слабым, я не уверен в вас.

— Так когда же вы обретете уверенность? — печально спросила она.

— Остается отбросить еще одно сомнение.

— Какое?

— Придет время, и я все объясню вам. И не хмурьтесь так, победительница моя! Не надо кричать о поражении только потому, что мужчина, которого вы порядком помучили, проявляет во взаимоотношениях с вами осмотрительность. Что касается меня, то я достаточно привык и к потрясениям, и к опасно соблазнительным сиренам. Я понимаю, что какая-нибудь Абигаель могла бы стать для меня сладостным убежищем. Но в первый же вечер я увидел, что она влюблена в этого Берна. И уж если кто-то и нуждается в утешении, так это она. Абигаель была убеждена, что он уже на пороге смерти, и ужасно страдала. А он у своего ложа хотел видеть только вас. Зрелище, которое и для меня было отнюдь не привлекательно. Скажем так, нас с ней сблизило общее несчастье. Чистое пламя, которое пожирало ее, придавало ей вид девы-страдальницы, и, несмотря на свое горе, она единственная из этих омерзительных праведников смотрела на меня с благодарностью.

— Я очень люблю Абигаель, — резко сказала Анжелика, — но не могу выносить, когда вы говорите о ней с такой нежностью.

— Вы утратили благородство души?

— Нет, разумеется, но когда речь идет о вас...

Они шли по лесной опушке, приближаясь к дороге, которая огибала берег. За купаами берез ржали лошади.

— Когда мы отправимся в глубь страны, как вы намеревались? — спросила Анжелика.

— Вы так торопитесь расстаться с вашими друзьями?

— Я тороплюсь остаться наедине с вами, — посылая ему влюбленный взгляд, который переворачивал ему душу, ответила Анжелика.

Он прикрыл глаза.

— Я бы, пожалуй, рассердился на себя за то, что поддразнивал вас, если б вы не заслуживали наказания за те волнения, которые причинили мне. Мы отправимся через две недели. Мне надо кое-что сделать для наших новых колонистов, чтобы они могли встретить зиму. Она здесь очень суровая. А нашим рошельдам придется вступить в единоборство и с природой, и с людьми. Индейцы — не запуганные рабы, как на островах Карибского моря, да и с океаном, когда он разбушует, шутки плохи. Они будут болеть, будут страдать...

— Можно подумать, что вас радуют трудности, которые ожидают их.

— Немного да. Я, моя дорогая, не святой с умиленной всепрощающей душой, и я еще не забыл той злой шутки, которую они сыграли со мной. Но по правде говоря, единственное, что для меня важно, так это их успех в деле, которое я им доверяю, и они преуспеют в нем, я верю. Их предприимчивый ум не позволит им отказаться от грядущих благ.

— Вы оставляете их в очень тяжелых условиях?

— Да, достаточно тяжелых. Они признали себя побежденными. Как бы там ни было, они люди неглупые. Они понимают, что судьба прекрасно обошлась с ними, ведь они могли бы болтаться на рее с веревкой на шее.

— Но почему, — спросила вдруг Анжелика, — почему вы не повесили их сразу же? Как повесили бунтарей-испанцев?

Жоффрей де Пейрак в раздумье покачал головой. Ей было удивительно, что, размышляя и рассуждая, он не перестает настороженным, острым взглядом, видящим все издали, даже, казалось, сквозь деревья, держать под контролем все, что происходит вокруг. Таким же настороженным был он на «Голдсборо», на капитанском мостике. «Человек-который-слышит-вселенную...» После долгого молчания он наконец сказал:

— Почему я не повесил их сразу? Наверное, просто потому, что я не импульсивен, моя милая. Прежде чем сделать серьезный шаг, а в данном случае — хладнокровно лишить жизни человеческое существо, — требуется подумать, к каким последствиям он приведет. Что касается горстки каналий-испанцев, тут проблем не было: поступить по неписаному морскому закону. И немедленно. А вот ваши рошельцы — совсем другое

дело. Для меня это означало поломать все свои планы. Я ведь и правда не мог уйти в глубь страны, не оставив на берегу, как задумал, поселение колонистов. Мне нужен этот залив, этот порт, пусть даже еще только рождающийся.

К тому же это, на мой взгляд, было бы глупостью — дотащить этих эмигрантов почти до цели и в результате быть вынужденным отказаться от задуманного похода к истокам Миссисипи. Вздернув на реях их главарей, я повесил бы себе на шею кучу растерянных женщин и детей, мне пришлось бы снова отправляться в Европу, искать там новых колонистов, которые наверняка не стоили бы этих. Поэтому, как вы просили меня, я воздал справедливость их мужеству и находчивости. Короче, было много аргументов против возмездия, они легли на противоположную чашу весов, но их все же было недостаточно, чтобы я отказал себе в удовольствии проучить бунтовщиков и удовлетворить свое чувство мести.

Анжелика слушала, нервно кусая губы.

— А я-то думала, что вы пощадили их потому, что я попросила вас об этом!..

Он рассмеялся.

— Ну подождите же, пока я дойду до конца, а уж потом будете разочаровываться и огорчаться. Ах, насколько вы все-таки женщина, несмотря на вашу открывшуюся мне мудрость.

Он прильнул к ее устам и не отпускал, пока она не, перестала противиться и не ответила на его поцелуй.

— Позвольте мне добавить, что подспудная мысль заставляла меня побаиваться реакции сударыни Анжелики на этот нормальный акт справедливости, который, ! совершив, уже ведь не исправишь... Тогда я... колебался... выжидал.

— Чего?

— Чтобы решила судьба... чтобы чаши весов сами склонились в ту или иную сторону. Может быть, чтобы пришли вы?

Анжелике снова захотелось вырваться из его объятий.

— Подумать только, — гневно вскричала она, — я дрожала, изнемогала от страха под вашей дверью. Я была убеждена, что вы убьете меня за этот поступок. А вы его ждали!..

В глазах графа плясали веселые искорки. Ему нравилось, когда она в гнев теряла разум и становилась почти ребенком.

— Я колебался, это правда. Я был убежден, что именно вы решите их судьбу. Почему же вы так возмущаетесь?

— Не знаю... мне все время кажется, что вы еще продолжаете меня

дурачить.

— Отнюдь, мой ангел, ни малейшей шутки с моей стороны. Я просто положился на волю судьбы... Ведь вы могли и не прийти ко мне с просьбой пощадить их.

— И тогда бы вы их повесили?

— Думаю, да. Я отложил свое решение до рассвета.

Лицо графа де Пейрака стало вдруг серьезным.

Он теснее прижал ее к себе, заставил прижаться щекой к его щеке, и она с дрожью ощутила твердые рубцы его шрамов, тепло его задубевшей кожи.

— Но ты пришла... И теперь все хорошо.

Темнота поднималась с моря и сливалась с застоявшейся теменью под деревьями.

На тропинке появился индеец, ведя за уздечки двух оседланных лошадей.

— Вы поедете со мною, сударыня.

— Куда?

— В мою вотчину. В ней нет особого изящества. Просто деревянная башня форта над заливом. Но там можно спокойно любить. Сегодня вечером моя жена принадлежит мне.

Глава 45

— Так куда же мы? — снова спросила Анжелика, когда лошади понесли их вдоль ночного берега.

Он ответил:

— У меня есть замок, где можно любить спокойно... как на берегу Гаронны.

И тогда она вспомнила нежную ночь в далекой Аквитании, куда он привез ее, чтобы вдали от Тулузы научить искусству любви. Здесь же необузданный ветер с силой бил им в лицо, и, когда они приближались к грубому строению форта, море так расшумелось, что они не могли даже перекинуться словом.

Внутри скромного деревянного форта, воздвигнутого на берегах Нового Континента, французский дворянин создал себе роскошное убежище. Здесь забывалась непрочность и неустойчивость жизни среди необузданной природы. Он собрал в нем много дорогих вещей, произведения искусства, ценные приборы, которые избранные им самим индейцы хранили во время его отлучек с величайшим уважением первобытных людей ко всему, что превосходит их понятия. Стены главной комнаты, что находилась на самом верху башни, были украшены всевозможным оружием, и все оно — и сабли, и мушкеты, и пистолеты — было готово в любую минуту послужить ему и являло собою великолепные образцы творений испанских, французских, турецких мастеров. Эта блестящая коллекция оружия могла бы немного встревожить, если бы ее не освещал волшебный свет двух люстр венецианского стекла, в которых дрожали язычки пламени. Потрескивающее на фитилях масло распространяло теплый запах, который смешивался с ароматом стоящих на столе кушаний: жареная дичь в обрамлении всевозможных местных овощей и фруктов. По краям золотились подсушенные зерна маиса.

Жоффрей де Пейрак налил в одни бокалы пурпурное вино, в другие — прозрачное, как опал, слуги удалились, предварительно убедившись, что на столе все готово для скромного ужина.

Стоя у окна Анжелика не спускала с мужа глаз. «Он всегда и всюду будет знатным сеньором», — думала она. Она узнавала в нем благородные черты, именно это она любила и в Филиппе — способность противостоять природе, которая непреодолимо ищет, как принудить человека к рабству, заставить его отказаться от своих привычек: утонченности, любезности,

пышности. И как Филипп умел противопоставить тяготам войны свои серебряные с позолотой доспехи и кружевные манжеты, так к Жоффрей де Пейрак при любых превратностях судьбы неизменно оставался элегантным.

Потребовались объединенные усилия самых гнусных человеческих существ, чтобы заставить его в рубище влачить жалкую жизнь отребья общества, и его неистребимая воля, чтобы на какое-то время согласиться на это. Анжелика не знала всего, не знала, через какие муки и унижения ему пришлось пройти, но она о многом догадывалась, видя, как в странном свете люстр четко выделялись шрамы на лице этого стройного, подтянутого человека. Его легкая походка, обретенная им ценою невероятных мучений, и его навсегда изменившийся голос подтверждали это. Однако он казался стальным, готовым нести на своих плечах все тяготы новой жизни с ее борьбой, надеждами, победами и, быть может, разочарованиями.

Сердце Анжелики было полно нежности. Когда она думала о том, сколько он всего перенес, ей, как всякой женщине, хотелось прижать его к своему сердцу, заботиться о нем, врачевать его раны, и он уже не внушал ей страха. Разве она не жена ему? Просто судьба их разлучила.

Но он, пожалуй, теперь в ней не нуждается. Он столько лет прожил один, обходясь без нее, и чувствовал себя таким сильным.

— Вам нравится мое жилище?

Анжелика повернулась к узкой бойнице в стене, через которую в комнату доносилось рычание волн. Форт, построенный специально для того, чтобы Жоффрей де Пейрак мог останавливаться в нем, когда приходил в Голдсборо, был обращен не к заливу, а к бушующему океану. Такой выбор свидетельствовал о какой-то волнующей тайне, возможно, о горечи. Мужчина, который стремится грезить наедине с буйной природой, часто делает это потому, что хочет целиком отдаться созерцанию образа своей любимой.

О какой женщине грезил Жоффрей де Пейрак, когда уединялся в этом осаждаемом волнами орлином гнезде? О ней, Анжелике?

Нет, он думал не о ней. Он вынашивал свои планы относительно экспедиции на поиски золота в истоки Миссисипи или о том, каких колонистов следует поселить здесь, на этих землях, чтобы они строили порт.

Помолчав, она ответила.

— Тихая Гаронна была более приятна, чем этот гневный океан. Гаронна — просто серебристая ниточка под луной... Там веял ароматный

ветерок, а не этот ужасный ветер, который с воем пытается проникнуть сюда, чтобы задуть лампы.

— Юная супруга с берегов Гаронны была более бесцветной, чем женщина, которую я привел в свое логово на краю света...

— А ее супруг — не такой грозный, как тот, кого я ныне нашла здесь. Они переглянулись и рассмеялись.

Анжелика закрыла деревянный ставень, и грохот моря смягчился. Теперь он создавал в комнате ощущение таинственной интимности.

— Странно, — прошептала Анжелика, — мне кажется, что все вернулось ко мне сторицей. Я думала, что навсегда покинула страну моего детства, землю своих предков. Трудно сказать, напоминают ли мне деревья, которые окружают нас, леса Ньюля? Да, пожалуй, но здесь они выше и настолько прекраснее, ярче, пышнее. Мне кажется, это можно сказать здесь обо всем. Все непомерно большое, величественное, восторженное: жизнь, будущее... наша любовь.

Последнее слово она произнесла совсем тихо... почти робко, и он, казалось, не услышал его.

После нескольких минут молчания он сказал:

— Помнится, моя маленькая резиденция на Гаронне была украшена изящными безделушками, но готов побиться об заклад, что нынешнее убранство более соответствует вашему воинственному настрою.

Он был поражен тем восторженным взглядом, каким она окинула оружие, когда они вошли. Ей нужно было бы честно ответить ему, что есть нечто другое, более женское, что ее волнует сейчас, но она увидела в его глазах насмешливые искорки и удержалась от признания. Он спросил:

— Могу ли я надеяться, что, как и всех женщин, вас все же манят к себе угощения, приготовленные в вашу честь? Правда, пока еще не такие, как при дворе...

Анжелика тряхнула головой.

— Я изголодалась по другому...

— По чему же?

Она почувствовала, как его рука обвила ее плечи. Какое это было счастье!

— Я не смел надеяться, — прошептал он, — что вас привлекут меха на этой широкой кровати. А они, между прочим, очень дорогие, и, когда я выбирал их, я думал, как красиво вы будете смотреться среди них.

— Вы думали обо мне?

— Увы!

— Почему — увы? Я вас так разочаровала?

Она сжала пальцами его крепкое плечо, скользя рукой под сукно камзола. И неожиданно ее охватила Дрожь. Настойчивость его рук и тепло его груди помutilи ее разум.

Вместе с деликатной лихорадочностью вспыхнувшего желания в ней пробуждалось ее искусство любить. Ах, если б он сумел сделать так, чтобы в его руках она снова ожила, как бы она была благодарна ему! Ведь не бывает благодарности выше, чем та, которую женщина испытывает к мужчине, сделавшему счастливой каждую клеточку ее существа.

Он с восторгом увидел, как зеленые и блестящие, словно пруд под солнцем, глаза Анжелики расширились, и, когда он склонился над ней, она страстно обвила руками его затылок и первая потянулась к его губам...

***

Ночь была бесконечна. Ночь ласк, поцелуев, жарких объятий, вновь и вновь повторенных признаний, короткого сна без сновидений, прерываемого любовным порывом.

В объятиях того, кого она так любила и так ждала, Анжелика снова становилась тайной Венерой ночей любви, которая заставляла изнемогать от экстаза своих преисполненных чувством любовников, оставляя в их душах неизлечимое сожаление и боль. Буйный ветер, свистевший за окном, уносил прошлое...

«Если бы ты никогда не покидал меня...» — вздыхала она.

И он знал, что это правда, что, если бы он был подле нее, он навсегда был бы единственным мужчиной в ее жизни. И сам тоже никогда бы не предал ее. Потому что никакая другая женщина, никакой другой мужчина не могли бы одарить их этим неслыханным счастьем, которое они давали друг другу.

Эта ночь принесла Анжелике усталость, очарование и новое видение мира, которое можно испытывать только на заре жизни.

Жизнь стала для них совсем иной. Ночи не принесут им больше холодного одиночества, а в преддверии брызжущего наслаждения, часов, полных счастья, пьянящих, а потом нежных и расслабленных, какое значение имеет ложе, бедное оно или богатое, и что за окном — суровый зимний лес или опьяняющий летний. В часы опасности и в часы мира, в дни поражений и в дни успехов она ночь за ночью будет проводить, прильнув к нему. Эти мочи будут убежищем их любви, гаванью их нежности. И еще у них будут дни, полные открытия и побед, и они пойдут по жизни рука об руку.

***

Она потянулась среди белых и серых мехов, которые наполовину

прикрывали ее. Люстры были погашены. Свет струился через деревянный ставень. Рядом с ней стоял Жоффрей де Пейрак, уже одетый, в сапогах. Он смотрел на нее загадочным взглядом. Но теперь она уже не боялась, что прочтет в нем подозрение. Она улыбнулась ему, полная счастьем своей победы.

— Вы уже на ногах?

— Пора. Прискакал индеец с вестью, что караван из Бостона на подходе. И если я сумел выбраться из этого очаровательного ложа, то, разумеется, отнюдь не потому, что меня к тому подтолкнула ваша холодность, напротив, я бы даже сказал, что, уснув, вы, кажется, оказали мне услугу, ибо я смог вернуться к делам, которые с рассвета ждут меня. Ваши таланты неизмеримы.

— Но разве не вы в прошлый, раз сокрушались, что вам не хватило... именно искусности, и это даже ранило вашу душу!

Он хмыкнул.

— Признаюсь, я несколько обескуражен. Я не вполне уверен, что ваше искусство, проявленное этой ночью, не вызвало задним числом мою ревность. Я что-то не припомню, чтобы раньше вы доводили меня до такого блаженства. Ну ладно, допустим, что это признательность вашему первому мужчине, и он проявил бы высшую неблагодарность, не почувствовав себя вполне удовлетворенным...

Он стал одним коленом на кровать, чтобы склониться к ней и посмотреть на нее в утренней неухоженности, с распушенными шелковыми волосами...

— И это создание рядится в платье бедной набожной служанки! И это создание морочит голову гордым гугенотам, добродетельным и холодным!.. И они позволяют себе попасться на удочку! И часто вы насмехаетесь над людьми, богиня?

— Гораздо реже, чем вы. Я никогда не умела хитрить, разве только при смертельной опасности. Жоффрей, я никогда не ломала перед вами комедию, ни раньше, ни теперь, и сражалась с вами с открытым забралом.

— В таком случае вы самое удивительное, самое непредсказуемое, самое переменчивое, самое многогранное создание... Вы сейчас произнесли тревожные слова: вы сражались со мною... Неужели вы относились ко мне, к своему вновь обретенному мужу, как к врагу?

— Вы сомневались в моей любви?

— А разве вы были безупречны?

— Я всегда, любила вас больше всех.

— Вы начинаете убеждать меня в этом. Но теперь, приняв форму

более нежную, наше сражение окончено?

— Я надеюсь, — ответила она почему-то с тревогой.

Он задумчиво покачал головой.

— Есть еще кое-что в вашем прошлом, что пока неясно мне.

— Что же? Я отвечу на любой ваш вопрос.

— Нет. Я не доверяю объяснениям. Я хочу без обмана увидеть все сам.

И отвечая улыбкой на ее тревожный взгляд, добавил:

— Вставайте, дорогая. Нам надо выйти навстречу каравану.

Глава 46

Они подъехали к пустынному плато, слегка окутанному туманной дымкой, откуда, однако, доносилось эхо множества голосов; Анжелика во все стороны крутила головой:

— Я никого не вижу. Что за чудо?

Не отвечая, Жоффрей де Пейрак прыгнул на землю.

Уже несколько минут он казался каким-то странным. Он явно был чем-то озабочен, и она удивилась, что он не поделился с ней своими трудностями. Он подошел к ней, протянул руку, чтобы помочь сойти с лошади, и улыбнулся ей с бесконечной нежностью, но Лицо его по-прежнему было напряжено.

— Что с вами? — несколько раз спросила она его.

— Ничего, душа моя, — ответил он и, обняв, повел к купе деревьев, — разве я не сказал вам, что нынешний день — самый прекрасный день в нашей жизни?

Она видела, что он не только озабочен, но и взволнован. Ей стало еще тревожнее. Ее счастье было настолько хрупко, что она дрожала при мысли, как бы что-нибудь снова не отняло его у нее. Или этот вечный туман вселял в ее сердце если не тревогу, то ощущение, что сейчас должно что-то произойти.

— Когда нет тумана, жизнь здесь представляется гораздо более простой, — сказала она громко, словно хотела прогнать это ощущение, — но, когда он наползает, все снова становится неясным. Наверное, именно он и притягивает к этой стране. Здесь все время ждешь чего-то неожиданного, чувствуешь, сейчас что-то произойдет, что-нибудь восхитительное.

— Я и правда привел вас сюда потому, что приготовил вам прекраснейший сюрприз.

— Что может случиться еще более прекрасного после того, как я вновь обрела вас?

Он внимательно и печально посмотрел на нее, такой его взгляд она часто ловила на себе на «Голдсборо». Когда он так изучающе смотрел на нее, она знала, что он сомневается в ней и что горечь, которую породило в нем ее прошлое, не исчезла.

Он не ответил на вопрос, который мог прочесть в ее глазах.

По мере того как они продвигались вперед, шум усиливался, и уже

можно было различить голоса людей. В красную скалистую бухточку, к которой они подошли, с силой врывалось море. Разносимые эхом голоса слышались отовсюду, и, казалось, их становилось все больше. Но не видно было ни единого человека, и эта загадочность настораживала.

Наконец за скалами Анжелика увидела на воде крохотные точки, это были головы смельчаков, которые плавали в океане.

— Любимое занятие индейских ребятишек, — сказал Жоффрей де Пейрак.

Суть игры заключалась в том, что надо было, распластавшись, прыгнуть на самую высокую волну и на ее пенящемся хребте мчаться вместе с ней в черную пасть грота, но в последнее мгновение уцепиться за край скалы прежде, чем волна со страшной силой ударится в нее. В этом состояло искусство пловца. Потом он появлялся на вершине блестящей от воды скалы и опять нырял, чтобы повторить все сначала.

Анжелика, замерев, смотрела на них. Ее притягивала не опасность их забавы, а уверенность, что она где-то уже видела нечто подобное. Она лихорадочно рылась в своей памяти, пытаясь вспомнить, где могла видеть это. Она обернулась к мужу, чтобы он помог ей вспомнить.

Мальчишеский голос, издавший какой-то воинственный клич, эхом отозвавшийся в гроте, вдруг словно взорван мрак, окутывавший ее память. Да, это было во сне, но сон видела не она, а Флоримон. Она словно снова услышала слова Флоримона, который как-то вечером в замке дю Плесси, когда над ними нависла угроза смерти, сказал ей: «Я видел во сне отца и брата... Кантор плыл на гребне огромной пенной волны и кричал мне: „Иди сюда, Флоримон... Иди играть с нами, это так здорово...“ И они были в стране, где много радуг...»

Глаза Анжелики широко раскрылись. Перед ее мысленным взором возник Флоримон. Радуга проглядывала сквозь листву, внизу пенилась волна...

— Что с вами? — обеспокоенно спросил Жоффрей де Пейрак.

— Не знаю, что со мной случилось, — ответила Анжелика, все еще бледная как мел. — Я уже видела этот пейзаж... во сне. Вернее, не я, а... — она осеклась. — Но как можно увидеть это наяву... — бормотала она сама себе. — Дети обладают даром провидения...

Она не осмеливалась назвать Флоримона по имени.

Их дети продолжали незримо жить между ними. Из-за них он бросил ей самые тяжкие упреки, и она не хотела сегодня, после тех восхитительных часов, которые она провели в объятиях друг друга, вспоминать о том, что осложняло их отношения, служило причиной

мучительного разлада.

Но сейчас ей с удивительной остротой показалось, будто она здесь, рядом с собой, видит своего сына Флоримона.

Уже много лет ей не удавалось вызвать в своей памяти его образ с такой ясностью. Его ослепительная улыбка, его завораживающий взгляд. И его последние слова: «Мама, надо ехать...» Он сказал ей это, чувствуя, что смерть бродит вокруг них, но она его не послушала, и он убежал, побуждаемый жаждой жизни, которая, слава Богу, направляет импульсивные поступки юности. Он не сумел насильно увезти с собой, спасти ни свою мать, ни брата, бедного малютку, но он хотя бы спас свою жизнь. Где он, нашел ли он страну радуг, в которой, как он вообразил себе, его ждут отец и Кантор? Кантор, который умер семь лет назад на Средиземном море...

— Но что с вами? — повторил граф де Пейрак, хмуря брови.

Она выдавила из себя улыбку.

— Ничего. Мне померещилось... Я объясню потом. Каравана не видно?

— Давайте поднимемся на холм, и мы их увидим. Я слышу его приближение, но они двигаются медленно, ведь тропинка узкая.

С небольшой возвышенности, на которой они стояли, устремив взгляд на купу деревьев, они начали различать движение многочисленного отряда. На каменистой дороге скрипели колеса повозок. Сквозь листву проглядывали разноцветные перья. Украшения индейцев-носильщиков? Нет, эти перья украшали шляпы двух всадников, ехавших впереди колонны. И стоило им показаться на лесной опушке, как послышались звуки музыки.

Жоффрей де Пейрак вдруг напрягся.

— Вы видите их? — спросил он.

— Да.

Она приставила руку козырьком ко лбу, чтобы лучше разглядеть.

— Это совсем юноши, мне кажется. Один из них с гитарой в руках...

Слово замерло на ее губах. Ее рука безвольно упала. На какое-то мгновение ей показалось, что жизнь отлетела от нее. Ее тело было здесь, но, лишенное духовной субстанции, оно превратилось в статую, и единственное, что в ней было живо, это глаза, которые неотрывно вглядывались вдаль. Она больше не существовала, она была мертва, но она видела.

Она видела их... этих всадников, что приближались к ним. Особенно одного... первого... и второго тоже... Но первый был более реальным, в то

время как второй, паж с гитарой, казался тенью мертвого.

Они приближались. Сейчас мираж рассеется. Но чем ближе они подъезжали, тем четче становились их черты. Первый — это же Флоримон, его ослепительная улыбка, его живые смеющиеся глаза!

— Флоримон!

Он соскочил с лошади с криком:

— Мама!

И с протянутыми руками бросился к холму.

Анжелика хотела побежать ему навстречу, но ноги у нее подкосились, и она рухнула на колени.

Подбежав, он тоже опустился на колени подле нее, обнял ее за шею, его пышные темные волосы упали ей на плечи, и она прижала его к своему сердцу.

— О, мама, — говорил он, — наконец-то я встретил тебя. Я послушался тебя, я уехал на поиски отца, чтобы он пришел тебе на помощь. И раз ты здесь с ним — значит, он приехал вовремя. Солдаты не причинили тебе зла? Я счастлив, король не упрятал тебя в тюрьму, я так счастлив, мама!..

Анжелика изо всех сил прижимала к себе его хрупкое тело. Флоримон, ее маленький дружок, ее шевалье!

— Я знала, сын мой, — бормотала она срывающимся голосом, — я знала, что найду тебя. Ты пришел в страну радуг, которую видел во сне.

— Да... и я нашел их обоих, и отца, и брата. Мама, смотри... Это Кантор!

***

Второй юноша держался немного в стороне. Флоримон может не робеть, думал он. А он, Кантор, так давно не видел маму, свою фею, свою королеву, пламенную любовь своего детства. Он не был уверен, что найдет в этой стоящей на коленях женщине, которая страстно обнимала Флоримона и растерянно что-то шептала ему, ту, прежнюю свою маму. Но она позвала его, раскрыв ему объятия, и он бросился к ней. Теперь он хотел укрыться в этих руках, которые когда-то давно убаюкивали его. Он узнавал аромат своей мамы, ее нежную грудь и особенно ее голос, который возбуждал столько воспоминаний о вечерах, проведенных вместе у очага, когда они беседовали или когда она, уезжая ко двору, приходила поцеловать его, такая восхитительная в своих пышных нарядах.

— О, дорогая мама!

— Дети мои, дети мои!.. Но это невозможно, Флоримон, откуда здесь Кантор? Он же погиб на Средиземном море!

Флоримон весело и чуть иронично рассмеялся.

— Ведь ты не знаешь, мама, что это наш отец атаковал флот герцога Вивонна, и атаковал именно потому, что на борту его корабля был Кантор. Он это знал и хотел забрать его.

«Он это знал!»

Это были первые слова, которые дошли до сознания Анжелики с той потрясшей ее минуты, когда она разглядела в чертах двух всадников, на которых ей указал Жоффрей де Пейрак, дорогие черты своих оплаканных сыновей.

«Он это знал!» — снова проносилась в ее голове мысль.

Значит, те, что они перед нею, — это не сен.

Она столько лет оплакивала их, а они были живы. Жоффрей де Пейрак «забрал» Кантора и отыскал Флоримона, и все это время она, Анжелика, сходила с ума от горя. Когда она наконец осознала реальность, первой ее реакцией был безудержный гнев. И прежде чем Жоффрей де Пейрак успел предупредить ее жест, она вскочила, бросилась к нему и вlepила ему пощечину.

— Вы это знали, вы это знали! — кричала она, обезумев от ярости и боли. — И вы ничего не сказали мне! Вы оставили меня плакать от отчаяния, вы радовались моим страданиям! Вы чудовище! Вы ненавидите меня!.. Вы ничего не сказали мне ни в Ла-Рошели, ни во время плавания... ни сегодня ночью, даже сегодня ночью... Господи, за какие грехи судьба связала меня с таким чудовищем, я не хочу больше видеть вас...

Она бросилась от него прочь. Он удержал ее, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы она не вырвалась.

— Оставьте меня! — вопила Анжелика, отбиваясь. — Я никогда не прощу вам этого, никогда... Теперь я знаю, вы не любите меня... Вы никогда меня не любили... Отпустите меня!

— Куда вы намерены бежать, безумица?

— Подальше от вас... навсегда.

У нее не хватило сил бороться с ним. Боясь, как бы она не вырвалась и не сотворила какую-нибудь непоправимую глупость, граф де Пейрак крепко держал ее. Анжелика задыхалась, но не столько от его железных объятий, сколько от избытка чувств, в которых сплелись и возмущение, и безумная радость, ей не хватало воздуха, ее волосы, показалось ей, стали вдруг свинцовыми и своей тяжестью потянули голову назад.

— О, мои сыновья! Мои сыновья! — стонала она.

И ее обмякшее тело со смертельно бледным запрокинутым лицом, с закрытыми глазами безвольно упало на руки Жоффрея де Пейрака.

— Уф, моя грозная любовь!.. Вы порядком напугали меня!

Анжелика постепенно приходила в себя. Она лежала на ложе из листьев в индейской хижине, куда ее, лежащую в беспомощности, на руках перенес муж. Он стоял рядом, склонившись к ней, и первым ее побуждением было оттолкнуть его.

— Нет, на этот раз все кончено, я не люблю вас больше, господин де Пейрак, вы причинили мне слишком много страданий.

Он не улыбнулся с иронией, как обычно, с силой удержав ее руку, которую она пыталась вырвать, сказал слова, каких она никогда от него не слышала:

— Простите меня.

Она бросила на него быстрый взгляд. Она чувствовала, что готова разрыдаться, но снова яростно затрясла головой. Нет, она не простит его никогда, он играл ее материнским сердцем. Как мог он мучить ее упреками в том, что она потеряла их, хотя прекрасно знал, что они живы и ждут ее в Америке, в Гарварде, и что это он спровоцировал «смерть» Кантора, не подумав о том, сколько слез прольет она, его мать, узнав об исчезновении сына. Как мог он так равнодушно отнестись к женщине, которая когда-то была его женой! Значит, не зря она думала, что он никогда по-настоящему не любил ее!

Она хотела встать, отойти от него, но была еще слишком слаба и не смогла увернуться от его рук, которые нежно обнимали ее.

— Простите меня! — повторил он совсем тихо.

Она уткнулась лицом в его твердое плечо. Лишь бы не видеть его вопрошающего взгляда.

— Вы знали и ничего не сказали мне. Вы хотели, чтобы я продолжала страдать, чтобы горе пожирало мое сердце, хотя одно ваше слово могло вернуть мне радость жизни. Вы ничего не сказали мне ни когда нашли меня, ни на суде... Даже сегодня ночью, — разрыдалась она вдруг, — даже сегодня ночью...

— Сегодня ночью?.. О, душа моя!.. Сегодня ночью вызахватили все мое существо. Сегодня ночью вы принадлежали мне, и я ревниво, эгоистично не хотел никого между нами. Я и так достаточно долго делил вас со всей вселенной. Дорогая, это верно, я резок и иногда несправедлив, но я никогда бы не мучил тебя так жестоко, если бы не любил безумно. Ты единственная женщина, которая сумела заставить меня страдать. Мысль о твоём предательстве долгое время каленым железом жгла мое сердце, которое я считал неуязвимым. Сомнение отравляло мои воспоминания, ты представлялась мне легкомысленной, бессердечной, равнодушной к нашим сыновьям. И обретая тебя, раздираемый, с одной стороны, сомнениями, а с

другой — непреодолимой тягой к тебе, я решил тебя испытать, решил узнать, кто ты, понять, не играешь ли ты немного, ведь это так свойственно всем женщинам. Я снова обрел жену, но не мать моих сыновей. Я хотел знать... то, что узнал сейчас, когда увидел тебя во время этой неожиданной для тебя встречи.

— Я думала, что умру, — прошептала она, — Ах, своей злобностью вы чуть не довели меня до смерти.

— Тот страх, который я испытал, увидев тебя в таком состоянии, был мне наказанием за мою жестокость по отношению к тебе. Значит, ты их очень любишь?

— Как можете вы сомневаться! Ведь я воспитала их, ради них я отказывала себе в куске хлеба...

Она удержала фразу, которая чуть было надорвалась с ее губ: «Я продавала себя ради Них». Она не произнесла ее, но от этого ее горечь только возросла.

— Я только один раз подвела их, когда объяснялась с королем, отвергла его притязания, чтобы не предать вас, и сейчас очень сожалею об этом, потому что бросилась в пучину несчастий ради, человека, который даже не ценит меня, человека, который презирает, отвергает меня, человека, который не заслуживает любви женщины, готовой умереть за него. О, женщины так льстят вам, что вы воображаете себе, будто можно безнаказанно играть с их сердцами.

— И тем не менее, — сказал Жоффрей де Пейрак, поднося палец к щеке, — вы дали мне пощечину, сударыня.

Анжелика вспомнила об этом и втайне пожалела о своем; поступке. Но она не хотела, чтобы он почувствовал ее раскаяние.

— И не жалею об этом. Впервые, господин де Пейрак, вы расплатились, как должно, за свои мистификации дурного вкуса и... — она посмотрела ему прямо в лицо, — ваши измены... ваши тоже...

Он принял удар с большим хладнокровием, но в глазах его сверкнули веселые искорки.

— В таком случае мы квиты?..

— Это было бы слишком легко, сударь! — сказала Анжелика, почувствовав прилив сил, питаемых боевым духом.

Да, его измены! Его женщины на Средиземноморье, которых он щедро одарял в то время, когда она влачила жизнь в нищете и убожестве, его равнодушие к судьбе матери своих сыновей...

Если бы он так крепко не прижимал ее к груди, она бы высказала ему все, что думает о нем. Но он откинул назад ее голову и ласково вытер ей

мокрые от слез щеки.

— Простите меня, — повторил он в третий раз.

Анжелике пришлось собрать, всю свою волю, чтобы заставить себя уклониться от его уст, она отвернулась, и упрямо ответила:

— Нет!

Но он прекрасно знал, что, держа ее в своих объятиях, обладает неодолимым средством одержать победу. Его руки преграждали дорогу одиночеству, защищали ее, баюкали, ласкали — это было то, о чем она грезила вен» свою жизнь. Мечта всех женщин мира скромна и необъятна: любовь.

Придет вечер, и все вернется на круги своя. Вечером она снова, будет в его объятиях, и потом еще, и так — все вечера-до конца своей жизни...

Она сумеет сделать пылкими их ночи. А днем она будет жить вблизи него, озаренная непобедимым светом его присутствия. В этой живой жизни не будет гнева, сколь справедливым он ни был бы, гнева, который мог бы разрушить такой наслаждение.

— О, какая же я трусиха, — вздохнула она.

— Bravo! Толика трусости к лицу вашей властной красоте. Будьте трусливой, будьте слабой, моя дорогая, вам это очень идет.

— Я должна была бы ненавидеть вас.

— Не лишайте себя этого, любовь моя, но при условии, что вы по-прежнему будете любить меня, Скажите, милая, не думаете ли вы, что нам пора соединиться с сыновьями и успокоить их, сказать, Что их родители, наконец-то нашедшие друг друга, пребывают в полном согласии?.. Они столько всего хотят рассказать вам...

Анжелика пошла, пошатываясь, словно после тяжелой болезни. Невероятное видение не рассеялось, Флоримон и Кантор, обнявшись, как в детстве, смотрели, как они идут к ним.

Она закрыла глаза и возблагодарила Бога.

Это был самый прекрасный день в ее жизни.

***

Флоримон рассказал о себе. Он считал, что в его одиссее не было ничего особенного. Он уехал с Натанаэлем, своим молодым другом-соседом, даже не подозревая, что тем самым избежал резни, которая несколькими часами позже началась в их дворце и целью которой было уничтожить всю их семью. Изрядно побродив по стране; они в одном бретонском порту нанялись юнгами на корабль. У Флоримона была навязчивая идея попасть в Америку, чтобы отыскать своего отца, и он нашел там подтверждение своим надеждам, когда, высадившись в

Чарльстоне и не переставая расспрашивать всех, как он делал постоянно во время своих странствий, не знает ли кто-нибудь о французском дворянине по имени Жоффрей де Пейрак, в конце концов встретил коммерсантов, которые вели дела с графом де Пейраком, когда тот приезжал в Бостон строить по своим чертежам корабль для плавания — в северных морях.

Граф де Пейрак тогда как раз начинал осваивать Мэн. И вот один из его знакомых привел к нему Флоримона.

Кантор тоже считал свою историю заурядной. И он отправился на поиски отца, только на море, и в первые же дни плавания отец на великолепном трехмачтовом паруснике предстал перед ним, чтобы принять его в свои объятия.

Флоримон и Кантор, которые умоляли отца найти Анжелику, несколько не удивились, увидев, что он вернулся с ней. Жизнь для них была цепочкой благоприятных событий, которые, естественно, должны кончиться так, как хотят они. Они были бы очень изумлены, если б им рассказали, что на свете есть несчастливцы, которые за что ни возьмутся, все у них не ладится, хотя они и стараются добиться своего. Совершенно очевидно, что вера Флоримона и Кантора в жизнь и в самих себя была нерушима, и к сообщению, что они вместе отправляются в глубь страны, они отнеслись как к вести о восхитительных каникулах.

Глава 47

— А где аббат? — спросил Флоримон.

— Какой аббат?

— Аббат де Лесдигьер.

Анжелика смутилась. Как объяснить этому юноше, еще почти ребенку, что его любимый учитель мертв, повешен? Она заколебалась. Но Флоримон, кажется, все понял. Его лицо омрачилось, и он уставился вдаль.

— Жаль, — сказал он. — Мне так хотелось встретиться с ним.

Он сидел на выступе скалы рядом с молчаливым Кантором, который время от времени пощипывал струны гитары. Анжелика села рядом. День клонился к вечеру. Флоримон и Кантор, хорошо знавшие эти места, показали ей очаровательные бухты и бухточки этого странного берега, который словно щупальцами осьминога охватывал голубой залив со сверкающими излучинами, держащими взаперти розовый фарфор скал, зелеными, словно отшлифованными полуостровками, такими крохотными, что они казались рептилиями, застывшими на поверхности воды угрями. И сколько же было здесь таких уединенных уголков, скрытых от глаз людских бухточек, которые каждый житель, каждая новая семья могли бы сделать своей вотчиной, найти в их тиши душевный покой, а для пропитания — рыбу и дичь!

Между заостренными хребтами островов, оцетинившихся лесами, в прозрачной глубине моря происходило какое-то бесконечное движение, отчего вода казалась муаровой. Берега были разные по цвету. Красные и розовые, а иногда белые, как тот, на котором возвышался небольшой личный форт графа де Пейрака. Белоснежный берег, ласкаемый морем, которое, набегая на песок цвета меда, вдруг истомленно замирало с необычной, удивительной для этих суровых прибрежных мест нежностью.

Онорина носилась вокруг них, собирала ракушки и складывала их на колени Анжелике.

— Отец сказал мне, что Шарль-Анри умер, — нарушил молчание Флоримон. — Его убили королевские драгуны, да?

Анжелика молча кивнула.

— И аббата тоже?

И так как она не ответила, Флоримон вскочил и выхватил из ножен шпагу.

— Мама, — сказал он с жаром, — хотите, я поклянусь, что отомщу за

них обоих, поклянусь вам не иметь ни сна, ни отдыха, пока не перерублю всех солдат короля Франции, которые попадутся мне на пути? Ах, я так радовался, когда служил королю, но теперь уже все! Я никогда не прощу убийцу маленького Шарля-Анри! Я убью их всех!

— Нет, Флоримон, — сказала она, — нет. Никогда не произноси таких клятв, таких слов. Отвечать на несправедливость ненавистью? На преступление — местию? Ты знаешь, к чему это приведет тебя? Тоже к несправедливости, к преступлению — и все начнется сначала.

— Это слова женщины! — сказал Флоримон, весь дрожа от горя и возмущения.

Он всегда думал, что в жизни все в конце концов улаживается: если ты беден, стоит немного приложить усилия, и станешь богатым, а если ты слишком вызываешь зависть и тебя того и гляди отравят, достаточно сохранять немного хладнокровия и не упустить даже малейшего шанса для спасения. Когда-то он нашел в себе смелость оставить все и отправиться на поиски пропавших брата и отца, и тут же совершается маленькое чудо — он находит их обоих, живыми. И вот теперь, впервые в своей жизни, он оказался перед фактом ужасным, непоправимым: смертью Шарля-Анри.

— Но он правда умер? — со страстью в голосе, надеясь на чудо, спросил он.

— Я своими руками положила его в могилу, — глухо ответила Анжелика.

— Значит, я никогда больше не увижу своего младшего братика? — голос Флоримона осекся. — Я так хотел... Я ждал его... Я был уверен, что он приедет... Я хотел показать ему наш красный гранит... и малахит с Медвежьего озера. И еще много разных минералов, которые таит в себе эта земля: стоит только поискать. А теперь к чему все это? Я ведь уже так многому научил его...

Тонкая шея Флоримона дрожала от рыданий, которые он тщетно пытался удержать.

— Ну почему, — вскричал он в запальчивости, — почему ты не позволила увезти его с собой, когда еще была не поздно? Почему я не вернулся назад, чтобы перерезать всех этих подлецов?

Он яростно размахивал своей шпагой.

— Бог не должен был допустить этого. Больше я не стану молиться ему!

— Не богохульствуй, Флоримон, — строго сказала Анжелика. — Твое возмущение бесплодно. Последуй мудрости своего отца, который требует от нас, чтобы мы не привносили на эту землю свои старые ненависти. Если

мы будем проклинать минувшее, отягощать свои души ошибками прошлого, то это скорее приведет нас ко злу, а не к добру. Надо смотреть вперед: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» — сказано в Священном Писании. А ты подумал, Флоримон, какое это чудо — то, что мы сегодня все вместе. И то, что я здесь, с вами, — тоже чудо: сто раз я должна была умереть...

Он снова вздрогнул, и в его красивых черных глазах отразился весь пыл его юности.

— Помилуй, это невысказано, ты не можешь умереть!

Он опустил перед нею на колени, обнял за талию и прижался лбом к ее плечу.

— Мама, дорогая, ты будешь жить вечно, это же ясно сами собой!

Она снисходительно улыбнулась этому юному верзиле, переросшему мать на несколько дюймов, но оставшемуся ребенком, который еще нуждается в ней, нуждается в том, чтобы его пожурили, наставили, чтобы ему дали совет.

Она погладила его гладкий лоб, его блестящие волосы, черные, как вороново крыло.

— А ты знаешь, что сегодня здесь родился мальчик и его назвали Шарлем-Анри? Кто знает, не вернулась ли к нам в его облике маленькая душа твоего братика? Вот его ты и сможешь научить всему...

— Да.

Он подумал, нахмурив брови.

— Да, я уже столько всего знаю, — вздохнул он, словно печалась, что ему теперь не с кем поделиться своими знаниями, — а вся эта детвора, которую вы привезли сюда, умеет только мямлить Библию и очень нуждается в том, чтобы ее кое-чему обучили. Держу пари» они не отличат кварц от полевого шпата и даже не подозревают, что такое настоящая охота. Верно, Кантор?

И не дожидаясь, когда мечтательно дощипывающий струны гитары Кантор ответит, он рассказал, как они, юные европейцы, приобщались к суровой жизни среди дикой природы. Вместе с индейскими ребятами, «этими папуасами», Кантор и он научились бесшумно — «чтобы даже злая норка не успела удрать» — ходить по шелестящей листве, перебираться по ветвям о дерева на дерево, прятаться в шкуры убитых животных, чтобы обмануть дичь, завлечь ее, приманить и завладеть ею. Да, это была настоящая жизнь, где сноровка каждого вознаграждалась, и им помогали постичь все это индейцы, ведь они благородны от рождения. Кантор и он научились стрелой на лету останавливать стрелу, пущенную товарищем.

Но самое увлекательное — это зимняя охота, Тогда крупные животные, окоченев от холода, с трудом идут, с каждым шагом увязая в снегу, а их преследователи, легкие и неслышные на индейских снегоступах, без страха приближаются к ним и поражают уверенно пущенными стрелами.

А еще так же ловко, как и стрелами из лука, они поражали гарпуном рыбу. Пронзив ее, они бросились в ледяную воду, чтобы подтянуть добычу к берегу. Вот это была настоящая жизнь! Прекрасные пловцы, они без страха пускались на легких каноэ из березовой коры в самый бурный поток. А если рядом оказывались лососи, тут уж нужно было держаться — лососи устраивают настоящие водовороты!

— А я-то подумала, что, высунув от усердия языки, перемазанные чернилами, вы просидели все время в Гарварде, — сказала, поддразнивая их, Анжелика.

Флоримон вздохнул.

— И это тоже случается.

Да, часть года они проводят на скамьях известного колледжа. Там на каждого ученика больше профессоров, чем в Париже. В Америке обучение очень ценится, и Мэн в этом занимает первое место. Да, он, Флоримон, сможет быть первым только в математике и физике. Но все его помыслы здесь, в лесу, слава Богу, наконец-то отец согласился взять их с собой в экспедицию. Они скорее всего пойдут к зеленым Аппалачским горам, где обычно охотятся на бурых медведей, а может, еще дальше, до страны Великих озер, где берет свое начало Отец Рек.

— А здесь, в Мэне, говорят, тоже много озер?

— Эка невидаль! Мы их здесь называем «прудами. Нужно быть тщедушным европейцем, чтобы рассказывать, что в Мэне, мол, кроме Онтарио, имеется пять тысяч озер. Да их здесь пятьдесят тысяч, и один Гудзон гораздо больше, чем ваше знаменитое Средиземное море!

— Мне кажется, ты скоро станешь, как Кроулей или как... Никола Перро... траппером...

— Хотелось бы надеяться, но они такие трапперы, что мне до них еще ох как далеко, к тому же отец все время твердит нам, что наше время требует более упорных занятий, чем было раньше, ведь надо научиться еще глубже проникать в тайны природы.

— А Кантор разделяет твоё мнение? — спросила Анжелика.

— Конечно! — непререкаемым тоном ответил Флоримон, не давая слова молвить младшему брату, который только пожал плечами. — Конечно, — повторил Флоримон дискантом, напомнившим его голосок в детстве. — Кстати, Кантор гораздо лучше меня плавает на волне, но, надо

сказать, он и начал это гораздо раньше, чем я. И потом, у него больше морских навыков, потому что он отправился в плавание, когда я еще был с тобой. А я за время своего плавания успел научиться только, обдирая пальцы, вязать узлы, да еще, надо быть справедливым, с помощью секстана определять местонахождение судна по Полярной звезде и солнцу... — У Флоримона даже перехватило дыхание, настолько воспоминания взбудоражили его.

Кантор улыбнулся, но опять промолчал.

Непосредственность Флоримона без труда вычеркнула годы разлуки. Он не колеблясь обращался к матери на «ты», как в детстве. С первых же мгновений она вновь обрела в нем бойкого и ласкового друга своих мрачных дней.

Более сложно, оказалось найти путь к Кантору. Она рассталась с ним, когда он был еще совсем ребенком, кстати, и тогда уже скрытным. А встретила крепкого подростка, очень своеобразного, который много лет был лишен женского влияния.

— А ты, Кантор? Ты помнишь свое детство?

Он застенчиво опустил ресницы и тонкой рукой взял несколько аккордов на гитаре.

— Я помню Барбу, — сказал он. — Почему она не приехала с вами?

Анжелика собрала всю свою волю, чтобы не выдать себя. На этот раз у нее не хватило мужества сказать правду.

— Барба оставила меня. Около меня уже не было столько маленьких мальчиков, о которых надо было заботиться. Она вернулась в свою деревню... Она... вышла замуж...

— Вот и хорошо, — сказал Флоримон. — Впрочем, она относилась к нам как к малышам, а мы и тогда уже вышли из младенческого возраста. Да и нельзя, чтобы в такой экспедиции, которая нам предстоит, было много женщин.

Кантор вдруг посмотрел на нее широко открытыми зелеными глазами. Казалось, он наконец собрался с мужеством.

— Мама, — спросил он, — вы решили слушаться отца во всем?

Она не подала виду, что ее удивил этот вопрос, заданный таким непреклонным тоном.

— Конечно, — сказала она, — ведь он мой супруг, и я должна подчиняться ему во всем.

— Однако, — сказал Кантор, — сегодня утром вы не очень-то подчинялись ему. Наш отец — человек волевой, и он не любит, когда бунтуют. Мы с Флоримоном так боимся, что все это кончится плохо и вы

нас снова покинете.

От такого упрека Анжелику едва не бросило в краску. Но она предпочла не извиняться перед сыновьями за свою несдержанность, я постараться объяснить им, чтобы они поняли.

— Видите ли, ваш отец вообразил себе, что я вас не люблю, что я, вас никогда не любила! Как тут было не выйти из себя? Он даже не подумал утешить мое материнское сердце, не сказал мне, что вы живы. Радость и потрясение совсем лишили меня разума. Это я признаю. Я рассердилась на него за то, что он заставил меня так долго страдать, а ведь единственное слово могло бы сделать меня счастливой. Но не бойтесь ничего. Ваш отец и я теперь знаем, что мы соединились навсегда, и наш союз — это не то, что можно разрушить случайной ссорой. Теперь ничто нас не разлучит.

— Вы его любите?

— Да, я люблю его! О, дети мои, он единственный мужчина, который был дорог мне в жизни, который навсегда покорило мое сердце. Я много лет считала, что он мертв. Я вынуждена была одна биться за жизнь, дать возможность достойно жить вам, дети мои. Но я никогда не переставала сожалеть о нем, оплакивать его. Вы верите мне?

Они серьезно кивнули. Сыновья тем более охотно прощали ей ее срыв, что причиной его были они сами. Взрослые не всегда ведут себя разумно. Но главное — их родители любят друг друга и больше не разлучатся.

— Значит, — настаивал Кантор, — вы больше не покинете нас?

Анжелика притворно возмутилась.

— Мне кажется, мои дорогие мальчики, вы ставите все с ног на голову. Разве не вы ушли от меня по собственной воле, даже не обернувшись, не заботясь о том, сколько слез я пролью из-за разлуки с вами.

Они переглянулись с искренним удивлением.

— Да, слез, — повторила она. — И каким страшным ударом, Кантор, было для меня известие, что ты утонул вместе со всей свитой герцога де Вивонна.

— Вы плакали из-за меня? — спросил он, словно не веря.

— Я стала совсем больной из-за этого... Я искала тебя целыми днями. Иногда мне чудились звуки твоей гитары...

Лицо Кантора просветлело. Волнение вдруг сделало его еще моложе, он снова стал маленьким мальчиком из Отеля дю Ботрей.

— Если б я знал, — сказал он с сожалением в голосе, — я бы написал

вам письмо, написал бы вам, что я с отцом. Но мне и в голову такое не пришло. — И добавил: — Правда, я ведь тогда и писать еще не умел.

— Все прошло, Кантор, дорогой мой. Теперь мы все вместе. Все хорошо. Все так прекрасно.

— Вы останетесь с нами? И будете любить нас? А не других, как в последние годы?

— Не понимаю...

— Мы здесь поспорили с одним мальчишкой... Как его зовут, Флоримон?.. Ах да, Марциал Берн. Он говорит, что знает вас лучше, чем мы, и что вы долгое время жили в их доме и относились к ним как мать... Но это же неправда... Он же вам совсем чужой. Вы не должны любить его так же, как нас. Ведь ваши сыновья — мы, а вовсе не они.

Она забавлялась их возмущением.

— Неужели моя судьба всю жизнь жить среди ревнивых мужчин, которые желают держать меня только при себе? — спросила она Кантора, пощипывая его подбородок. — Что со мной станется, если меня так свирепо охраняют? Это меня даже тревожит. Ну, тем хуже, видно, придется покориться своей судьбе.

Оба сына от души расхохотались. Этим юным мужчинам, которые уже начинали задумываться над тайнами любви, она казалась самой прекрасной из женщин. И их сердца переполнялись гордостью, когда они думали, что эта женщина — их мать. Их. Только их.

— Ты принадлежишь нам, — сказал Флоримон, прижимая ее к своей груди.

Она нежным взглядом посмотрела на них.

— Да, я принадлежу вам, любимые мои, — прошептала она.

— А мне? — спросила Онорина, которая уже давно притулилась рядышком и неотрывно смотрела на них.

— Тебе? Тебе я давно принадлежу, цыпленок. Ты уже давно превратила меня в рабыню!

Слово «рабыня» и сама мысль позабавили девочку.

Она рассмеялась и сделала несколько пируэтов. Ее обычная веселость вернулась к ней, как только она избавилась от беспокойства.

Она вдруг бросилась животом на песок и уткнулась подбородком в сложенные руки.

— А какой завтра будет сюрприз? — спросила она.

— Сюрприз? Ты думаешь, сюрпризы у нас будут каждый день? У тебя уже есть отец, братья... Что тебе нужно еще?

— Сама не знаю.

И охваченная вдохновением, таким же внезапным, как ее счастье, она предложила:

— Может быть, пусть будет немножечко войны?

Она сказала это так, словно речь шла о куске пирога, и братья рассмеялись.

— Смешная она, эта девочка! — воскликнул Флоримон. — Я рад, что у меня такая сестричка.

— Мама, хотите, я вам что-нибудь спою? — спросил Кантор.

Анжелика обвела взглядом обращенные к ней лица своих детей.

Ее сыновья были красивые и здоровые. Они любили жизнь, которую она дала им, и они не боялись ее. Радость выплеснулась из ее сердца, как благодарственный молебен.

— Да, спой, — сказала сна, — спой, сын мой! Сейчас самое время. Я думаю, сейчас нам самое время петь.

Глава 48

Экспедиция тронулась в путь в последнюю неделю октября. К слугам-индейцам, к испанским солдатам, в обязанности которых входило защищать конвой, присоединились несколько членов экипажа «Голдсборо» и трапперов. Три повозки были доверху нагружены провизией, инструментами, мехами и оружием.

Жоффрей де Пейрак и Никола Перро стали во главе колонны, и конвой тронулся, покидая окрестности форта Голдсборо. В лагере Шамплена они ненадолго остановились. Потом снова двинулись, теперь уже по направлению к лесу. Почти в темноте, потому что осенью темнеет рано. На золотом фоне заката склоняли ярко-красную листву буки и клены.

Белые или гнедые лошади под воинами в черных доспехах, под украшенными перьями индейцами и вооруженными мушкетами бородачами, впереди которых ехал дворянин, похожий на конкистадора, выходили на эту красочную декорацию, напоминающую королевский гобелен.

Юный паж наигрывал на гитаре какую-то веселую мелодию в такт ходу лошади, стук копыт которой приглушался мхом, которым поросла тропинка.

Онорина сидела в седле вместе с Флоримоном, отныне он стал ее любимцем.

Когда перешли вброд первую речушку, Анжелике передали, что ее требует граф де Пейрак, и она, догнав голову колонны, присоединилась к мужу.

— Я хочу, чтобы вы ехали рядом со мной, — сказал он.

В обрамлении черного капюшона лицо Анжелики, ее зеленые глаза, ее золотистые волосы, купающиеся в каком-то нереальном свете, который проникал сквозь листву, казалось наделенным таинственной красотой. Она всегда принадлежала лесу. И лес принимал ее.

— Неужели это Ньель вернулся ко мне? Только здесь лес гораздо выше, краски ярче...

Жоффрей де Пейрак галопом поднялся на холм, она последовала за ним.

— Вот отсюда мы в последний раз можем взглянуть на океан. Больше мы его уже не увидим.

По сравнению с огромным позолоченным пространством, границы

которого терялись в легком тумане, берег казался узким розовым рожком луны на краю темно-синего моря.

Немного дальше, около лагеря Шамплена, сквозь деревья можно было видеть, как берег запустил свои щупальца в пенящиеся волны. Отсюда, с холма, лагерь выглядел крохотным пятнышком, зажатым со всех сторон могучей природой, и хрупкость его сжимала сердце. С трудом различимые человеческие фигурки казались затерянными между двумя безграничными пустынями — морем и лесом.

И все-таки там была жизнь, там была их единственная связь с остальным миром.

Посмотрев в последний раз на море и лагерь, они свернули направо. Занавес из деревьев сомкнулся за ними, море исчезло. Теперь их окружали только пышные вековые деревья, листва которых уже была в основном красной, оранжевой и темно-золотой. Между ветвями блестело сине-зеленой гладью озеро. К нему пришел на водопой лось. Когда он поднял голову и посмотрел назад, его рога стали похожи на темные крылья.

Да, здесь нельзя забывать, что за тонкоствольными березами и мощными дубами идет своя жизнь, и кого в этих лесах только нет: лоси, медведи, олени, волки и шакалы, множество небольших пушистых? зверушек — бобры, норки, серебристые лисы, горностаи. А на ветвях деревьев — множество птиц.

Жоффрей де Пейрак снова с беспокойством посмотрел на Анжелику.

— Вы не боитесь? И не сожалеете?

— Боюсь? Я боюсь только, одного — не понравится вам. Сожалею? Да, сожалею о том, что столько лет прожила вдали от вас.

Он властным и ласковым движением положил руку ей на затылок.

— Мы постараемся быть вдвойне счастливыми. Девственный континент, который ждет нас, надеюсь, будет менее жесток к нам, чем пресыщенный Старый Свет. Природа благосклонна к влюбленным... Изолированность от мира и опасности сближают их, в то время как в старом мире людская зависть только и ищет, как бы разлучить любящие сердца. Впереди нас ждут многие испытания, но ведь мы будем любить друг друга, не правда ли, сударыня? И быть может, мы отыщем Новумбегу, большой индейский город; с башенками из горного хрусталя, со стенами, покрытыми золотыми листьями и инкрустированными геммами. А пока нам дарованы золотые листья деревьев и удивительная, отливающая всеми цветами радуги тонкая пелена тумана. Жить в этой стране все равно что жить в сердце бриллианта, в котором каждая грань струит свет. Вот наши владения, королева моя, вот наши дворцы...

Он еще крепче прижал ее к себе, прильнул щекой к ее щеке. Потом поцеловал ее в уголок губ, шепча безумные слова.

— Моя героиня, моя амазонка, моя воительница... Сердце мое... Душа моя... Жена моя...

В последнее слово он вложил все свое чувство. Потому что произносил его, охваченный заново вспыхнувшей любовью и предчувствием, что им предстоит долгая спокойная жизнь в заботах и нежности. Он нашел ту женщину, которая была необходима ему для того, чтобы жить, необходима, как собственное сердце. Жена... Теперь она будет не в отдалении, непонятная и порою даже враждебная, но с ним, будет: его верной подругой, делящей с ним его жизнь, его мужские заботы.

Он постиг тайну любви. Сидя рядом друг с другом на замерших лошадях, они вкушали мгновенье безоблачного счастья. И то, что они находились в пути, как бы делало их странниками любви.

Они отказались от компромиссов, отказались равняться на посредственностей, они, как и их предки, знатные дворяне, не колеблясь вступили в борьбу, воевали, уехали за тридевять земель, потеряли все свои богатства и титулы, и вот — завоевали сокровище жизни, таинственное и неоценимое, которое дается лишь странствующим рыцарям, — любовь.

— Ты просто создана для меня, — сказал он.

Голос его дрожал, и это наполнило, Анжелику счастьем. Теперь она знала, что, пройдя через такие испытания, она наконец пришла к своей цели, к тому, к чему стремилась все эти годы: найти его, быть в его объятиях, владеть его сердцем.

Жизнь открывалась их любви.

---

notes

1

Порт — отверстие для жерла пушки в борту судна. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

Старое название Крита и его столицы.

3

Название провинции, в которую входила Ла-Рошель.

4

Слова, произносимые священником во время брачной церемонии.

5

Канат или трос, уложенный кругами, цилиндром или восьмеркой.

Коммандитист (от фр. *commandite* — «товарищество на вере») — вкладчик коммандитного товарищества.

Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед его пророк (араб.).

9

Горе побежденный! (лат.)

10

Святая мадонна, так ты католичка, дорогая девочка? (ит.).

Барака — благодать, благословение (араб.).

12

Древнее название Гибралтара.

Глазами очевидца (лат.).

14

Песчаная наносная отмель, часто меняющая свое положение.

Кабестан — лебедка с вертикальным валом.

Землянка (англ.).

Черника (англ.).

Горе побежденным (лат.)

Миледи. Моя хижина к вашим услугам (англ.).

Кладовке (англ.).

Мебель для вашего дома (англ.)

Идемте!.. Идемте!.. (англ.)

23

Нет (англ.).

Сегодня (англ.).

Да (англ.).